Историческая библиотека

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)
К78

KLEINE DEUTSHE GESCHICHTE

Перевод с немецкого К.В. Тимофеевой

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн М.Р. Хафизова

Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андреас
К78 Гестрих, Ульрих Херманн и др.; пер. с нем. К.В. Тимофеевой. — СПб.: Евразия, 2008. — 542, [2] с.

ISBN 978-5-8071-0306-2 (С.: Ист.библ.(84))

ISBN 978-5-8071-0316-1 (С.: Ист.библ.(новая))

«Краткая история Германии» — обобщающий исторический труд, написанный ведущими немецкими историками и предлагающий читателю широкую панораму социального, политического и культурного развития страны от раннего Средневековья до наших дней. История Германии неразрывно связана с историей России, и тем более интересно проследить, какую оценку различным аспектам и этапам взаимоотношений наших стран дают западные исследователи. В данном случае «взгляд изнутри» может придать дополнительный объем тем представлениям об истории Германии, к которым мы привыкли.

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)

© Philipp Reclam jun.Gmb H & Co., Stuttgart, 1995. 2006
© Перевод. К.В. Тимофеева, 2008
© ООО «Издательство Евразия», 2008

Ульрих Херманн

Введение
ЧТО ТАКОЕ «ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ»?

Книга, которая лежит перед вами, рассказывает об «истории Германии» от Средневековья до наших дней. Но существует ли вообще «история Германии»?

Прежде чем погрузиться в чтение и обратить свой мысленный взор на картины «немецкой истории», стоит, наверное, сначала уяснить, что это, собственно говоря, такое — «история Германии»? Что имеется в виду или что может быть так названо? Ведь рассказ о прошлом и настоящем предполагает формулировку предмета разговора. И здесь существует множество возможностей: история народа, нации или государства, история событий на определенной территории, социальная история или история культуры. О чем пойдет речь в «истории Германии», во многом зависит от рассказчика, от его точки зрения и круга интересов.

Возможна ли история Германии как история «немецкого народа»? Наверное, нет, так как на протяжении веков не было четких границ поселений и языкового и культурного пространства «немцев». Возможно, их объединяло какое-то — более или менее сильное — чувство солидарности, сохраняемое, невзирая на политические границы, даже переселенцами в обособленных колониях в Европе и Америке. Однако, как правило, у них не было общего прошлого и, соответственно, не было общей истории.

Конечно, с момента раздела империи франков после Карла Великого и перехода власти от франков к саксам началось постепенное разделение (в том числе и в сознании современников) франков и «немцев», проживавших к востоку от Рейна; появилось новое образование — regnum teutonicum. Но пока речь не шла о «немецком» национальном самосознании или о «германском» государстве с четкими территориальными границами. Все это появляется лишь в XI в. До этого «немцы» — это скорее население Священной Римской империи, простиравшейся от берегов Балтийского моря до Сицилии.

Эпоха «немецкой нации» в составе Священной Римской империи, которая в качестве формы правления сложилась в XV в., завершилась лишь в 1806 г., когда Франц II сложил с себя императорскую корону. В империи «немцы» не были организованы ни как государство, ни как нация, а различные немецкоговорящие группы населения сумели отвоевать политическую независимость (например, голландцы и швейцарцы в конце Тридцатилетней войны). Более того, внутри этого союза отдельные имперские княжества — например, Пруссия и Австрия в XVIII в. — воевали друг с другом. Очевидно, что ни общий язык, ни принадлежность к империи не обеспечивали единого «национального» сознания и самовосприятия себя в качестве «немцев». В то время «немцы» не были нацией или государством в «политическом» смысле; они жили в «Германии», границы которой не были четко определены; в «культурном» смысле они тоже не были народом: не объединенные общим вероисповеданием, они ориентировались на землячества, формировавшиеся вокруг многочисленных городов и резиденций. Шиллер и Гете описали эту ситуацию в двух ставших знаменитыми «Ксениях» (№ 95 и 96):

Германская империя

Германия? Но где это? Я не сумею страну отыскать:
где в теории только начало, в политике уже и конец.

Немецкий национальный характер

Напрасно надеетесь нацией стать, немцы;
зато у вас больше свободы в том, чтобы стать людьми.

И тем не менее на исходе XVIII в. уже ощущалась потребность в неком «национальном сознании», истоки которого связаны с Реформацией и формированием немецкого литературного языка. Доказательством этой потребности служит создание «национальной» литературы и основание «национального» театра. Однако о «национально-государственном» единстве на данном этапе еще не могло быть и речи.

Вследствие территориального передела Европы и «Германии» — сначала в результате наполеоновских войн, затем по итогам Венского конгресса — сложилось новое определение Германии: под «Германией» стали понимать Германский союз (1815–1866 гг.). Однако «патриоты Германии» стремились к большему: они мечтали о государственном единстве. Это было декларируемой целью германского национального собрания, заседавшего во Франкфурте-на-Майне в церкви св. Павла в 1848–1849 гг. Решение Бисмарка об «объединении в малых масштабах», реализованное им при помощи оружия, исключило Австрию из состава новой «Германии», которая с 1871 по 1945 г. называлась Германской империей. После Первой мировой войны Австрия попыталась вернуться в состав Германской империи, однако страны—участницы Антанты отказали ей в этом. Австриец по происхождению, Адольф Гитлер считал своим триумфом то, что на посту рейхсканцлера в 1938 г. он отменил это решение.

Строго говоря, «история Германии» должна начинаться с 1871 г. и продолжаться до 1945 г.: национальное государство, возникшее под предводительством Пруссии, объединило «немцев». Тогда же в Германии, ставшей теперь Германской империей, появились все «национальные» символы и атрибуты: рейхстаг, правительство и

законодательство Германской империи, почтовые марки и денежные банкноты с изображением женщины, символизировавшей Германию. Правда, пока еще не было «национального» гимна. «Национальный гимн» Пруссии начинался словами «Heil dir im Siegerkranz» («Слава тебе, победоносный венценосец»); до 1866 г. «немецким» национальным гимном считалось положенное на музыку стихотворение Эрнста Морица Арндта «Was ist des Deutschen Vaterland?» («Что такое отечество немца?»); затем, после 1871 г., стал популярен гимн «Deutschland, Deutschland über Alles» («Германия, Германия превыше всего»), который был официально признан национальным гимном Германии в 1922 г., т. е. в эпоху первой немецкой республики. Текст этого гимна по иронии судьбы без изменений был положен на музыку австрийского императорского гимна «Gott erhalte Franz den Kaiser» («Боже, храни императора Франца»). Этот гимн существует и по сей день — правда, в ФРГ по понятным причинам был оставлен только текст третьей строфы. Инициированные президентом ФРГ Хойсом попытки создать новый национальный гимн не увенчались успехом. Положенное в основу гимна стихотворение было написано Гофманом фон Фаллерслебеном в 1841 г., т. е. до Мартовской революции 1848 г., и озаглавлено им как «Песня немцев» («Das Lied der Deutschen). В этой песне выражалась надежда на установление народной власти, гражданских прав и свобод и содержался призыв приблизить национальное политическое единство Германии в рамках свободного конституционного режима. Надежды революции 1848 г. не сбылись, и кайзеровская империалистическая Германия громогласно воспевала свою миссию и (предполагаемое) мировое господство: «Германия, Германия превыше всего...», пока все не рухнуло.

Нацию формирует политическая воля, национальная идея. После оккупации Германии наполеоновскими войсками Пруссия, по примеру французов, сформиро-

...ое национальное самосознание. К этому «национальному» должно было быть «приложено» государство. В XIX в. на этом строилось осмысление и написание «истории Германии»: начиная с возвышения Пруссии в XVII–XVIII вв., через Германский союз и до основания Германской империи. «История Германии» как бы опиралась своим конечным результатом — основанием второй Германской империи. Создавалось впечатление, что народ, нация и государство пришли наконец к согласию под предводительством Пруссии. Это согласие было достигнуто в войнах с внешним противником (Данией, Австрией и Францией) и внутренними врагами (прежде всего с социалистами и католиками). В Конституции империи, принятой в 1871 г., говорилось о «всей Германии» как о совокупности всех немецких земель; Веймарская конституция в своей преамбуле ссылалась на «германский народ, единый в своих племенах и одушевленный намерением обновить и упрочить свою империю в свободе и справедливости».

Что же стало с народом, нацией и государством «германцев» в 1945 г., после падения Германской империи? Австрийцы сформировали собственное национальное сознание, а немцы оказались разделенными на два государства, но при этом, как показали события 1989–1990 гг., не утратили чувства принадлежности к одному народу. В преамбуле Основного закона ФРГ (1949 г.) говорилось о временном государственном устройстве для «немецкого народа», причем также от имени тех «немцев», которые не могли в нем участвовать. Заканчивалась преамбула призывом ко всему германскому народу «путем свободного самоопределения воплотить в жизнь единство и свободу Германии». Кстати, в первой Конституции ГДР (1949 г.) также говорилось о едином «немецком народе» и единой «Германии».

В истории Германии, не имевшей четких границ, а после 1945 г. разделенной на два государства, одновременно

с революционными событиями 1989 г. начался новый этап. 12 сентября 1990 г. в Москве был подписан договор по формуле «два плюс четыре» (ФРГ, ГДР, Франция, СССР, Великобритания, США), в котором признавалось право немцев на самоопределение. Однако основным итогом стало признание того, что существующие внешние границы ФРГ и ГДР являются окончательными внешними границами новой Федеративной Республики Германии, которая не имеет и в будущем не будет выдвигать никаких территориальных претензий (Ст. 1). Союзники по Второй мировой войне больше не обладали никакими правами и не несли никакой ответственности по отношению к Германии. Как говорилось в договоре, «в соответствии с этим объединенная Германия обретает полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами» (Ст. 7).

Основание немецкого национального государства в конце XX в. впервые в немецкой истории однозначно и исчерпывающе отвечает на вопрос Эрнста Морица Арндта «Что такое отечество немца?». Это согласие всех немцев. Благодаря ему Германия из очага напряженности в самом центре Европы превратилась в фактор стабильности и интеграции. Этому соответствует и новое национальное сознание, которое ориентировано на мир, сотрудничество и добрососедство и означает одобрение конституционного порядка новой «Берлинской республики». Впервые в истории Германии немецкое национальное государство имеет четкие границы, с которыми согласны его соседи и в первую очередь Польша.

В исторической перспективе объединение Германии представляется результатом долгого подготовительного процесса: интеграционной политики Конрада Аденауэра в отношении западных стран, политики Вилли Брандта по отношению к восточному блоку. Наступление этого события было ускорено Хельсинкской конференцией по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая была

связана с именем министра иностранных дел Германии Ханса-Дитриха Геншера. Ему также удалось добиться проведения переговоров по формуле «два плюс четыре». Наконец, Михаил Горбачев, в то время генеральный секретарь КПСС и глава Советского Союза, доверяя политике правительства Коля и Геншера, дал зеленый свет процессу объединения Германии.

Наступивший XXI в. дает нам новый способ прочтения немецкой истории: уже не в границах национального государства, а в рамках европейской интеграции. Сегодня все чаще важные политические решения принимаются не в Берлине, а в Брюсселе и Страсбурге. Однако факторы централизации всегда пробуждают противоположные силы, связанные с культурной регионализацией. Поддержка регионов стоит на повестке дня у различных комиссий в Брюсселе, а необходимая, по крайней мере в обозримом будущем, помощь в развитии слабых в структурном отношении регионов в Восточной Германии, уже в силу их огромного значения для бюджета страны, является главной темой внутренней политики как Европы в целом, так и Германии. Новая Федеративная Республика Германия не должна самоутверждаться или оправдываться перед другими странами: ее основная задача — это завершение внутреннего объединения, которое откроет новую главу в истории немцев.

Но что такое «внутреннее единство»? Одинаковые условия жизни на Востоке и Западе, Севере и Юге? Но этого не было и в бывшей ФРГ. «Нормальное распределение» партийно-политических предпочтений среди населения разных регионов? Против этого свидетельствует стабильный успех Христианско-социального союза в Баварии и Партии демократического социализма в восточных землях. Равные шансы для молодежи? Против этого свидетельствуют высокие показатели безработицы среди молодых людей в структурно неразвитых регионах на Востоке и на Севере.

Важные цели внутренней федеральной и региональной политики — снижение безработицы, сбалансированный бюджет, сокращение государственного долга — не могут быть реализованы ввиду дотирования восточных земель западными, которое будет продолжаться еще довольно долго. Пока в этом отношении наблюдается некоторая растерянность, но такая же ситуация имеет место и в расширяющемся Европейском Союзе. По-видимому, два дотационных потока блокируют друг друга.

Данная книга не может заменить подробный исторический обзор, содержащийся, например, в «Справочнике по истории Германии» Гебхардта (издан также в карманном формате). Не заменит она и объемные работы по отдельным эпохам, вышедшие в последнее время в издательствах C.H. Beck, Oldenbourg, Propyläen, Siedler, Suhrkamp, Vandenhoeck & Ruprecht. Изданная в 1996 г. первая «Краткая история Германии» Хагена Шульце посвящена в основном XIX и XX вв. Более подробную информацию легко можно найти в книгах издательства Ploetz и в «Хронологии культурного развития» («Kulturfahrplan») Штайна; персоналии, события и учреждения с высокой точностью описаны в «Лексиконе немецкой истории» издательства Kröner; издательство dtv выпустило удобный двухтомный «Атлас мировой истории».

В отличие от указанных справочных и других исторических работ, авторы данной книги преследовали другую цель: не реконструировать и пересказать «историю Германии» (такая попытка с самого начала была бы обречена на неудачу ввиду отпущенного нам пространства), а попытаться понять «основные черты» и «основные структуры» той или иной эпохи немецкой истории. Поэтому книга разделена на главы в соответствии с эпохами политической истории, а в своем изложении обращается также к важнейшим аспектам социальной, культурной, экономической и духовной истории. При этом характеристика эпохи в принципе не может дать больше, чем

...ров по «анализ ситуации» и «история структур» того или иного времени. Преимущество такого подхода в том, что действующие силы и контекстные условия происходящего оказываются в центре внимания в переломные моменты, когда настоящее становится тем, о чем впоследствии будут рассказывать и вспоминать как о прошлом. Таким образом, история служит осознанию историчности современной эпохи.

Литература

Conze W. Die Deutsche Nation. Göttingen 1963.

Diemandt A. (Hrsg.) Deutschlands Grenzen in der Geschichte. München 1990.

Faltet J. W. [u. a.] Sind wir ein Volk? Ost- und Westdeutschland im Vergleich. München 2006.

Langewiesche D. Reich, Nation und Staat in der jüngeren deutschen Geschichte // Historische Zeitschrift 254 (1992). S. 341–381.

Schieder Th. Nationalismus und Nationalstaat. Göttingen 1992.

Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. München 1996.

Sheehan J. J. What is German History? Reflections on the Role of the *Nation* in German History and Historiography // Journal of Modern History 53 (1981). S. 1–23.

Sheehan J. J. German Histofy 1770–1866. Oxford 1989.

Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik. 5 Bde. München 1977 ff. Bd. 1: Objektivität und Parteilichkeit. Bd. 2: Historische Prozesse. Bd. 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte. Bd. 4: Formen der Geschichtsschreibung. Bd. 5: Historische Methode.

Wehler H.-U. (Hrsg.) Scheidewege der deutschen Geschichte. Von der Reformation bis zur Wende, 1517–1989. München 1995. (Beck'sche Reihe. 1123.)

Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. 2 Bde. München 2000.

Ульф Дирльмайер

РАННЕЕ И ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (VI–XIII вв.)

Общая характеристика эпохи

Трехчастное деление европейской истории на Античность, Средневековье и Новое время восходит к Христофору Целлариюс (1638–1707) и обусловлено филологоэстетическими оценками и интерпретационными схемами, которые разрабатывались в XVII в. Споры тогда и сейчас вызывало соотнесение начала средневекового периода с процессом распада Римской империи. Существуют самые разнообразные объяснительные модели: одни связывают начало Средневековья с нашествием германских племен в III в. и с переселением народов в IV–VI вв.; другие — в первую очередь в рамках истории расселения, а также экономической и социальной истории — предлагают «теорию непрерывности»; в несколько измененном виде она представлена также в культурно- и экономико-историческом подходе бельгийского историка Анри Пиренна (1922; 1937). Если говорить очень кратко, то Пиренн исходил из непрерывного со времен античности развития, коренные изменения в котором наступили лишь в VIII в., с приходом ислама в страны Средиземноморья. Как бы то ни было, нам, по-видимому, придется исходить из того, что в Европе была такая эпоха, которая охватывает период с VI по VIII в. и не обрывается в один момент, а постепенно переходит в эпоху,

...ую мы называем Средневековьем. При этом реша... значение имела, пожалуй, не столько исламизация ...земноморского региона, сколько смена правовых, ...турных, социальных и экономических ориентиров ...ормирующейся — на основе империи Каролингов — ...ропы. Процесс отдаления общества от духа античности в разных регионах протекал по-разному. Например, во всей Франции и в Италии он шел гораздо медленнее, чем в Северной и Восточной Европе. Тем не менее, и там в период с IX по начало XIII в. произошли серьезные перемены в социальной и экономической сфере. Среди них следует особо отметить повсеместное установление феодальных отношений, определяемое, в частности, по тому, что в сохранившихся источниках неуклонно сокращается упоминание вольных крестьян, улучшения в преобладающей системе хозяйствования, в частности, в сельском хозяйстве, в том числе благодаря распространению трехпольной системы и усилению рыночной ориентации, связанный с этим рост населения (особенно в XII в.), а также расцвет городов со всеми его предпосылками и последствиями: набирающей обороты торговой деятельностью, сосредоточением купеческого капитала в торговых обществах, процессами специализации, диверсификации и концентрации в промыслах и ремеслах, увеличением разрыва между городом и деревней порой с весьма сильным демографическим и экономическим давлением на пригородные районы.

В результате распада империи Каролингов, начавшегося в середине IX в. и длившегося почти целое столетие, возникли надрегиональные территориальные образования, которые, в свою очередь, развивались на протяжении жизни нескольких поколений и к середине XI в. оформились в самостоятельные королевства (regna). Последующий государственный ландшафт Европы берет свои истоки в Высоком Средневековье. Королевство восточных франков и германцев было порождено этой эпохой; его

Раннесредневековые истоки немецкой истории (VI–IX вв.)

482–511	Хлодвиг I, король франков.
498 ?	Крещение Хлодвига.
511	Раздел королевства между сыновьями Хлодвига.
558–561	Хлотарь I, единовластный правитель Королевства франков.
656	Так называемый государственный переворот Гримоальда.
679–714	Пипин Средний, майордом Австразии, с 687 г. управляет объединенными королевствами.
714–741	Карл Мартелл, майордом франкский.
732	Победа Карла Мартелла над арабами в битве при Пуатье.
741–768	Пипин Младший (Короткий), майордом Австразии, Нейстрии, Бургундии, Прованса, с 751 г. король франков.
754	Соглашение Пипина с папой Стефаном II.
768–814	Карл Великий, с 771 г. единовластный правитель франков, с 800 г. — император.
772–ок. 800	Саксонские войны.
800	Коронация Карла императорской короной в Риме.
813–840	Людовик Благочестивый, в 813 г. соправитель Карла, с 814 г. — единовластный король франков.
817	Раздел империи (Ordinatio Imperii).
831	Новый раздел империи.
833	Поражение Людовика в битве против сыновей при Кольмаре; церковное покаяние императора.
840	Начало междоусобной борьбы между Лотарем I, Людовиком Немецким и Карлом Лысым за передел империи.

устройство определялось непрекращающимся соперничеством крупных дворянских кланов, которые, невзирая на смену правящих королевских династий (Оттоны, Салическая династия, Штауфены), сумели добиться и сохранить за собой право выбора короля, остававшееся ядром политического устройства Германского королевства вплоть до его распада. Следующие решающие этапы в развитии Восточно-Франкского королевства и Королевства Германии (regnum) были связаны с обновлением империи при Оттоне I (936–972 гг.), подчинением рим-

ским королем, называемым так с конца XI в., Италии и Королевства Бургундии (1032 г.), с возникновением феодализированной государственной церкви, которая, правда, в ходе борьбы за инвеституру, по крайней мере, отчасти вышла из-под непосредственного контроля со стороны короля. Знаменательными моментами немецкой истории эпохи Высокого Средневековья, имеющими серьезные последствия для внутренней и внешней политики вплоть до XIV–XV вв., было политическое и религиозно-идеологическое противоборство между папством и императорами, а также связанная с этим политика по отношению к Италии.

Общая ситуация

В первые годы после распада Римской империи (начало V в.) предпосылки для появления новых общественных и экономических структур были не самыми благоприятными: продолжалось сокращение численности населения, наблюдавшееся уже в период поздней античности. Прежде чем ситуация начала постепенно улучшаться, эта тенденция демографического развития усугубилась в связи с «юстиниановой чумой» (542 г.) и достигла своего пика в VI–VII вв.

Демографическое развитие в период Раннего и Высокого Средневековья (по приблизительным подсчетам, в млн чел.)

Год	Европа в целом	Центральная и Западная Европа	Год	Европа в целом	Центральная и Западная Европа
500	27,5	9,0	1100	48,0	—
650	18,0	5,5	1150	50,0	—
700	27,0	—	1200	61,0	—
			1250	69,0	—
1000	38,5–42,0	12,0	1300	73,0	—
1050	46,0	—	1340	73,5–77,0	35,5

Сокращение численности населения способствовало общему экономическому упадку, уменьшению денежного оборота, спаду торговли и ремесел. Тем не менее, это не привело к возврату к автономному натуральному хозяйству, и обмен товарами никогда полностью не прекращался.

В преобладающей аграрной сфере — до 90% населения средневековой Европы (разумеется, со значительными вариациями в зависимости от времени и региона) проживали в сельской местности — в VI в. начался процесс адаптации методов ведения сельского хозяйства к климатическим условиям и особенностям почвы в Северных Альпах. Это проявилось в использовании более подходящего к местным условиям колесного плуга с железным лемехом и в постепенном переходе к трехпольной системе земледелия. Однако урожайность, особенно урожайность зерновых, оставалась невысокой. Предположительно соотношение урожая и посевного материала в среднем составляло 2:1 и лишь в отдельных регионах 1,2:1. Этот структурный недостаток по сути был устранен только в эпоху индустриализации (в период Позднего Средневековья средний показатель урожайности предположительно возрос до 5:1) и оставался главной причиной частых продовольственных кризисов.

Впрочем, и умеренного роста аграрного производства, которому, возможно, способствовали благоприятные климатические условия в период Раннего Средневековья, оказалось достаточно для того, чтобы прокормить население Европы, когда его численность снова начала увеличиваться. Чтобы сверх того получить еще и излишки, которые бы позволили части населения заниматься иной трудовой деятельностью, помимо земледелия (а в Позднем Средневековье доля такого населения возросла), необходимо было расширение посевных площадей для возделывания зерновых культур в Центральной Европе. Это привело к масштабной распашке лесов в Раннее

Средневековье. Первые шаги к этому были сделаны в VII в., а особое развитие этот процесс получил в ходе внутренней колонизации в период династии Каролингов (VIII — начало IX вв.).

Распространяясь из центра Франкского государства (территории между Рейном и Луарой), в VII и VIII вв. помещичье землевладение с системой барщинного хозяйства постепенно стало основной организационной формой. Необходимый для обработки господских земель барщинный труд лично зависимых крестьян тесно связан с характерной тенденцией общественного развития в эпоху Каролингов: отношения зависимости и закрепление крестьян за феодальным хозяйством усиливались, все законодательные меры против порабощения оказались безуспешными, если вообще было серьезное намерение претворить их в жизнь. Зарождавшаяся особая средневековая форма зависимости — крепостничество — означала для прежде свободных крестьян утрату статуса, а для работавших в помещичьем хозяйстве сервов и рабов (mancipia), напротив, — повышение до положения наполовину свободных крестьян.

Массы сельского населения, среди которых становилось все больше несвободных, управлялись представителями немногочисленного знатного сословия. К франкскому «имперскому дворянству», формировавшемуся начиная с VI в., в VII и VIII вв. присоединились вассалы Каролингов, которые получили возможность повышения статуса прежде всего благодаря конной службе. Впоследствии, между эпохой Раннего и Высокого Средневековья, из среды франкского дворянства выделился более узкий слой элиты, из которого затем вышли немецкие и французские княжеские династии.

Развитие ремесленного производства в Раннее Средневековье продолжалось в основном в рамках помещичьих и монастырских хозяйств. Об этом, наряду с археологическими находками, свидетельствует, например, Capitulare de

villis («Капитулярий о поместьях» — изданные ок. 800 г. инструкции по управлению дворцовыми имениями) и план монастыря в Санкт-Галлене. Впрочем, наряду с этим имелось и такое ремесленное производство, которое довольно рано было однозначно ориентировано на рынок: есть свидетельства изготовления украшений, изделий из стекла и керамики в Рейнско-мозельском регионе, продолжавшего позднеантичную традицию; также есть документы (в частности, запреты на вывоз), подтверждающие факт производства оружия (мечей) в эпоху Каролингов; ставшее предметом оживленных дискуссий фризское полотно (pallia frisonica, производимое в Фрисландии и Англии) позволяет проследить уже региональную специализацию в области текстильного производства.

Бесспорным историческим фактом является снижение объема торговли в период Раннего Средневековья, особенно в Средиземноморском регионе. Однако в то же время появляются новые тенденции. Так, на севере Франкского королевства в середине VI в. начинается товарообмен с Англией и Скандинавией. В VII в. появляются новые центры морской торговли, в частности, в устье Канша возникает торговый город Квентовик, о котором дошло самое раннее письменное упоминание (668 г.). Иногородней торговлей предметами роскоши, к которым относились и рабы, занимались, наряду с евреями, также фризы, скандинавы и франки. Общее оживление экономических связей началось предположительно в VIII в. Правда, ему препятствовало разрушение римских торговых путей (начиная с V в.), которое особенно пагубно отразилось на сухопутных перевозках.

Переменчивому состоянию торговли и ремесел соответствовала организация денежного обращения. Постепенное исчезновение золотых монет большого достоинства и бронзовых монет малого достоинства свидетельствует о кризисе и о нарушении единообразия в монетном деле: во Франкском королевстве эпохи Мero-

... насчитывалось около 800 монетных дворов! Переход к исключительно серебряной валюте в королевстве Меровингов в конце VIII в. стал решающим шагом в разрушении системы денежного обращения в Европе вплоть до середины XIII в., когда снова начали чеканить золотую монету.

Для европейских городов эпоха Раннего Средневековья тоже не является исключительно мрачной главой. Конечно, античные города на берегах Рейна и Дуная в большей части сохранили за собой свои прежние функции, и за ними вообще удавалось выжить и остаться урбанистическими островами в деревенском окружении (Э. Эннен). Однако помимо существовавших прежде епископских резиденций (таких как Майнц, Трир, Кельн) начинают появляться упомянутые выше центры морской торговли (Квентовик, Дорестад, расположенный на слиянии Рейна и Лека, Хедебю на южном берегу Шлее), которые сигнализируют о новых, протоурбанистических тенденциях. И уже в IX в. в междуречье Мааса и Шельды начинается оживление городской жизни, характерное для Высокого Средневековья.

Раздел империи Каролингов и усиление внешней угрозы в XI и в начале X вв. (норманны, сарацины, венгры), по единодушному мнению современных исследователей, тормозили и ограничивали, но не останавливали разностороннее экономическое развитие и демографический подъем в Центральной Европе. После того как в середине X в. миновала внешняя угроза, в развитии Центральной Европы произошел новый скачок, за которым последовал период экспансии — Высокое Средневековье.

Основные вехи политической истории

По сравнению со всеми остальными германскими народностями, франки достигли выдающихся успехов в построении своей империи, которая зарождалась в Северной

Галлии. Во многом начало этого процесса было положено королем франков Хлодвигом (481–511 гг.), чья победа в 486 г. над Сиагрием — последним римским наместником в Галлии — в новейших исследованиях справедливо называется «взятием власти», а не завоеванием. Правление Хлодвига не было чужеземным владычеством, а основывалось на «общности интересов франков и галло-римлян на севере» (К. Ф. Вернер). Его переход в католическую веру (крещение предположительно в 498 г.) способствовало сотрудничеству и в конечном итоге слиянию галло-римских и франкских высших слоев. Это стало стабилизирующим фактором, который отсутствовал в других германских государствах, и важной предпосылкой для последующего сближения имперской власти и церкви.

Сыновья Хлодвига расширили свои наследные владения за счет значительных завоеваний на востоке (Тюрингия) и юге (Бургундия). При Хлотаре I, в период между 558 и 561 гг., удалось даже снова объединить всю империю Меровингов под властью единого короля, однако принцип раздела наследства оказался сильнее. Вполне возможно, что последующие династические конфликты Меровингов и в особенности те отвратительные явления, которые их сопровождали, сильно преувеличены, однако бесспорным остается тот факт, что в ходе конфликтов возникло три соперничающих королевства — Австразия, Нейстрия и Бургундия. Начиная с VII в. фактическая власть в этих государствах все больше переходила от короля к майордому (major domus). Первая попытка Арнульфингов-Пипинидов (предшественников династии Каролингов) официально сменить старую династию в Австразии провалилась (неудавшийся «государственный переворот» майордома Гримоальда в 656 г.), что не в последнюю очередь было связано с недостатком легитимности. Напротив, Пипину Среднему (679–714 гг.) удалось добиться для своей семьи права наследования должности майордома, что стало важным

...ством к произошедшему в конце концов возвышению ...династии Каролингов за счет Меровингов. Карл Мар... (714–741 гг.), внебрачный сын Пипина, невзирая ... непрекращающееся сопротивление, сумел отстоять ...свою власть в качестве майордома всей империи. Он ...практиковал раздачу земель (в основном конфискованных церковных владений) своим дружинникам за воинскую службу в коннице. В долгосрочной перспективе это предопределило ленную систему, существовавшую в средневековой Европе, а прямым следствием этого стала победа Карла Мартелла в битве против арабов при Пуатье (732 г.). Принято считать (хотя такое утверждение сильно упрощает действительность), что тогда он спас Западную Европу. Бесспорно лишь то, что этой победой он прославил свой род, что позволило его представителям стать властителями общеевропейского уровня.

Последний шаг на пути от положения привилегированного майордома до основателя новой королевской династии сделал сын Карла Мартелла Пипин Короткий (741–768 гг.): в 751 г. его избирают новым королем франков и впервые совершают торжественное помазание на престол. Предпосылкой к этому стало сближение с римской церковью, инициированное аббатом из Сан-Дени Фульрадом, который, как считают историки, был советником при Пипине Коротком. В своем знаменитом ответе на его письма папа Захарий легитимировал власть Пипина, сказав, что королевский титул должен принадлежать тому, кто фактически имеет власть... Три года спустя, во время посещения папой Стефаном II королевства франков, это сближение было подтверждено и упрочено: папа помазал нового короля и его семью на королевский престол, получив за это заверение в защите от лангобардов в Италии и в передаче ему земельных владений. Эти соглашения были не просто подтверждением смены династий и перехода власти от Меровингов к Каролингам; они создали предпосылки для тесного

взаимодействия светской императорской власти и римской церкви в эпоху Высокого Средневековья.

На прочном фундаменте, заложенном еще его отцом, Карлу Великому (768–814 гг.), ставшему после смерти брата Карломана в 771 г. единовластным правителем франков, удалось упрочить королевскую власть внутри страны и одновременно расширить ее внешние границы почти во всех направлениях. Империя франков простиралась (после завершения продолжительных саксонских войн) от Эльбы на востоке до Атлантического океана на западе, от побережья Северного моря через Пиренеи в глубь Апеннинского полуострова на юге. Начатое Пипином сближение с папской церковью было продолжено: в Рождество 800 г. Карл принял из рук папы Римского императорскую корону, что еще раз подтвердило его первостепенное значение в западнохристианском мире. Усугубившаяся в результате напряженность в отношениях с византийскими императорами на Востоке стала своеобразной константой в истории Средневековья.

Политические успехи и харизма Карла Великого позволяли сглаживать проблемы огромной империи, которые проявились вскоре после вступления на престол его сына и преемника Людовика Благочестивого (813/814–840 гг.). Прежде всего, обнаружилась дилемма между правом происхождения (участия во власти всех, кто имеет право на наследство) и сохранением единства империи. Выяснилось также, что для обеспечения центральной власти в империи связи, формируемые ленной системой, лишь отчасти компенсируют отсутствие инфраструктуры. Кроме того, позиция властителя ослабевала ввиду растущего влияния церкви. Складывалась ситуация соправления епископов и королей (публичное покаяние Людовика Благочестивого в 833 г., к которому его принудили сыновья). Эти трудности внутри королевства усугублялись растущей внешней угрозой. Начиная с IX в. набеги норманнов и сарацинов стали гораздо более частыми и

Арнульф, † 629 епископ г. Меца в 614–629 гг.
Пипин (Старый), † 640 майордом Австразии
Ансегизель † до 679, майордом
Бега, † 693 (?)
Плектруда
Пипин (Средний), † 714, майордом Австразии (679–714), всей империи (687–714)
Альпайда
Хротруда
Карл Мартелл, † 741, майордом всей империи (714–741)
Сванхильда
Карломан, † 754, майордом 741–747
Берта
Пипин (Младший), † 768, майордом 741–751, король 751–768
Хильдегарда, † 783
Карл (Великий), † 814, король с 768 г., император 800–814
Карломан, † 771, король 768–771
1 Ирмингарда
Людовик I (Благочестивый), † 741, соправитель с 813, император 814–840
2. Юдифь
Лотарь I † 855, соправитель отца с 817 г., император 843–855
Италия и Лотарингия
Пипин I, † 838 король Аквитании 817–838
Аквитания
Гемма
Людовик II (Немецкий), † 876, король восточных франков 843–876
Карл II (Лысый), † 877, король западных франков 843–877, император 875–877
Западные франки
Карломан, † 880, король Баварии
Людовик III (Младший), † 882, король Саксонии
Карл III (Толстый), † 888, король с 876, император 881–887
(внебрачный сын)
Ода
Арнульф Каринтийский, † 899, герцог Баварии, король с 887, император 896–899
Людовик IV (Дитя), † 911, король 900–911
(вне брака) Цвентибольд, † 900, король Лотарингии

опустошительными. Незащищенными оказались даже удаленные от границ регионы. Неспособность центральной власти обеспечить действенную защиту ослабляла ее авторитет и способствовала усилению региональных властителей. К концу IX в. движение в сторону распада единой империи, начало которому было положено Верденским договором о разделе империи (843 г.), стало необратимым.

Высокое Средневековье (X–XIII вв.)

Общая ситуация

В эпоху формирования франко-германского королевства область, расположенная к северу от Альп, в целом была менее плотно населена и не так экономически развита, как западная часть империи Каролингов, т. е. территория будущей Франции. Тем не менее, и здесь где-то в середине X в. начался новый подъем, который усилился к концу столетия и перешел в период экспансии, отличающий эпоху Высокого Средневековья. Окончание этой эпохи разными исследователями датируется по-разному (конец XIII в. — первая половина XIV в.). Для этих 250 лет был характерен экономический прогресс во многих областях, который, впрочем, сопровождался усилением напряженности и противоречий в усложнявшейся и дифференцировавшейся структуре общества. Рост населения (см. таблицу на с. 17), который в этот период продолжался и достиг своего максимума в XII в., обеспечил предпосылки не только для массового заселения восточных областей и расцвета городов. В условиях постоянного увеличения численности населения во многих областях (Центральной) Европы была достигнута такая плотность заселения и протяженность обрабатываемых земель, что превысить их удалось лишь в Новое время, и то не во всех регионах. Однако параллельно с этими расширительными и

[illegible] сопутствующими процессами все чаще появляются признаки, указывающие на относительное перенаселение. Это прежде всего, частые кризисы снабжения и голод.

Процессы развития, имевшие место в период Высокого Средневековья, позволили части крестьян улучшить свое материальное и правовое положение. Большую личную свободу сулило участие в вырубке лесов, в колонизационном движении на Восток или уход в город. В процессе распада системы феодальных отношений трудовые повинности (барщина до трех дней в неделю или даже чаще) постепенно сменялись установленными денежными оброками, которые впоследствии, правда, утратили свое значение ввиду непрерывного обесценивания серебряной валюты. Однако, несмотря на это, не следует чересчур оптимистично оценивать экономическое положение, в котором находилось средневековое крестьянство, особенно в регионах возделывания зерновых культур. И хотя уже в эпоху Раннего Средневековья имели место определенные прогрессивные нововведения (железный колесный плуг, трехпольная система), а все более интенсивное использование ветряных и водяных мельниц отчасти освобождало от тяжелого физического труда, общий баланс крестьянских хозяйств по-прежнему определялся низкой, несмотря на некоторое увеличение, урожайностью (среднее соотношение с посевным материалом 5:1). Вероятно, из-за того, что нерешенной оставалась проблема удобрений, повышение урожая зерновых долгое время не поспевало за ростом населения, а расширение посевных площадей, охватившее даже неблагоприятные для земледелия районы, также не решало проблему. Ситуация нехватки продовольствия, обусловленная низкой урожайностью и усугубившаяся в результате неблагоприятных климатических изменений, вылилась в суровый голод в первой половине XIV в.

Коренные перемены в аграрной сфере были вызваны изменением в структуре спроса: высокая концентрация

населения в городах способствовала развитию рыночной ориентации в сельском хозяйстве и торговле сельскохозяйственными продуктами. Так, ввиду потребности в продуктах животноводства возникли зоны интенсивного использования пастбищ, простиравшиеся от побережья Северного моря (марши) через среднегорье до Альп и их предгорьев. В XII–XIII вв. здесь возникли многочисленные скотные дворы. В климатически пригодных зонах (а иногда и за их пределами) увеличились площади виноградников, которые теперь стали разбиваться и на отвесных склонах гор. Провинции империи, в первую очередь Эльзас и Рейнская область, были вовлечены в виноторговлю, которая в тот период охватила всю Европу. Спрос на текстильную продукцию, в том числе крашеные полотна, стимулировал возделывание льна (например, в Верхней Швабии) и красильных растений (например, вайды в Верхнерейнской долине). Эта обусловленная рыночной ориентацией тенденция к формированию особых региональных культур еще больше усилилась в Позднее Средневековье.

В целом экономические изменения и прогресс эпохи Высокого Средневековья в решающей мере определялись развитием городов. Расцвет городов, наблюдаемый уже начиная с IX в. в междуречье Мааса и Шельды, достиг наивысшей точки в XII–XIII вв. на западном и восточном берегу Рейна. В процессе основания новых и возрождения старых городов, наряду с властно-политическими целями, важную роль играли также экономические соображения. На исходе Средневековья в империи насчитывалось около 4000 городов, большинство из которых возникли до 1350 г. Самым большим городом в начале XIV в. был Кельн (в нем проживало порядка 35–40 тысяч жителей), однако в остальных городах население редко превышало 2000 человек.

Наряду с североитальянскими городами-коммунами, больших успехов на пути к политической независимости

достигли города, расположенные к северу от Альп. С конца XI в. начинает формироваться городское право. В первую очередь те города, в которых располагались резиденции епископов или королей, сумели, под предводительством городской верхушки (знати, состоявшей главным образом из городских дворян и купцов), добиться фактической независимости от правителя города. Связанные с этим временами довольно острые конфликты в основном завершились к концу XIII в. В то же время в городской среде сглаживаются правовые различия между свободными и несвободными гражданами (министериалами, крестьянами-чиншевиками, крепостными), но усиливается социальное расслоение. Решающим классообразующим признаком становится богатство; оно же определяет разное участие горожан в принятии политических решений. Ориентация на экономическую успешность в некоторой степени упрощала процесс социальной мобильности, однако участие тех, кто поднялся по социальной лестнице, в правлении городом нередко было связано с внутренними конфликтами. С начала XIV в. все чаще происходят столкновения по поводу устройства городского правления. Во многих случаях они заканчивались тем, что та часть населения, которая была организована в цеха, получала право участвовать в городском совете.

Если в маленьких городах, жители которых продолжали заниматься земледелием, сохранялась преимущественно аграрная структура, то в межрегиональных экономических центрах (таких, например, как Любек, Кельн, Аугсбург, Нюрнберг) уже преобладала торговля и специализированные ремесла. Сначала важнейшей районообразующей отраслью ремесленного производства было текстильное производство, а впоследствии — металлообработка. Сосредоточение ремесел в городах упрощало проникновение торгового капитала; начиная с XII в. уже можно говорить о существовании раздаточной системы (рассеянной мануфактуры). Перемещение ремесленного

производства в города, начавшееся еще в XI в., было благоприятным развитием для всех городов, которые стремились умалить значение сельских кустарных промыслов и доминировать в экономике окружающего региона.

Благодаря спросу на продукцию ремесленного производства, поддерживаемому за счет прироста населения и развития городов, стал возможным, несмотря на инфраструктурные и налоговые ограничения, расцвет торговли. Он пришелся на период с XI по XIII в. и был окрещен историками «коммерческой революцией». Это понятие включает в себя новые, идущие, как правило, из Италии организационные формы (торговые общества), новые техники торговли (ведение бухгалтерского учета, с XIII в. известное также и к северу от Альп) и новые торговые пути, такие как путь через перевал Готтард или прямой морской путь из Италии в Брюгге. Расширение торговых связей происходило вопреки официальным экономическим нормам, определявшимся религиозно-нравственными принципами. Запреты на взимание процентов и ростовщичество удавалось обходить, а в эпоху Высокого Средневековья появились уже новые формы денежного обращения. Так, до 1300 г. в европейских регионах, расположенных к северу от Альп (их отставание от Италии было не таким сильным, как до сих пор предполагали исследователи), вошли в обращение векселя. Темные стороны экономического роста в период Высокого Средневековья подмечались уже современниками. Это были не только морально-этические несовершенства (жажда наживы, ростовщичество). Строительство, добыча соли на территории от Люнеберга до Рейхенгаля, горные разработки, масштаб которых непрерывно возрастал вплоть до XIII в., а также пирометаллургическая переработка руды привели к резкому росту потребления древесины, так что уже в то время многие были обеспокоены уничтожением лесов и нехваткой древесины; одновременно предпринимались первые попытки решить эту проблему.

Другие возможности социального роста в еще сравнительно открытом средневековом обществе, помимо торговли и накопления богатства, заключались в продвижении в аристократическое сословие за пределами городов. Служба у короля или князя позволяла в первую очередь министериалам (изначально несвободным служилым людям) получить доступ в низшее дворянство. Этому способствовала ориентация на характерный для Высокого Средневековья рыцарский идеал, который, определяя сознание и стиль жизни, обеспечивал необходимые знаки отличия от неблагородного большинства.

К самым прискорбным общественным явлениям эпохи Высокого Средневековья относится нетерпимость по отношению к меньшинствам. Она приняла невиданные прежде масштабы и часто имела преимущественно религиозное основание. Наряду с «еретиками», от нее пострадали в первую очередь евреи, жившие в условиях постоянного чередования преследований и экономически обусловленной терпимости к их проживанию. Начиная с погромов в ходе крестовых походов в конце XI в. их правовой статус и материальное положение неуклонно ухудшались. Однако к первой половине XIV в. еврейским заимодавцам высокого уровня удалось утвердиться на службе у правителей княжеств и областей (например, у архиепископа Триерского) или в городах, таких как Страсбург, Аугсбург или Нюрнберг.

От разделов империи в эпоху Каролингов до династии Оттонов

843	Верденский договор о разделе империи между сыновьями Людовика Благочестивого.
870	Мерсенский договор о разделе Срединного королевства (Лотарингии) между Карлом Лысым и Людовиком Немецким.
с 879	Новые вторжения норманнов; 886 г. — осада Парижа.
880	Рибмонское соглашение о принадлежности Лотарингии к Восточно-Франкскому королевству.
888	Смерть Карла Толстого, последнего единовластного правителя империи Каролингов.

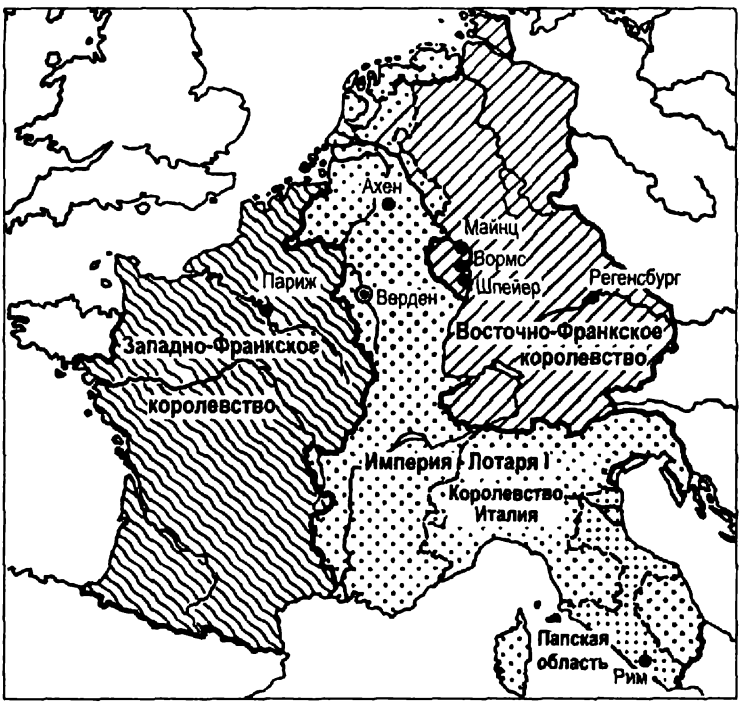
с 900	Первые вторжения венгров.
900–911	Людовик Дитя, последний король Восточно-Франкского королевства из династии Каролингов.
911–918	Конрад I, первый король не из династии Каролингов.
919–936	*Генрих I, первый король не из Франконской, а из Саксонской* династии Людольфингеров-Оттонов.
921	Боннский договор между Генрихом I и Карлом Простоватым, королем Восточно-Франкского королевства.
925	Лотарингия снова отходит к Восточно-Франкскому / Германскому королевству.
933	Победа Генриха I над венграми при местечке Риаде (*на р. Унштрут?*).
936–973	Оттон Великий, император с 962 г.
938	Восстание сводного брата Оттона Танкмара.
после 950	Начало разработки серебряных рудников в Гарце.
951–952	Первый итальянский поход Оттона; женитьба на Адельгейде Бургундской.
955	Победа Оттона над венграми на реке Лех.
961–965	Второй итальянский поход Оттона; коронация Оттона императором в Риме.
966–972	*Третий итальянский поход Оттона.*
967	Основание архиепископства Магдебургского.
972	Женитьба Оттона II на византийской принцессе Феофано.
973–983	Оттон II, соимператор с 967 г.
982	Поражение Оттона в войне против арабов в Южной Италии (мыс делле Колонне).
983	Восстание славян на восточной границе империи; утрата территорий на восточном берегу Эльбы.
983–1002	Оттон III, совершеннолетний с 994 г., император с 996 г.
1000–1001	*Создание зависимой от Рима церковной организации в Польше и Венгрии.*
1001	Восстание римлян против Оттона.
1002–1024	Генрих II, император с 1014 г.
1004	Первый итальянский поход Генриха.
до 1018	Конфликты Генриха с герцогом польским Болеславом Храбрым.
1007	Основание епископства Бамбергского.
1013–1014	Второй итальянский поход Генриха, завершившийся коронованием на императорство.

Раньше в исторических исследованиях во многом по небрежности, но зачастую и сознательно не проводилось четкого различия между такими обозначениями, как «германский», «франкский» и «немецкий». Даже сегодня Карла Великого в популярных изданиях порой торжественно величают «первым немецким императором». При этом отсутствие четкого различения с самого начала искажает понимание средневековой истории Германии. Более того, бытующая по обе стороны ложная информация об общих исторических истоках на протяжении столетий поддерживала образ врага (немцев или французов соответственно), якобы имеющий основания в далеком прошлом. Разумеется, не вызывает сомнений тот факт, что империя Каролингов являла собой нечто совершенно отличное от империи германцев, но что при этом и Германия, и Франция вышли из этого государственного образования эпохи Раннего Средневековья. И тем не менее: до сих пор не удалось — и, судя по сложности проблемы, не удастся никогда — назвать точную дату начала «немецкой» истории. Разные исследователи устанавливают ее по-разному: начиная со сравнительно раннего периода (Верденский договор 843 г.) в старой историографии и заканчивая поздней датировкой создания империи германцев в XI или даже XII в. в современных подходах (К. Брюль). Большинство историков сходятся лишь в том, что четкой даты начала немецкой истории вообще быть не может, потому что переход от государства в составе империи Каролингов к средневековой империи германцев представлял собой продолжительный по времени процесс.

Для цепи событий, ведущей уже не к франкской империи Каролингов, единой хотя бы в духовном отношении, а к формированию самостоятельных королевств после ее распада, наиболее подходящей точкой отсчета является Верденский договор (843 г.). В нем оговаривался раздел империи на преимущественно романскую западную

часть, преимущественно германскую восточную часть и смешанную срединную часть. При этом «национальные» мотивы — и это нужно особо отметить — не были определяющими: просто все три обладавших правом наследования брата — Карл, Лотарь и Людовик (с аисторичным прозвищем Немецкий) — должны были получить равные доли, а самому старшему, Лотарю, должны были отойти императорские резиденции — Ахен и Рим.

Из этих трех частей срединная оказалась самой неудачной в геополитическом отношении и, соответственно, самой нестабильной. В результате последующих договоров о разделе (Мерсенский договор 870 г., Рибмонское

Раздел Франкской империи по Верденскому договору 843 года

Раздел Франкской империи
по Рибмонскому договору 880 года

соглашение 880 г.) северная часть Срединного королевства — Эльзас и Лотарингия — отошла Восточно-Франкскому королевству; в южных областях, после смерти единого короля франков из династии Каролингов (Карла III, † 888) сначала возникло два самостоятельных королевства: *Верхняя Бургундия* и *Италия*.

Впрочем, в расширившемся на запад Восточно-Франкском королевстве продолжала править Каролингская династия (Людовик Немецкий, † 876, Арнульф Каринтийский † 899, Людовик Дитя, † 911). Следует особо отметить: *северные области Срединного королевства* —

Лотарингия и Эльзас — в 870 и 880 гг. не отошли к «Германии» и, тем более, не были завоеваны «Германией». Речь шла о династическом разделе единой империи, который, впрочем, заложил основы исторически значимого разделения Франции и Германии.

Несмотря на непрерывность правления Каролингской династии в Восточно-Франкском королевстве, важной вехой в его истории стало решение вопроса преемственности после смерти последнего представителя династии Каролингов Людовика Дитяти († 911). Вместо того чтобы присоединиться к Западно-Франкскому королевству, находившемуся под властью Карла Простоватого, как это сделали лотарингцы, франкская, швабская, баварская и саксонская родовая знать выбрала своим новым королем Конрада I (911–918 гг.) из франконской династии Конрадинов. Разумеется, это еще не было необратимым, решающим поворотом, но именно этот шаг восточно-франкской верхушки, в конечном итоге, привел к тому, что, во-первых, Германское королевство в средние века по форме правления было выборной, а не наследной монархией, а во-вторых, что оно осталось неделимым.

То, что правление Конрада нуждалось в дополнительной легитимации, явно следует из того факта, что над ним, впервые в Восточно-Франкском королевстве, был совершен ритуал помазания на царство. Важной темой в период его правления был конфликт с родовыми герцогствами, власть которых все больше усиливалась (в Баварии, Франконии, Саксонии, Лотарингии и в меньшей степени в Швабии сформировалось так называемое младшее родовое герцогство); в этой борьбе король искал поддержку у церкви в лице значимых епископов своего королевства (в Майнце, Констанце). Однако и в этом Конраду не удалось достичь больших успехов, равно как и в борьбе с венграми и в неудачной попытке вернуть Лотарингию в свое королевство. Уже на первых этапах проявляются ключевые моменты дальнейшей истории

Германского королевства: противостояние между центральной властью и князьями, которые обладали правом голоса при избрании короля и тоже претендовали на власть, а также сближение короля и церкви.

Конрад сам настоял на том, чтобы его преемником стал герцог Саксонии Генрих (919–936 гг.) из династии Людольфингов. Избранный сначала только франками и саксонцами, впоследствии Генрих сумел утвердить свою власть также в Баварии и Швабии. Таким образом, впервые в истории Восточно-Франкское королевство оказалось под властью нефранка. Против распространенного убеждения, что формирование «Германской империи» (*deutsches Reich*) завершилось как бы в три этапа (отделение от Восточно-Франкского королевства, конец династии Каролингов, первый король нефранкского происхождения) можно выдвинуть обоснованные возражения. Они касаются значения слова «Deutsch» (народный язык, просторечие), отсутствия немецкого национального самосознания и явной франко-каролингской преемственности. Впрочем, когда при этом особо подчеркивают сохранение обозначения «rex Francorum» (король франков), то здесь было бы уместно спросить: а какие другие титулы были тогда возможны, ввиду средневекового представления о легитимации в той части империи, которая до сих пор была франко-каролингской? И, наверное, можно утверждать, что Восточно-Франкское королевство под властью новой саксонской династии, признанной королем западных франков Карлом III (Боннский договор 921 г.), уже не было частью империи, возникшей в результате раздела владений Каролингов на исходе IX в. Таким образом, с необходимыми ограничениями и в целях упрощения периодизации можно продолжать считать началом немецкой истории начало правления саксонской династии.

Перед Генрихом I встала задача наладить отношения с Западно-Франкским королевством, отразить нападения

с севера и востока, а также прийти к соглашению с родовыми герцогствами. По отношению к герцогам ему пришлось пойти на значительные уступки, а ради признания со стороны Карла III он был вынужден отказаться от Лотарингии (921 г.), которую он, однако, все же сумел присоединить к своему королевству четыре года спустя. Это событие имело исторические последствия: граница, установленная в Верденском договоре (843 г.) между Западно-Франкским и Срединным королевствами, начиная с 925 г. и на многие столетия вперед стала границей (или, точнее, пограничной зоной) между Германией и Францией.

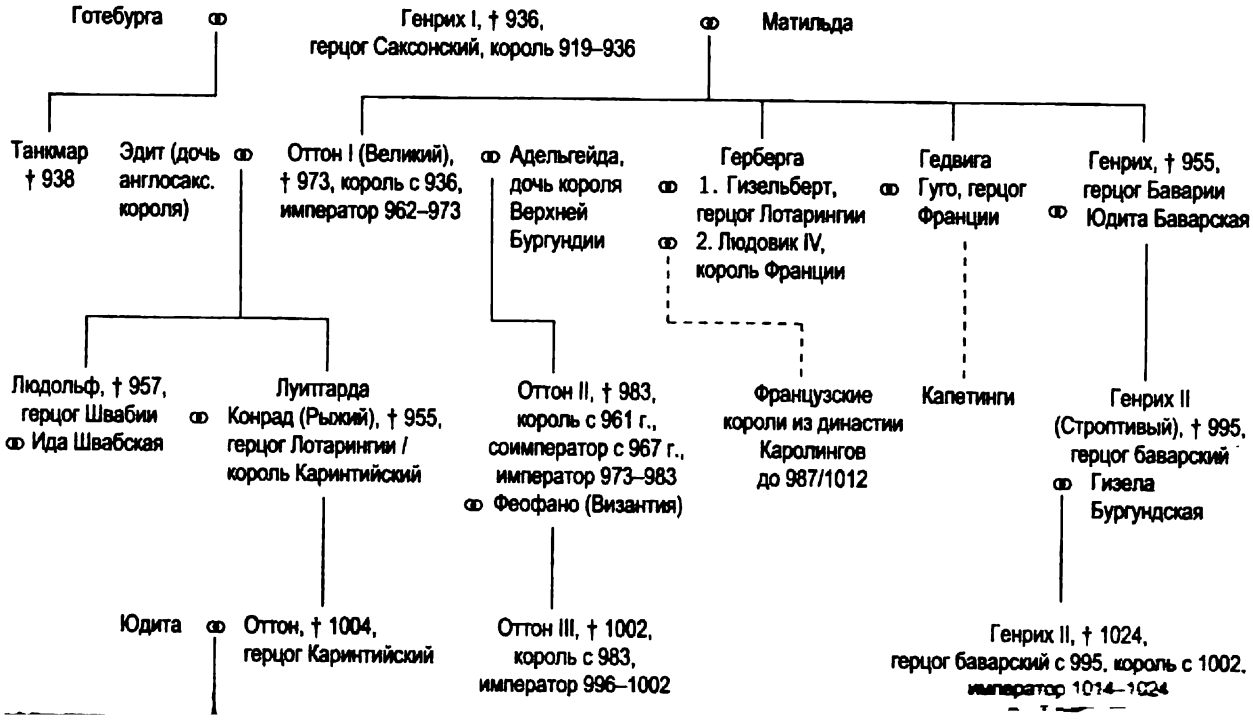
Успехи в борьбе против датчан и славян на севере, но прежде всего победа над венграми в битве близ местечка Риаде (933 г., предположительно на р. Унштрут), позволили королевству Генриха занять ведущее положение в Центральной Европе и настолько укрепили позицию короля, что своим преемником он смог назначить своего сына Оттона. Последующую процедуру выборов и коронацию (936 г.), полностью выдержанную в традиции Каролингов, описал в своих хрониках Видукинд Корвейский.

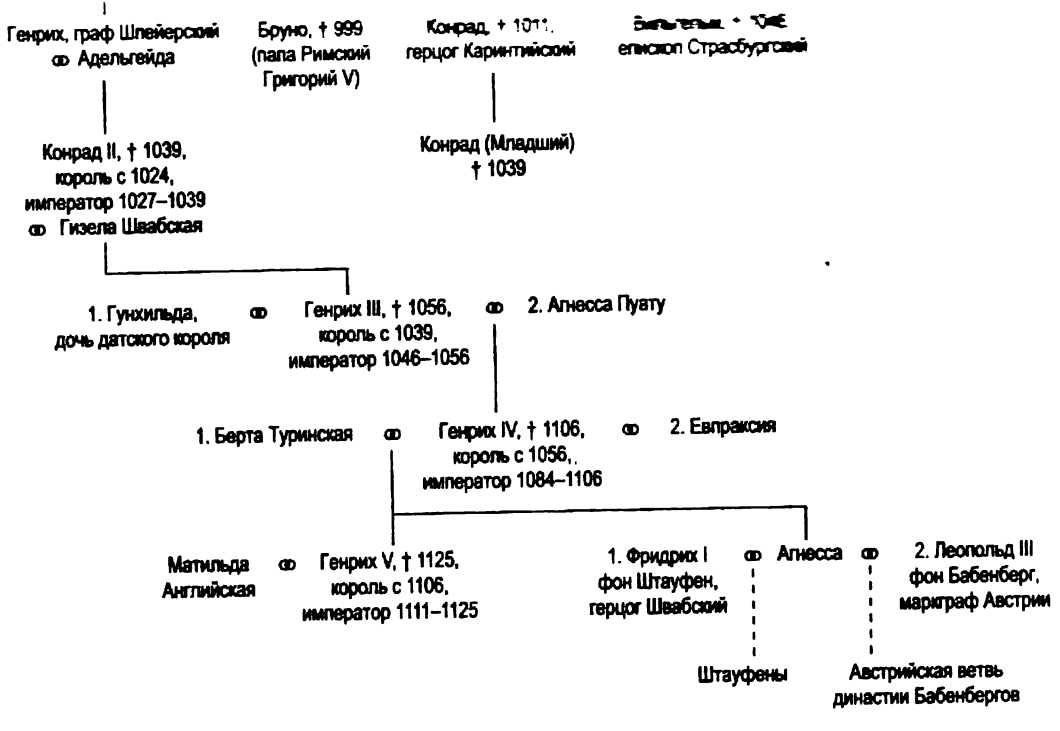
Первые годы правления Оттона I (936–973 гг.) были очень непростыми. Его притязания на непосредственное королевское господство и на высшую церковную власть (назначение епископов в королевстве) привело его к опасным конфликтам с родовыми герцогами и собственными родственниками (Танкмар, Генрих), которые чувствовали себя отстраненными от власти. Еще до битвы на р. Лех Оттон попал в крайне сложное, поначалу казавшееся почти безвыходным положение из-за мятежа своего сына Людольфа (953–954 г.). Попытки Оттона прийти к согласию путем пожалования своим родственникам герцогских титулов были малоуспешными. Тем не менее, в этот период было положено начало развития немецкой истории в некоторых важных направлениях:

после поражения восстания 938–939 гг. Оттон присоединил к своему королевству герцогство Франконию и тем самым утвердил традицию, «схожую с традицией королевской власти», в районе Майна и среднего Рейна (и Морав). Кроме того, провал политики компромиссов и опоры на семейные связи способствовал тому, что король — опять-таки совершенно в духе каролингской традиции — все больше привлекал церковь (епископов и аббатов) для укрепления своей власти. Показательным примером этой тенденции может служить брат Оттона Бруно, архиепископ Кельнский и одновременно герцог Лотарингии. Благодаря церковной организации империя Оттона поначалу располагала исключительными инструментами власти, однако впоследствии потенциал угрозы возобладал. Конечно, это невозможно было предугадать в середине X в., но то, что Оттон I включил церковь в свою систему власти, без сомнения, в конечном итоге породило конфликт между императором и папой в последнюю треть XI в.

Победа над венграми на р. Лех (955 г.) сама по себе не означала начала новой эпохи, но была сигналом кардинального изменения политической ситуации в Европе. Ослабление внешней угрозы на всех границах способствовало демографическому и экономическому подъему, а также позволило западноевропейскому христианству перейти от обороны к наступлению. Однако непосредственное значение победы над венграми в 955 г. сводилось для Оттона I к усилению власти и престижа, который позволял ему в полном объеме продолжить традицию Каролингов в итальянской политике. В тесном взаимодействии с папством, закрепленным в Оттоновой грамоте (Pactum Ottonianum), Оттон сумел в феврале 962 г. возродить в Риме западное императорство. Это продолжение императорской политики Каролингов, разумеется, не было — вопреки распространенному мнению — роковым решением для последующей немецкой истории,

Саксонская и Салическая династия

Генрих, граф Шлейерский
∞ Адельгейда
Бруно, † 999
(папа Римский
Григорий V)
Конрад, † 1011,
герцог Каринтийский
епископ Страсбургский
Конрад II, † 1039,
король с 1024,
император 1027–1039
∞ Гизела Швабская
Конрад (Младший)
† 1039
1. Гунхильда,
дочь датского короля
∞
Генрих III, † 1056,
король с 1039,
император 1046–1056
∞
2. Агнесса Пуату
1. Берта Туринская
∞
Генрих IV, † 1106,
король с 1056,,
император 1084–1106
∞
2. Евпраксия
Матильда
Английская
∞
Генрих V, † 1125,
король с 1106,
император 1111–1125
1. Фридрих I
фон Штауфен,
герцог Швабский
∞
Агнесса
∞
2. Леопольд III
фон Бабенберг,
маркграф Австрии
Штауфены
Австрийская ветвь
династии Бабенбергов

которая, впрочем, во многом складывалась под влиянием этого события, имевшего последствия на протяжении столетий, вплоть до недавнего прошлого: заимствование представления Каролингов о великой империи означало притязание на высшую власть, в перспективе над всем христианским миром. Подобная цель резко критиковалась соседями Германии уже в эпоху Высокого Средневековья. Она же стала причиной того, что в Германии, в отличие от Англии и Франции, не возникла централизованная королевская власть, единое «национальное государство». В XIX в. это убедило многих немцев в том, что самостоятельное развитие Германии началось слишком поздно.

Успешная политика христианизации на востоке (учреждение архиепископства Магдебургского в 967 г.) и урегулирование отношений с Византией (бракосочетание Оттона II с принцессой Феофано в 972 г. в Риме) также способствовали тому, что к моменту смерти Оттона I (973 г.) возрожденное им императорство достигло вершины власти и уважения. Однако очень скоро на окраинах империи стали проявляться признаки надвигавшегося кризиса: войска Оттона II (973–983 гг.) в 982 г. потерпели жестокое поражение от арабов в Южной Италии. Одновременно с этим (вопрос причинно-следственной связи между этими событиями остается спорным) в ходе восстания славян в 983 г. в междуречье Эльбы и Одера были уничтожены практически все результаты миссионерской деятельности. Стабилизация положения во время регентства (до 994 г.) над Оттоном III (983–1002 гг.) была целиком заслугой его матери Феофано († 991) и бабки Адельгейды († 999). Под влиянием реймского архиепископа Герберта Орильякского Оттон III разработал новую концепцию империи и императорской власти, которая раньше обычно критиковалась как нереалистичная, а в последнее время рассматривается как вершина имперской политики. Он стремился к восстановлению

Римской империи (Renovatio imperii Romanorum), хотел возродить античную Римскую империю со столицей в Риме и императором, объединявшим в одном лице светскую и духовную власть. Создание в Польше (1000 г.) и Венгрии (1001 г.) церковной организации, связанной непосредственно с Римом, а не с церковью Германского королевства, строительство императорского дворца в Риме, введение римско-византийского придворного церемониала доказывают, что Оттон III всерьез намеревался реализовать свои планы. В конце концов, основной причиной их крушения стало сопротивление населения Рима (мятеж в 1001 г.).

Вступление на престол последнего императора из Саксонской династии Генриха II (1002–1024 гг.) было значимым событием для истории государственного правления. В ситуации открытого выбора, без назначенного преемника, он был возведен на престол не по праву происхождения, а в результате выборов. При этом впервые высокие духовные лица принимали решение совместно с выборщиками из числа светской знати, что также имело значение для последующей истории. Таким образом, несмотря на бесконфликтную передачу власти от отца к сыну в предшествующие годы, право наследования не закрепилось в Германском королевстве.

Генрих II определенно стремился возродить не Римскую империю, а Франкское королевство. Это, разумеется, было своеобразным ограничением, но отнюдь не прекращением имперской политики Каролингской династии. Неоднократные походы в Италию и постоянные войны на восточной границе, в первую очередь с польским герцогом Болеславом Храбрым, свидетельствуют о сохранении идеи великой империи и императорской власти.

Средства для реализации своей политики Генрих II черпал главным образом у церкви, которой он оказывал щедрую поддержку (учреждение епископства Бамбергского), но от которой в то же время требовал взамен так

много, как ни один правитель до него. В основе таких отношений лежало убеждение, что король, помазанный на царство, должен обеспечивать защиту и процветание церкви и имеет право требовать за это безоговорочной и неограниченной поддержки с ее стороны. При этом император чувствовал себя настолько уверенно, что даже удостоил своим благосклонным вниманием клюнийскую монастырскую и церковную реформы. Разумеется, тогда сложно было предсказать, к чему это приведет.

Выборы Конрада II (1024–1039 гг.) и, соответственно, бесконфликтный переход власти к Салической династии (это обозначение было присвоено ей позже) свидетельствует о стабильности королевской власти в империи, в отличие от бессилия короны во Франции в этот же период. Конрад состоял в родственных отношениях с Оттонами и во многом продолжал их политику без значительных изменений (коронация на императорство в 1027 г., заключение мира с Польшей в 1033 г., итальянский поход в 1036–1037 гг.). Однако в выборе средств он пошел по другому пути. Не вступая в конфронтацию с высшим дворянством, в качестве опоры своей власти он привлекал новые социальные слои — вальвассоров (мелких феодалов) в Италии и лично зависимых министериалов в Германии. Также прослеживается установление первых контактов с формирующимся слоем горожан. Однако, несмотря на эти нововведения, при Конраде II (который, кстати, начал строительство Шпейерского собора) церковь по-прежнему оставалась главным помощником правителя, который взимал плату за назначение на церковные должности, в связи с чем был посмертно обвинен в симонии.

К значимым событиям в период правления Конрада II относится дальнейшее расширение империи. Опираясь на соглашения, заключенные еще Генрихом II, он в 1032 г. стал преемником бездетного короля Бургундии Рудольфа III. Церемония коронации состоялась в 1033 г.

Императоры Салической династии.
Империя на пути к борьбе за инвеституру

1024–1039	Конрад II, первый император из Салической династии (с 1027 г.).
1026–1027	Первый итальянский поход Конрада.
1032	Конрад становится преемником короля Бургундии Рудольфа III.
1037–1038	Второй итальянский поход Конрада.
1039–1056	Генрих III, император с 1046 г.
1044	*Формирование оппозиции Готфрида Лотарингского против Генриха III.*
1046/1047	*Первый итальянский поход; низложение трех пап в г. Сутри.* Епископ Бамбергский Свидгер становится первым папой Римским немецкого происхождения (Климент II).
1049–1059	*Лев IX, первый папа-реформатор.*
1055	*Второй итальянский поход Генриха.*
1056–1106	Генрих IV, совершеннолетний с 1065 г., император с 1084 г.
1059	Декрет Николая II о порядке избрания пап.
1073	Начало восстания против Генриха в Саксонии.
1073–1085	Папа Григорий VII.
1075	Победа Генриха над саксонцами при Гомбурге на р. Унштрут.
1075 ?	Диктат папы (Dictatus papae) Григория VII.
1076	Генрих низлагает Григория (Вормсский синод), тот, в свою очередь, отлучает Генриха от церкви.
1077	Публичное покаяние Генриха в Каноссе; снятие отлучения.
1080	*Григорий повторно отлучает Генриха от церкви.*
1084	*Коронование Генриха на императорство в Риме антипапой Климентом III; проклятие со стороны Григория.*
1085	*Провозглашение «божьего мира» в Германии*
1095	Призыв папы Урбана II к крестовому походу на Клермонском соборе.
1096	Еврейские погромы в связи с подготовкой к крестовым походам.
1104–1105	Генрих V присоединяется к оппозиции против своего отца.
1106–1125	Генрих V, император с 1111 г.
1110–1111	Первый итальянский поход Генриха; вынужденные уступки папы Пасхалия II (Privilegium).
1112	Отлучение Генриха от церкви.
1116–1118	Второй итальянский поход Генриха.
1122	После длительных переговоров Генрих и папа Каликст II заключают Вормсский конкордат.

в Пайерне (Петерлинген). Конечно, королевская власть на новой территории, простиравшейся до устья Роны, была слабой, но тем не менее Бургундия, наряду с Германией и Италией, отныне стала третьим королевством, входившим в состав империи.

Генрих III (1039–1056 гг.), назначенный преемником еще в 1026 г., начал свое правление, занимая уже очень сильную позицию. Его отец сделал его герцогом Франконии, Швабии и Баварии, а в 1039 г. к этому добавилась еще Каринтия. О возможностях и пределах «централизации» империи при королях Салической династии красноречиво свидетельствует тот факт, что Генрих III впоследствии раздал эти герцогства в качестве бенефиций. Впрочем, чтобы подчеркнуть, что эти пожалования сделаны в награду за службу короне, он поставил во главе этих герцогств пришлых людей.

Насколько позволяют судить дошедшие до нас источники, Генрих III был, пожалуй, самым благочестивым правителем эпохи Средневековья. Именно поэтому он предъявлял и реализовывал право вмешательства в дела церкви в той мере, которая была недоступна его предшественникам. Так, к неоспоримым вершинам императорской власти относится низложение Генрихом III трех соперничавших пап (Сутри, 1046 г.), коронование на императорский престол с присвоением титула Patricius Romanorum (с этим было связано право первого голоса при выборах папы) и назначение Бамбергского епископа Свидгера (Климента II, 1046–1047 гг.) папой Римским — первого в целом ряду пап немецкого происхождения.

Впрочем, сегодня все чаще делается акцент на кризисных явлениях, подвергавшихся резкой критике уже в период правления Генриха III. Он был вынужден отказаться от сюзеренитета над Венгрией, утратив, таким образом, часть территории к северу от Альп; не смог он добиться успеха и в борьбе против мятежного герцога Лотарингии Готфрида. Попытка провозгласить мир во всей империи

прервалась в 1043 и 1044 гг. вследствие усиления дворянской оппозиции. Церковная политика Генриха III, разумеется, не подвергалась серьезной критике при его жизни, и девиз клюнийской реформы о свободе церкви (libertas ecclesiae) еще не был направлен против императора и империи. Однако именно потому, что Генрих III воспринимал себя как сакрально легитимированного правителя, он безоговорочно поддерживал реформаторское движение и тем самым, разумеется, сам того не желая, способствовал изменению курса, которое стало роковым для империи. Решающую роль в этом изменении сыграл понтификат третьего «немецкого» папы Льва IX (1049–1054 гг.), двоюродного брата императора. Для поддержки своей программы реформ он вызвал в Рим монаха Гильдебранда (впоследствии папа Григорий VII, активно участвовавший в спорах об инвеституре) и Гумберта из аббатства Муайенмутье, ставшего позднее одним из самых ярких пропагандистов реформы, известным под именем Гумберта де Сильва-Кандида. Сам Лев IX придавал большое значение мирным отношениям с императором, однако решения собора против святокупства (симонии) и вступления в церковные должности без канонических выборов (1049 г.) могли быть опасны в том случае, если бы между духовным главой и светским правителем христианского мира исчезли отношения личного доверия.

Начало конфликта — ускоренное скоропостижной кончиной Генриха III — вскоре показало, что на самом деле проблема здесь заключалась отнюдь не только в межличностном взаимопонимании: темой спора было разделение имперской власти и церкви, прекращение симбиоза, который сложился в церковной организации при Каролингах, Оттонах и Салиях. Как понятно современным историкам, именно с этого начались серьезные перемены во второй половине XI в., которые имели решающее значение для европейской истории. Они были направлены

против присущих каролингской традиции представлений о мировом господстве и благоприятствовали мелкоземельной, «национальной» ориентации. Окольными путями (притязания церкви на мировое господство) все шло к кардинальному отмежеванию церкви от государства в западноевропейской культуре. По сути спор вокруг инвеституры не ограничивался конфликтом по поводу назначения на церковные должности светскими лицами.

Генрих IV (1056–1106 гг.), бывший третьим представителем Салической династии и избранный королем еще при жизни своего отца (1053 г.), был объявлен совершеннолетним в 1065 г., но фактически смог начать самостоятельно править приблизительно в 1068 г. Слабость власти в период правления его опекунов (формального регентства тогда еще не было) — сначала вдовствующей императрицы Агнессы, затем архиепископа Кельнского Анно и Бременского Адальберта — высшее дворянство использовало для расширения своих владений за счет королевских угодий, а реформаторская церковь — для освобождения от влияния императорского двора. Попытка вернуть все к прежнему состоянию неизбежно должна была привести к конфликту. Опираясь на советников, которые в основном были выходцами из министериалов, Генрих IV очень энергично принялся за возведение новой основы для своей королевской власти — непосредственного, тотального господства над территорией к востоку от Гарца, которую он защитил крепостными сооружениями. В ответ на это в 1073 г. среди дворянства вспыхнуло восстание, начавшееся в Саксонии. От катастрофы короля спасли граждане Вормса (преимущественно министериалы Салического дома), и победа над Саксонией (1075 г.) стала первой вершиной его правления.

Несмотря на выборы папы без участия императорского двора и по сути враждебные к империи решения (декрет о порядке избрания пап 1059 г., распространение состава преступления, называемого симонией, и

на светскую инвеституру), римская курия и император после 1056 г. неоднократно предпринимали попытки установить и сохранить modus vivendi. Это относилось к началу самостоятельного правления Генриха IV и к первым годам понтификата Григория VII, избранного в 1073 г. на неканонических выборах, несмотря на то что это открытое притязание на верховную власть (Dictatus Papae 1075 г.) уже не оставляло возможностей для компромисса. Поступая неразумно с точки зрения стратегии, король сначала пошел в наступление. Победив в Германии, он хотел в полном объеме восстановить свою духовную власть и в Италии (назначение епископов в Милане, Фермо, Сполето) и тем самым буквально спровоцировал протест со стороны папы, который, впрочем, был высказан в непривычно резкой форме. Затем, опираясь на епископат, видевший в папских реформах угрозу своему политическому положению, Генрих IV в начале 1076 г. решился на окончательный разрыв с Григорием VII. Реакция папы — низложение и отлучение короля от церкви — знаменовала собой переход борьбы за инвеституру в стадию открытого конфликта.

Мы не можем проследить во всех изменчивых подробностях последовавший за этим и продлившийся несколько десятилетий конфликт, в ходе которого впервые широко применялась пропаганда. Под давлением формировавшейся дворянской оппозиции Генрих IV принес свое знаменитое покаяние в Каноссе (1077 г.), тем самым принудив папу снять с него отлучение от церкви. Однако гораздо более важные последствия, чем этот часто преувеличиваемый тактический успех, имело то, что сакральной легитимации светского правителя (через милость Божью), его притязанию на равноправное и равноценное положение наряду с духовной верховной властью был нанесен тяжелый ущерб, в том числе в глазах современников. Несмотря на блестящие успехи в Германии («божий мир» 1085 г., коронация старшего сына

Конрада в 1087 г. в Ахене), равно как и в Италии (коронация на императорство в 1084 г., бегство Григория VII и его смерть в изгнании в 1084/85 г.), Генрих, получая постоянно ответные удары, так и не сумел восстановить прежнее положение императорской власти, существовавшее в период оттонско-салической династии. Годы его правления, окрашенные в трагические тона ввиду оппозиции со стороны его собственной семьи, знаменовали собой «закат королевской власти Салической династии и западноевропейской императорской власти» (А. Хаверкамп). Этому соответствует и то, что в 1095 г. именно папа (Урбан II, 1088–1099 гг.), а не император призвал христианский мир к отвоеванию Святых мест, т. е. к крестовому походу. Глава империи, равно как и сама империя были к этому непричастны. И тем не менее эти годы оставили глубокий след в немецкой истории: яростные гонения на евреев, начавшиеся в рейнском регионе в период подготовки к крестовому походу 1096 г., стали поворотным моментом, ибо отныне экономическое и правовое положение еврейского меньшинства стало постепенно ухудшаться.

Генрих V (1106–1125 гг.), тоже избранный наследником еще при жизни своего отца и коронованный уже в 1098 г., в 1104–1105 гг. встал на сторону папы и дворянской оппозиции. Однако едва он взошел на престол, он продолжил традиционную императорскую политику по отношению к папской церкви. Впоследствии такое поведение правителей еще не раз можно было наблюдать в немецкой истории. Оказалось, что то, чего можно было достичь властно-политическими средствами в краткосрочной перспективе, невозможно было удержать на протяжении долгого времени. Во время своего первого итальянского похода в 1110 г. Генрих V практически без усилий отвоевал имперские лены в Италии, а вот переговоры с папой Пасхалием II (1099–1118 гг.) о коронации на императорство и взаимных правах проходили гораздо

тяжелее. Сначала взаимопонимания искали в радикально-утопическом направлении. Отказ от всех имперских ленов и регалий должен был освободить церковь от любых светских притязаний и обязательств. От этого в духовной сфере выиграл бы папа, а в светской — Генрих V. Однако проект договора провалился из-за сопротивления главных заинтересованных сторон — высшего дворянства и духовенства. Реакция короля снова соответствовала салическому пониманию церковной власти: он взял папу под стражу и вынудил его пойти на уступки, в первую очередь в отношении инвеституры (Privilegium 1111). Однако из обещанного реализована была лишь коронация на императорский трон, сам «договор» был объявлен церковью недействительным, а Генрих V был повторно отлучен от церкви.

Территориальная политика императора в Германии постоянно наталкивалась на сопротивление оппозиции, а переговоры с папой продвигались крайне медленно. При этом в намеченном Иво Шартрским разделении духовной и светской сферы (spiritualia-temporalia) указывался путь решения проблемы, и на этом основании папская курия в 1107 г. уже достигла согласия с Англией и Францией. То, что переговоры между папой и императором проходили гораздо тяжелее, было прямым следствием церковной организации в империи: тесное переплетение государства и церкви придавало вопросу о праве инвеституры политическое значение. Лишь в 1122 г. был провозглашен «Вормсский конкордат» (названный так в XVII в.), который гарантировал императору — за счет права участия в выборах — определенное влияние на назначение епископов и аббатов в Германии. О значении конкордата много спорили. Не вызывает сомнений лишь то, что сильные правители (и это доказали Штауфены) благодаря ленным обязательствам могли и дальше использовать церковь как инструмент своей политики. Однако точно так же не вызывает сомнений и

то, что после 1122 г. правовые основы оттонско-салической церковной системы уже не были главным условием общеимперского господства.

Взлет Гогенштауфенов к последней вершине императорской власти в эпоху Высокого Средневековья

1125–1137	Лотарь III, граф Суплинбургский, с 1133 г. император.
1127	Конрад из династии Гогенштауфенов становится антикоролем.
1134–1135	Конрад и Фридрих Швабский из династии Гогенштауфенов вынуждены признать Лотаря.
1138–1152	Конрад III, первый король Германии из династии Гогенштауфенов.
1142	Конрад признает Генриха Вельфа (Льва) герцогом Саксонским.
1147	После проповеди Бернара Клервоского Конрад отправляется во второй крестовый поход.
1148	Конрад заключает союз с Византией.
1152–1190	Фридрих I Барбаросса, император с 1155 г.
1153	Фридрих I подписывает в Констанце договор с папой Евгением III.
1154	Генрих Лев получает во владение герцогство Баварию.
1154/1155	Первый итальянский поход Фридриха.
1156	Восточная марка (будущая Австрия) получает статус герцогства и передается — вместе с особыми привилегиями — Бабенбергам.
1156–1167	Райнальд фон Дассель, канцлер, с 1159 г. архиепископ Кельнский.
1157	Сейм в Безансоне, возмущение по поводу послания (буллы) папы и его понимания императорской власти.
1158–1162	Второй итальянский поход Фридриха.
1158	Сейм в Ронкали, провозглашение имперских прав.
1162	Разрушение Милана.
1166–1168	Четвертый итальянский поход Фридриха.
1167	Эпидемия чумы под Римом.
1176	Генрих Лев в Кьявенне отказывает Фридриху в помощи в пятом итальянском походе; поражение императора в битве при Леньяно.
1177	В Венеции подписан мирный договор между Фридрихом и папой Александром III.
1180	Трибунал над Генрихом Львом.
1083	Констанцский мир между Фридрихом и Ломбардской лигой.
1186	Бракосочетание Генриха VI и Констанции, наследницы Сицилийского королевства.

1189	Фридрих отправляется в третий крестовый поход.
1190–1197	Генрих VI, император с 1191 г.
1191	Первый итальянский поход; отступление Генриха под Неаполем.
1192	Ричард Львиное Сердце, король Англии, взят в плен под Веной.
1194	Король Англии отпущен из плена за большой выкуп; Генрих в Палермо коронован на царствование в Сицилийском королевстве.
1196	Попытка Генриха сделать германскую корону наследственной проваливается; королем Германии избирается его сын Фридрих, которому еще не исполнилось и двух лет.
1197	Восстание против Генриха в Сицилии подавлено.
1198	Двойные выборы: Филиппа Швабского (1198–1208 гг.) и Оттона IV Вельфа (1198–1218 гг., император с 1209 г.).
1200–1201	*Папа Иннокентий III встает на сторону Оттона и претендует на право участия в выборах императора.*
1208	*После убийства Филиппа Оттон признан императором с общего* согласия.
1212–1250	Фридрих II, император с 1220 г.
1212	Авантюрное путешествие Фридриха в Германию с целью оспорить корону у Оттона.
1214	Войска Оттона и короля Англии разбиты в битве при Бувине против короля Франции Филиппа II Августа.
1215	Обещание Фридриха участвовать в крестовом походе
1220	Фридрих вступает в союз с духовными князьями (confoederatio). Королем Германии избирается Генрих (VII).
1226	Римининская золотая булла с изложением основ Тевтонского ордена.
1227	Папа Григорий IX временно отлучает Фридриха от церкви.
1228–1229	Крестовый поход Фридриха. Договор о возвращении Иерусалима христианам.
1230	*Примирение Фридриха и папы в Сан-Джермано.*
1232	Закон в пользу князей (Statutum in favorem principum); последовавший за этим мятеж Генриха (VII).
1235	Триумфальный поход императора по Германии; низложение и взятие в плен Генриха (VII); провозглашение «Имперского земского мира» в Майнце.
1239	Папа снова и уже окончательно отлучает Фридриха от церкви.
1245	Низложение императора на Лионском соборе.
1246	Фридрих провозглашает герцогство Австрийское имперским леном.
1247	Граф Вильгельм Голландский избирается антикоролем Германии.
1248	Поражение Фридриха при Парме.

Выбор преемника в 1125 г. показывает, что целого столетия правления Салической династии было недостаточно для того, чтобы ввести право наследования вместо права выбора короля высшим дворянством. В этом необязательно видеть «национальное» несчастье немцев, но именно это было одним из принципиальных отличий истории Германии от истории развития других западноевропейских королевств.

После смерти Генриха V в 1125 г. швабский герцог Фридрих II и его брат Конрад имели наибольшие основания претендовать на престол, ибо они были сыновьями дочери Генриха IV Агнессы, состоявшей в браке с Фридрихом Гогенштауфеном. Однако выборщики короля предпочли герцога Саксонии Лотаря Суплинбургского (1125–1137 гг.). Впрочем, в отличие от более поздних «springenden» выборов, он не был (заведомо) слабым кандидатом, а, напротив, являлся наиболее могущественным членом антисалической княжеской оппозиции. Несмотря на то что в конце 1127 г. Конрад стал антикоролем, Лотарь сумел подчинить своей власти южные области империи, а захватив Нюрнберг, Шпейер и Ульм, занял ключевые позиции Гогенштауфенов. В конце концов Фридрих (1134 г.) и Конрад (1135 г.) были вынуждены ему покориться. Непродолжительное время правления и новая смена династий в 1138 г. не позволяют с уверенностью судить о том, действительно ли политика Лотаря III к северу и к югу от Альп обозначила альтернативные направления, по которым могла бы развиваться Германия. Продолжительные последствия имел его курс на христианизацию славян, послуживший началом широкомасштабной колонизации восточных территорий в XII в., а также дружественная политика по отношению к папе. Молва о том, что Лотарь якобы является вассалом папы, впоследствии использовалась для оправдания притязаний курии на вмешательство в дела королевства и империи.

После неудачной первой попытки корона все же перешла к Гогенштауфенам, имевшим земельные владения на юго-западе империи: в 1138 г. королем был избран Конрад III (1138–1152 гг.). Восхождение Гогенштауфенов к вершинам власти было связано с их приверженностью Салическому дому, однако они отнюдь не были (как это в романтических тонах изображалось прежде) мелкими феодалами или тем более несвободными. Новая династия попыталась еще раз утвердить императорскую власть в качестве реальной политической силы, т. е. продолжала традиции Каролингской и Саксонской династий. Тот факт, что для воплощения этой цели использовались также новые, «современные» средства, особенно при Фридрихе II, способствовал тому, что оценка деятельности Гогенштауфенов всегда была противоречивой. При этом нередко доминировал аисторичный вопрос о том, как велики заслуги этой династии в формировании централизованного, «немецкого национального» королевства, причем об отрицательном отношении к «планам мирового господства» Гогенштауфенов в Западной Европе часто забывают. Память об этом периоде обременила процесс создания империи в 1871 г. ложными обращениями к средневековой истории императорской власти.

Первые шаги правителей из династии Гогенштауфенов были довольно скромными. В результате борьбы за инвеституру сложилась такая ситуация, что территориальное господство (так называемые частные королевские владения) стало важнейшим условием дееспособной королевской власти. С этой точки зрения Конрад III находился в явно невыгодном положении по сравнению со своим главным противником: герцог Генрих Вельф (Гордый) имел в своем владении два герцогства — Саксонию и Баварию. Ожесточенная борьба между партией Вельфов и Гогенштауфенов, которая велась во всех регионах империи, поутихла, когда в 1142 г. Генрих Лев, еще не достигший совершеннолетия, был признан Конрадом

в качестве герцога Саксонского. Впрочем, достичь официального примирения при жизни короля так и не удалось. Современники справедливо — по крайней мере, с их субъективной точки зрения — воспринимали постоянные конфликты как признак кризиса и упадка.

Конрад III предпринял попытку устранить «территориальную» слабость своей королевской власти. Для этого он начал захватывать территории во Франконии, постепенно расширяя свои владения на восток. При этом, продолжая салическую традицию, в качестве управителей он предпочитал назначать министериалов, и там, где он, в духе эпохи, повелевал вырубать леса, работавшие на вырубке крестьяне находились непосредственно в его подчинении; высшее дворянство как промежуточное звено в иерархии власти оказалось не у дел. Таким образом, Конрад III предопределил будущие направления территориальной политики Гогенштауфенов и сам достиг определенных успехов на этом пути. Однако они были слишком ограниченными, чтобы повлечь за собой видимые сдвиги в сторону усиления королевской власти.

Несмотря на то что перспективы в конфликте с Вельфами были не самими радужными, Конрад III стал претендовать на положение, характерное для императорского статуса. Это проявилось в его участии во втором крестовом походе (1148–1149 гг.), проповедником которого выступил Бернар Клервоский, а также в успешных переговорах с императором Византии и в отношениях с папой: Конрад демонстративно носил титул rex Romanorum semper augustus, который до этого никем не использовался. В этом, по сути аисторичном соединении германского королевства и Римской империи он выражал притязание на господство над всей империей, включая Италию и Бургундию, исключительно на основании королевских выборов и без официальной передачи власти из рук папы. Тем самым Конрад предвосхитил основные черты политики Гогенштауфенов. Однако он так и не смог осу-

осуществить ни один из своих грандиозных планов — среди которых был совместный с Византией поход против норманнов в южной Италии. Позиция германской части империи по отношению к церкви, положение короля / императора в системе сил, которая начинала складываться в Европе, оставались в равной мере неясными.

Фридрих I Барбаросса (1152–1190 гг.), выборы которого прошли без каких бы то ни было сложностей, по-видимому, благодаря предварительной договоренности с Вельфами весной 1152 г., сразу по вступлении на престол объявил общеимперский земский мир. В соответствии с этим постановлением две важнейшие задачи — улаживание внутренних дел империи и отношений с папской церковью — должны были решаться путем переговоров.

С высшим дворянством, которое к тому времени оформилось в сословие имперских князей (непосредственные вассалы императора), Фридрих стремился достичь отношений компромисса и отойти от конфронтационного курса, проводившегося Салической династией. Он узаконил легитимные с точки зрения империи притязания князей. От этого выиграли прежде всего Церингены (имперские лены для Бертольда IV в Бургундии), Вельф IV (имперские лены в Италии) и особенно Генрих Лев, вступивший в коалицию с Фридрихом Барбароссой. Среди прочего Вельф получил право пожалования регалий для епископств, основанных с целью христианизации — Ольденбурга, Ратценбурга и Мекленбурга. До сих пор этим правом обладал только король. Однако основным его приобретением стало герцогство Бавария (1154 г.). Интересы Генриха Язомирготта из династии Бабенбергов, вынужденного вернуть Баварию Вельфам, были удовлетворены следующим образом: маркграфство Австрия, принадлежавшее с X в. Бабенбергам, было отделено от Баварии и получило статус герцогства (1156 г.). Изданный в связи с этим документ (privilegium minus) расширял полномочия герцогов (судебная власть, право

наследования) и сокращал обязательства по отношению к империи. Оглядываясь назад, можно сказать, что это был важный шаг в направлении к княжескому территориальному государству в целом и к обособлению Австрии в частности.

Решение урезать родовое герцогство Баварию не было случайным, и это стало ясно несколько лет спустя, когда решалась судьба владений Вельфов на севере империи. Поначалу бесконфликтные отношения союзничества Фридриха и Генриха Льва, трактуемые в некоторых исследованиях как раздел империи на две части, около 1175 г. начали стремительно ухудшаться. То, что Вельф во время итальянского похода Фридриха отказал ему в своей помощи в Кьявенне (1176 г.), могло означать только одно — открытый конфликт. До сих пор игнорировавшиеся Барбароссой жалобы на Генриха со стороны его врагов в Саксонии послужили отправной точкой для судебного процесса, который по сути объяснялся политическими мотивами. В начале 1180 г. у герцога были отняты все его лены, в том числе Бавария и Саксония. Хотя юридической нормы об обязательной раздаче земель во владение не существовало, Фридрих по политическим соображениям снова пожаловал оба герцогства новым владельцам, правда, разделив их на более мелкие: новое герцогство Вестфалию получил епископ Кельнский, урезанная Саксония перешла маркграфу Бернгарду Ангальтскому; герцогом Баварии стал Оттон Виттельсбахский, отделенную от нее Штирию император также сделал герцогством.

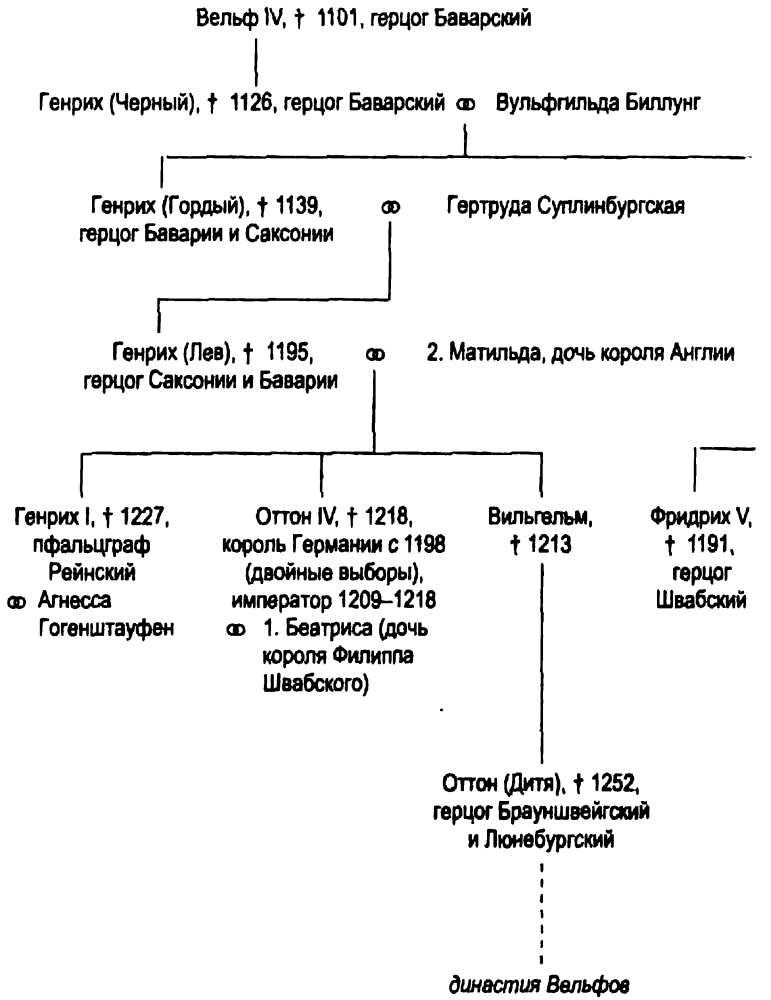
В действиях императора в период между 1156 и 1180 гг. можно увидеть определенную политическую программу: раздел крупных родовых герцогств на обозримые территориальные единицы под властью князя, получавшего привилегии от государя. Обладатели этих привилегий по идее должны были быть связаны с главой империи через систему ленного права и общность интересов, однако эти

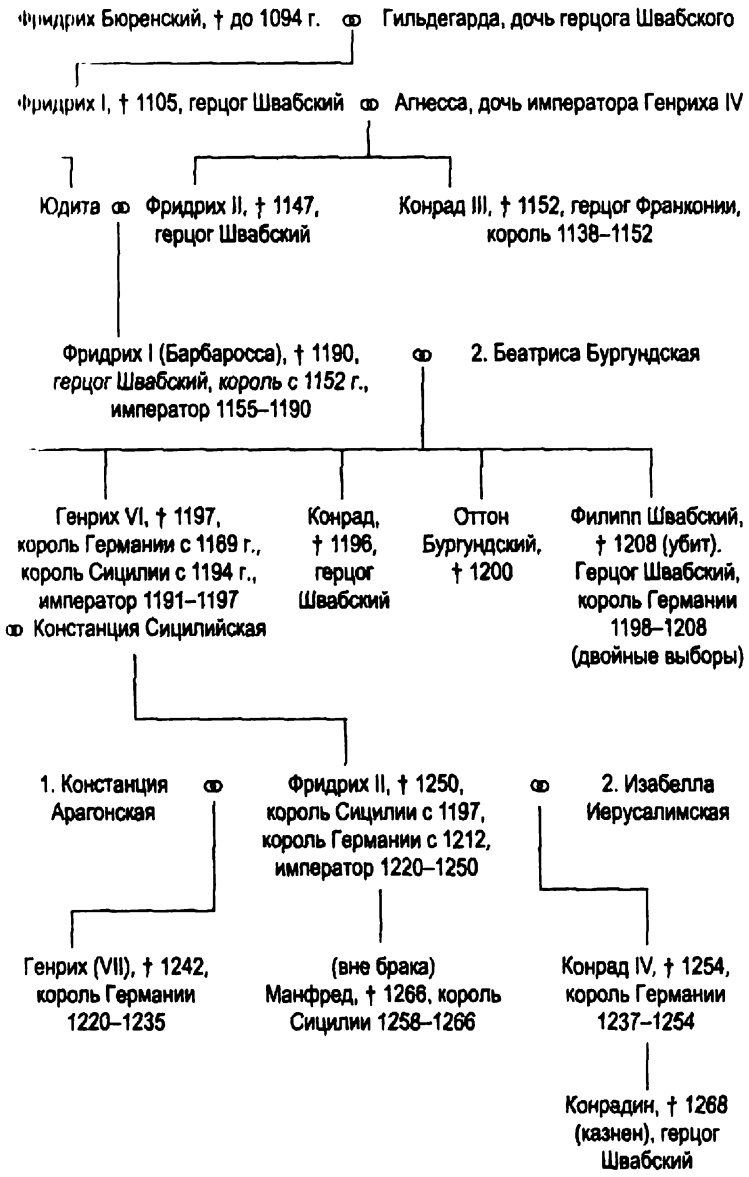
связи оказались слишком непрочными. Помимо воли Фридриха Барбароссы, во второй половине XII в. были созданы предпосылки возникновения в Германии — в отличие от остальной Западной Европы — современной государственности в территориальных границах.

Политика усиления княжеской власти, однако, не означала отказа от непосредственной реализации прав господства со стороны Фридриха I. Это видно по его действиям в Бургундии (1156 г.) и на восточной границе империи (Польский поход в 1157 г.), однако прежде всего по его церковной и территориальной политике. Он с самого начала настаивал на том, чтобы назначаемые епископы были дружественны Гогенштауфенам, и достиг в этом больших успехов, тем самым показав, что он придерживается принципа прямого церковного господства. Впоследствии ему удавалось привлекать церковь в совершенно невиданном доселе объеме для реализации своей политики. На церковь были возложены обязанности, в частности, по снабжению двора, военной и дипломатической службе.

Что касается территориальной политики, то здесь Фридриху удалось продолжить начинания Конрада III. От Граубюнденских перевалов через области, прилегающие к Боденскому озеру, долину Верхнего Рейна, междуречье Рейна и Майна, Эгерланд до Тюрингии и Саксонии возникла зона императорских владений, которые в большинстве своем управлялись министериалами. Впрочем, окончательного оформления этих территорий в «королевское государство» так нигде и не произошло, а, возможно, к нему никто и не стремился. Само собой разумеется, что в ходе реализации этой политики территориальной экспансии происходили столкновения с городами, которые в то время интенсивно развивались к востоку от Рейна. Отношение Барбароссы к бюргерству, обладавшему большим потенциалом в качестве фактора власти, широко обсуждалось историками. Конечно, он не был

Гогенштауфены и Вельфы

Фридрих Бюренский, † до 1094 г. ∞ Гильдегарда, дочь герцога Швабского
Фридрих I, † 1105, герцог Швабский ∞ Агнесса, дочь императора Генриха IV
Юдита ∞
Фридрих II, † 1147, герцог Швабский
Конрад III, † 1152, герцог Франконии, король 1138–1152
Фридрих I (Барбаросса), † 1190, герцог Швабский, король с 1152 г., император 1155–1190
∞ 2. Беатриса Бургундская
Генрих VI, † 1197, король Германии с 1169 г., король Сицилии с 1194 г., император 1191–1197
∞ Констанция Сицилийская
Конрад, † 1196, герцог Швабский
Оттон Бургундский, † 1200
Филипп Швабский, † 1208 (убит). Герцог Швабский, король Германии 1198–1208 (двойные выборы)
1. Констанция Арагонская ∞
Фридрих II, † 1250, король Сицилии с 1197, король Германии с 1212, император 1220–1250
∞ 2. Изабелла Иерусалимская
Генрих (VII), † 1242, король Германии 1220–1235
(вне брака) Манфред, † 1266, король Сицилии 1258–1266
Конрад IV, † 1254, король Германии 1237–1254
Конрадин, † 1268 (казнен), герцог Швабский

:вободен от влияния эпохи: там, где император зависел от службы епископа, являвшегося одновременно правителем города, он не мог выступать одновременно в качестве покровителя «городской вольности»; но там, где он сам обладал непосредственной властью над городами, как, например, в Гагенау, Гельнгаузене или Ахене, он способствовал их экономическому развитию, предоставляя им щедрые привилегии. При этом взаимодействие с торговлей, рынками, ярмарками, негоциантами, денежной системой, в общем, с развивавшейся «экономикой» было таким тесным, как ни при одном предшественнике Фридриха.

По отношению к папской церкви Фридрих I также поначалу придерживался пути переговоров и подписал в 1153 г. в Констанце договор, тем самым обеспечив временное перемирие между духовным и светским главой христианской Европы. С этим связан его интерес к Италии: с политической точки зрения у него не было другого выбора. Кроме того, восстановление императорских владений к югу от Альп было очень привлекательной целью в экономическом плане. Барбаросса был коронован на императорство в Риме в 1155 г., после этого взаимоотношения между ним и папой Адрианом IV заметно ухудшились. Отказ императора воевать против норманнов привел к тому, что папа перешел на другую сторону и заключил союз с королем норманнов Вильгельмом (Беневент 1156 г.).

По-прежнему неискоренимое недоверие между высшей духовной и светской властью проявилось на рейхстаге в Безансоне (1157 г.). Канцлер Райнальд фон Дассель, имевший в то время большое влияние на политику *империи, вызвал у присутствующих негативные эмоции*, переведя термин beneficium из послания папы как «лен», а не как «благодеяние», чтобы настроить знать против папы. В последующие годы при императорском дворе в этом же духе была создана крайне амбициозная импер-

была идеология, в которой подчеркивалось верховенство императора, что, конечно, не может быть истолковано как конкретное притязание на мировое господство, но все же долгое время производило неблагоприятное впечатление на соседей Германии.

Если абстрагироваться от идеологической надстройки, то можно сказать, что по сути, начиная с 1158 г. (начало второго итальянского похода), речь шла о восстановлении имперских прав в Италии. Принципы, провозглашенные на съезде в Ронкали после первого покорения Милана, означали, по мнению некоторых исследователей, установление «централистской императорской власти в итальянских имперских владениях» (А. Хаверкамп). Последовавшие за этим многолетние переговоры с ломбардскими городами по поводу реализации этих принципов ознаменовались драматичными событиями (церковный раскол в 1159 г., разрушение Милана в 1162 г., эпидемия чумы в императорских войсках в 1167 г.). Данный конфликт следует понимать не как столкновение реакционных и прогрессивных сил, а как конфликт противоположных политических и экономических интересов.

После того как стало ясно, что военно-политическое решение этой проблемы невозможно (поражение в битве при Леньяно в 1176 г.), император начал переговоры, завершившиеся перемирием с папой в Венеции (1177 г.) и с ломбардскими городами в Констанце (1183 г.). Барбаросса был вынужден отказаться от непосредственной власти над всей территорией Италии и в значительной мере признать за Миланом и другими городами Ломбардской лиги независимость, но сохранив при этом свои экономические привилегии, так что говорить о полном провале политики императора в данном случае нельзя. Позиция Фридриха, особенно в центральной Италии, была сильной, и его авторитет ничуть не пострадал. Это подтверждается в том числе таким значимым для последующей истории бракосочетанием его сына Генриха VI

и Констанции Сицилийской (1186 г.), которая уже тогда была вероятной наследницей норманнского королевства.

Попытка вернуть христианам Иерусалим, захваченный в 1187 г. Саладином, из-за смерти Фридриха 10 июня 1190 г. в Малой Азии часто романтизируется и рассматривается как его «лебединая песня». Однако этот крестовый поход, спланированный, возможно, лучше всех предыдущих, знаменует собой не столько конец, сколько вершину правления Фридриха Барбароссы. Конечно, о фактических шансах на успех сейчас возможны лишь досужие спекуляции, но, с другой стороны, распад немецкого войска после смерти императора однозначно подтверждает большую роль личности в средневековой истории. Значение Барбароссы как великого воплощения западной идеи императорской власти не может умалить и то обстоятельство, что в более поздний период его имя использовалось не для благих целей.

Недолгий период правления сына Фридриха Генриха VI (1190–1197 гг.) считается вершиной имперской политики Гогенштауфенов. Однако особенно в первые годы его правления стали очевидны и границы королевской и императорской власти. Так, с Генрихом Львом, раньше срока вернувшимся из английской ссылки, король был вынужден заключить мир, чтобы вступить в сицилийское наследство, завещанное ему в 1189 г. Ему удалось добиться коронации на императорский трон в Риме, однако он был слишком слаб, чтобы победить в борьбе с претендентом на сицилийскую корону от норманнов Танкредом, графом Лечче: под Неаполем Генриху VI пришлось отступить и вернуться в Германию. Вмешательство императора в назначения епископов привело к многочисленным восстаниям в Германии, которые поддерживались англо-вельфской оппозицией. И лишь благодаря не совсем случайному счастливому случаю, а именно пленению английского короля Ричарда Львиное Сердце, объявленного врагом империи, во время его

возвращения из крестового похода (под Веной в 1192 г.) сложное положение Гогенштауфена разрешилось в его пользу. После того как Ричард был освобожден (1194 г.), он подвергся безжалостному шантажу со стороны императора и был вынужден дать ему ленную присягу за свое королевство, а также заплатить огромный выкуп серебром.

Использование таких крайних средств Генрихом VI подтверждает тезис о переносе акцента имперской политики Гогенштауфенов на юг. Генрих использовал полученное серебро для того, чтобы все же завоевать Сицилию, и его вторая попытка завершилась коронацией в соборе Палермо (конец 1194 г.). В это же время у Генриха родился сын Константин-Рожер (будущий Фридрих II), так что господство Гогенштауфенов в Сицилии, наследственной монархии по форме правление, можно было считать гарантированным и укреплять за счет привлечения немецких министериалов. Однако попытка Генриха обеспечить право наследования для своей династии в Германии провалилась, и решающим здесь было не столько сопротивление князей, сколько сопротивление папы.

Увлеченный далеко идущими политическими планами и готовившийся к крестовому походу, Генрих VI совершенно неожиданно умер, по-видимому, от малярии. Для династии Гогенштауфенов это означало катастрофу, а для немецкой истории — судьбоносный поворот. Во всяком случае, все размышления о шансах на успех и возможных последствиях «плана установления наследственной монархии» так и остались беспочвенными спекуляциями.

Прямым следствием преждевременной кончины Генриха VI стал новый виток борьбы за престол между Гогенштауфенами и Вельфами. На этот раз она вышла за пределы круга выборщиков короля. Имевшая место «европеизация» неизбежно следовала из взаимосвязанности политики в Германском королевстве и общеимперской

политики, простиравшейся далеко за границы империи. У королей Англии и Франции, которые на тот момент боролись друг с другом за английские владения на материке, были все основания интересоваться вопросом престолонаследия в 1197–1198 гг., так же, как и у папы, который должен был найти приемлемый способ сосуществования с будущим сильнейшим правителем западного христианства.

Многочисленная партия сторонников Гогенштауфенов, которая пока не могла выдвинуть в качестве своего кандидата Фридриха II, остановила свой выбор на сыне Барбароссы Филиппе Швабском (1198–1208 гг.). Антиштауфенская коалиция, сформировавшаяся на северо-западе империи при поддержке Англии, противопоставила ему сына Генриха Льва Оттона IV (1198–1218 гг.), чьи достоинства как правителя в современных исследованиях получают гораздо более лестную оценку, нежели ранее.

В этой запутанной политической ситуации папе Иннокентию III (1198–1216 гг.), одному из самых могущественных пап Средневековья, удалось существенно расширить и точнее сформулировать полномочия духовного главы в сфере светской власти. Из особой близости папы к Богу он вывел совершенно конкретные правомочия: право распоряжаться императорской короной и, кроме того, право проверять и при необходимости объявлять недействительными результаты выборов короля Германии. В решении папы выдвинуть кандидатом на королевский престол Оттона IV, провозглашенном на рубеже 1200–1201 гг., был упомянут также круг привилегированных выборщиков — первый провозвестник избирательной коллегии. Поначалу возвести Вельфов на престол политическим средствами было практически невозможно. Казалось, что победа Филиппа предрешена, но его убийство в Бамберге (1208 г.) совершенно изменило ситуацию: осенью 1208 г. Оттон IV был повторно

избран королем, на этот раз единодушно. Историческое значение борьбы за престол заключалось не в пресловутом «разбазаривании имперских владений» — потери вскоре были восполнены при Фридрихе II; гораздо большее значение в долгосрочной перспективе, наряду со сменой династии, имело то, что отныне в церковном праве было закреплено влияние папы на выборы короля Германии. Тем самым было затруднено восстановление дееспособной королевской власти в конце XIII–XIV вв.

Как до него столетием ранее король Генрих V, так и теперь ставленник папы, взойдя на престол, резко изменил курс и продолжил традиционную императорскую политику — признак того, что в глазах современников у него не было другой альтернативы. Когда Оттон IV после коронования на императорский трон в Риме (1209 г.), несмотря на папскую анафему, отправился на завоевание южной Италии, Иннокентий III, под влиянием французского короля, обратился к Гогенштауфенам, которых еще незадолго до этого сам заклеймил как «род преследователей церкви». По его совету группа князей, настроенных против Вельфов, в 1211 г. объявила будущим императором Фридриха II, избранного королем Германии еще в 1196 г. *Авантюрное состязание Фридриха II* с вернувшимся в Германию Вельфом описывалось часто и с интересными подробностями. Однако при объяснении быстрой победы Фридриха после его прибытия в Констанц не стоит забывать, что помимо его личного обаяния здесь имели значение и сухие факты: поддержка папы и деньги французского короля Филиппа II (1180–1223 гг.). *Победа последнего при Бувине* (1214 г.) в битве против Оттона IV и английского короля окончательно предопределила победу Фридриха II. Утративший влияние Вельф умер в 1218 г. в Гарцбурге.

Даже без обычного, идеологически обусловленного возвеличивания и демонизации его образа Фридрих II (1212–1250 гг.) остается одним самых ярких правителей

Средневековья. Его знание языков, научные интересы и широкий кругозор выделяют его из круга современников, хотя при этом он остается человеком своей эпохи, а не провозвестником далекого будущего. Абсолютно нелепым (хотя и часто задаваемым) является вопрос о его принадлежности к немецкой истории: именно в силу своего сицилийско-германского происхождения он идеально соответствует представлению эпохи Высокого Средневековья о всеохватной императорской власти, которая не знает «национальных» границ.

Несмотря на то что основные интересы Фридриха II как правителя были сосредоточены в средиземноморском регионе, он также оставил глубокий след в истории империи к северу от Альп. Чтобы обеспечить избрание своего сына Генриха (VII) королем (1220–1235 гг., † 1242) и тем самым упрочить связь между империей и Сицилийским королевством, он гарантировал духовным князьям единоличное пользование важными, имеющими в том числе экономическое значение суверенными правами на своих территориях, например, дал право чеканить монету и устанавливать таможенные пошлины на границе их владений (союз с духовными князьями в 1220 г.). Это событие знаменовало собой не зарождение немецкой территориальной государственности, а скорее легитимацию существующего положения как условие политического взаимодействия императора и князей. Какое значение этому придавал Фридрих II, видно по судьбе его сына Генриха (VII). Попытавшись проводить самостоятельную (территориальную) политику, король столкнулся со светскими князьями, которые в 1231 г. потребовали тех же гарантий, какие были получены клириками в 1220 г. Фридрих II удовлетворил это требование, издав закон в пользу князей (Statutum 1232). Вскоре после этого сын Фридриха, чье политическое значение было принижено этим законом, дал себя вовлечь в мятеж против императора, был низложен и заточен (1235 г.);

обстоятельства его смерти на юге Италии (1242 г.) остаются неясными.

Впрочем, компромисс с князьями не исключал деятельности, направленной на укрепление и расширение власти Гогенштауфенов к северу от Альп, что лишь на первый взгляд может показаться странным. Наряду с расширением интересов на северо-восток (присвоение Любеку статуса имперского города и предоставление привилегий Тевтонскому ордену во владении Восточной Пруссией), обращает на себя внимание успешная территориальная или имперская политика Гогенштауфенов. Дошедшие до нас немногочисленные источники, такие как податной список 1241 г., показывают, что частью этой политики было построение системы управления, основанной на письменных документах. Триумфальное возвращение Фридриха II в Германию в 1235 г., положения провозглашенного в Майнце общеимперского земского мира (в частности, создание должности королевского судьи), выборы сына императора Конрада IV римско-германским королем, запланированное в 1236 г. и осуществленное в 1246 г. присоединение герцогства Австрийского — все это отчетливо свидетельствует о том, какие возможности еще оставались у императора, несмотря на передачу определенных привилегий князьям в 1200 и 1232 гг. По всей видимости, именно потому, что Фридрих II гарантировал имперским князьям их привилегированное положение, даже во время его длительного отсутствия его политика в землях, расположенных к северу от Альп, усиливала позиции Гогенштауфенов.

Но судьба Гогенштауфенов, а вместе с ней и дальнейший ход немецкой истории, решилась в Италии. Короновавшись в 1220 г. на императорский престол, Фридрих II обеспечил свое господство в Сицилийском королевстве и начал выстраивать централизованный управленческий аппарат (в том числе для управления экономикой). Однако в это же время разразился первый серьезный конфликт

Фридриха с папской курией. Обещанный еще в 1215 г. крестовый поход был снова отложен, и Фридрих II был отлучен папой Григорием IX (1227–1241 гг.) от церкви. Невзирая на это, в 1228 г. Фридрих отправляется в Святую землю и, в результате переговоров с египетским султаном аль-Камилем, неожиданно для всех добивается возвращения Иерусалима христианам (1229 г.). В 1230 г. ему удалось снова наладить отношения с папой, заключив Сан-Джерманский мир, однако попытка императора восстановить свою власть над северной Италией, используя свое господствующее положение на юге, привела к окончательному разрыву: церковь должна была во что бы то ни стало предотвратить это, на ее взгляд смертоносное окружение. В 1239 г. Фридрих II был повторно отлучен папой от церкви. Последовавшие за этим взаимные обвинения и ожесточенные споры между императорским двором и курией послужили причиной возникновения некоторых мифов вокруг фигуры Фридриха, например, мифа о его тайной симпатии к исламу. По настоянию папы Иннокентия IV (1243–1254 гг.) Фридрих II был низложен на Лионском соборе (1245 г.). После этого для Фридриха последовала полоса неудач, однако даже поражение под Пармой (1248 г.) не нанесло серьезного урона его позиции в Италии. В 1250 г. император, которому было всего 56 лет, неожиданно скончался. О сильной власти Гогенштауфенов, по крайней мере, в Сицилийском королевстве, говорит то, что она сохранялась вплоть до поражения сына Фридриха Манфреда в 1266 г. в битве при Беневенте против ставленника папы Карла Анжуйского. Даже смелый поход внука Фридриха Конрадина (казнен в 1268 г. в Неаполе) — самый последний итальянский поход Гогенштауфенов — не был безрассудной авантюрой без шансов на успех, поскольку сторонники Гогенштауфенов были по-прежнему многочисленны.

Для немецкой истории прекращение династии Гогенштауфенов, конечно же, означало важную веху, но отнюдь

ю катастрофу. Это было окончательное крушение при-
ущего эпохе Высокого Средневековья представления
о всеохватной императорской власти. Первое время под
вопросом оказалась также возможность поддержания
действенной королевской власти в Германии, Regnum
Teutonicum. Для той части империи, которая находилась
к северу от Альп, теперь необходимо было искать новые
формы правления.

Литература

Общие условия (общество, экономика, культура)

Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Eine Geschichte der Land- und Ernährungswirtschaft Mitteleuropas seit dem hohen Mittelalter. 3., neubearb. und erw. Aufl. Hamburg/Berlin 1978.

Arnold K. Kind und Gesellschaft in Mittelalter und Renaissance. Paderborn/München 1980.

Aubin H., Zorn W. (Hrsg.) Handbuch der Deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 1: Von der Frühzeit bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Stuttgart 1978.

Borst A. Lebensformen im Mittelalter. Frankfurt a. M. 1987.

Bosl K. Europa im Aufbruch. Herrschaft, Gesellschaft, Kultur vom 10. bis zum 14. Jahrhundert. München 1980.

Bosl K. Die Gesellschaft in der Geschichte des Mittelalters. Göttingen 1987.

Brühl C. *Fodrum, gistum, servitium regis.* Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich und in den fränkischen Nachfolgestaaten Deutschland, Frankreich und Italien vom 6. bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. 2 Bde. Köln/Graz 1968.

Bumke J. Geschichte der deutschen Literatur im hohen Mittelalter. München 1990.

Cipolla C. M., Borchardt K. (Hrsg.) Bevölkerungsgeschichte Europas. München 1971.

Cipolla C. M., Borchardt K. (Hrsg.) Europäische Wirtschaftsgeschichte. Bd. 1: Mittelalter. Stuttgart / New York 1983.

Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 4., erw. und Überarb. Aufl. Göttingen 1987.

Ennen E. Frauen im Mittelalter. 4., Überarb, und erw. Aufl. München 1991.

Ennen E., Janssen W. Deutsche Agrargeschichte. Vom Neolithikum bis zur Schwelle des Industriezeitalters. Wiesbaden 1979.

Goetz H.-W. Leben im Mittelalter vom 7. bis zum 13. Jahrhundert. München 1987.

Hägermann D., Schneider H. Landbau und Handwerk. 750 v. Chr. bis 1000 n. Chr. Berlin 1991.

Haverkamp A. Juden und Christen zur Zeit der Kreuzzüge. Sigmaringen 1997.

Kühnel H. (Hrsg.) Bildwörterbuch der Kleidung und Rüstung. Vom Alten Orient bis zum ausgehenden Mittelalter. Stuttgart 1992.

Ludwig K.-H., Schmidtchen V. Metalle und Macht. 1000 bis 1600. Berlin 1992.

Rösener W. Bauern im Mittelalter. München 1987.

Sprandel R. Verfassung und Gesellschaft im Mittelalter. Paderborn 1975.

Werner K. F. Naissance de la Noblesse. Paris 1998.

Witthöft H. Münzfuß, Kleingewicht, Pondus Caroli und die Grundlegung des nordeuropäischen Maß- und Gewichtswesens in fränkischer Zeit. Ostfildern 1984.

Основные вехи политической истории

Abulafia D. Herrscher zwischen den Kulturen. Friedrich II. von Hohenstaufen. Berlin 1991.

Althoff G. Otto III. Darmstadt 1996.

Angenendt A. Das Frühmittelalter. Die abendländische Christenheit von 400 bis 900. Stuttgart 1990.

Beumann H. Die Ottonen. 2., verb. und erw. Aufl. Stuttgart 1991.

Boockmann H. Der Deutsche Orden. Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. München 1989.

Borgolte M. Die mittelalterliche Kirche. München 1992.
Bosl K. (Hrsg.) Handbuch der Geschichte der böhmischen Länder. Bd. 1: Die böhmischen Länder von der archaischen Zeit bis zum Ausgang der Hussitischen Revolution. Stuttgart 1967.
Boshof E. Ludwig der Fromme. Darmstadt 1996.
Brühl C. Die Anfänge der deutschen Geschichte. Wiesbaden 1972.
Brühl C. Deutschland — Frankreich. Die Geburt zweier Völker. Köln/Wien 1990.
Csendes P. Heinrich VI. Darmstadt 1993.
Erkens F.-R. Konrad II. Regensburg 1998.
Engels O. Die Staufer. 5., verb. Aufl. Stuttgart 1992.
Fried J. Die Formierung Europas 840–1046. München 1991.
Fried J. Der Weg in die Geschichte. Die Ursprünge Deutschlands bis 1024. Berlin 1994.
Fuhrmann H. Einladung ins Mittelalter. 4., durchges. Aufl. München 1989.
Haverkamp A. Aufbruch und Gestaltung. Deutschland 1056–1273. München 1993.
Hlawitschka E. Vom Frankenreich zur Formierung der europäischen Staaten — und Völkergemeinschaft 840–1046. Ein Studienbuch zur Zeit der späten Karolinger, der Ottonen und der frühen Salier in der Geschichte Mitteleuropas. Darmstadt 1986.
Hucker B. U. Kaiser Otto IV. Hannover 1990. (Monumenta Germaniae Historica. Historische Schriften. 34.)
Jakobs H. Kirchenreform und Hochmittelalter 1046–1215. 3., Überarb. und erw. Aufl., München 1994.
Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin 1927. Erg.-Bd. Ebd. 1931. [Mehrere Aufl.]
Keller H. Zwischen regionaler Begrenzung und universalem Horizont 1024–1250. Berlin 1985.
Laudage J. Alexander III. und Friedrich Barbarossa. Köln/Weimar 1997.
Mayer H. E. Geschichte der Kreuzzüge. 7., verb. Aufl. Stuttgart [u. a.] 1989.

Opll F. Friedrich Barbarossa. Darmstadt 1990.
Prinz F. Grundlagen und Anfänge. Deutschland bis 1056. München 1985.
Riche P. Die Welt der Karolinger. Übers, von C. und U. Dirlmeier. Stuttgart 1981.
Riche P. Die Karolinger. Eine Familie formt Europa. Übers, von C. und U. Dirlmeier. München 1991.
Schneider R. Das Frankenreich. 2., Überarb, und erw. Aufl. München 1990.
Seibt F. (Hrsg.): Handbuch der Europäischen Geschichte. Bd. 2: Europa in Hoch- und Spätmittelalter. Stuttgart 1987.
Stürner W. Friedrich II. Tl. 1: Die Königsherrschaft in Sizilien und Deutschland 1194–1220. Darmstadt 1992.
Weinfurter S. Herrschaft und Reich der Salier. Grundlinien einer Umbruchszeit. Sigmaringen 1990.
Werner K.-F. Deutschland. A. Begriff; geographischhistorische Problematik; Entstehung // Lexikon des Mittelalters. Bd. 3. München/Zürich 1986. Sp. 781–789.

Ульф Дирльмайер

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (середина XIII – конец XV в.)

Общая характеристика эпохи

Понятие «Позднее Средневековье» возникло сравнительно недавно, в 20–30-е годы нашего столетия, а в справочниках конца XIX в. ему предшествовало такое выражение, как «последний период Средневековья». Любое деление истории на эпохи и их описание в этом качестве содержит в себе элемент произвольности, основывается на типичном для настоящего времени опыте и общественном настроении. Для немецкой историографии XIX и начала XX вв., в силу ее тесного переплетения с политической саморепрезентацией вильгельмовской эпохи, прекращение династии Гогенштауфенов означало конец средневекового «подъема» в немецкой истории. Последующий период мог быть только эрой упадка. В действительности же современные исследования, проведенные во многих областях истории, показывают, что во второй половине XIII в. началась новая эпоха. Впрочем, «новое» здесь означает не политическую цезуру, а скорее начало долгого процесса социального, экономического и, в конечном итоге, также политического развития, корни которого лежат в том самом переходном периоде середины XIII в. «Дата» окончания Позднего Средневековья остается спорной и до сих пор устанавливается по-разному. В типично немецкой интерпретации этой магической

точкой отсчета обычно полагают Реформацию. Основания такой трактовки были сформулированы Георгом фон Беловым и Вилли Андреасом еще в начале XX в. Вместе с еще одним явлением — открытием Америки в 1492 г., которое может считаться либо дополняющим, либо ключевым, — Реформация до сегодняшнего дня определяет и научные, и популярные представления об истории.

С понятием Позднего Средневековья с самого начала ассоциировались представления об упадке, разрухе, вымирании. Йохан Хейзинга передал это настроение в названии своей знаменитой книги по истории культуры «Осень Средневековья» (1919 г.). С точки зрения экономической истории подобные оценки подтверждались тезисом Вильгельма Абельса об «аграрном кризисе», наступающем с периодичностью в сто лет, или — модифицированным — тезисом об «аграрной депрессии» в период между 1300 и 1500 гг., однако в последнее время многие положения учения Абельса были опровергнуты. Чтобы признать его полностью несостоятельным, необходимы эмпирические сравнительные исследования отдельных регионов. Кризисный характер Позднего Средневековья, вероятно, также отражает массовое бегство от эпидемии чумы с его фактическими или предполагаемыми демографическими последствиями и влиянием на культурный ландшафт. Независимо от того обстоятельства, что процессы переселения и демографического развития поддаются более или менее точному измерению и, следовательно, интерпретации лишь с конца XV в., поскольку источников предшествующего периода слишком мало, вспышка чумы в 1347 г. и многочисленные надрегиональные эпидемии в XV в. вплоть до появления сифилиса сами по себе свидетельствуют о кардинально новой черте эпохи: об интернациональности. Высокая мобильность, дальние поездки и опыт общения с иноземцами характерны для всего Средневековья, однако теперь путешествия становятся «массовым» явлением. Купцы, ремесленники,

ложники, пекари и даже вязальщики снопов отправлялись жить и работать в чужие, далекие от места их рождения регионы. Международной становится в первую очередь экономика, *денежное и товарное обращение.* Повсюду преодолеваются территориальные границы. Экономика Верхней Германии живет за счет торговли с Италией, и по этому пути на немецкие рынки поступают товары из Леванта и Индии; Кельн и Франкфурт становятся узловыми пунктами в торговле между Англией, Фландрией, Верхней Германией и Италией; Любек возглавляет Ганзейский союз, охватывающий экономическое пространство от Северо-Восточной Европы до Фландрии. Безналичные расчеты между Брюгге и Флоренцией, Аугсбургом и Римом входили в повседневную практику торговых компаний, действовавших на территории всей Европы. Стабилизация международного обмена изменила даже церковь, которая изначально была задумана как вселенская. Ее интернациональная экспансия, по-видимому, дала толчок Реформации. Интенсивные связи на больших пространствах в конечном итоге привели к трансформации политических структур в Германии. В противостоянии между центральной королевской / императорской и княжеской властью поначалу победу одерживали князья и их административные учреждения, в которых все большую роль играли юристы, при том что основанное на римском праве юридическое образование в то время не знало национальных границ. Однако в конце концов вслед за внутренним развитием территорий во второй половине XV в. — не в последнюю очередь благодаря интернационализации конфликтов (угроза со стороны Османской империи, актуальные или зарождавшиеся разногласия с Бургундией и Францией) — связи внутри империи стали уплотняться, и возникли протоформы центральных институтов, действовавших более или менее независимо от короля (например, рейхстаг, имперская налоговая система). Таким образом, во многих отношениях Позднее

Средневековье было не столько «кризисной», сколько переходной эпохой, периодом формирования таких общественных структур, которые сохранились до XVIII, а отчасти даже до XIX в.

Королевство Германия в эпоху Позднего Средневековья

Общая ситуация

В период Позднего Средневековья в социальной и экономической сфере произошли кардинальные изменения. Стремительный рост численности населения, наблюдавшийся в Высокое Средневековье, в конце XIII в. прекратился, и уже к середине XIV в. установилась обратная тенденция. Лишь во второй половине XV в. народонаселение стало постепенно увеличиваться.

Динамика народонаселения (приблизительные данные в млн чел.)

Год	Европа в целом	Центральная и Западная Европа	Германия
1340	73	35	11
1450	53	24	8
1500	76	33	10,5

Причинно-следственные связи, обусловившие демографические колебания в доиндустриальных европейских обществах, до сих пор точно не установлены. Не вызывает сомнений, что демографический кризис Позднего Средневековья усугубился под воздействием внешних факторов, к которым относятся неурожаи и голод, имевшие место, в частности, в 1315 и 1317 гг., но особенно возвращение чумы в Европу, где в последний раз она была зафиксирована в самом начале Средневековья.

После опустошительной эпидемии 1347 и 1351 гг. чума оставалась постоянной угрозой для Европы вплоть до Нового времени.

Первая с 1347 г. вспышка чумы, в результате которой в отдельных регионах смертность превысила 30%, вызвала иррациональную реакцию у населения. Это выразилось в массовых покаяниях и бичеваниях, но прежде всего в жестоких еврейских погромах, истинные причины которых следует искать на более глубоком уровне в религиозной, экономической и социальной сфере. Тем не менее, вопреки распространенным убеждениям, потрясения, вызванные чумой, не привели к разрушению общественного порядка и индивидуальной морали.

В среднесрочной перспективе обусловленное чумой сокращение народонаселения имело серьезные последствия: оно привело не только к прекращению колонизации восточных территорий, но и к значительному снижению плотности поселений и обрабатываемых площадей на всей территории империи, а особенно в неблагоприятных для земледелия регионах. Если сравнить эту ситуацию с наивысшим уровнем развития в эпоху Высокого Средневековья, то, по-видимому, можно утверждать, что в процессе запустения численность сельских поселений сократилась на четверть. Также не вызывает сомнений тот факт, что изменение соотношения земельных площадей и народонаселения, несмотря на сокращение пахотных земель, привело к избыточному производству зерновых и, соответственно, к постепенному снижению средних цен на зерно. Разумеется, современники не могли проследить эту долгосрочную тенденцию. Для них гораздо ощутимее были характерные как раз для Позднего Средневековья краткосрочные скачки цен на хлеб, которые в неурожайные годы позволяли получать несколько сотен процентов прибыли. Конечно, зависевшие от рынка производители зерна и получатели податей в виде сельскохозяйственной продукции — наряду с клерикальными

институтами это прежде всего дворянство — пострадали от постепенного снижения цен на зерновые. Это считалось причиной общего кризиса дворянства, особенно низшего дворянства, на исходе Средневековья. Однако новейшие исследования показывают, что возможности выхода из этого положения были, и они активно использовались. Это, например, хорошо оплачиваемая наемная служба или гораздо менее опасная служба у князя.

Наряду с признаками упадка, в экономике Позднего Средневековья можно проследить и вполне положительные тенденции: стагнация на рынке зерновых сделала необходимыми рационализацию и модернизацию, которые проявились, в частности, в укрупнении хозяйств, в выращивании культур специального назначения, таких как виноград, и в производстве продуктов животноводства, а кроме того, в переходе к выращиванию растений для производственных целей (льна, который служил сырьем для производства полотна, красящих растений, таких как вайда и марена).

Представление о тотальном кризисе не подтверждается и при взгляде на города и их экономическое развитие в Позднее Средневековье, которое называют также периодом «расцвета городов» (П. Морав). Вызванное чумой сокращение населения компенсировалось миграцией из деревень, так что в городах демографический спад был ниже среднего по империи. Относительно стабильное городское население, без сомнения, только выигрывало от снижения цен на зерно и одновременного повышения зарплат и цен на продукцию ремесленного производства: покупательная способность повременных зарплат, измеряемая в таких базовых продуктах питания, как зерно (хлеб) и мясо, никогда прежде еще не была такой высокой, как в эпоху Позднего Средневековья. Но, несмотря на это, данный период отнюдь не был «золотым веком» во всех отношениях: возможности заработать были ограничены, жизнь нестабильна, а большая часть городского

населения имела доход на грани прожиточного минимума, будучи не в состоянии самостоятельно обеспечить свою старость.

Динамика развития средневековых городов, которая так плохо вписывается в общую картину кризиса, проявилась в интенсивном строительстве (мощение улиц, возведение представительских зданий), но еще в большей степени в экономической сфере: в развитии торговли и ремесел. Текстильное производство (производство бумазеи), добыча и обработка металла, бумажное производство, кораблестроительство, финансы и кредиты, наконец, книгопечатание — все это свидетельствует об инновационных импульсах и качественном росте. При этом крупным экономическим центрам в Германском королевстве удалось обойти большинство своих средиземноморских конкурентов и занять ведущие позиции. На севере Ганзейский союз городов, возникший на основе купеческих гильдий, контролировал торговлю на Северном и Балтийском морях, а кроме того, стал оказывать определенное политическое влияние в этом регионе. На юге королевства не удалось создать подобного объединения, однако в крупных городах, таких как Нюрнберг и особенно Аугсбург, экономическое могущество, которым обладали «финансовые магнаты» (В. фон Штромер), тоже неоднократно использовалось в политических целях.

Впрочем, развитие городов в эпоху Средневековья имело и темные стороны. Это в первую очередь уничтожение и изгнание еврейского меньшинства. Оказавшись экономически невостребованными в связи с развитием кредитной системы и не имея надлежащей защиты со стороны власти, евреи стали жертвами многочисленных погромов и экспроприаций, за которыми зачастую стояли их конкуренты христианского вероисповедания из числа финансовых магнатов. Среди христианского населения городов одностороннее накопление капитала и концентрация власти в руках немногочисленной правящей вер-

ушки приводили к росту социальной напряженности, оторая выливалась в порой чрезвычайно кровопролитые конфликты. В целом для городского общества конца редневековья была характерна тенденция к взаимному азмежеванию, узости и закоснелости. Это создавало не амые благоприятные предпосылки для последующего азвития в Новое время.

Таким образом, не подлежит сомнению тот факт, что и городе, и в деревне общество эпохи Позднего Средневековья переживало различные кризисные явления. Однако вывод о том, что все эти симптомы сливались в один бщий, характерный для всей эпохи кризис, неоправдан. Іротив этого, наряду с уже упомянутыми экономическими показателями, свидетельствуют большие достижения в области культуры — в самом широком смысле лова: развитие церковного и светского строительства, зобразительных искусств и особенно науки. На исходе редневековья Германия пережила первый университетский бум. Начиная с университета в Праге (1348 г.) и заанчивая университетом в Тюбингене (1477 г.), на всей ерритории империи было основано 14 университетов, спешно действовавших и в последующие эпохи, а число тудентов неуклонно возрастало на протяжении всего V в. (место и год основания университета на территории Германского королевства: Прага 1348; Вена 1365/385; Гейдельберг 1386; Кельн 1388; Эрфурт 1392; Лейпиг 1409; Росток 1419; Левен 1426; Грайфсвальд 1456; Фрайбург 1460; Базель 1460; Ингольштадт 1472; Майнц 476; Тюбинген 1477).

Таким образом, несмотря на регрессивные тенденции, эпоху Позднего Средневековья были заложены основы дальнейшего развития, в результате которого отдельные регионы Германского королевства в XVI в. стали едущими экономическими и техническими центрами вропы. Это, разумеется, не относилось к империи в цеом, поскольку, в соответствии с новыми тенденциями

и законодательстве, непосредственная коммуникация с «экономикой» на общеимперском уровне была уже невозможна. Напротив, полномочия княжеств, в том числе и экономической сфере, продолжали расширяться. Это был еще один шаг к возникновению современного государства. В Германии это развитие происходило в каждом регионе в отдельности и началось уже в эпоху Позднего Средневековья.

Хронология событий с момента прекращения династии Гогенштауфенов до установления выборной монархии (середина XIII — середина XIV вв.)

1252	Последний король из династии Гогенштауфенов Конрад IV переселяется в Италию.
1254	Основание Рейнского союза городов.
1256	Вильгельм Голландский погибает в битве против фризов при Алькмаре.
1257	Двойные выборы: Ричард, граф Корнуэльский († 1272) и Альфонс, король Кастилии († 1284); впервые действует коллегия выборщиков.
1266	Манфред, последний король Сицилии из династии Гогенштауфенов, погибает в битве при Беневенте.
1267–1268	Итальянский поход Конрадина.
1273–1291	Королем Германии избран Рудольф Габсбургский, а не чешский король Оттокар II.
1273/1274	Требование о возврате захваченных имперских ленов (реституция).
1278	Поражение чешского короля Оттокара в битве против Рудольфа у Дюрнкрута.
1278–1282	Рудольф раздает герцогства Австрию и Штирию своим сыновьям.
1291	Ури, Швиц и Нидвальден заключают между собой союз.
1292–1298	Адольф Нассауский.
1296	Адольф объявляет о присоединении Мейсена и Тюрингии.
1298	Битва у Гельгейма, победа Альбрехта из династии Габсбургов над Адольфом.
1298–1308	Альбрехт I Габсбург.
1299	Соглашение с французским королем Филиппом Красивым.
1301/1302	Победа Альбрехта над рейнскими курфюрстами.

1303	Папа Бонифаций VIII признает Альбрехта королем.
1304	Первые притязания Альбрехта на Богемию.
1308	Альбрехта убивает его племянник Иоанн (Parricida).
1308–1313	Генрих VII Люксембург, император с 1312 г.
1309	Переселение папы Климента V в Авиньон.
1310/1311	Бракосочетание между Елизаветой, дочерью короля Богемии, и сыном Генриха VII Иоанном. Коронация Иоанна в Праге.
1310–1313	Итальянский поход Генриха.
1313	Коронация на императорский престол в Риме.
1314	Двойные выборы: Людовик Баварский (1314–1347 гг., император с 1328 г.) и Фридрих Красивый, герцог австрийский (1314–1330 гг.).
1315	Поражение Габсбургов в битве против швейцарцев, воевавших на стороне Людовика.
1322	Людовик побеждает Фридриха в битве при Мюльдорфе (на реке Инн).
1324	Людовик отлучен от церкви папой Иоанном XXII.
1327–1330	Итальянский поход Людовика, коронация на императорский престол в Риме.
1335–1337	Не увенчавшиеся успехом переговоры с папой Бенедиктом XII.
1338	Ренсская декларация и императорский закон Людовика.
1342	Людовик приобретает во владение графство Тироль.

После того как имперская политика Гогенштауфенов, ориентированная главным образом на Италию, провалилась, перед римско-германскими королями встала задача по-новому определить свою роль в империи. Однако успехи в установлении централизованной монархии, какая существовала в соседних западноевропейских королевствах, оставались более чем скромными. В связи с этим в эпоху Позднего Средневековья было принято решение, определившее ход немецкой истории в Новое время. Это решение касалось усиления власти князей и фактического (но не юридического) раздела империи на более мелкие территориальные единицы. Сегодня подобное развитие не всеми расценивается только отрицательно. В нем видят также основу для политического и

культурного разнообразия в Германии вместо централистского режима, сосредоточенного вокруг столицы. Федеративная структура современной Германии уходит своими корнями в эпоху Средневековья.

После того как Конрад IV, последний король из династии Гогенштауфенов, переселился в Италию (1252 г.), ни одному королю, избранному при активном участии иностранных сил, не удалось утвердить свою власть на всей территории империи. Вильгельм Голландский, имевший, пожалуй, наибольшие шансы на успех, уже в 1256 г. погиб в битве против фризов. Альфонс Кастильский ни разу не бывал в Германии, а Ричард Корнуэлльский никогда не покидал берегов Нижнего Рейна. Из двух столетий этого периода междуцарствия следует выделить два события, важных с точки зрения политического устройства Германии: в 1254 г. города, объединившиеся в «Рейнский союз городов», впервые попытались повлиять на имперскую политику. История этого союза, который некоторыми исследователями рассматривается как доказательство возможности иного развития немецкой истории (бюргерство и король против князей), свидетельствует лишь о том, что интересы городов были слишком противоречивыми, чтобы позволить возникнуть обширному и стабильному объединению: в связи с двойными выборами в 1257 г. (Альфонс, король Кастилии, и Ричард Корнуэлльский) союз распался. Именно с этого момента — и это второе важное событие в политической истории данного периода — можно говорить de facto о «коллегии выборщиков» («Kurkolleg») и «курфюрстах», поскольку из первоначально гораздо более широкого круга выборщиков короля теперь оставались лишь немногие: рейнские архиепископы (Майнц, Трир, Кельн), чешский король, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский.

Возросшая власть и самостоятельность этой коллегии выборщиков ограничивала свободу действий короля,

равно как и то, что он по-прежнему носил императорский титул. В связи с этим вопрос о том, кто займет немецкий престол, представлял интерес для всей Европы, и это неизбежно влекло за собой попытки постороннего вмешательства. Здесь речь идет в первую очередь о папстве, которое достигло вершины своего светского могущества при Бонифации VIII (1294–1303 гг.), в отдельные периоды являлось главным фактором германской политики и стремилось полностью подчинить себе немецкого короля.

Примером этого может служить папство Григория X (1271–1276 гг.), который после смерти Ричарда Корнуэллского (1272 г.) в ультимативной форме потребовал проведения новых выборов, тем самым отказавшись признать Альфонса Кастильского в качестве главы империи. Курфюрсты, собравшиеся в 1273 г. во Франкфурте для проведения выборов, не захотели избрать могущественного чешского короля Оттокара II Пржемысла, владения которого благодаря приобретениям в период, последовавший за правлением Гогенштауфенов, простирались от «Адриатического до Балтийского моря» (Х. Томас). Их кандидатом стал Рудольф из рода Габсбургов (1273–1291 гг.). От него курфюрсты ожидали легитимирующего, но не сверхмогущественного правления. Вплоть до сегодняшнего дня Рудольф остается самым популярным королем эпохи Позднего Средневековья. Он был всего лишь графом, а не имперским князем, но, впрочем, не таким бедным, как сообщают дошедшие до нас легенды. Его можно назвать самым успешным и могущественным правителем юго-западной части империи.

По отношению к папе и курфюрстам Рудольф должен был проявлять доброжелательность, однако и от усиления собственной королевской власти он не отказался. При этом важным инструментом его политики было возвращение (ревиндикация) имперских владений Гогенштауфенов. Несмотря на первоначальный успех,

оказалось, что получить обратно целостные имперские владения и сделать их основой королевской власти уже невозможно. Тем не менее, политика возврата, проводимая Рудольфом, оставила свой след в истории: она дала ему право выступить против Оттокара, короля Чехии. После решающей победы над чешским королем (битва при Дюрнкруте в 1278 г.) Рудольф передал герцогства Австрию, Штирию и Каринтию во владение своим сыновьям (1278, 1282 гг.). Это стало отправной точной для усиления могущества Габсбургской династии на юго-востоке Германии, наложившего отпечаток на всю дальнейшую немецкую историю.

Поскольку попытка Рудольфа получить императорскую корону не увенчалась успехом, он не мог при жизни назначать преемником своего сына и добиться его избрания королем. В 1291 г. провалилась последняя попытка возвести на престол единственного оставшегося в живых сына Альбрехта. Тогда, для взаимного обеспечения безопасности границ, было заключено перемирие между Ури, Швицем и Нидвальденом, которое впоследствии стало рассматриваться как начало особого пути развития Швейцарской конфедерации.

В 1292 г. коллегия выборщиков избрала не Альбрехта, а Адольфа, графа Нассау (1292–1298 гг.), тем самым отдав предпочтение более слабому кандидату. Таким образом, немецкая политика снова свернула с пути, на который ее было направил Рудольф Габсбург, стремившийся к более сбалансированному распределению власти между королем и князьями. То, что Адольф обманул своих избирателей и так же, как и его предшественник, вел политику «приумножения частных владений короля» (приобретение Тюрингии и Мейсена), не имело особого значения ввиду непродолжительности его правления. В битве, произошедшей в 1298 г. между Гельгеймом и Вормсом (ее часто называют последним рыцарским сражением эпохи Средневековья), Адольф погиб в борьбе

ротив Альбрехта, герцога Австрийского, которого кур-
юрсты далеко не правомерным способом возвели на
рестол.

Альбрехт I (1298–1308 гг.) считается первым «коро-
ем-князем» (П. Морав) Позднего Средневековья, т. е.
ервым правителем, опиравшимся в первую очередь на
вои частные владения. Период его правления отчетливо
ыявил два момента: во-первых, какие возможности уси-
ения власти все еще оставались у короля Германии; во-
горых, насколько распространилось влияние папы, для
этого глава империи стал чем-то вроде шахматной
игуры в конфликте с французским королем Филиппом
расивым (1285–1314 гг.), чье могущество стремительно
озрастало. Нацеленность Альбрехта на северо-западные
егионы империи предопределила территориально-по-
итическую константу правления Габсбургов в период
озднего Средневековья. Впрочем, попытка установить
онтроль над важнейшим торговым путем королевства от
отардского перевала до устья Рейна за счет присвоения
ландии и Зеландии не имела успеха. Замыслы Альб-
ехта вызвали тревогу курфюрстов Рейнской области, и
ни уже планировали сместить Альбрехта (1300 г.), но
ыли разгромлены его войсками (1301–1302 гг.).

Теперь для победоносного Габсбурга первоочередной
дачей стало примирение с папой, который до сих пор
признавал его из-за борьбы за престол с Адольфом
ассауским. Делегации переговорщиков удалось добить-
долгожданного признания в 1303 г., но только ценой
изительных условий (клятвы верности). Тот факт, что
онифаций VIII, несмотря на это, подчеркивал перво-
епенную роль империи в христианском мире, раскры-
ет нам политический контекст этих отношений: для па-
ы было важно найти союзника в борьбе с французским
ролем Филиппом Красивым. От обязанности фактиче-
ского подчинения Альбрехт был освобожден без ка-
х-либо усилий со своей стороны в результате насильст-

ческого свержения Бонифация (покушение в г. Ананьи в 1303 г.). Прежде чем стало ясно, будет ли успешным новый территориально-политический курс Альбрехта на Восток (Чехию), он был убит в 1308 г. своим племянником Иоанном.

Вокруг престолонаследия снова сложилась ситуация неопределенности, и в ней казалось возможным восхождение на трон Карла Валуа из династии Капетингов, тщательно подготавливаемое его братом, французским королем Филиппом Красивым. Такое положение дел, внушавшее ужас немецким историкам XIX в., не было чем-то необычным для современников. И то, что курфюрсты, под влиянием Трирского архиепископа Балдуина, выбрали его брата Генриха VII Люксембурга (1308–1313 гг.), *вовсе не было «национальной реакцией». На западе империи знали манеру правления Капетингов и боялись ее.*

Правление Генриха Люксембурга ознаменовалось двумя важными событиями: «приобретением» Чехии для рода Люксембургов и походом в Италию с целью коронации на императорский престол. Перемещение Люксембургской династии в Чехию вовсе не было связано с целенаправленной территориальной политикой по образцу той, которую проводили предшественники Генриха VII. Инициатива исходила, скорее, от группы чешских дворян, по настоянию которых сын Генриха Иоанн в 1310 г. венчался с дочерью короля Чехии Елисаветой и был коронован чешской короной в 1311 г. в Праге. В то время закрепление династии Люксембургов в Чехии со всеми далеко идущими последствиями не было неизбежным. Сам Генрих VII не имел никакой конкретной выгоды от этого территориального приращения. *В отличие от своих предшественников, он и не желал королевской власти, основанной на территориальных владениях, а стремился к восстановлению императорского господства.* Итальянский поход Генриха (1310–1313 гг.) многими исследо-

вателями оценивается как безнадежный анахронизм, но он, тем не менее, показал, что в экономически развитой Северной Италии все еще было возможно предъявление имперских прав и использование их с целью сбора податей. Особенно показательно то, что после своего коронования на императорский трон в 1312 г. (первым после Гогенштауфенов) Генрих Люксембург отклонил требования и приказы папы, сославшись на свое высокое звание. Таким образом, в отличие от своих предшественников, он осмелился оказать явное сопротивление. Впрочем, его противником была сильно ослабевшая при Клименте V (1305–1314 гг.) папская церковь (переселение в Авиньон в 1309 г.).

Мало того что начиная с 1273 г. в Германии неоднократно сменялись правящие династии, но дальнейшие события еще больше усугубили контраст с ситуацией во Франции, где королевская власть только усиливалась: отсутствие обязательных правил выбора привело в 1314 г. к восьмилетней борьбе за престол между Людовиком Виттельсбахом, герцогом Баварским (1314–1347 гг.), которого поддерживали Люксембурги, и Фридрихом, герцогом Австрийским (1314–1330 гг.), кандидатом от рода Габсбургов. В том числе благодаря тому, что род Габсбургов понес потери в конфликте с зарождавшейся Швейцарской Конфедерацией (битва у горы Моргартен в 1315 г.), Людовик смог одержать важную победу в битве 1322 г. при Мюльдорфе на реке Инн. После этого, опираясь на свое основное владение — Верхнюю Баварию со столицей в Мюнхене, он начал успешную политику приобретения новых владений. Через брак, наследование и присоединение вакантных ленов он приобрел маркграфство Бранденбургское, Голландию, Зеландию, Геннегау и Фрисландию. Все это, наряду с перспективами приобретения Тироля и Северной Италии, давало возможность роду Виттельсбахов стать самой могущественной династией в Германии.

Новые подходы к управлению империей (хронология событий с середины XIV в.)

1346–1378	Карл IV, император с 1355 г.
1347–1351	В Европу возвращается чума. Преследования евреев.
1348	Основание первого немецкого университета Карлом IV в Праге.
1354–1355	Первый итальянский поход Карла, коронация на императорский престол в Риме.
1356	Издание Золотой буллы — закона, регулировавшего избрание германских королей и права курфюрстов. Первый съезд Ганзейских городов, начало развития Ганзейского союза.
1368–1369	Второй итальянский поход Карла.
1373	Приобретение Карлом маркграфства Бранденбургского.
1376	*Избрание Венцеслава королем Германии. Возникновение Швабского союза городов.*
1378	Начало раскола западноевропейской церкви (схизма).
1378–1400	Венцеслав († 1419).
1384	*Установление согласия между князьями и городами* (Гейдельбергское соглашение).
1386	Поражение Габсбургов в битве против швейцарской пехоты *близ г. Земпаха.*
1388–1389	Войны между городами, провозглашение земского мира в Эгере.
1400	Свержение Венцеслава четырьмя рейнскими курфюрстами.
1400–1410	Рупрехт Виттельсбах.
1401/1402	*Неудачный итальянский поход Рупрехта.*
1405	Противники Рупрехта объединяются в Марбахский союз.
1410	Двойные выборы: Сигизмунд (1410–1437, император с 1433 г.) и Йошт Моравский († 1411).
1411–1415	*Сигизмунд передает маркграфство Бранденбургское графу* Фридриху фон Цоллерну.
1413	Сигизмунд готовится к собору в Констанце.
1414–1418	Собор в Констанце.
1415	Суд и казнь Яна Гуса в Констанце.
1417	Выборы папы Мартина V; конец схизмы.
1419	Начало гуситской революции в Чехии.
1422–1427	Мобилизация военных и финансовых ресурсов империи для борьбы с гуситами.
1431–1433	Итальянский поход Сигизмунда, коронация на императорский престол в Риме.
1433	*Примирение с умеренными гуситами (Пражские Компактаты).*

1438–1439	Альбрехт II из династии Габсбургов.
1440–1493	Фридрих III, император с 1452 г.
1442	План реформирования империи, разработанный Фридрихом и не претворенный в жизнь.
1444–1449	Мятеж города Зоеста против Кёльнского архиепископа.
1448	Заключение Венского конкордата, регулировавшего отношения между Австрией и папой Римским.
1448–1453	Восстания городов: война Нюрнберга против маркграфа Альбрехта Ахилла фон Цоллерна.
1450–1456	Борьба за Мюнстерское епископство.
1452	Итальянский поход Фридриха, коронация на императорский престол в Риме.
1452–1463	Конфликт Фридриха с братом Альбрехтом VI из-за Австрии.
1457–1458	После смерти Ладислава Постума в Чехии королем становится Йержи из Подебрад († 1471), а в Венгрии — Матвей Корвин (†1490).
1458–1460	Период инфляции (хождение шиндерлинга, монетный кризис).
1471	Фридрих впервые принимает участие в заседании рейхстага.
1473	Фридрих прерывает встречу с Карлом Смелым, герцогом Бургундским (1465–1477 гг.), в Трире.
1474–1475	Осада г. Нейса войсками Карла Смелого; мобилизация германского войска.
1476	Карл Смелый публично подтверждает свое обещание выдать свою дочь, Марию Бургундскую, за сына Фридриха Максимилиана Австрийского.
1476	Поражения войск герцога Бургундского под Грансоном и Муртеном.
1477	Поражение и гибель Карла Смелого в битве при Нанси.
1477	Бракосочетание Максимилиана и Марии, начало борьбы с Францией за бургундское наследство.
1482	Смерть Марии Бургундской.
1486	Коллегия выборщиков во Франкфурте избирает Максимилиана королем Германии.
1488	Пленение Максимилиана в Брюгге; созыв германского войска.
1489	Вольные города получают голос в рейхстаге.
1493	В Сантисском договоре спор о бургундском наследстве разрешен в пользу Габсбургов.
1493–1519	Максимилиан I, император с 1508 г.
1494	Армия короля Франции Карла VIII вторгается в Италию.
1495	Вормсский рейхстаг. Постановления Вормсского рейхстага предопределяют будущее государственное устройство Германии.

Однако успех и признание в королевстве обрекали Людовика на конфликт с папской церковью. Это было нежелательное наследие Высокого Средневековья, от которого Людовик так и не смог избавиться. Из-за вторжения в Северную Италию он был отлучен папой от церкви и совершил ошибку, начав с ним церковное разбирательство. И хотя при жизни Людовику Виттельсбаху удалось избежать подчинения, в том числе благодаря поддержке ведущих теологов, настроенных критически по отношению к папству (Марсилия Падуанского, Вильгельма Оккама), принципиального пересмотра отношений с церковью добиться не удалось: Людовик и после коронации на императорский трон колебался между притязаниями на верховное господство и готовностью пойти на уступки. В ходе этого оживленного противостояния была достигнута первая «вершина политической истории империи» (П. Морав): Ренсская коллегия курфюрстов 1338 г. При этом речь шла не столько о национальной реакции на притязания курии, сколько о защите корыстных интересов курфюрстов. Тем не менее, одновременно были четко сформулированы имперские права: избранный большинством король Германии больше не нуждался в признании со стороны папы. Это, наряду с законом, провозглашенным в то же время Людовиком и связывающим присвоение титула императора с выборами короля, определило направление для развития королевской власти, свободной от папской опеки. Впрочем, достичь этой цели самостоятельно у Людовика не было шансов, хотя до самой своей смерти, которая настигла его на охоте в 1347 г., он оставался непобежденным.

Только Карлу IV Люксембургу (1346–1378 гг.), возведенному на королевский престол сначала в статусе антикороля, удалось добиться реформирования государственного устройства империи и снова сделать короля равноправной фигурой в политической игре различных европейских сил, в том числе папской курии. В отличие

от своих предшественников, он сумел достичь той полноты власти, которая сегодня оценивается исследователями как «абсолютистская монархия» (П. Морав). Этого нельзя было предвидеть вначале, поскольку Карл Люксембург был ставленником папы и получил унизительное прозвище «короля-священника». Привлечь на свою сторону имперские города ему удалось главным образом благодаря примирению с партией Виттельсбахов (1350 г.). Свидетельством того, что связь между высокой имперской политикой и широкими народными массами практически отсутствовала, может служить тот факт, что чума, свирепствовавшая с 1348 г. к северу от Альп, нисколько не помешала возвышению Карла и никак не повлияла на политическую борьбу, которую он вел. Более того, этот король из династии Люксембургов запятнал себя участием в организации еврейских погромов, а уничтожение еврейской общины в Нюрнберге (1349 г.) принесло ему непосредственную материальную выгоду.

Из Чехии, столицей которой стала Прага, территориальная политика Карла распространилась далеко на север и восток (Балтийский регион, Польша, Венгрия). Его желание укрепить свои позиции вдоль оси Прага—Нюрнберг—Франкфурт, план нового торгового сообщения Адриатика—Прага—Балтика, а также его связи с преуспевающим Ганзейским союзом доказывают, что, приобретая новые территории, он в том числе имел в виду экономическую выгоду.

В результате своего первого итальянского похода Карл добился коронации императорской короной, однако ему не удалось снискать уважение или симпатию современных ему итальянских хронистов, по мнению которых использование императорских прав для сбора податей пристало торгашу, но не государю. И тем не менее императорский титул означал рост авторитета Карла Люксембурга, что позволило ему совершить второй после Ренсской коллегии (1338 г.) решающий шаг в развитии

государственного устройства в эпоху Позднего Средневековья: издать Золотую буллу (1356 г.). Она четко регулировала права курфюрстов, устанавливала процедуру избрания короля и подтверждала полную свободу действий избранного правителя. О признании со стороны папы в ней ничего не говорилось.

Менее благоприятные последствия Золотая булла имела для рода Габсбургов и для имперских городов, которым было запрещено создавать независимые союзы. Карл IV поддерживал тесные отношения с богатыми горожанами, особенно в Нюрнберге, где он часто бывал, однако городам как таковым он не столько помогал, сколько обременял их поборами: в 1373 г. они должны были внести свой вклад в покупку маркграфства Бранденбург, а в 1376 г. — участвовать в финансировании избрания сына Карла Венцеслава королем. Положение о назначении преемника еще при жизни короля, принятое впервые со времен Фридриха II, бесспорно, относится к успехам завершающего периода правления Карла, к каковым относятся также его второй итальянский поход (1368–1369 гг.) и поездка во Францию (1377–1379 гг.). Однако были в этот период и проблемы, в частности, объединение южнонемецких имперских городов в Швабский союз (1376 г.), который был основан против правил, предписываемых в Золотой булле, и должен был предотвратить дальнейшие поборы со стороны императора. Это обстоятельство может рассматриваться как доказательство глубокого кризиса доверия. Однако еще более серьезной проблемой было начало в 1378 г. великого раскола католической церкви (схизмы) в связи с выборами Урбана VI в Риме и Климента VII в Авиньоне. Карл IV был уже не в состоянии предотвратить разразившийся кризис со всеми его негативными последствиями для западного христианства.

Восшествие на престол сына Карла Венцеслава (1378–1400 гг., † 1419) *не пошло на пользу ни династии, ни*

королевской власти в целом. Возможно, этому поспособствовали сложные внешние обстоятельства, однако к несчастливым случайностям немецкой истории относится и то, что Венцеслав оказался неспособным продолжить укрепление королевской власти, начатое его отцом. В Германии его господство осложнялось растущим влиянием объединений и сепаратистских союзов; Венцеслав лавировал между ними и постепенно утратил контроль над участниками политической игры. Несмотря на отчасти энергичные попытки примирить враждующие стороны (Гейдельбергское соглашение 1384 г.), он не смог предотвратить конфликт между князьями и городами в 1388 г. Дворянство оказалось однозначно сильнее в военном отношении, и поэтому Эгерский земской мир (1389 г.) — главное событие времени правления Венцеслава — дал им значительные преимущества. Это имело далеко идущие последствия: хотя сами по себе крупные имперские города сохраняли за собой политическое влияние, они не были институционализированы в качестве третьего фактора власти, наряду с князьями и королем. Несколько позднее, в результате восстаний дворян в Чехии, Венцеслав практически утратил способность управлять королевством. В 1400 г. в результате неправомерного судебного разбирательства, инициированного четырьмя курфюрстами, он был низложен по обвинению в бездействии во время схизмы и уменьшении территории королевства. Он продолжал жить в Чехии до 1419 г. и видел начало движения Яна Гуса, но уже никак не влиял на историю Германии.

Выбирая королем пфальцграфа Рупрехта (1400–1410 гг.), рейнские курфюрсты надеялись повернуть вспять развитие Германии в направлении монархии с территориальной опорой на востоке. Хотя для Рупрехта были характерны современные методы управления и интеллектуальное окружение, для эффективного правления ему не хватало реальной власти. Это сочетание прогрессивности и

безуспешности отличает и его итальянский поход 1401–1402 гг. Он был заранее распланирован вплоть до малейших деталей финансирования итальянскими и южнонемецкими финансовыми магнатами, но итогом стала лишь бездонная долговая яма. Поражение Рупрехта показало, что западные имперские князья были уже не в состоянии удерживать королевскую власть в своих руках, и она стала переходить к сильным восточным династиям.

В результате последних двойных выборов эпохи Средневековья корона снова перешла роду Люксембургов; после преждевременной кончины кузена и конкурента Йошта Моравского († 1411) брат Венцеслава Сигизмунд (1410–1437 гг.) смог установить свое господство во всем королевстве. Замыслы и деятельность этого последнего короля из рода Люксембургов, обладавшего к тому же даром красноречия, были настолько всеохватны и разносторонни, что исследователям до сегодняшнего дня сложно оценить его по достоинству.

Примечательно, что после избрания Сигизмунда политические интересы, охватывавшие территорию от Польши до Адриатики, на протяжении четырех лет удерживали его вдали от внутриимперских дел. Тем не менее, за это время он уже начал принимать меры, которые затем имели серьезные последствия: в 1411 г. (окончательно и в полном объеме в 1495 г.) он передал маркграфство Бранденбург бургграфу Нюрнберга Фридриху из династии Гогенцоллернов. С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что это решение имело последствия для всей мировой истории. Далее, Сигизмунд в 1413 г. в беседах с папой Иоанном XXIII подготовил и добился проведения очередного собора в Констанце (1414–1418 гг.). На этом крупнейшем международном съезде Средневековья папой Римским был избран Мартин V (1417–1431 гг.), и великая схизма закончилась. И хотя в остальном церковная реформа не сильно продвинулась, это событие было настоящим успехом — в том числе и

лично для Сигизмунда. Впрочем, другое решение собора стало тяжелым бременем для Германского королевства: сожжение пражского обличителя церкви и реформатора Яна Гуса, обвиненного в ереси в 1415 г., привело к гуситской революции в Чехии. Теологические, сословные и социально-революционные цели внутри движения были отчасти противоречивыми, однако его ударная сила была настолько велика, что военное вмешательство обернулось катастрофическими поражениями имперской армии. Тем не менее, в соглашении, которого удалось добиться в результате долгих (с 1433 г.) и непростых переговоров, прослеживаются первые шаги в формировании военных и финансовых структур Германии, получивших продолжение в XVI в.

Выдав свою дочь Елизавету замуж за герцога австрийского Альбрехта V, Сигизмунд сделал важный династический ход. Он не мог предвидеть, что этот шаг принесет выгоду исключительно роду Габсбургов. Политика Сигизмунда в роли главы империи (увенчанного в 1433 г. императорской короной), напротив, производит впечатление нерешительности. Сигизмунд колебался между князьями, рыцарями и городами, которые он лишь на время сумел привлечь на свою сторону. Ему не удалось ни восстановить абсолютистскую монархию в духе Карла IV, ни разработать другой подход к регулированию различных факторов власти в империи. Тот факт, что во время правления Сигизмунда больше чем когда-либо говорилось и писалось о реформах, был явно не случайностью, а выражением общего настроения. Самым известным итогом этого волнения в умах стало появление вскоре после смерти императора анонимной «Reformatio Sigismundi».

Переход короны к дому Габсбургов в 1438 г. положил начало беспрецедентной в немецкой истории династической непрерывности. Этот переход не был результатом «springende выборов», а укладывался в рамки брачной

политики Сигизмунда и соответствовал его воле. После преждевременной кончины Альбрехта II (1438–1439 гг.) началось правление Фридриха III (1440–1493 гг.) — самое долгое за всю эпоху Средневековья и самое сложное. Это связано с тем, что за десятилетия его правления, помимо периодов бездеятельности, бессилия и унижения, во многих областях жизни имели место новые начинания и важные переходные моменты. При этом понять, насколько они соответствовали императорским замыслам и намерениям, зачастую довольно сложно: разумеется, изменение контекстных условий во второй половине XV в. не зависело от императора, но на сколько лет вперед Фридрих III мог планировать возвышение рода Габсбургов? Являются ли успехи последних лет его правления результатом его настойчивости и постоянства или же это следствие физического долголетия? И как объяснить то, что во Фридрихе уживались коммерческая рациональность и наивное — с современной точки зрения — суеверие? После коронации в Ахене (1442 г.) и неудавшейся попытки усилить королевскую власть в Германии Фридрих III удалился в свое наследное владение, до 1471 г. не участвовал ни в одном рейхстаге и избегал вмешательства в дела империи. Лишь в конфликте со стремительно расширяющейся Швейцарской конфедерацией он принял непосредственное участие, но не в интересах Германии, а в интересах Габсбургов. Его престиж как короля серьезно пострадал прежде всего на юго-западе Германии, когда в ходе этого противостояния в 1444 г. он призвал в страну банды жестоких наемников-арманьяков, но оказался не в состоянии их контролировать.

В войне города Нюрнберга против маркграфа Альбрехта Ахилла Фридрих III участвовал только посредством письменных указов. Исход этого конфликта (1448–1453 гг.), несмотря на то что Нюрнбергу удалось отстоять свои права, снова лишил города их значения в качестве самостоятельной силы в имперской политике.

Безучастность Фридриха в отношении внутренних противоборств, которые разворачивались в эти годы (в частности, мятеж города Зоеста против кельнского архиепископа в 1444–1449 гг., война за мюнстерское архиепископство в 1450–1456 гг.), разумеется, не поставила под вопрос существование империи или королевской власти как таковой. Однако то, что современными исследователями оценивается как начало модернизации империи посредством уплотнения и юридизации (П. Морав), т. е. через стабилизацию и интенсификацию верховного правления, городского представительства и администрации, современникам наверняка не казалось чем-то прогрессивным.

Конечно же, Фридрих III в период с 1444 по 1471 г. не был абсолютно бездеятельным, как это раньше утверждалось некоторыми историками, но его политика определялась главным образом интересами его династии. Это касается также и его церковной политики: союз с папой Римским, заключенный против собора в Базеле, принес Фридриху не только коронацию императорской короной в Риме (1452 г.), но и очень выгодный конкордат для его наследных владений, включая право назначения епископов. Еще одним, вряд ли намеренным следствием тесного взаимодействия с папской церковью (Энеа Силвио Пикколомини — папа Пий II (1458–1464 гг.) — был доверенным лицом Фридриха III) было постепенное исключение папства как самостоятельной силы из имперской политики. В конце концов это обстоятельство обеспечило возможность упорядоченного сосуществования центральной власти и имперских сословий.

Целью династической политики Фридриха III, получившей название «Hausmachtpolitik»*, было удержать под своим контролем все земли Габсбургов и Люксембургов. После смерти Ладислава Постума († 1457), родив-

* Политика расширения родовых владений. — *Примеч. перев.*

шегося через четыре месяца после смерти отца, короля Альбрехта II, и бывшего его наследником, Фридрих не смог добиться выбора преемника из рода Габсбургов и предотвратить «национальные» решения в Чехии (Йержи из Подебрад, 1458–1471 гг.) и в Венгрии (Матвей Корвин, 1458–1490 гг.). Однако ему удалось сохранить за собой имперские права, которые были реализованы в 1526 г. В самой Австрии Фридриху пришлось бороться со своим братом герцогом Альбрехтом VI. В ходе этой ожесточенной борьбы имела место унизительная осада Вены, где в то время находился сам император (1462 г.), однако самым тяжелым событием этого периода стал монетный кризис — эпоха шиндерлинга (1458–1460 гг.). Фридрих сам посредством фискальных манипуляций спровоцировал это резкое обесценивание денег и тем самым навлек на себя ненависть австрийцев. Это способствовало сохранению сословной оппозиции, которая всегда находила поддержку за границей. Так, Матвей Корвин стал самым опасным врагом императора, который, в поисках помощи, в частности, для борьбы с растущей турецкой угрозой, снова был вынужден обратиться к имперским князьям.

Главной темой второй половины правления Фридриха стала борьба его самого и его сына Максимилиана I (1493–1519 гг.) за бургундское наследство. Эта борьба имела большое значение как для истории Германии, так и для истории династии. Начиная с 1463 г. Фридрих, наряду с другими европейскими правителями, добивался руки дочери и наследницы Карла Смелого Марии Бургундской. При этом речь шла о владениях преуспевающих бургундских герцогов по обе стороны французско-германской границы, в том числе и во Фландрии, которая была чрезвычайно привлекательной в экономическом отношении областью. Козырем Фридриха в этих брачных играх был его императорский титул: он один мог законным образом исполнить мечту бургундцев о

королевской короне. Завершить переговоры планировалось на встрече с Карлом Смелым в Трире (1473 г.). Тот факт, что для обеспечения своей свиты всем необходимым император был вынужден взять кредит у аугсбургского торгового общества Фуггеров, проливает свет на его материальное положение.

Первой реакцией на неожиданный срыв переговоров было насилие: Карл Смелый более десяти месяцев осаждал город Нейс в бассейне Нижнего Рейна, но затем отступил (1475 г.) под нажимом императорской армии, которую Фридриху удалось собрать, эксплуатируя национальные чувства — на исходе Средневековья они встречаются все чаще. Особого внимания заслуживает тот факт, что в этом конфликте участвовала и обычно «далекая от имперских дел» Северная Германия. Впрочем, переговоры продолжались и во время войны; полагают, что Карл в это же время втайне пообещал выдать Марию замуж за Максимилиана.

История бургундского наследства имела драматичное завершение в конфликте с Швейцарской конфедерацией и последовавших за ним трех битвах (при Грансоне, Муртене и Нанси, 1476–1477 г.). Поскольку Карл Смелый в 1476 г. еще раз публично подтвердил свое обещание выдать Марию замуж за Максимилиана, после его смерти притязания Габсбургов на бургундское наследство должны были быть удовлетворены, невзирая на планы французских королей Людовика XI (1461–1483 гг.) и Карла VIII (1483–1498 гг.). Однако после успешной «поездки за невестой» (свадьба Максимилиана I с Марией в Генте в 1477 г.) началась многолетняя борьба с переменным успехом. После преждевременной кончины супруги (1482 г.) к числу врагов императора присоединилась фламандская оппозиция. Кульминацией стало пленение Максимилиана жителями Брюгге. Его спасло лишь приближение имперской армии под предводительством его отца, императора Фридриха (1488 г.). И лишь

Сенлисский мир, заключенный с королем Франции Карлом VIII в 1493 г., окончательно гарантировал, что бургундское наследство (имперские лены в Бургундии) будет принадлежать Максимилиану. Впрочем, экономика полученных земель сильно пострадала за долгие годы войны. Победа в борьбе за бургундские земли предуготовила возвышение дома Габсбургов до уровня наиболее могущественных династий, но в то же время стала причиной династического конфликта с домом Валуа. Истоки немецко-французских противоречий в Новое время лежат именно здесь.

В конце XV в., в некоторой связи (но отнюдь не по причине) с возвышением Габсбургов, реформа государственного устройства начала постепенно продвигаться вперед. Основной проблемой было отношение между императорской властью и имперскими сословиями, прежде всего курфюрстами и князьями. До сих пор ни одной из сторон не удавалось окончательно одержать верх, чтобы единолично определять дальнейшее развитие империи. Когда Фридрих после 1471 г. пытался обратиться к князьям за помощью в борьбе против Турции и Венгрии, он столкнулся со встречными требованиями сословий предоставить им больше институциональных прав участия в принятии государственных решений, особенно в сфере международных отношений. Это были их условия предоставления конкретной помощи. При этом речь шла не столько о дальнейшем ослаблении в действительности и без того уже безвластного короля, сколько о легитимации фактического распределения сил. Однако Фридрих не пошел на компромисс, продолжая настаивать на том, что он один может олицетворять собой первоисточник законной власти.

В результате участившихся нападений венгерского короля Матвея Фридрих снова попал в крайне сложное положение (сдача города-резиденции Вены и Нейштадта в 1484/1485 г.), однако вскоре выяснилось, что, несмотря

на противоположные взгляды по основным вопросам, некоторое сотрудничество между главой империи и сословиями все же возможно. Это обнаружилось в момент избрания королем сына Фридриха Максимилиана (1486 г.), а также в эмоциональном порыве помочь недавно избранному королю, попавшему в плен в Брюгге.

Наряду с подобными актуальными поводами, подтверждавшими дееспособность империи, главной темой рейхстагов (в которых с 1489 г. официально могли участвовать имперские города) была реформа государственного устройства. Необходимость незамедлительных действий не отрицалась ни одной из сторон, однако предлагаемые решения были прямо противоположными: для Фридриха III, а затем для Максимилиана I единственно верным путем было кардинальное усиление королевской власти. Сословия (в первую очередь курфюрсты, князья и землевладельцы), выразителем интересов, а иногда и подстрекателем которых был майнцский архиепископ Бертольд, напротив, видели спасение империи в том, что решающую роль в управлении империей будут играть они сами. Прорыв в направлении нового политического строя — «институционализированного дуализма» короля и империи (П. Морав) — был достигнут на первом самостоятельном рейхстаге Максимилиана в 1495 г. в Вормсе. Окончательно он был осуществлен только в XVI в., а пока рассматривался и той, и другой стороной как временный компромисс. Примечательны обстоятельства этого компромисса: Максимилиану срочно нужны были деньги для войны против французского короля Карла VIII, вторгшегося в 1494 г. в Италию. В этой связи Максимилиан был готов удовлетворить многие требования сословий, в общих чертах сформулированные архиепископом Бертольдом. Впрочем, Максимилиану удалось отклонить требование княжеского правления, которое бы de facto лишило его власти. В вопросе участия сословий в соблюдении впервые заключенного «вечного земского мира»,

а также формирования нового верховного суда императору пришлось пойти на уступки. За это он получил согласие рейхстага на введение единого имперского налога — «общего пфеннига».

Решения Вормсского рейхстага (1495 г.) способствовали отдалению Швейцарской конфедерации от империи, никак не повлияли на социальные противоречия и конфликты, имевшие место в тот период (крестьянские волнения), разумеется, не решили в одночасье все проблемы государственного устройства на уровне империи и, как известно, не направили развитие империи в сторону современной государственности, для которой характерна централизация и институционализация. Вместо этого были заложены основы для дальнейшего существования империи вплоть до 1806 г.

Литература

Общая ситуация (экономика, общество, культура)

Dirlmeier U. Untersuchungen zu Einkommensverhältnissen und Lebenshaltungskosten in oberdeutschen Städten des Spätmittelalters (Mitte 14. bis Anfang 16. Jahrhundert). Heidelberg 1978.

Dollinger P. Die Hanse. Stuttgart 1998.

Erfen I., Spieß K.-H. (Hrsg.) Fremdheit und Reisen im Mittelalter. Stuttgart 1997.

Fouquet G. Bauen für die Stadt. Finanzen, Organisation und Arbeit in kommunalen Baubetrieben des Spätmittelalters. Köln/Weimar/Wien 1999.

Herrmann B., Sprandel R. (Hrsg.) Determinanten der Bevölkerungsentwicklung im Mittelalter. Weinheim 1987.

Herrmann B. (Hrsg.) Mensch und Umwelt im Mittelalter. Stuttgart 1986.

Huizinga J. Herbst des Mittelalters (1919). Stuttgart 1975.

Isenberg G., Scholkmann B. (Hrsg.) Die Befestigung der mittelalterlichen Stadt. Köln/Weimar 1997.

Isenmann E. Reichsfinanzen und Reichssteuern im 15. Jahrhundert // Zeitschrift für historische Forschung 7 (1980). S. 1–76 und 129–218.

Isenmann E. Die deutsche Stadt im Spätmittelalter 1250–1500. Stadtgestalt, Recht, Stadtregiment, Kirche, Gesellschaft, Wirtschaft. Stuttgart 1988.

Johanek P., Stoob H. (Hrsg.) Europäische Messen und Märktesysteme in Mittelalter und Neuzeit. Köln/Weimar 1996.

Maschke E. Städte und Menschen. Beiträge zur Geschichte der Stadt, der Wirtschaft und Gesellschaft. Wiesbaden 1980.

Meckseper C. Kleine Kunstgeschichte der deutschen Stadt im Mittelalter. Darmstadt 1982.

North M. Das Geld und seine Geschichte. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München 1994.

Oexle O. G. (Hrsg.) Nobilitas. Funktion und Repräsentation des Adels in Alteuropa. Göttingen 1997.

Pfeifer F. Rheinische Transitzölle im Mittelalter. Berlin 1997.

Schwinges R. C. Deutsche Universitätsbesucher im 14 und 15. Jahrhundert. Studien zur Sozialgeschichte des Alten Reiches. Stuttgart 1986.

Stromer W. von. Oberdeutsche Hochfinanz 1350–1450. 3 Bde. Wiesbaden 1970.

Witthöft H. Umrisse einer historischen Metrologie zum Nutzen der wirtschafts- und sozialgeschichtlichen Forschung! Maß und Gewicht in Stadt und Land Lüneburg, im Hanseraum und im Kurfürstentum/Königreich Hannover vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. 2 Bde. Göttingen 1979.

Wunder H. Die bäuerliche Gemeinde in Deutschland. Göttingen 1986.

Основные вехи политической истории

Angermeier H. Die Reichsreform 1410–1555. Die Staatsproblematik in Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München 1984.

Brunner O. Land und Herrschaft — Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Österreichs im Mittelalter. Darmstadt 1984.

Dahlmeier U., Fouquet G., Fuhrmann B. Europa im Spätmittelalter 1215–1378. München 2003.
Fried J. Die Formierung Europas 840–1046. München 1993.
Haverkamp A. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 5: 12. Jahrhundert, 1125–1198. 10., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart 2003.
Haverkamp A. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1: Spätantike bis zum Ende des Mittelalters. 10., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart 2004. [Darin: A. H., *Perspektiven deutscher Geschichte während des Mittelalters;* Friedrich Prinz, *Europäische Grundlagen deutscher Geschichte (4.–8. Jahrhundert).*]
Heinig P. J. Kaiser Friedrich III. (1440–1493). Hof, Regierung und Politik. 2 Bde. Köln/Weimar 1997.
Hoensch J. K. Kaiser Sigismund. Darmstadt 1996.
Jakobs H. Kirchenreform und Hochmittelalter 1046–1215. München 2001.
Krieger K.-F. Die Lehnshoheit der deutschen Könige im Spätmittelalter (ca. 1200–1437). Aalen 1979.
Meuthen E. Das 15. Jahrhundert. 3., erw. Aufl. München 1996.
Moraw P. Deutschland, E. Spätmittelalter // Lexikon des Mittelalters, Bd. 3. München/Zürich 1986. Sp. 835–869.
Moraw P. Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung. Das Reich im späten Mittelalter 1250–1490. Berlin 1989.
Peyer H. C. Verfassungsgeschichte der alten Schweiz. Zürich 1978.
Reitemeier A. Außenpolitik im Spätmittelalter. Die diplomatischen Beziehungen zwischen dem Reich und England (1377–1422). Paderborn 1998.
Schneider R. Das Frankenreich. 4., Überarb, und erw. Aufl. München 2001.
Schubert E. König und Reich: Studien zur spätmittelalterlichen deutschen Verfassungsgeschichte. Göttingen 1979.
Schubert E. Einführung in die Grundprobleme der deutschen Geschichte im Spätmittelalter. Darmstadt 1992.
Seibt F. Karl IV. Ein Kaiser in Europa 1346–1378. München 1985.

Stürner W. Friedrich II. 2 Bde. Darmstadt 1992–2000.
Thomas H. Deutsche Geschichte des Spätmittelalters, 1250 bis 1500. Stuttgart 1983.
Thomas H. Ludwig der Bayer (1282–1347). Kaiser und Ketzer. Regensburg [u.a.] 1993.
Vaughan R. Charles the Bold; the last Valois Duke of Burgundy. London 1973.
Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. 5 Bde. München 1971 bis 1986.

Эрнст Хинрихс

ОТ РЕФОРМАЦИИ ДО ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА (конец XV в.–1648 г.)

Общая характеристика эпохи

Ни в какой другой период истории облик Германии не менялся так кардинально, как за полтора столетия между Реформацией и Вестфальским миром. Около 1500 г. Священная Римская империя еще была в центре мировой политической истории, в ходе которой казалось возможным создать великую империю в самом центре Европы; однако уже к 1648 г. она превратилась в пешку в политической игре ее европейских соседей и одновременно в арену центробежного процесса формирования нескольких государств, определявшего политические реалии Германии до конца XIX в. Около 1500 г. на юге и юго-западе империи наблюдался расцвет городов и экономический подъем южнонемецкого бюргерства; после Тридцатилетней войны экономика Германии находилась в состоянии упадка. Политическое и экономическое взаимодействие определялось теперь даже не городами-государствами Позднего Средневековья, а территориальным государством. До Реформации на разных уровнях религиозной, культурной и политической жизни проявлялось четкое осознание необходимости реформ. Истоки этого осознания лежали в средневековом благочестии и ожидании конца света. В нем выражалось стремление изменить состояние и практики современной религиоз-

ности и церковности, воспринимавшиеся как недопустимые и непотребные, и тем самым вдохнуть новую жизнь *в церковь, которая — по представлениям того времени* — должна была оставаться неделимой. К моменту окончания Тридцатилетней войны единство этой церкви было окончательно утрачено — после более чем ста лет порой жестокой и кровопролитной борьбы. В Германии, равно как и во многих других европейских государствах, утвердилось несколько церквей и вероисповеданий, и их непримиримое соперничество за церковное имущество и за влияние на повседневную жизнь людей определило всю последующую немецкую историю. На рубеже XV–XVI вв. до немецких земель дошли отголоски возникшего *в Италии и продолжавшего античную традицию* культурно-просветительского движения — Ренессанса и гуманизма. В Германии оно получило развитие прежде всего в работах ученых-гуманистов из среды южнонемецкого бюргерства, в которых те призывали к терпимости. Полтора столетия спустя Германия снова содрогнулась от непримиримой конфессиональной полемики: размежевание и поглощение, а не взаимное уважение и терпимость казались единственно возможными решениями вопросов веры. Вместо гуманистической рассудительности и уравновешенности страной овладело массовое безумие (*«охота на ведьм»*), охватившее как католиков, так и протестантов. Причем это проявлялось не только в «танце ведьм» на деревенских «ведьминских сборищах», но нередко и в заключениях, которые университетские юристы, получившие образование в духе гуманизма, должны были составлять в ходе судебных процессов против ведьм.

И все же данную эпоху нельзя рассматривать исключительно как эпоху разрушения, упадка или разложения. Под эгидой Реформации вера и церкви в Германии, равно как и в других европейских странах, обрели новую силу, получили от протестантизма новый импульс, который

впоследствии был воспринят и католицизмом. Вклад обеих конфессий в изменение условий жизни и установок современными исследователями трактуется как вклад в процесс модернизации. Точно так же и государственная раздробленность, возникшая в результате событий в эпоху Позднего Средневековья и провала идеи Карла V о строительстве общеевропейской империи, таила в себе потенциал последующего политического и культурного развития. Вместо огромной центрально-европейской империи на немецкой земле возникло полицентристское, поддерживаемое самыми разными импульсами политическое образование, над которым возвышался старый имперский порядок, лишенный своих наиболее сильных составляющих. Роскошные, построенные в стиле Ренессанса и барокко княжеские и епископские резиденции на католическом юге и юго-западе соседствовали с небольшими, замкнутыми на себе протестантскими областями Центральной и Северной Германии, где восстанавливаемый территориальный суверенитет использовался прежде всего для развития церкви и образования. На северо-востоке с приобретением новых земель бранденбургским курфюрстом в первой половине XVII в. стали проявляться очертания будущей немецкой державы; на севере практически не затронутые войной ганзейские города Гамбург и Бремен развивались в направлении своего будущего величия.

Теперь для Германии были характерны децентрализованные, «федеративные» структуры; абсолютизм завоевывал свои позиции не с вершины, не с общеимперского уровня, а исходя из суверенных государств, и основой стабильной политической системы он становился только там, где имелась достаточно большая территория, чтобы придать этому развитию исторический смысл. К Баварии это относилось только во времена властолюбивого Максимилиана I, а в остальном новая техника правления оправдала себя в первую очередь в Австрии и Бранден-

бурге, где она создала условия для будущего немецкого дуализма. Другие, более мелкие имперские сословия тоже считали себя «абсолютистскими», однако их владения порой были настолько малы, что они могли действовать скорее как крупные помещики, чем суверены в современном значении этого слова. Во многих других государствах сословно-корпоративные элементы государственного устройства продемонстрировали удивительную жизнестойкость и способствовали тому, что идея федерализма в Германии получила развитие в будущем. Ее значение для последующей немецкой истории оценивается современными исследователями гораздо положительнее, чем это было раньше, во времена монистического понимания государства. Век Реформации и конфессиализации Германии оказал значительное влияние на формирование ее будущего государственного устройства и политики: всякая надежда на единение — будь то церковное, политическое или культурно-духовное — в период между Реформацией и Вестфальским миром считалась иллюзией, и на этом фоне выкристаллизовалось многообразие, даже противоречивость и «монструозность» (Самуил Пуфендорф) как источник новых возможностей и перспектив.

Германия в начале XVI в.

1493–1519	Император Максимилиан I.
1495	Вормсский рейхстаг: первая имперская реформа.
1496–1497	Альянс между Габсбургами и Испанией посредством двух браков: инфант Хуан женится на дочери Максимилиана, Маргарите Бургундской; сын Максимилиана, Филипп Бургундский, женится на Хуане (Безумной), дочери монаршей четы Испании.
1512	Кельнский рейхстаг: продолжение имперских реформ, разделение империи на 10 округов.
1515	Встреча Максимилиана и короля Чехии и Венгрии Владислава на съезде князей в Вене: габсбургско-ягеллонские брачные договоры с заключением договора о наследовании.

Население, экономика, общество

Священная Римская империя германской нации в начале XVI в. относилась к числу европейских государств с большой территорией и многочисленным населением. Численность ее населения (без учета итальянских земель) составляла от 15 до 16 миллионов, что в два раза превосходило численность населения Франции того времени. Если вычесть из этого числа население Нидерландов и Швейцарии, вышедших из состава империи в 1648 г., а также земель, принадлежавших чешской короне, то и тогда все же останется 11–12 миллионов человек. При этом на западе и юге Германии плотность населения уже была довольно высокой, тогда как на севере и востоке все еще оставалось пространство для экспансии. И это было хорошо, так как с конца XV в. население во всех регионах Германии снова начало расти после периода значительного сокращения, вызванного эпидемией «черной смерти» полтора столетия назад и продолжительной экономической стагнацией. По приблизительным оценкам, вероятно, к 1560 г. уровень 1340 г. — около 16 млн человек — снова был достигнут.

Этот первый с начала Нового времени рост численности населения, продолжавшийся до Тридцатилетней войны, обусловил высокие показатели экономического развития в XVI в. в Германии, равно как и в большинстве других европейских стран. Их можно довольно точно рассчитать для регионов с хорошей сохранностью источников (Средняя Германия, Саксония). В зависимости от времени, района и расчетного периода они составляли от 0,33 до 0,62 процентов. И хотя резкого скачка в экономическом развитии не произошло, этого было достаточно, чтобы у хронистов того времени сложилось впечатление нового типа динамики. В этой связи часто цитируют хронику графов Циммернов (середина XVI в.), в которой сообщается о проникновении сельского хозяйства в мало-

пригодные для него лесистые и горные местности ради обеспечения людей основными продуктами питания.

Большинство этих людей проживало в маленьких или очень маленьких поселениях, которые хотя и носили гордое название «город», нередко насчитывали не более 2000 жителей, а очень часто и гораздо меньше. Впрочем, в центре, на юге и юго-западе Германии были сосредоточены более крупные богатые города (Лейпциг, Аннаберг, Цвикау, Нюрнберг, Аугсбург, Регенсбург, Страсбург); на севере значимыми были лишь ганзейские города: Любек стал утрачивать свое экономическое значение, а возвышение Гамбурга только начиналось. На западе Кельн, в котором в начале XVI в. проживало около 30 000 человек, хотя и был самым крупным немецким городом, с динамично развивавшимся центрам экономики в рассматриваемый период он не относился.

Эти города населяло самостоятельное, процветающее бюргерство, которое достигло благосостояния и общественного положения благодаря торговле и ремесленному производству. Впрочем, на рубеже веков его взоры были направлены скорее на успешное прошлое, связанное с величием Венеции и подъемом торговли во второй половине XV в., нежели в динамично развивающееся будущее. Будущее в Германии (как и во многих европейских странах) принадлежало не городу, а территориальному государству. Должно было пройти еще несколько веков, прежде чем главную роль в экономике Германии снова стало играть бюргерство, как это было в Южной и Средней Германии в XV — начале XVI в. Аугсбург — город, в котором неслучайно на протяжении XVI в. неоднократно проводились рейхстаги, — является, наряду с Нюрнбергом, пожалуй, наиболее ярким примером городской культуры Южной Германии. Впрочем, как показывают подробные исследования податных списков, распределение общественного влияния в Аугсбурге было особенно неравномерным. Из примерно 30 000 жителей

8,5% принадлежали к высшему патрицианскому слою, а 86,5% — к малоимущему низшему слою; между двумя этими слоями был немногочисленный средний слой, которому было сложно отстаивать свои интересы.

Если горожане в 1500 г. имели за плечами целое столетие интенсивного процветания торговли и ремесел, то у крестьян дела обстояли иначе. Для них закончилась эпоха неблагоприятной конъюнктуры, когда на протяжении десятилетий, ввиду существенного сокращения численности населения, спрос на продовольственную продукцию оставался низким. Обрабатывались только лучшие и ближайшие к рынкам пахотные площади; остальные земли не возделывались, а крестьяне уходили из деревень. Многие сельские жители шли в растущие и процветающие города — не всегда исключительно по экономическим причинам, которые, впрочем, тоже часто подталкивали к бегству из деревни и смене профессии и сословия. В отличие от «свободных» горожан, крестьяне во многих регионах Германии (и всей Европы) по-прежнему были сильно ограничены в своей личной и экономической свободе. В период низкой конъюнктуры феодалы не всегда спешили воспользоваться своими правами; однако около 1500 г. ситуация снова изменилась, и вскоре в Германии, прежде всего на юго-западе, развернулась ожесточенная борьба между феодалами и их «вассалами» за использование пахотных земель, пастбищ и лесных угодий.

В этот исторический период, как и столетия до и после него, феодалами были представители дворянства и высшего духовенства. Они владели землями и/или крепостными, были судьями и сюзеренами и, соответственно, придавали конкретную форму абстрактному понятию «господство». О духовенстве и о щекотливом вопросе его вовлеченности в сугубо мирские дела владения и господства еще будет речь впереди. Почти все представители духовенства (по крайней мере, высшего) происходили из дворянства, которое, как и следовало ожидать ввиду

его количественного расширения, отличалось высокой степенью внутренней социальной дифференциации: на самом верху стояли князья, у которых уже имелись задатки собственной государственности в виде территориального суверенитета; далее шли графы и феодалы, подчинявшиеся непосредственно римскому императору и королю Германии или сюзерену; и, наконец, в самом низу было мелкое рыцарское дворянство, которое состояло на вассальной службе у князя или императора и именно в этой своей функции переживало в начале XVI в. кризис, угрожавший его идентичности, поскольку во многих отношениях необходимость в их услугах отпала.

В этом четко разделенном на сословия мире в городах и деревнях уже существовал широкий низший слой, а также те группы, которые, по представлениям того времени, находились на границе или уже за пределами сословного порядка: «бесчестные люди», евреи и цыгане. Даже в тех случаях, когда «хорошее» сословное общество выражало свое неприятие к этим маргинальным группам не с моральных позиций, а просто в силу привычки, для них это было нередко непосильным бременем. Евреям отчасти удавалось его избежать, уйдя на восток, в Речь Посполитую, где их, по крайней мере, на какой-то период принимали в силу экономических причин.

Культура, образование, духовная жизнь

Нужно признать, что значительная часть населения Германии в 1500 г. была безграмотна, однако, несмотря на это, в данный период в стране наблюдается подъем духовной активности. Этому, несомненно, способствовала дореформаторская критика церкви и ее институтов, которая обращалась к общественности через еще молодую технику книгопечатания и не только. О церкви и империи, а также о необходимости кардинального реформирования той и другой оживленные дискуссии велись и

до Лютера, причем не только в кабинетах ученых-гуманистов или управителей, но и в домах «простых» людей и на улицах. Впрочем, основой этих дискуссий было не осознание того, что нужно отойти от старой, могущественной церкви и обратиться к мирским делам, а как раз наоборот: в их основе лежала усиленная, интенсивная набожность, распространившаяся в обществе как раз на рубеже XV–XVI вв. Паломничество, культ святых и религиозных реликвий, огромная популярность массового отпущения грехов, многочисленные благотворительные организации, количественные и качественные успехи церковного попечительства о бедных — все это и многое другое суть непреходящие свидетельства набожности этой эпохи, которая могла обернуться резкой критикой церкви лишь тогда и лишь там, где и когда имело место явно злонамеренное использование этой набожности.

Рациональная критика церкви и требование относительной секуляризации, напротив, были делом малочисленной элиты, состоявшей из образованных людей или ученых-гуманистов. Они, как правило, не имели духовного сана, а были представителями светских профессий, чаще всего в области юриспруденции. И занимались они далеко не только церковными текстами и их традициями. Гуманизм, возникший в Италии в эпоху Позднего Средневековья, по своей сути был научным и образовательным течением, ориентированным на studia humanitatis, а именно на пять наук: грамматику, риторику, поэтику, этику и историю. При этом основу образования составляли в первую очередь античные источники. В Германии в этом образовательном течении свой идеал видели прежде всего представители южнонемецкого бюргерства и, как правило, не скрывали этого. Конрад Цельтис в Вене, Виллибальд Пиркгеймер в Нюрнберге и Конрад Пейтингер в Аугсбурге — вот те великие немецкие гуманисты, которые добились славы и уважения в самых разных областях светской учености.

Однако помимо этого немецкий и европейский гуманизм отличался явно критическим настроем по отношению к церкви, что хотя и не привело к церковному расколу, однако подготавливало почву для Реформации даже тогда, когда сами авторы этой критики меньше всего этого хотели. Наиболее спорной фигурой немецкого гуманизма был Иоганн Рейхлин, однако самой значительной, безусловно, Эразм Роттердамский — великий провозвестник, а впоследствии противник Реформации, стремившийся к тому, чтобы упростить запутанную схоластическую теологию Средневековья. В результате Эразм Роттердамский сам создал религиозно-философское учение, в частности, о Христе, которое имеет значение и сегодня. Христос был для Эразма «не столько тем, кто, будучи распятым на кресте, примирил человечество с Богом, сколько великим учителем, научившим род человеческий — тем самым доведя до совершенства античную этику — мудрости, добродетели и набожности» (Х. Рабе).

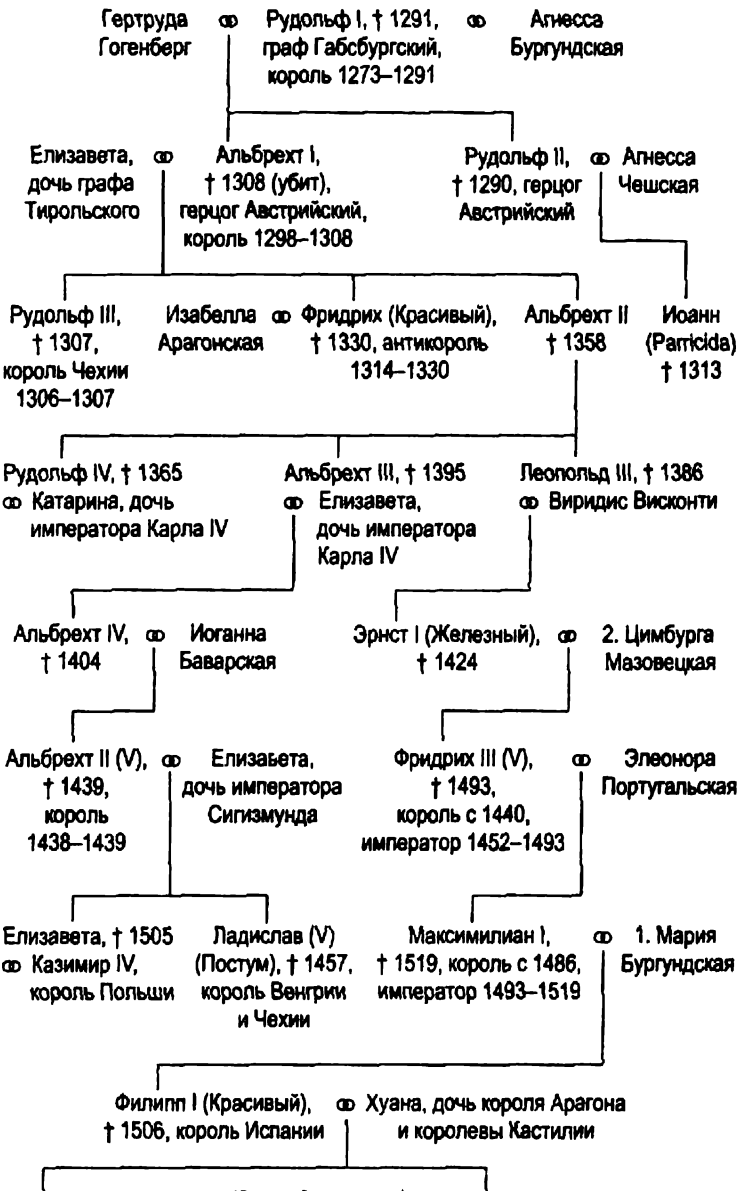
Гуманизм в Германии развивался на фоне стремительной экспансии образования, которой он в то же время способствовал и которая была бы невозможна без практикуемого где-то с 1450 г. «немецкого искусства» — книгопечатания. Начиная с 1470 г. в Германии, по крайней мере в городах, наблюдается растущий спрос на образование — на самом начальном уровне, в городских школах, где учили читать и писать, но также и «на высшем уровне», т. е. в ученых школах (Gelehrtenschulen) и в университетах. По скромным оценкам, в 1500 г. порядка 400 000 человек — 3–4% всего населения — являлись активными читателями. Неудивительно, что, как правило, они жили в городах, в первую очередь в динамично развивающихся торговых и промышленных центрах в Южной, Юго-Западной и Средней Германии. В северных Ганзейских городах владение элементарными культурными навыками тоже было более распространено, чем в среднем по Германии. В сельской местности, особенно

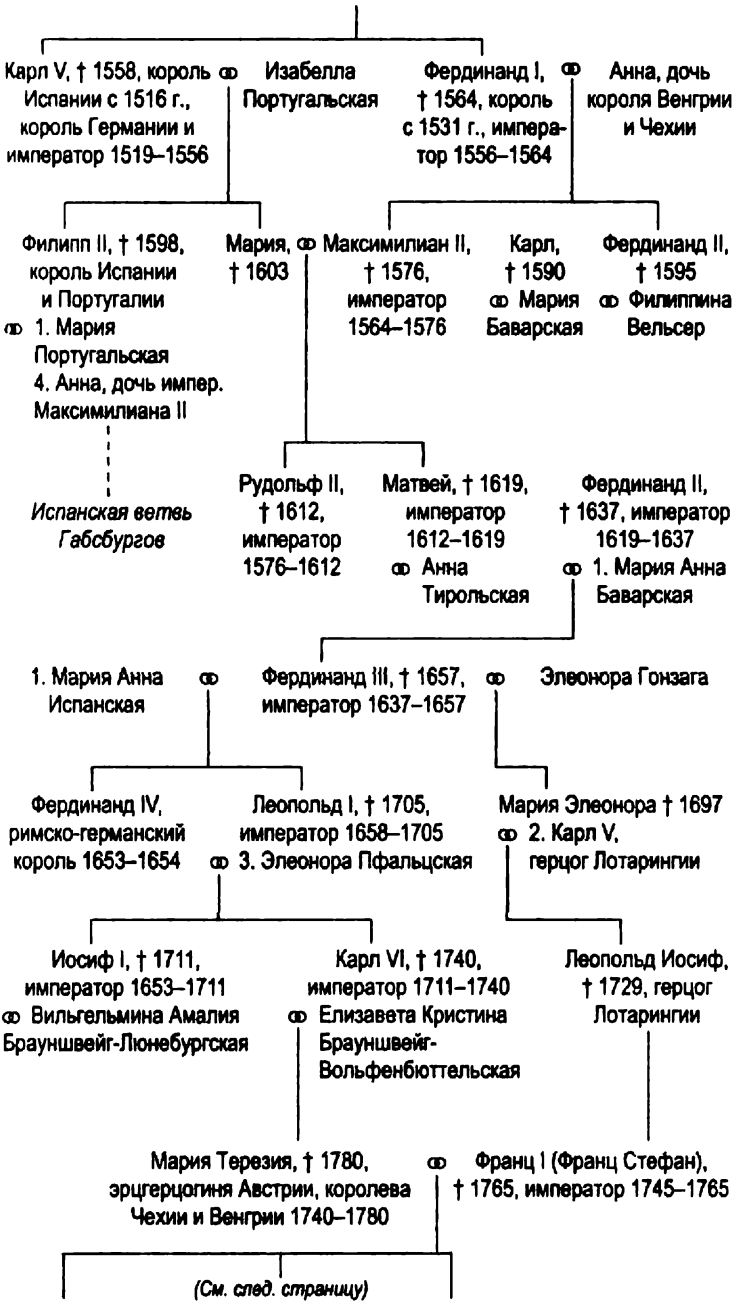
и удаленных от городов поселениях в Восточной Германии, напротив, в этот период господствовала безграмотность, характерная в эпоху Реформации (и после нее) для большинства жителей Германии.

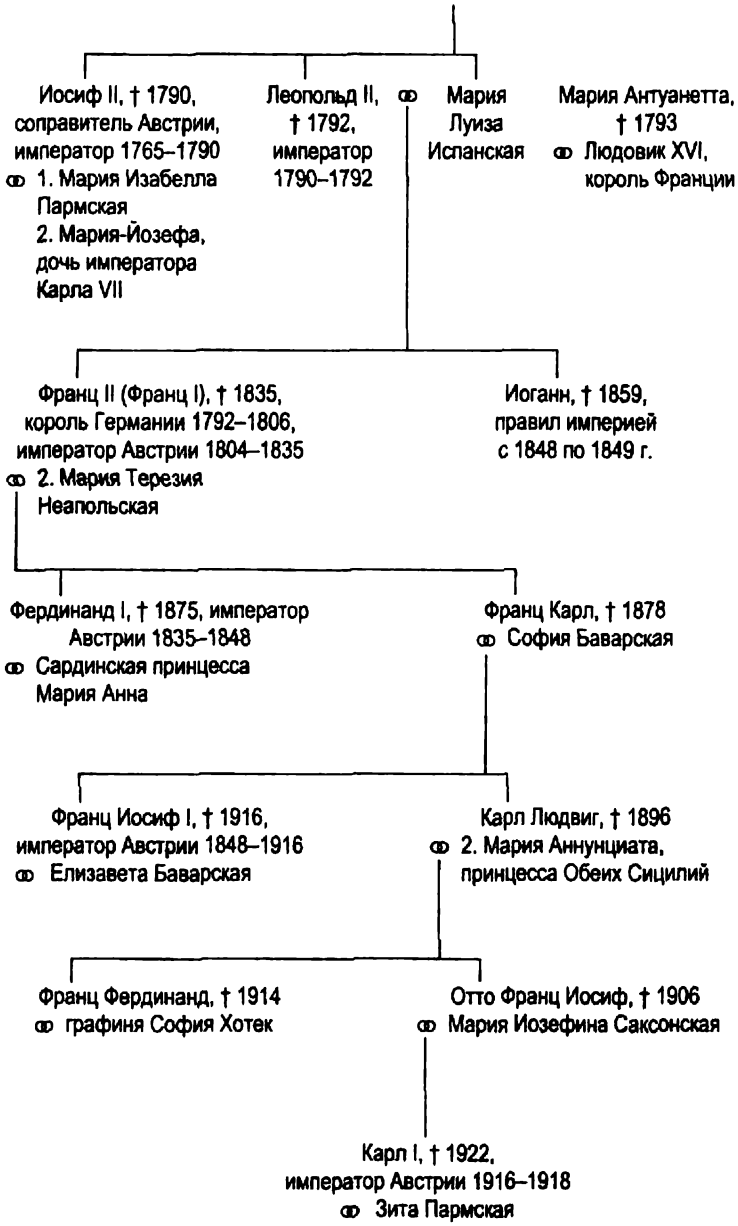
Политический строй: император, империя и имперская реформа при Максимилиане I

Священная Римская империя германской нации — кратко: империя — в конце XV–начале XVI вв. стала объектом нескольких политических реформ. Они не привели к окончательному успеху, поскольку внутри этого неповоротливого политического механизма, который в XVII в. уже называли «монстром», были взаимосвязаны два антагонистических элемента: империя и император как воплощение центральной политической воли, с одной стороны, и имперские сословия с семью курфюрстами во главе как децентрализованные носители власти, с другой. Последние воспринимали себя как костяк территориального суверенитета, включенного в структуру империи, но относящегося к отдельным княжествам, и видели в политических возможностях своего статуса неотъемлемое достояние империи. Все это усложнялось еще и тем, что род Габсбургов, представители которого с 1438 г. (Альбрехт II) были единственными обладателями королевского и императорского титула, одновременно являлся имперским сословием и мог, в интересах своих частных владений, проводить политику, не соответствовавшую интересам империи и других имперских сословий. Доказательством этого могут служить политические амбиции династии Габсбургов, простиравшиеся при императоре Максимилиане I за пределы Германии: наследные владения Габсбургов были расположены у юго-восточной границы империи, и политическая ситуация в Чехии и Венгрии, в Верхней Италии, Неаполе и Сицилии имела огромное значение для князей из рода Габсбургов.

Габсбурги

Гертруда Гогенберг
Рудольф I, † 1291, граф Габсбургский, король 1273–1291
Агнесса Бургундская
Елизавета, дочь графа Тирольского
Альбрехт I, † 1308 (убит), герцог Австрийский, король 1298–1308
Рудольф II, † 1290, герцог Австрийский
Агнесса Чешская
Рудольф III, † 1307, король Чехии 1306–1307
Изабелла Арагонская
Фридрих (Красивый), † 1330, антикороль 1314–1330
Альбрехт II † 1358
Иоанн (Parricida) † 1313
Рудольф IV, † 1365
Катарина, дочь императора Карла IV
Альбрехт III, † 1395
Елизавета, дочь императора Карла IV
Леопольд III, † 1386
Виридис Висконти
Альбрехт IV, † 1404
Иоганна Баварская
Эрнст I (Железный), † 1424
2. Цимбурга Мазовецкая
Альбрехт II (V), † 1439, король 1438–1439
Елизавета, дочь императора Сигизмунда
Фридрих III (V), † 1493, король с 1440, император 1452–1493
Элеонора Португальская
Елизавета, † 1505
Казимир IV, король Польши
Ладислав (V) (Постум), † 1457, король Венгрии и Чехии
Максимилиан I, † 1519, король с 1486, император 1493–1519
1. Мария Бургундская
Филипп I (Красивый), † 1506, король Испании
Хуана, дочь короля Арагона и королевы Кастилии
(См. след. страницу)

Карл V, † 1558, король Испании с 1516 г., король Германии и император 1519–1556
Изабелла Португальская
Фердинанд I, † 1564, король с 1531 г., император 1556–1564
Анна, дочь короля Венгрии и Чехии
Филипп II, † 1598, король Испании и Португалии
1. Мария Португальская
4. Анна, дочь импер. Максимилиана II
Мария, † 1603
Максимилиан II, † 1576, император 1564–1576
Карл, † 1590
Мария Баварская
Фердинанд II, † 1595
Филиппина Вельсер
Испанская ветвь Габсбургов
Рудольф II, † 1612, император 1576–1612
Матвей, † 1619, император 1612–1619
Анна Тирольская
Фердинанд II, † 1637, император 1619–1637
1. Мария Анна Баварская
1. Мария Анна Испанская
Фердинанд III, † 1657, император 1637–1657
Элеонора Гонзага
Фердинанд IV, римско-германский король 1653–1654
Леопольд I, † 1705, император 1658–1705
3. Элеонора Пфальцская
Мария Элеонора † 1697
2. Карл V, герцог Лотарингии
Иосиф I, † 1711, император 1653–1711
Вильгельмина Амалия Брауншвейг-Люнебургская
Карл VI, † 1740, император 1711–1740
Елизавета Кристина Брауншвейг-Вольфенбюттельская
Леопольд Иосиф, † 1729, герцог Лотарингии
Мария Терезия, † 1780, эрцгерцогиня Австрии, королева Чехии и Венгрии 1740–1780
Франц I (Франц Стефан), † 1765, император 1745–1765
(См. след. страницу)

Иосиф II, † 1790,
соправитель Австрии,
император 1765–1790
∞ 1. Мария Изабелла
Пармская
2. Мария-Йозефа,
дочь императора
Карла VII
Леопольд II,
† 1792,
император
1790–1792
∞
Мария
Луиза
Испанская
Мария Антуанетта,
† 1793
∞ Людовик XVI,
король Франции
Франц II (Франц I), † 1835,
король Германии 1792–1806,
император Австрии 1804–1835
∞ 2. Мария Терезия
Неапольская
Иоганн, † 1859,
правил империей
с 1848 по 1849 г.
Фердинанд I, † 1875, император
Австрии 1835–1848
∞ Сардинская принцесса
Мария Анна
Франц Карл, † 1878
∞ София Баварская
Франц Иосиф I, † 1916,
император Австрии 1848–1916
∞ Елизавета Баварская
Карл Людвиг, † 1896
∞ 2. Мария Аннунциата,
принцесса Обеих Сицилий
Франц Фердинанд, † 1914
∞ графиня София Хотек
Отто Франц Иосиф, † 1906
∞ Мария Иозефина Саксонская
Карл I, † 1922,
император Австрии 1916–1918
∞ Зита Пармская

Лучшее тому доказательство — многочисленные попытки императора Максимилиана I установить династические связи во всех направлениях: его брачная политика по отношению к династии Ягеллонов — правителей Венгрии и Чехии, брак с Марией, наследовавшей Бургундское королевство, а также устроение двух браков между представителями династии Габсбургов и испанской короной — все это меры экспансионной политики необычайно широкого размаха, которую проводил Максимилиан и которая была слабо или даже никак не связана с интересами империи, как их понимало большинство имперских сословий. Максимилиану так никогда и не удалось до такой степени объединить свой интерес к землям за пределами Германии с внешнеполитическими интересами империи в целом, чтобы на этом основании могла возникнуть эффективная имперская политика, например, в Южной Италии, где как-никак у империи были свои давние интересы. Фактически складывалась обратная ситуация: большинство князей крайне скептически относилось к политическим амбициям Максимилиана и его требованиям оказать ему финансовую и военную помощь и никак не поддерживали его далеко идущие планы.

Кроме того, когда Максимилиан, начиная с 1486 г., еще при жизни своего отца, Фридриха III, стал постепенно принимать участие в управлении империей, в вопросах, касавшихся собственно имперской политики, были уже «запрограммированы» конфликты интересов между императором как правителем наследных земель Габсбургов и прочими имперскими сословиями. Максимилиан не был противником реформ, однако, по его мнению, они должны были быть направлены на то, чтобы империя стала дееспособным централизованным государством. Подобные представления резко контрастировали с идеями некоторых реформаторов среди князей, которых возглавлял имперский эрцканцлер, Майнцский архиепископ Бертольд Геннебергский. Им виделась организация

империи по образцу коммуны, т. е. император должен был бы подчиняться власти равноправных имперских сословий. В предотвращении реализации подобных планов Максимилиан мог рассчитывать на поддержку других имперских сословий, которым почти утопичные реформаторские представления Майнцского архиепископа казались слишком смелыми; в этой ситуации, когда представления об «имперской реформе» очень сильно разнились, нет ничего удивительного в том, что сам император Максимилиан думал прежде всего об укреплении и расширении частных владений Габсбургов.

На этом фоне большим достижением было то, что имперская реформа, проведенная на рубеже XV–XVI вв. при Максимилиане I, — самым важным «реформаторским рейхстагом» был рейхстаг в Вормсе (1495 г.), его решения были дополнены и изменены на многочисленных последующих рейхстагах (например, в Аугсбурге в 1500 г., в Кельне в 1512 г.) — в целом все же привела к стабильным результатам: за рейхстагом был закреплен статус высшего имперского органа; был заново учрежден верховный суд — высший орган правосудия в империи; был введен единый имперский налог для финансирования имперских учреждений; империя была поделена на территориальные административные единицы — так называемые «имперские округа», служившие промежуточными инстанциями между императором и имперскими сословиями, причем, по крайней мере, по некоторым вопросам их полномочия превышали полномочия отдельных имперских сословий; наконец, для решения определенных общеимперских политических задач было создано так называемое имперское правление, в которое входили представители имперских сословий, но которое, впрочем, продержалось недолго и не сыграло важной роли в истории.

Рейхстаг, институционально оформившийся в конце XV в., а в XVI в. достигший наивысшей точки своего влияния за всю досовременную историю, был централь-

ным сословно-представительным органом. В него входили духовные и светские курфюрсты, князья, графы, имперские бароны и имперские города. Все они были объединены в различные курии и обладали очень разными правами.

В высшую курию рейхстага входили все курфюрсты, за исключением чешского короля. Этот орган занимал особое положение в сложной структуре государственного управления империи. Без его одобрения решения рейхстага не могли вступить в силу, и он один мог выбирать короля Германии на заседании во Франкфурте (в выборах участвовал также чешский король). В состав второй, княжеской курии входили не только духовные и светские князья, обладавшие территориальным суверенитетом и индивидуальным правом голоса в рейхстаге («Virilstimme»), но также все имперские графы (около 120 человек), феодалы и все не возведенные в княжеское сословие имперские прелаты. Правда, все они обладали собирательным голосом в рейхстаге («Kuriatsstimme»). Наконец, курия имперских городов лишь к концу XV в. составила отдельную коллегию в рейхстаге, но так и не добилась сопоставимого с другими куриями положения в структуре государственного правления: несмотря на то что ее члены практически полностью покрывали расходы империи, их оценка решений рейхстага обычно воспринималась представителями двух других курий как ни к чему не обязывающее высказывание своего мнения — и это не единственное доказательство того, что на заре Нового времени городам в больших территориальных государствах Европы редко удавалось преобразовать свое экономическое значение в соответствующее ему политическое влияние.

Насквозь проникнутая сословной идеей политическая структура империи, которая в конечном итоге привела к тому, что Германия пошла по другому пути государственного развития, нежели остальные западноевропейские

монархии, утверждалась и на более низких уровнях — в отдельных германских княжествах. Так же, как и империя в целом, князья обычно не располагали достаточными экономическими ресурсами для того, чтобы покрыть растущие расходы своих земель, которые постепенно превращались в отдельные государства. Конечно, некоторые из них, в частности, герцог Баварии, курфюрст Саксонии и, разумеется, Габсбурги, получали существенные доходы от своих владений и «регалий» (суверенные права, такие как право чеканки монет, установления таможенных пошлин, право рыночной торговли). Однако всякий раз, когда этих ресурсов не хватало, неизбежно приходилось прибегать к сбору налогов. А поскольку это было невозможно (во всяком случае, на постоянной основе) без согласия тех, кто облагался налогом, ибо шло вразрез с традиционным правом, в имперских землях сложилась практика участия подданных в управлении: они — как правило, это были дворяне, духовенство или горожане, а в самых редких случаях также крестьяне — имели (через представителей) доступ в ландтаг.

Таким образом, ландтаги превратились в сословно-представительные собрания, и закономерным образом там, где власть владетельного князя была слабой, местные сословно-представительные органы распространяли свое влияние и на другие вопросы, помимо установления налогов. Там же, где решающей была сильная власть князя, сословия не могли занять прочного положения и утрачивали влияние даже в том вопросе, который исконно входил в их компетенцию, — в вопросе принятия или отклонения новых налогов.

Церковь и ее институты

Историю Германии и Европы в XVI в. невозможно понять, если не учитывать огромное влияние церкви на все сферы жизни. Уже политический строй дает нам пред-

ставление об этом. В коллегии курфюрстов, в этом центральном сословном органе империи, три духовных курфюрста — архиепископы Майнцский, Трирский и Кельнский — имели почти половину всех голосов. В княжеской курии духовенство составляло большинство, поскольку статус имперских епископов приравнивался к статусу имперских князей и поэтому, в отличие от графов и господ (Herren), а также прочего духовенства, они обладали индивидуальным правом голоса.

Однако влияние церкви простиралось гораздо дальше, не ограничиваясь доминированием клириков в важных политических органах. До Реформации церковь была универсальным, управляемым из Рима институтом; по сути источник ее влияния и власти находился в Риме, и Рим же использовал эту власть в своих интересах. По этой причине огромный корпус немецкого духовенства, независимо от должности каждого в отдельности, был изначально лоялен по отношению к Риму и находился под его влиянием, даже если речь шла о вопросах, затрагивавших чисто национальные интересы.

«Рим» в то время означал «папство». Этот верховный институт западного христианства в эпоху Ренессанса, когда даже папы Римские были вполне жизнелюбивы и открыты мирским наслаждениям, довел до высшей точки и, более того, до абсурда процесс, начавшийся еще в эпоху Высокого Средневековья в ходе конфликтов папы с императором и королями — процесс секуляризации. Когда родился Лютер (1483 г.), папство уже было не столько церковным институтом, заботившимся о спасении душ, сколько светской политической силой, располагавшей собственным (церковным) государством, собственной разветвленной финансовой структурой и администрацией, обученным дипломатическим корпусом и имевшей политические связи со всеми государствами западного латинского мира. И какая другая держава могла похвастаться таким влиянием, такой лояльностью и

такими возможностями политического воздействия на соперничавшие с ней государства, как папская курия, которая достигала всего этого через национальное духовенство?

Процесс секуляризации особенно резко проявился в финансовых делах церкви: «Абсолютно неоправданными [...] были огромные податные взыскания со стороны папской курии, которые навлекли на нее — в первую очередь именно в Германии — упреки в ничем не сдерживаемой эксплуатации; неоправданным было также оттеснение на второй план, если не полное исчезновение духовного смысла и предназначения денежных поборов курии» (Х. Рабе). Всевозможные церковные должности, освобождение от церковных предписаний, исключения даже из самых строгих церковных запретов, спасение души или избежание мук в пламени чистилища путем приобретения индульгенций — все это можно было получить за деньги в Риме и через Рим. Такая позиция папства — не в каждом отдельном случае, но на фоне ориентированной на большие обороты фискальной политики курии — была настоящим скандалом по представлениям того времени.

Это не осталось без последствий для национальных церквей. Каждый немецкий епископ, каждый аббат, каждый монастырь, каждый мелкий священник подчинялись единой фискальной системе, центр которой находился в Риме. Так что ничего удивительного в том, что «нравственность» — в самом широком смысле слова — немецкого духовенства на заре Нового времени оставляла желать лучшего. Порок, присущий папской церкви в ту эпоху, проник и в среду немецких клерикалов, в первую очередь высшего уровня — «крайне щекотливое соединение духовных и светских прав и обязанностей. [...] Изначально, в соответствии с каноническим правом, для церковной должности решающее значение имело неразрывное соединение officium и beneficium, т. е. должностных обязанностей и прав, обеспечивавших экономическую основу

жизни духовенства. Однако с некоторых пор элемент служения стал все больше вытесняться элементом бенефиция (доходов от прихода)» (Х. Рабе).

Приходская система обеспечения священнослужителей привела к тому, что немецкое духовенство стало постепенно утрачивать свое положение в политическом устройстве в качестве отдельного сословия. Проблема заключалась не в том, что они рекрутировались из дворян; это не могло быть организовано иначе ввиду целибата. Правда, такую систему могло нарушить ее дальнейшее раскрытие вплоть до привлечения священников из бюргерской среды, но этого не произошло. Однако тот факт, что «церковь с ее бесчисленными должностями и учреждениями настолько превратилась в социальный институт, что связанные с этими должностями богослужебные функции померкли на их фоне» (Е.В. Зееден), не мог не вызвать возражений. Ведь единственным предназначением церкви была забота о спасении души и религиозная практика. В этом смысле необходимость в реформации уже давно назрела.

Реформация и общеимперская политика Карла V

1483–1546	Мартин Лютер.
1517	Начало Реформации: Лютер обнародовал 95 тезисов против индульгенций.
1518	Аугсбургский рейхстаг: начало процесса против Лютера (обвинен в ереси); Лютер в присутствии папского легата кардинала Каэтана отказывается отречься от своих взглядов. Начало Реформации в Швейцарии: деятельность Ульриха Цвингли.
1519–1556	Карл V.
1520	Публикация трех больших программных сочинений Лютера.
1521	Вормсский рейхстаг; принятие Вормсского эдикта об изгнании Лютера из империи.
1521–1526	Первая война Карла V с французским королем Франциском I.
1522–1523	Рыцарская война; поражение мятежных рыцарей от объединенного войска курфюрстов Трирского и Пфальцского, а также ландграфа Гессенского.

1524–1525	Крестьянская война.
1525	Победа Карла V при Павии.
1526–1529	Вторая война Карла V с Франциском I.
1526	Первый рейхстаг в Шпейере: надежды на решение религиозного вопроса возложены на собор, который должен был состояться в скором будущем.
1527	Sacco di Roma (разграбление Рима). Визитация церквей и школ в курфюршестве Саксония, ставшая отправной точкой для формирования евангелической церкви в отдельных германских государствах.
1529	Второй рейхстаг в Шпейере: протест против ужесточения религиозной политики императора со стороны имперских сословий евангелического вероисповедания.
1530	Аугсбургский рейхстаг: окончательное признание церковного раскола; Аугсбургское исповедание (Confessio Augustana) евангелистов, написанное Филиппом Меланхтоном.
1531	Фердинанд — эрцгерцог Австрийский, младший брат Карла V, с 1526 г. король Венгрии, а с 1527 г. король Чехии — становится римско-германским королем (Фердинанд I). Несколько лютеранских имперских сословий образуют союз — Шмалькальденскую лигу.
1532	Съезд в Нюрнберге: заключение временного перемирия между католической и протестантской партиями («Нюрнбергский мир»). Рейхстаг в Регенсбурге: принятие уголовного положения императора Карла V (Constitutio Criminalis Carolina).
1534–1535	Коммуна анабаптистов в Мюнстере.
1541	Рейхстаг в Регенсбурге: продолжение религиозного диспута и окончательный провал попытки достичь согласия между конфессиями.
1545–1563	Тридентский собор.
1546–1547	Шмалькальденская война.
1547	Битва при Мюльберге; победа Карла V над войсками протестантов, взятие в плен курфюрста Саксонского Иоганна Фридриха.
1547–1548	Рейхстаг в Аугсбурге: принятие Аугсбургского интерима (1548 г.) — новая надежда на достижение согласия между конфессиями.
1552	Протестантские князья вступают в союз с французским королем Генрихом II против Карла V; военные действия. Заключение мира в Пассау: окончание войны с князьями при содействии брата Карла V Фердинанда и создание плана конфессионального примирения.
1555	Рейхстаг в Аугсбурге: Аугсбургский религиозный мир.
1556	Карл V отказывается от императорского титула.

Два фундаментальных процесса определили особое направление немецкой истории в первой половине XVI в.: это, во-первых, Реформация с последующим возникновением новых церквей и партий и, во-вторых, попытка Карла V и дома Габсбургов создать великую европейскую империю с двумя центрами — Священной Римской империей и Испанией, для которой XV в. был эпохой объединения и усиления. Эта последняя попытка, по крайней мере, отчасти реализовывалась силами империи и потерпела полный провал. Вместе с ней исчезла последняя надежда путем действий «сверху» прийти к созданию великой европейской державы и, возможно, даже к объединению всей Европы — идея, которая сегодня уже не кажется нам утопичной. Зримыми симптомами этого провала был раздел империи Габсбургов на испанскую и австрийско-германскую часть, а также апатия и уход от власти и от всех мирских дел императора Карла V (1556 г.). Реформация же, напротив, «получилась», хотя и не в том объеме и не настолько, насколько этого желал ее важнейший идеолог Мартин Лютер, после того как он осознал неизбежность церковного раскола.

На протяжении первой половины XVI в. обе эти цепочки событий постоянно перекликались, пересекались и «мешали» друг другу, вызывая одновременно другие, не менее важные события: крестьянскую войну, продолжительный конфликт между Габсбургами и Францией, временное объединение имперских сословий, процесс конфессионализации. Поэтому необходимо рассмотреть их более подробно с точки зрения их внутренних взаимосвязей.

Мартин Лютер

Решающим моментом в процессе развития Мартина Лютера от монаха строгого нищенствующего ордена августинцев до яростного обличителя папской церкви, а затем

реформатора, было то, что в силу своего монашества он был далек от общей, светской критики церкви, распространенной в то время. Глубокая серьезность его воззрений и поведения была типична для его ордена и, соответственно, не представляла собой ничего нового, а наоборот, продолжала позднесредневековую традицию набожности и благочестия: «В иерархической организации позднесредневековой церкви к тому, кто состоял в нищенствующем монашеском ордене, предъявлялись самые высокие требования с точки зрения нравственного совершенствования» (Х. Лутц). Таким образом, уже в самом начале становления своего учения (1512–1517 гг.) Лютер пошел по совершенно независимому пути, испытывая лишь внешнее влияние со стороны гуманистической критики церкви и светских доктрин эпохи, которые,

однако, не затрагивали теологическое ядро его учения. Финал этого пути — церковный раскол — также стал результатом его решения, обусловленного серьезностью и последовательностью его мышления и поступков и свободного от всякого влияния его современников и единомышленников.

Таким образом, факт раннего вступления в нищенствующий монашеский орден и рано начавшаяся преподавательская деятельность, на которую он был направлен орденом в 1512 г. в Виттенберг, несомненно, имели гораздо большее значение для становления Лютера, нежели его происхождение из тюрингской семьи крестьянина, выбившегося из безземельных крестьян в зажиточные бюргеры. «Господь желает спасти нас не через нашу справедливость, а через иную справедливость и мудрость, через справедливость, которая исходит и произрастает не от нас, а нисходит на нас извне, не возникает на земле, а приходит с неба», — так Лютер в своей знаменитой лекции о Послании к римлянам (1515/1516 гг.) впервые сформулировал свою критику «внешней», воздающей по делам справедливости и тем самым снова принизил человека, который в эпоху Ренессанса и гуманизма возвысился и приобрел веру в себя перед лицом бога. В лекции о Послании к римлянам уже содержатся многие элементы его более поздней критики церкви, однако в то время Лютер еще не мог и не хотел идти путем фундаментального обновления церкви.

В этом контексте особое значение имел спор об индульгенциях 1517/1518 гг. Как это часто бывает в начале великих событий и конфликтов в мировой истории, повод был довольно незначительным, хотя и глубоко укорененным в противозаконной церковной практике того времени: чрезмерные денежные требования со стороны римской курии в связи с выборами Альбрехта Бранденбургского архиепископом Майнцским, а соответственно, главой всего германского духовенства, и стремление Альбрехта

получить необходимую сумму за счет широкой системы продажи индульгенций (свидетельств, освобождавших верующих от грехов и наказаний за них), т. е. за счет неприкрытой «спекуляции милостью божьей».

Лютеру и многим его современникам эта практика, а в особенности текст инструкции для проповедников индульгенций, написанный Альбрехтом, казались недопустимыми. Лютер стал инициатором диспутов на эту тему, лично написал письмо Альбрехту и, наконец, составил 95 тезисов, ставших впоследствии знаменитыми, но в отношении которых мы, наверное, так никогда и не узнаем, были ли они действительно прибиты 31 октября 1517 г. к двери дворцовой церкви в Виттенберге или нет. Во всяком случае, Лютер незамедлительно ознакомил с ними ученых, входивших в круг его друзей, разослав письма с тезисами далеко за пределы Виттенберга еще до того, как весной 1518 г. они были напечатаны с подробными объяснениями самого Лютера. И хотя ни по форме, ни по содержанию они вовсе не были революционными, тезисы за короткое время стали известны на всей территории империи. В них Лютер пока не оспаривает авторитет папы Римского, однако со всей непримиримостью нападает на обычай продажи индульгенций и усиливает воздействие своих тезисов, составленных по строго научным и академическим канонам, выпуская вслед за ними популярно написанную «Проповедь об индульгенциях и милости». Она быстро стала бестселлером, первым в истории Реформации. Предположительно за два года было продано 60 000 экземпляров этого сочинения! В результате дело Лютера, суть которого он не успел полностью изложить в этих работах, стало — в тот момент вопреки его воле — делом общим, делом общественным.

Спор об индульгенциях имел эффект лавины: вслед за ним в конфликт взглядов были вовлечены другие темы сочинений Лютера и сама личность автора. Повсюду

друг начали спорить о таинствах; то обстоятельство, что Лютер еще в своих лекциях о Послании к римлянам провозгласил высший авторитет Священного Писания (sola scriptura), стало использоваться в пропаганде против схоластической традиции и авторитета папы Римского; в сомнение притязания папской курии на роль наместника Христа на земле были подвергнуты сомнению.

Фронт противников Лютера формировался тоже на удивление быстро, что является доказательством того, что по крайней мере в Германии признаки надвигавшейся опасности были истолкованы правильно, хотя воспрепятствовать сокрушительной силе последующих событий было уже невозможно. На передний план вышли те, кому была выгодна система продажи индульгенций и кто защищал ее. Среди них был доминиканец Иоганн Тецель, с которого и начался спор. Вообще доминиканцы — давние соперники августинцев — в этой ситуации оказались в роли безусловных защитников старых порядков. Кроме того, на защиту старой веры встали многие мирские священники, среди которых выделялся теолог и блестящий полемист из Ингольштадта Иоганн Экк. У всех противников Лютера было неоднократно проверенное средство борьбы с еретиками: запугивание инквизиторским судом и сожжением на костре!

То, что этого не произошло, несмотря на обвинение в ереси и суд римской церкви над Лютером, связано с большой политикой, которая впервые вмешалась — характерным для эпохи Реформации образом — во внутрицерковный конфликт. Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонский и, соответственно, сюзерен (хотя на тот момент еще не сторонник) Лютера, не был готов выдать знаменитого августинца Риму. В его распоряжении было весьма действенное оружие: его голос в качестве курфюрста, за который именно теперь, ввиду ожидаемой смерти императора Максимилиана I, боролись различные политические силы. Рим как наиболее могущественная сторона

тоже пытался повлиять на исход выборов, поскольку был заинтересован в том, чтобы на этот раз не допустить к императорской власти представителя рода Габсбургов, который бы обладал большой фактической властью, и с этой целью всеми средствами переманивал на свою сторону немецких курфюрстов.

Фридрих предложил, чтобы Лютера сначала допросил легат папы Римского на Аугсбургском рейхстаге (1518 г.) кардинал Каэтан. Лютер принял этот вызов, однако не отрекся от своих тезисов, так что допрос не привел к желанному результату и был прекращен с ощущением того, что противоречия еще больше усугубились. Тогда Лютер впервые высказал свою идею о порядке разрешения конфликта, которая вызвала живой отклик у широкой общественности: пусть решает вселенский собор, и папа тоже должен будет подчиниться его решению.

Это требование открыло новое измерение конфликта. Отныне речь шла не о вопросах второстепенной важности, каковым, в конечном счете, являлся вопрос об индульгенции, а о самом Риме, об авторитете папы Римского. Это стало главной темой диспута, состоявшегося между Иоганном Экком и Мартином Лютером летом 1519 г., после смерти Максимилиана, в Лейпциге. Лютер объявил верховную власть папы «историческим» явлением, основанным на законах предшествовавших 400 лет, а не на Священном Писании; он оспорил способность любого собрания людей, в том числе вселенского собора, никогда не ошибаться, тем самым подчеркнув относительность авторитета церкви. Таким образом, он сделал все для того, чтобы предстать в глазах противников еретиком. В ходе лейпцигского диспута Лютер сознательно сжег все мосты, соединявшие его со старой церковью. С этого момента его спор с этой церковью становится «борьбой не на жизнь, а на смерть» (Х. Рабе).

Карл V и империя

Император Максимилиан, у которого было столько планов и начинаний, в том числе нереализованных или не доведенных до конца, умер в январе 1519 г., оставив империю в сложном положении. Не только вопросы религии и даже не столько выступление Лютера стали причиной массовых волнений. Восстания в деревнях и в отдельных городах на юго-западе Германии свидетельствовали о том, что социальная структура империи дала глубокие трещины задолго до крестьянской войны, когда экономическое и политическое недовольство крестьян и горожан получило дополнительные импульсы в ходе церковного и религиозно-политического конфликта. И если крестьянское восстание «Бедного Конрада» (около 1514 г.) не выходило за пределы герцогства Вюртембергского, то восстание «Башмака» (1493–1517 гг.) охватило города и деревни на обширной территории Верхнего Рейна между епископством Шпейер на севере и Брейсгау на юге.

К этому добавлялся нерешенный вопрос о преемнике. Как и во всех остальных патерналистских государствах Старой Европы, это было серьезной проблемой, поскольку долгий период ожидания или, более того, неизвестности в отношении наследования престола — период «безвластия» — легко мог привести к социальным или политическим волнениям. Сложность заключалась не в том, что будущего императора необходимо было избрать; в этом вопросе за предыдущие 150 лет была достигнута полная ясность — императора должны были избирать курфюрсты. Необычность ситуации была в том, что последнему императору не удалось вовремя настоять на кандидатуре своего внука Карла, и на горизонте появился второй претендент, серьезный соперник первого и влиятельный европейский правитель — французский король Франциск I, который, соответственно, не являлся имперским князем.

Это привело к настоящей предвыборной борьбе претендентов на престол, до предела накалившей политическую атмосферу. В итоге победил Карл, которому через много лет после его триумфа аугсбургский банкир Якоб Фуггер продолжал напоминать, что ему не удалось бы добиться такого результата «без его помощи», т. е. без подкупа нескольких курфюрстов аугсбургским торговым домом. Курфюрсты тоже не упускали случая напомнить молодому императору о его обязательствах в связи с результатами выборов. Они с благодарностью принимали не только денежные подарки, но и политические обещания («уступки выборщикам») Карла V, которые фактически носили характер основного закона империи. Среди важнейших уступок выборщикам следует назвать, в частности, то, что Карл мог заключать союзы с иностранными державами только с согласия курфюрстов, назначать на имперские должности и на службу при императорском дворе только немцев, созывать рейхстаги только на территории империи и набирать иностранных наемников только с согласия имперских сословий или, по крайней мере, курфюрстов.

Впрочем, Карл V многое приобрел в результате этих выборов: он был не только Габсбургом, не только внуком «последнего рыцаря» Максимилиана, завоевавшего всеобщую любовь, невзирая на все его политические неудачи. Он был прежде всего обладателем самых больших властных возможностей, какие когда-либо были у правителей в Центральной Европе, начиная с эпохи Карла Великого. Как Габсбург и внук Максимилиана, он унаследовал Австрию, которую в 1521/1522 г. передал во владение своему младшему брату Фердинанду; тот, в свою очередь, женившись на Анне из династии Ягеллонов, стал одновременно престолонаследником Венгрии и Чехии. Как нидерландец и внук Марии Бургундской, Карл унаследовал то, что осталось от бывшего герцогства Бургундского: Нидерланды и свободное графство

Бургундию. Наконец, как сыну Хуаны Безумной, дочери Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, ему принадлежали Испания и американские колонии. Во всех случаях Карл пожинал плоды хитроумной брачно-династической политики Максимилиана; впрочем, этому также способствовали ранняя смерть или болезнь некоторых его родственников. Так, со смертью его отца, герцога Бургундии Филиппа Красивого в 1506 г. и деда со стороны матери, короля Испании Фердинанда Арагонского в 1516 г. все эти земли отошли Карлу.

Таким образом, выборы 1519 г. лишь придали завершенность этому процессу: теперь к вселенной, фактическим повелителем которой уже был Карл, добавился тот единственный, всеохватный по замыслу и традиции титул, какой в то время могла предложить Европа — титул императора. Само собой разумеется, что Франция, Рим и отдельные имперские сословия стремились воспрепятствовать такому исходу выборов и под конец, когда Франциск I выбыл из конкурентной борьбы, выдвинули на роль преемника Максимилиана саксонского покровителя Лютера, Фридриха Мудрого. Однако Фридрих решительно воспротивился этому, тем самым сделав возможным избрание Карла V королем на выборах во Франкфурте.

Реформация и империя в период с 1519 по 1524 г.

Такая огромная империя — в XVI в. по площади с ней могла сравниться только Османская империя Сулеймана II — требовала сильной руки и отточенной системы управления. У молодого монарха вначале не было ни того, ни другого, а поскольку по своему характеру он не был блистательным человеком эпохи Ренессанса и принадлежал скорее к интровертному типу людей, он был не в состоянии быстро найти какое-то другое решение. Правда, что касалось идеи и реалий этой империи, у него

был хороший советник — канцлер Меркурио де Гаттинара, но, несмотря на это, новому императору нужно было *время, чтобы освоиться со своей ролью.*

Кроме того, после 1519 г. в его политику вклинился causa Lutheri, которые уже давно не были делом только Лютера. Религиозное движение, уже тогда названное «Реформацией», стремительно ширилось. Сам Лютер усиленно занялся публицистической деятельностью и в 1520 г. выступил с тремя большими программными сочинениями, которые с самого начала задали направление дискуссии и создали предпосылки для превращения разрозненных реформаторских идей в единую Реформацию. Это стало еще одним свидетельством того, какое огромное значение для этого процесса имело книгопечатание; самое популярное из этих сочинений — трактат «О свободе христианина» — в течение 15 лет издавалось 36 раз и было переведено на 6 европейских языков.

В своем обращении «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» Лютер впервые не стал ограничиваться церковными вопросами, а предложил реформы также для светского общества. Свою новую теологию и в первую очередь взгляд на основную проблему — учение о таинствах — Лютер изложил в сочинении «О вавилонском пленении церкви»: «...Прежде всего должен я отвергнуть само число Таинств — семь — и в нынешних условиях поставить [на их место] только три: Крещение, Покаяние, Преломление хлеба. Их-то римская курия и привела в жалкий плен, и тем самым у Церкви отнята вся ее свобода». Наконец, был издан третий трактат «О свободе христианина» — до сегодняшнего дня наиболее часто публикуемое произведение Лютера. В нем не содержалось критики в адрес Рима и тех призывов к внешнему освобождению от оков старой папской церкви, которые сделали стольких людей последователями Лютера и которых можно было бы ожидать, если судить по названию трактата. Нет,

свобода, о которой говорил Лютер, — это внутренняя свобода, «это духовная и истинная свобода, и она делает наши сердца свободными от всех грехов, законов и заповедей и превосходит любую другую свободу, подобно тому, как Небеса превосходят землю». Неудивительно, что впоследствии Лютер полагал, что его сочинение было превратно истолковано, и был разгневан, если ему приписывали идеи о «политической» свободе — как это делали, в частности, крестьяне в 1525 г. Пока же, в свете впечатляющих успехов Лютера, этих расхождений еще не было, и его идеи, напротив, вызывали одобрение и поддержку во всех слоях населения, в том числе и за границей.

Важное политическое значение имело одобрение со стороны мелкого дворянства и рыцарства, которое вылилось в «войну против священников» (Pfaffenfehde): Ульрих фон Гуттен и Франц фон Зикинген в 1521 и 1522 гг. возглавили мятеж против архиепископа и курфюрста Трирского, который, правда, вскоре был подавлен. Многие гуманисты, помимо самого выдающегося ученика и коллеги Лютера Филиппа Меланхтона, тоже присоединились к Лютеру — некоторые на короткое время, другие навсегда. Довольно быстро сформировался слой высокообразованных соратников Лютера. Во всех уголках империи они пропагандировали его идеи и вошли в церковную историю Германии как реформаторы отдельных городов и регионов. «На какое-то время гуманистическое и реформаторское движение соединились в одно» (Х. Рабе), что явилось достаточной причиной для мобилизации его противников, перешедших от тактики осторожного лавирования, проводимой ими до выборов Карла V, к более решительным действиям.

В начале 1521 г. Лютер был отлучен от церкви, после того как по истечении отсрочки он, вместо того чтобы покаяться, публично сжег папскую буллу с угрозой отлучения от церкви. О том, как сильно его идеи завладели умами многих имперских сословий, видно из того, что

вслед за этим не последовало изгнания из страны, как это предписывалось имперском правом, а вместо этого Лютер был вызван на последний «допрос» в рейхстаг. В 1521 г. в Вормсе он в первый и последний раз встретился с Карлом V, который неохотно участвовал в этой процедуре. Не столько в силу особого расположения к римской системе, сколько из политического расчета и в соответствии с традиционным династическим сознанием, молодой монарх, в 1520 г. коронованный в Ахене императорской короной, стал политическим защитником папской церкви, и он уже не мог позволить немецкому монаху и дальше отвлекать себя от планов и задач за пределами империи.

Таковы были предпосылки короткого, но тем не менее исторического противостояния Лютера и Карла в Вормсе. Лютер отказывался отречься от своих сочинений, пока его «не опровергнут свидетельствами Писания или ясными доводами». В принятом Вормсском эдикте Лютер приговаривался к изгнанию из империи. Впрочем, за этим документом стоял один император и те немногие имперские сословия, которые к тому моменту еще не покинули Вормс. Таким образом, в рейхстаге тоже произошел раскол: имперские сословия впервые разделились на «евангелистов» и сторонников старой веры. Однако за этим еще не последовало создания независимых церковных организаций в отдельных германских государствах. Фридрих Саксонский теперь был не просто сюзереном, но прежде всего последователем Лютера и оказал ему, наверное, самую важную услугу. Он «похитил» его и укрыл в Вартбурге, тем самым защитив от исполнения Вормсского эдикта, т. е. от взятия под стражу и вынесения окончательного приговора. Формально решение Вормсского рейхстага означало поражение евангелического движение, однако по сути оно стало исходной точкой для его самых значительных побед в течение последующих пяти «грозовых лет Реформации».

Император, империя и новое религиозное движение существовали в этот период более или менее независимо друг от друга. Карл V покинул Германию, где он как нидерландец, впитавший, кроме того, бургундские традиции, никогда не чувствовал себя уютно. В Вормсе он мог наблюдать ряд относительно безуспешных попыток рейхстага добиться перераспределения власти между двумя силами — императором и рейхстагом — на новой основе. Из этого мало что получилось: согласовать общеимперскую политику в ситуации сосуществования монархического порядка и федеративной организации так и не удалось. Интересы самого Карла были сосредоточены на политическом союзе с Римом и на соотношении политических сил в мире. Этому он придавал гораздо больше значения, чем внутригерманским религиозным вопросам и политике внутри империи. Он подготавливал почву для борьбы с Франциском I и Францией. Уже тогда он объявил своего брата Фердинанда наследником многих расположенных на территории империи владений рода Габсбургов, чтобы отчасти снять с себя бремя правления империей. Сам он «посвятил себя борьбе всей своей жизни — борьбе за мировое господство. Дела Германии и Лютер представлялись ему всего лишь незначительным эпизодом на периферии мировой истории» (Х. Лутц). Очень скоро ему пришлось признать, как сильно он ошибался.

Между тем евангелическое движение продолжало свое триумфальное шествие по стране. К нему примкнули прежде всего те, кто имел дело с каждодневной практикой богослужения, — мирской клир и монахи; Реформация в своем практическом осуществлении была им по-своему выгодна, ибо помещала фигуру проповедника (которой в таком виде прежде вообще не существовало) в самый центр общины верующих. Сделанный Лютером в период его уединения в Вартбурге перевод Нового Завета — событие мирового значения не только в истории церкви, но и в истории немецкого языка — стал большим

подспорьем в их деле; вскоре к нему добавились первые евангелические песни, популярные и сегодня. В рамках данной книги мы не можем во всех подробностях описать произошедшие тогда изменения в повседневной практике немецкой церкви. Представление о том, что все изменилось в одночасье, конечно же, неверно, но влияние таких нововведений, как изменение литургии, иконоборчество, уход монахов из монастырей, вступление в брак священнослужителей и т. д., на церковную жизнь — если это можно было назвать «жизнью» — было чрезвычайно велико.

Как всякое значительное движение, Реформация имела радикальные ответвления и, соответственно, потенциальных врагов в лице их лидеров. Здесь речь не идет о движении под предводительством Ульриха Цвингли, которое развернулось в Швейцарии и на юго-западе Германии и лишь в своем внешнем проявлении началось с событий в Виттенберге. Это была Реформация другого рода, с другими политическими предпосылками, другим социальным контекстом, в других формах, с другой теологической программой. Она тоже является частью немецкой истории, а для Крестьянской войны на юго-западе Германии имела, пожалуй, даже большее значение, чем движение Лютера, хотя в скором времени и отошла на второй план. Однако следует подчеркнуть, что вместе с Цвингли и Реформацией в южнонемецких имперских городах в историю религиозных движений XVI в. проник ярко выраженный урбанистический элемент. Напряженные отношения, возникшие между имперскими городами и реформаторским движением на юго-западе Германии, долгое время влияли на развитие этого региона и придали иной характер последующим усилиям по восстановлению религиозной жизни, отличавший юго-западные области от Тюрингии и Саксонии.

Гораздо сильнее Лютера затронули нападки со стороны его противников из близкого и дальнего окружения.

Здесь следует упомянуть, в частности, Андреаса Боденштайна (по прозвищу Карлштадт) из Виттенберга, «чернорабочего Реформации», бывшего сначала верным соратником, а затем непримиримым критиком Лютера в связи с тем, что тот казался ему недостаточно радикальным. Лютеровскому sola scriptura (только Писание) Андреас Боденштайн противопоставил sola spiritu (только Дух) и, выступая от имени Святого Духа, спровоцировал в 1522 г. беспорядки в Виттенберге, которые смог остановить только сам Лютер.

Несомненно, в этой связи следует также упомянуть Томаса Мюнцера, сына ремесленника из Штольберга, а также цвиккауских, альштедтерских и мюльхаузенских пророков. Мюнцер, как и Карлштадт, проповедовал «торжество Святого Духа» и абсолютизировал пронизывающее весь мир духовное начало, не признавая учение Лютера о двух царствах, которое было одним из главных в его произведениях и предписывало христианину в политических и светских делах подчиняться светской власти. Мюнцер утверждал обратное: земное царство есть или должно быть царством Божьим, и вся политика, согласно Мюнцеру, должна осуществляться под знаком понимаемой эсхатологически божественной власти. Такие представления сделали Мюнцера фигурой, воплощавшей в себе сопротивление установленному порядку, и поэтому его история стала частью истории Крестьянской войны в Германии, на события которой, прежде всего в Средней Германии, он оказал значительное влияние.

Крестьянская война

Эта крестьянская война (1524–1526 гг.), начавшаяся на юго-западе Германии и, «подобно пожару» (Б. Мёллер), распространившаяся на север, вплоть до северных склонов Гарца, на восток — до Тироля и Зальцбурга и на северо-восток, охватив Франконию и Тюрингию и, таким

образом, не затронув только север и северо-запад, а также Баварию, Саксонию и чешские земли, пришлась некстати реформаторам лютеровского толка. Разрабатывая свои учения, они не считали их практическим руководством к преобразованию светских порядков. Лютер крайне резко отреагировал на крестьянские волнения, когда они достигли своего апогея, поскольку считал, что его идеи были превратно истолкованы и против его воли использованы в политических целях. Крестьяне видели ситуацию иначе, и в этом их поддерживали публицисты из бюргерско-городской среды, отстаивавшие крестьянские интересы в политических программах: «Пожалуй, одной из самых существенных характеристик Крестьянской войны было то, что ее очаги возникали лишь там, где поблизости были города и где переплетались интересы города и деревни» (Б. Мёллер).

Целью крестьян в этом конфликте было корректное определение их прав и обязанностей по отношению к многочисленным светским и духовным господам, которые, будучи судьями, крепостниками, землевладельцами и суверенами, имели (или предъявляли) разнообразные права на территории своих владений. В тех случаях, когда крестьянам казалось, что Библия, смысл которой им так вдохновенно объяснял Лютер, подтверждает их притязания на землю, они без колебаний ссылались на Священное Писание и, соответственно, на «божественное право», как будто речь шла о действующем законе. В этом было отличие данной Крестьянской войны от многочисленных крестьянских восстаний в эпоху Позднего Средневековья, когда восставшие апеллировали к «старому доброму закону».

Важнейшим документом, созданным в период Крестьянской войны, стали «Основательные и истинные главные статьи, в которых считают себя обиженными все поселяне и сельские работники духовных и мирских начальств» — так называемые «Двенадцать статей» верхне-

швабских мятежников. Они были изданы после вспышки насильственных действий против крестьян, и в этой ситуации крестьяне предстали как верные последователи евангелического учения, которых нельзя было осудить как бунтовщиков. В этом и прочих подобных документах, принятых в других областях, речь шла о тяготах крестьянской жизни, о величине и несправедливости оброков и трудовых повинностей, о высоких налогах, о посягательствах на общинное пользование лесами и пастбищами, рыболовными и охотничьими угодьями, о праве выбора общиной своего священника. Все эти пункты доказывают, что за подобными документами стояло земельное крестьянство, а не сельская беднота. Рост населения, усиливавшееся давление со стороны господ, направленное на увеличение платежей и повинностей крепостных крестьян и использование альменды преимущественно феодалами, наконец, повышение налогов — все это привело к тому, что во многих областях Германии складывалась ситуация экономической и социальной напряженности. На фоне общих антифеодальных настроений, сопровождавших Реформацию, эта ситуация разрешалась в насильственных действиях.

Поскольку местная княжеская власть, император и имперское правление не были готовы к таким событиям, увеличившееся до довольно крупных размеров крестьянское войско поначалу одерживало серьезные победы. Штурмы монастырей и замков и многолюдные собрания мирного характера сменяли друг друга. В какой-то момент даже появилась возможность начать политические преобразования общегосударственного уровня и созвать большой представительный съезд крестьян в Гейльбронне. Однако эти начинания были подавлены войсками Швабского союза. Этот союз, заключенный в конце XV в. имперскими рыцарями, городами и князьями, во время Крестьянской войны в последний раз провел согласованную политическую кампанию; его войска вели неприми-

римую борьбу с крестьянами и добились того, что в большинстве областей уже к началу лета 1525 г. восстание было подавлено. Так закончилась великая попытка крестьян собственными силами улучшить свое социальное и экономическое положение. Нельзя, однако, согласиться с прежней исторической трактовкой этих событий, согласно которой единственной наградой за готовность крестьян силой отстаивать свои интересы было последующее многовековое бесправие. Во многих германских землях стремления крестьян, сформулированные в ходе восстания, в частности, в «Двенадцати статьях», сохранились в памяти и даже легли в основу последующих реформ.

Реформация, империя и религиозные движения в период с 1525 по 1555 г.

Вместе с Крестьянской войной закончились и «грозовые годы» Реформации. То, что происходило потом вплоть до заключения Аугсбургского религиозного мира в 1555 г., представляло собой жесткую, как правило, политическую, однако в кульминационный момент также вооруженную борьбу за право определять церковное и политическое будущее империи. В этой борьбе участвовали четыре силы: с одной стороны, император или императорский двор, стремившийся прежде всего к осуществлению того, что впоследствии было названо «универсалистской» политикой Карла V; затем рейхстаг, который пережил серьёзный раскол по религиозному вопросу, но тем не менее не превратился в игрушку в руках императора, а остался самостоятельным институтом. В ситуации пересечения религиозных и государственно-политических вопросов рейхстаг пытался определить свою позицию. Его созывы происходили так часто, как никогда ни до, ни после этого, и, возможно, благодаря этому он смог добиться определенной независимости. Третьей силой был немецкий протестантизм. После 1529/1530 гг.

это движение приобретало все более четкие очертания, а также преимущественно политический характер в силу того, что его интересы отстаивали имперские сословия, обладавшие территориальным суверенитетом. Наконец, четвертой силой была старая церковь, которая тоже переживала процесс формирования, тоже имела своих сторонников среди имперских сословий и выигрывала от того, что некоторые папы Римские увидели в современных им событиях знамение времени и начали реализовывать идеи реформирования церкви и созыва Вселенского собора.

В этот период для политики Карла V были характерны два основных противоречия: будучи универсалистской и — по замыслу Карла — выходя далеко за пределы империи, фактически его политика была прикована к внутриимперским делам в связи с религиозным вопросом и обусловленным им «увеличением свободы действий региональных сил в Германии» (Х. Лутц). Изначально ориентированная на мирное сосуществование (правда, на условиях Габсбурга), фактически его политика постоянно сопровождалась военными действиями против Франции, начавшимися в конце XV в. и достигшими наивысшей точки в конфликте между Карлом V и Франциском I. Императору так никогда и не удалось разрешить эти два противоречия, и в конце концов они стали причиной его поражения.

Что касается религиозного вопроса, то здесь по отношению к протестантам Карл испробовал практически все виды тактического лавирования и договорной стратегии. Не имея особого интереса к теологическому содержанию конфликта, после Вормсского рейхстага (1521 г.) Карл выступал в роли ярого защитника старой церкви, не отрицая, однако, необходимости ее реформирования. Впрочем, когда Карл, подобно многим другим, убедился в неизбежности религиозного раскола, он проявил готовность к компромиссам и разделу имущества и влияния

между старой и новой церковью. Но и тогда он еще довольно долго питал надежду на воссоединение сформировавшихся конфессий и в связи с этим поддерживал религиозные диспуты, проходившие в 1540/1541 гг. в Гагенау, Вормсе и Регенсбурге, но не имевшие успеха. Политика Карла в вопросах религии осложнялась еще и тем, что курия не была надежным партнером во внешнеполитических делах; она колебалась между Францией и Священной Римской империей, и ее действия в значительной мере определялись опасениями в связи с угрозой доминирования габсбургской *монархии* в Европе.

Так что в такой ситуации Карлу легко было включить религиозный вопрос в свои властно-политические расчеты. После резкой реакции на выступление Лютера на Вормсском рейхстаге и на рейхстагах в Нюрнберге (1524 г.) и Шпейере (1526 г.) в отношении лютеран были приняты компромиссные формулировки, откладывавшие окончательное решение. На следующем Шпейерском рейхстаге в 1529 г. была продолжена жесткая Вормсская линия. Здесь уже представители нового вероисповедания посчитали нужным выступить с «протестом», который имел мировое значение и которому они обязаны своим именем в истории. В период между 1530 и 1541 гг. Карл в основном придерживался политики объединения с «протестантами», однако затем он изменил курс на более жесткий и в 1546/1547 гг., после успешного похода против Франции, заставил своих правоверных союзников выступить войной против превосходящих сил Шмалькальденского союза протестантских имперских сословий. Это было началом первой религиозной войны на немецкой земле. Однако военная победа императора в 1547 г., в период его наивысшего могущества, не помогла ему в религиозной политике. Его союзники из числа правоверных католиков — и Рим, и ведущие католические герцогства, такие как Бавария, — постоянно отказывали ему в политической помощи, поскольку не желали доми-

нирования Габсбургов в империи. В этом вопросе католические и евангелические имперские сословия были едины. В начале 1550-х гг. Франции удалось объединить под своим предводительством княжескую оппозицию императору из немецких имперских сословий, но после того как стало известно, что союзником Франции является также заклятый враг империи — Турция, основные стороны конфликта в Германии стали искать более сбалансированное решение религиозного вопроса.

После долгих приготовлений оно было найдено на Аугсбургском рейхстаге 1555 г. и вошло в историю как «Аугсбургский религиозный мир». Это решение признавало Аугсбургскую конфессию, как с момента изложения своего вероисповедания в Аугсбурге (1530 г.) назывались протестанты-лютеране, единственной законной новой конфессией, наряду с католичеством. Таким образом, цвинглиане, кальвинисты и анабаптисты по-прежнему считались «еретиками». Какое вероисповедание будет принято на конкретной территории, должны были решать церковные и мирские князья (cuius regio, eius religio), за подданными, исповедовавшими другую веру, сохранялось право покинуть прежнее место проживания. Если духовный князь становился протестантом, он терял свою духовную и светскую должность. Этот последний пункт вызывал многочисленные споры вплоть до 1648 г.: протестантские имперские сословия не без оснований отказывались его признавать, поскольку он преграждал им доступ к церковным владениям.

Именно ожесточенная борьба вокруг этой «церковной оговорки» во время Аугсбургского рейхстага свидетельствует о том, насколько сильным стало новое движение. Можно говорить о консолидации немецкого протестантизма лютеровского толка в данный период, чему способствовала не только решительная политика отмежевания, проводимая самим Лютером по отношению к прочим евангелическим общинам, но и представления

Лютера о государстве и политике, которые благоприятствовали тесной связи его учения с правящими кругами в лице многих светских и церковных князей. Обе Саксонии (герцогство и курфюршество), ландграфство Гессен, почти все северо- и западногерманские княжества и имперские города, владения Гогенцоллернов во Франконии — маркграфства Ансбах и Кульмбах (Байрейт), Вюртемберг и многие имперские города на юго-западе Германии теперь были лютеранскими, так же как и большая часть Силезии и некоторые поместья в наследных владениях Габсбургов в Австрии. Однако официальное утверждение лютеранства во многих областях еще не означало его проникновения во все сферы жизни этих областей. В середине XVI в. вопрос конфессионального определения германских земель во многом еще оставался открытым, так что представление о том, что к этому времени раз и навсегда установилось однозначное соответствие между вероисповеданиями и конкретными имперскими сословиями, далеко от истины.

После Аугсбургского исповедания прошло довольно много времени, прежде чем в Германию проник кальвинизм. Французский реформатор Жан Кальвин (Jean Cauvin) в период с 1535 по 1540 г. неоднократно бывал в Германии (Страсбурге) в качестве беженца-протестанта, а с 1541 г. полностью посвятил себя делу строительства новой церкви в Женеве. Он хорошо знал теологию Лютера и, развивая свое собственное учение, четко отграничивал его от учения Лютера и Меланхтона. Ядро кальвинистской теологии составляли три элемента: учение о предопределении, синодальная структура общины, поддерживающая верующих в их деятельности, и право на сопротивление нехристианским властям, данное только должностным лицам из числа имперских сословий. Влияние Кальвина в Германии было ограниченным и распространялось в основном через две группы, имевшие, впрочем, большое религиозно-историческое и политическое

значение. Речь идет о протестантах-изгнанниках из Нидерландов и некоторых имперских князьях, принявших кальвинизм по глубоко личным причинам. Последние не могли навязать новую веру своим подданным, поскольку Аугсбургский религиозный мир на кальвинизм не распространялся. Голландские изгнанники способствовали тому, что кальвинизм на долгое время прочно утвердился на северо-западе Германии, а также в городе Эмден и Восточной Фрисландии и в прилегавших к нему районах. Благодаря инициативе со стороны отдельных князей эта конфессия проникла (хотя нигде не стала доминирующей и конкурировала с другими христианскими конфессиями) в Пфальц, Нассау, в ряд гессенских, вестфальских и рейнских графств (например, Липпе, Текленбург, Витгенштейн), в герцогство Ангальт, а затем и Курбранденбург и Силезию. Отношения между двумя протестантскими конфессиями были крайне напряженными именно в тех областях, где им приходилось сосуществовать. Глобально-политическое значение, которое кальвинизм приобрел в связи с огромной популярностью в Нидерландах, Англии и Новом Свете, не имел резонанса в Германии.

Наряду с протестантскими конфессиями, которые, несмотря на отдельные попытки объединиться, относились друг к другу враждебно, в первой половине XVI в. существовало множество более радикальных протестантских сект. За ними закрепилось общее название «анабаптисты», поскольку их объединяла доктрина взрослого крещения. В Мюнстере этой секте в 1534–1535 гг. даже удалось на короткое время захватить политическую власть и основать свое «царство». Правда, оно получилось таким радикальным и нетерпимым, что в результате на долгие годы незаслуженно дискредитированным оказалось анабаптистское движение в целом.

Жители города Мюнстера с 1531 г. были знакомы с учением Лютера. В 1533 г. лютеране впервые получили

большинство мест в городском магистрате. Правда, большинство горожан не были довольны результатами Реформации: узнав — через многочисленные связи с соседними Нидерландами — в 1533 г. о голландском анабаптизме, они все больше проникались этим учением и развивали его очень последовательно и даже более того, радикально. Кроме того, определенное влияние на них оказало учение Мельхиора Гофмана — скорняка и бродячего проповедника из Швебиш-Халля — и его голландских последователей. Под предводительством двух ремесленников — пекаря Яна Матиса из Мюнстера, а затем портного Яна Бокельсона из Лейдена — в 1534 г. анабаптисты захватили власть в Мюнстере и провозгласили «царство божье», существование которого определялось эсхатологическими настроениями эпохи и жесткой политикой его авторитарных лидеров: деньги были изъяты из внутреннего обращения, городские земельные владения и относящиеся к ним продукты питания объявлены общими, все долговые обязательства списаны, а кроме того, издан указ об обязательном вступлении в брак и о разрешении многоженства.

«Царство божие» в Мюнстере, с сентября 1534 г. находившееся в полном подчинении у Яна Бокельсона, одного из основных зачинщиков этого движения, присвоившего себе гордое имя «короля Сиона», просуществовало недолго. К началу 1535 г. сопротивление различных лютеранских и католических имперских сословий было уже достаточно организованным для того, чтобы можно было начать военные действия против Мюнстера. В 1535 г. войска под командованием епископа Франца фон Вальдека начали осаду города, и в июне того же года он пал при содействии перебежчиков. Многие из лидеров коммуны были казнены, а в Мюнстере без особого сопротивления со стороны лютеран был восстановлен католицизм. Это был первый, самый ранний случай подобного «обратного завоевания», за которым позднее — в эпоху Контрреформации — последовали многие другие.

Католическая церковь в эти годы, в отличие от «грозовых лет Реформации», тоже переживала период консолидации. Некоторые крупные герцогства (например, Бавария), духовные курфюршества и многие области, которые воспользовались «церковной оговоркой» и остались верными себе, продолжали исповедовать старую веру. При этом они не раз сталкивались с определенными политическими несуразностями, в частности, в связи с необходимостью в одно и то же время вести борьбу против Габсбургов — главной католической династии в Европе — и сохранять верность Риму и старой конфессии. В этой ситуации им очень помогло то, что в ходе конфликта между имперскими сословиями и императором после 1550 г. усиливалась позиция брата Карла, короля Рима Фердинанда I, который постепенно взял в свои руки политику императорского двора. Он был более гибким политиком, нежели его брат, более восприимчивым к нуждам и интересам империи, более прагматичным в вопросах веры, а в качестве преемника в любом случае в некотором роде представлял оппозицию императору и был готов даже вступить в сговор против него с отдельными имперскими сословиями. Тот факт, например, что княжеская оппозиция против Карла вынудила его пойти на очень важные уступки, закрепленные в Пассауском договоре (1552 г.), был во многом заслугой Фердинанда: этот договор временно признавал право лютеран на свободу отправления религиозных обрядов, а окончательное решение конфессионального вопроса откладывалось сначала до межсессионного созыва, а затем до следующего рейхстага.

Однако наиболее значимые для ортодоксальных католиков события происходили в самой католической церкви. С 1545 г. в Тренте, т. е. на территории империи, но под контролем Рима, проходил Вселенский собор. Он должен был внедрить идею реформирования в старую церковь, которая так долго ее игнорировала, и тем самым

предуготовить возвращение верующих в империи и в остальной Европе в лоно католической церкви. На трех сессиях, из которых вторая, к великому неудовольствию императора, была перенесена из Тридента в Болонью, папская церковь, чередуя прогрессивные и оборонительные решения, заложила основы для своего развития после Реформации. Было принято решение об учреждении духовных семинарий для обеспечения теологического образования духовенства; епископам было вменено в обязанность проживать в своих епископствах и следить за их религиозной жизнью и запрещено злоупотреблять своими бенефициями. Все эти решения явились реакцией на критику, сформулированную в период Реформации.

В вопросах религиозной догматики преобразования были на порядок менее значимыми, чем в организационных вопросах. Даже те темы, которые поднимались самими католиками, в частности, вопрос «воздаяния по делам», остались без внимания. Теологический остов схоластической философии также был сохранен и даже укреплен в своем прежнем виде. Именно Тридентский собор сделал католицизм жизнеспособной конфессией; лишь после собора он приобрел многие свои современные черты, которые не были ему присущи до церковного раскола: например, использование латыни в церковном обиходе, большое значение церковной иерархии и, прежде всего, централистская ориентация всей церкви на Рим. Отныне церковь могла во всеоружии начать борьбу за утраченное влияние. Наступила эпоха Контрреформации и католических реформ.

На фоне событий, происходивших в остальной Европе, развитие ситуации в Священной Римской империи, находившейся с начала Реформации в центре мировой политики, теперь отступило на второй план. В Западной Европе утвердился кальвинистский вариант преобразования церкви и религии, который в силу своей

1556–1564	Император Фердинанд I.
1564–1576	Император Максимилиан II.
1576–1612	Император Рудольф II.
1583	«Кёльнская война» соборного калитула и ландтага против кёльнского архиепископа Гебхарда Трухзеса фон Вальдбурга, подозреваемого в симпатии к евангелическому вероисповеданию
1583–1604	Отлучение от церкви четырех кёльнских прелатов (и одновременно швейцарских каноников) как пример применения «церковной оговорки».
1593–1609	Война с Османской империей: неоднократные обращения императора к имперским сословиям с просьбой помочь в войне против Турции усиливает их позиции, а также позиции рейхстага.
1594	Рейхстаг соглашается помочь в войне против Османской империи
1603	Регенсбургский рейхстаг: отмена мажоритарного принципа при принятии решений, усиление позиций рейхстага.
1606	Венский мир: эрцгерцог Матвей, брат императора, получает исполнительную власть над Австрией.

высокой политизированности привлек внимание многих христиан. Империю это движение затронуло со стороны северо-западной границы, так как северные провинции Нидерландов, отложившиеся от Испании и образовавшие отдельное государство (1579–1581 гг.), формально еще принадлежали к империи. Борьба Нидерландов за независимость предвосхитила сокращение территории империи, закрепленное в Вестфальском мирном договоре. В остальных землях, напротив, начался процесс ужесточения религиозной борьбы — особенно после смерти Фердинанда I (1564 г.) и его сына и преемника Максимилиана II (1576 г.). Это были последние императоры из поколения миролюбивых и готовых к компромиссу политиков эпохи мирного сосуществования конфессий.

И хотя многие имперские сословия хотели избежать крайних форм религиозной борьбы, каковые имели место в Нидерландах и во Франции, и единым фронтом отстаивать свои позиции в империи, в какой-то момент процесс конфессионализации уже было невозможно остановить. В скором времени империи пришлось расплачиваться за то, что религиозный мир был достигнут за счет ненадежного компромисса, допускавшего любые истолкования.

Прежде всего почву для конфликтов давали характерные для старой империи духовные территории, которые никогда не оставались чисто религиозными, но всегда имели непосредственное юридическое и, соответственно, политическое значение. Протестанты, которые в этом вопросе не чувствовали себя связанными постановлениями Аугсбургского рейхстага, особенно успешно проводили секуляризацию духовных княжеств в Северной Германии. Земельные владения епископов становились светскими землями, над которыми властвовали лютеранские князья. Во второй половине XVI в. все средне- и северногерманские епископства стали лютеранскими. Император и католические имперские сословия, как правило, их не признавали и отказывали новым владельцам в законности, а соответственно, в инвеституре и в праве голоса в рейхстаге. Великая контрреформаторская идея «реституции» духовных владений все отчетливее проступала на политическом небосводе, омрачая его так же, как и настойчивое, абсолютно мирское стремление некоторых протестантских сюзеренов секуляризировать и овеществить церковное имущество. И хотя это не мешало дальнейшей стабилизации двух главных конфессий, идее и фактическому существованию империи эти процессы наносили неизмеримый ущерб.

На протяжении первой половины XVI в. серьезные конфликты вокруг духовных государств и их религиозно-политического будущего происходили трижды, и во всех

трех случаях это приводило к ослаблению имперских институтов.

В 1580-х гг. кёльнский курфюрст проявил склонность к протестантизму; протестантская сторона стала настаивать на том, чтобы он добился смены вероисповедания в своих владениях и боролся за отмену «церковной оговорки». Курфюрст руководствовался соображениями частного порядка: не имея духовного сана, он задумал жениться, причем на девушке протестантского вероисповедания. Однако католики отнеслись к этому делу чрезвычайно серьезно, поскольку на карту был поставлен один из важнейших столпов немецкого католичества — Кёльн, — а *следовательно, и выбор будущего католического императора*. Переход кёльнского курфюршества к протестантам мог этому помешать. Их интенсивное вмешательство, для которого были мобилизованы силы императора, испанского короля и папы Римского, увенчалось успехом. Благодаря тому, что верные императору протестанты, прежде всего курфюрст Саксонский Август, не были готовы к открытому выступлению против империи, католики одержали победу в «Кёльнской войне», и управление Кёльнским курфюршеством надолго перешло к главному оплоту католицизма в Германии — герцогам Баварским.

В Страсбурге, где некоторые члены соборного капитула, избиравшего архиепископа, были протестантами, в 1592 г. состоялись спорные выборы, когда равное число голосов получили евангелический и католический епископы. Но и здесь политика католиков оказалась более сильной, а кандидат от протестантов, Иоганн Георг Бранденбургский, и евангелические каноники позднее получили денежную компенсацию.

Наконец, самой сложной — с юридической точки зрения — ситуация была в Магдебурге. С 1582 г. это епископство было евангелическим, однако его управитель не был конфирмирован папой Римским и не получил

инвеституру от императора. Созданная по решению Верховного суда сословно-представительная комиссия, которая, в соответствии с законами империи, выполняла в таких случаях функцию надзора, не была признана католической стороной и прекратила свою работу. Тем самым деятельность еще одного общеимперского органа власти, в принципе ориентированная на сбалансированное управление и правовые нормы, была доведена до абсурда. Имперские сословия и их интересы, связанные с отдельными государствами в составе империи, все сильнее определяли общеимперскую политику и тем самым способствовали выхолащиванию и «отмиранию общеимперских структур» (М. Риттер).

Какое положение занимала высшая — императорская — власть в этой упорной борьбе, подрывавшей государственные устои империи, борьбе за титулы, имущество, религиозные границы и власть в империи? Как показали религиозные войны во Франции того времени, государство, в котором возник конфликт вероисповеданий, нуждается в сильной центральной власти, если оно хочет сохранить свою целостность. У Карла V и его брата Фердинанда I не было серьезных проблем с реализацией своей власти, потому что им удавалось держать в узде рейхстаг и имперские сословия, чередуя жесткую политику с уступками, и ограничивать тенденции, ведущие к религиозной войне. При их преемниках, Максимилиане II и Рудольфе II, сыне и внуке Фердинанда, ситуация в корне изменилась. Немаловажную роль в этом сыграло то, что, в частности, Рудольф, который обладал необычным характером и в детстве воспитывался при дворе испанского короля Филиппа II, не имел качеств, необходимых императору; в результате его правление обернулось катастрофой для империи и рода Габсбургов. Жизнелюбивый Максимилиан, напротив, был не лишен способностей, хотя его отец так не считал. Он явно симпатизировал протестантам, и для многих этого было

...статочно, чтобы начать мечтать о евангелическом императоре. «Он умел так очаровывать и католиков, и протестантов, что и те, и другие ждали от него решения неразрешимых проблем германского государства» (Рикарда Хух). То, что протестантизм во второй половине XVI в. широко распространился в Верхней и Нижней Австрии, прежде всего в дворянской среде, является в том числе и его заслугой. Тем не менее, сам он остался католиком и видел в примирении двух конфессий главную задачу своего правления.

Однако уже в то время надежды Максимилиана усмирить стороны религиозного конфликта посредством пропаганды и мирной, компромиссной политики были запоздалыми. В этом отношении Аугсбургский религиозный мир был скорее завершением старой эпохи, нежели началом новой. Между тем настроение в империи, причем именно при императорском дворе и среди имперских *сословий, переменилось; утвердился «новый, более* жесткий менталитет» (Х. Лутц). Причем этому же в значительной мере способствовал и сам религиозный мир, оставивший широкий простор для истолкований.

Впрочем, новый, более жесткий менталитет распространился не только среди князей и магистратов. Конкуренция и растущая враждебность между конфессиями создали особый строгий климат, который сильно отличался от климата «грозовых лет Реформации». Это отразилось и на повседневной жизни всего населения империи. Религиозный надзор, контроль, жесткая дисциплина и регламентация в рамках всех конфессий, строгая цензура, наблюдение за повседневным поведением и событиями в семье, особенно что касается брака и рождения детей (этой потребности церковных инстанций в информации историки обязаны одним из лучших источников — приходской книгой), дискриминация внебрачности и проституции, наконец, развернувшаяся на рубеже XVI–XVII вв. «охота на ведьм», имевшая характер

массового безумия, — все это свидетельствует о перемене настроения от открытости и непринужденности Ренессанса к ригоризму «конфессионального века». Несомненно, князья и дворяне могли этого избежать, однако остальные жители всех германских государств были целиком во власти духа эпохи.

В конфессиональный век и в последующий период Контрреформации в Германии существовала лишь одна политическая тема, вокруг которой еще можно было сплотить противоборствующие силы. Примечательно, что данная тема относилась к сфере внешней политики. Речь здесь идет о турецкой угрозе. Она возникла не в конце XVI в., а несколько раньше. С конца XV в. она постоянно внушала страх и трепет имперским княжествам, прежде всего Австрии. С падением Константинополя (1453 г.) многим европейцам стало ясно, что процесс экспансии Османской империи вряд ли остановится у определенной границы Юго-Восточной Европы. Около 1520 г. началась уже третья волна османской экспансии, и вплоть до XVIII в. османы оставались одной из главных тем европейской политики.

Отразить опасность со стороны Турции было задачей прежде всего рода Габсбургов. Это объяснялось в том числе геополитическими причинами: каждый монарх из рода Габсбургов был обязан дать отпор туркам не только как король и император, но и как правитель крупных частных владений Габсбургов, расположенных у юго-восточной границы империи. В этом они существенно отличались от других европейских правителей, для которых возможная османская экспансия не представляла непосредственной угрозы и которые даже, как, например, король Франции, могли себе позволить вступать в союз с турками.

Когда в 1593 г. началась «великая турецкая война» и потребовались сплоченные действия императора и рейхстага, большинство имперских сословий в этом вопросе,

ни в каком другом, поддерживали императора. Со стороны лютеран не было какой-либо нерешительности или промедления. Более активные в политическом плане кальвинистские имперские сословия — протестантские «активисты», возглавляемые курфюршеством Пфальц, — получив возможность политической сделки, попытались добиться у императора уступок в области религиозной политики в обмен за предоставление денежной помощи. Произошедший в результате раскол рейхстага представлял бóльшую проблему для протестантизма, чем для самого рейхстага. Дело в том, что, будучи уверенным в поддержке со стороны лютеранских имперских сословий, император мог усилить давление на кальвинистов, вплоть до угрозы изгнания из империи.

Такая императорская политика принесла плоды на рейхстаге в 1603 г., когда для войны против Турции императору была предоставлена помощь в невиданном доселе размере. Правда, императору не удалось навсегда устранить турецкую угрозу, но зато он смог создать такое военное положение, которое в 1606 г. вынудило турок подписать мирный договор. Очень скоро выяснилось, что сплоченность внутри империи сохраняется лишь до тех пор, пока внешняя угроза оказывает свое «благотворное» с этой точки зрения воздействие. Как только закончилась война с внешним врагом, империя сразу же погрузилась в такие внутренние распри, каких не знала до сих пор. Они окончательно изменили это политическое образование, придав ему такой облик, который невозможно было себе представить в 1520 г., когда начинал свою религиозно-политическую деятельность Лютер.

Тридцатилетняя война не была неизбежной; более того, не для всех участвующих стран она вообще имела смысл. Во время войны не раз возникала возможность ее завершить, однако нараставшая враждебность не позволяла ею воспользоваться. Военные действия не велись непрерывно на протяжении тридцати лет, но уже

современникам было ясно, что один военный поход обя зательно повлечет за собой следующий. Роковые послед ствия имело то, что чем дольше продолжалась эта война на территории Германии, тем больше в нее оказывались вовлечены и начинали играть решающую роль иностран ные державы. В конечном итоге именно они решили ис ход войны и оказались победителями (на севере и западе Европы война продолжалась и после 1648 г.). Для импе рии война стала катастрофой, оправиться от которой ей удалось лишь отчасти. Имперским сословиям война принесла существенные изменения: многие княжества бедствовали, но зато после 1648 г. полномочия князей, в частности в сфере внешней политики, значительно воз росли — за счет сокращения полномочий империи. Дру гие германские государства война пощадила и даже была выгодна для них как для поставщиков зерна и продуктов животноводства для многочисленной армии. Они вхо дили в новую эпоху с более или менее высоким уровнем благосостояния.

Предыстория и история Тридцатилетней войны

1608	Регенсбургский рейхстаг: новый разрыв между католическими и протестантскими имперскими сословиями; основание Евангелической унии.
1609	Образование Католической лиги.
1609–1614	Наследная тяжба за герцогства Юлих, Клеве и Берг.
1609	Рудольф II предоставляет чешским сословиям религиозную свободу («Грамота величества»).
1612–1619	Император Матвей; вопреки воле чешского сейма, назначает своего племянника, ортодоксального католика эрцгерцога Фердинанда престолонаследником Чехии.
1614	Ксантский договор: земли Юлих и Берг отошли пфальцграфу Нейбургскому, а графства Марк и Равенсберг — курфюрсту Бранденбургскому (окончание Юлих-Клевской наследной тяжбы).
1618–1648	Тридцатилетняя война.
1618	Восстание протестантских сословий в Чехии из-за неисполнения «Грамоты величества»; Пражская «дефенестрация».

1619 Чешский сейм избирает королем Чехии Фридриха V Пфальцского.

1619–1637 Император Фердинанд II.

1620 Битва у Белой Горы; сокрушительное поражение Фридриха V *Пфальцского и чешских войск.*

1626 Победа Католической лиги над войсками датского короля Христиана IV при Люттере у Баренберга и победа Валленштейна над войсками графа Эрнста фон Мансфельда в битве близ Дессау.

1629 Фердинанд II издает эдикт о реституции, в соответствии с которым протестанты должны были вернуть католикам все земли, захваченные у них после заключения Пассауского договора.

1630 Шведы под предводительством короля Густава II Адольфа вступают в войну. Франция субсидирует участие Швеции в войне.

1632 Битва между шведской армией и войсками Валленштейна при Лютцене; гибель Густава Адольфа; победа шведов.

1635 Пражский мир между императором и курфюрстом Саксонским. Фердинанд отзывает эдикт о реституции.

1637–1657 Император Фердинанд III.

1644 Начало мирных переговоров императора с французским королем в Мюнстере, а также с шведами в Оснабрюке.

1648 Вестфальский мир, заключенный в Мюнстере и Оснабрюке: окончание Тридцатилетней войны на территории империи, урегулирование отношений между конфессиями в соответствии с условиями Аугсбургского религиозного мира 1555 г.; распределение церковных владений между конфессиями, установленное в 1624 г., объявляется окончательным; реформаты уравнены в правах с католиками и лютеранами; подтверждение титула курфюрста за герцогом Баварии; восстановлено курфюршество Пфальц («восьмой курфюрст»); признание полного территориального суверенитета имперских сословий, их участия в решении всех вопросов общеимперской политики и права заключать союзы между собой и с иностранными государствами; Швеция получила Переднюю Померанию с городом Штеттином и устьем Одера, остров Рюген, город Висмар, секуляризованное *архиепископство Бремен (без города), епископство Верден и статус* имперского сословия; Франция получила габсбургские владения в Эльзасе, подтверждение своего суверенитета над епископствами Туль, Мец и Верден, но не стала имперским сословием; Швейцария и северные Нидерланды получили полную независимость и вышли из состава империи.

Сначала в этой войне преобладали религиозные или, точнее, конфессионально-политические мотивы. Они всегда — характерным для всей последующей истории Германии образом — были связаны с борьбой между сословными и абсолютистскими принципами правления. Участие в войне императора Фердинанда II и его племянника, герцога Баварии Максимилиана I, было первым случаем, когда на стороне католиков в войне действовали германские князья, воплощавшие новый принцип «абсолютной» княжеской власти. Тем не менее, с самого начала в войне была замешана и международная политика, и чем дольше шла война, тем сильнее в ней преобладала политическая борьба за власть — между императором, католическими имперскими сословиями и Испанией, с одной стороны, и протестантскими сословиями и их разнообразными внешними союзниками, с другой.

Тридцатилетняя война разразилась на пике роста европейской экономики и сопровождалась целой серией вспышек чумы, которой она расчищала путь своими опустошительными походами. Война, чума и голод унесли тысячи жизней во многих германских землях, сократив численность населения на 30–50%, в зависимости от интенсивности военных действий в конкретных областях. Они оставили ощутимый вплоть до XVIII в., а отчасти даже до сегодняшнего дня след разорения, опустошения и смерти.

Поводом к войне послужил «семейный раздор в доме Габсбургов» (Грильпарцер), а именно конфликт между императором Рудольфом и Матвеем. Настойчивое стремление будущего императора Матвея (1612–1619 гг.) ограничить неудовлетворительное во многих отношениях правление его брата Рудольфа вылилось в сложную политику союзничества с князьями в восточных областях империи. Таким образом, дворянство Австрии, Венгрии, Моравии и в первую очередь Чехии стало ключевым фактором имперской политики. Тот факт, что эти дворя-

не были в основном протестантами, заставил сплотиться хранителей католической веры из рода Габсбургов. Протестантские и католические имперские сословия объединились в своеобразные оборонительные союзы (Протестантская уния была основана в 1608 г., а Католическая лига — в 1609 г.), в очередной раз доказав, что единство империи осталось в прошлом. В 1609 г. между Рудольфом и Матвеем было достигнуто перемирие: за императором сохранялась чешская корона, а Матвей получал во владение Венгрию, Австрию, Моравию, а также право наследования чешской короны.

В эти годы кризисные явления наблюдались и в других частях империи, и, как правило, они возникали на стыке трех политических составляющих: конфессионального конфликта, борьбы за наследование имперских территорий и вмешательства заинтересованных иностранных держав. Особенно явно это происходило на западе, в борьбе за Юлих-Клевское наследство (1609–1614 гг.). Только благодаря искусственному разделению власти между претендентами от протестантов и католиков удалось избежать широкомасштабного конфликта. В Италии, напротив, столкновения происходили внутри католической церкви, а это свидетельствует о том, что во всей Европе решающее значение имела не конфессиональная составляющая, а «интересы государств», которые в этот период стали доминирующей темой политической публицистики в Италии и во Франции. Король Франции Генрих IV (1589–1610 гг.) с невероятной виртуозностью реализовывал это учение на практике, вмешиваясь в итальянские конфликты и в Юлих-Клевскую тяжбу, не учитывая при этом конфессиональные интересы. Возможно, он предвосхитил бы внешнеполитические достижения великого кардинала Ришелье, если бы не был убит в 1610 г., с согласия фанатичной части католической общественности.

Однако Тридцатилетняя война, названная впоследствии «европейской мировой войной» (Г. Манн), разра-

зилась не из-за этих конфликтов. Непосредственным поводом к войне послужила ситуация в Чехии, а также конфессионально-семейные конфликты и политические ошибки рода Габсбургов, которые отнюдь не закончились со смертью Рудольфа (1612 г.) и вступлением на престол Матвея. Матвей не имел детей, так что вскоре снова встал вопрос о престолонаследии. При этом, как всегда, необходимо было учитывать интересы Габсбургов — в Испании и в Италии, в Нидерландах и в империи, в наследных владениях, в Чехии и в Венгрии. Германская ветвь дома Габсбургов выдвинула в качестве своего кандидата на императорский престол и чешскую корону эрцгерцога Штирии Фердинанда. Тем самым недвусмысленно указывалось направление последующей религиозной политики, поскольку Фердинанд, племянник Максимилиана II, а по материнской линии родственник ортодоксального католика, герцога Баварии Максимилиана, в своих словах и поступках проявил себя как безусловный сторонник Контрреформации. Кроме того, как и его баварский родственник, Фердинанд придерживался абсолютистских идеалов правления.

Все это не могло не волновать чешских дворян, особенно протестантов, каковых в Чехии было большинство. Внутрисемейные распри Габсбургов были им выгодны; в 1609 г. Рудольф пошел на значительные уступки в области религиозной и сословной политики, издав так называемую «Грамоту величества». В связи с этим сильно возросло самосознание чешского дворянства. Как отмечают наблюдатели того времени, его представители не были воинственно настроены, а отличались лишь гордостью, уверенностью, возможно, некоторым самодовольством; в религиозных вопросах они были отнюдь не фанатичны, а скорее проявляли веротерпимость; в политике же оказались несколько легкомысленными, поскольку слишком кичились своими недавними успехами. Их связывали хорошие отношения с братьями по вере в Луза-

ции, в Моравии и Силезии, а политические контакты их лидеров простирались до Австрии и имперской Евангелической унии.

Несомненно, о готовности чешских сословий к компромиссу свидетельствовало то, что в 1617 г. они пошли на уступку императору Матвею и признали Фердинанда в качестве престолонаследника, в том числе чешского престола. Однако когда стало ясно, что в будущем Габсбурги планируют наиболее рьяно проводить контрреформацию именно в восточных протестантских землях, отличавшихся самостоятельной политикой, настроение чешского дворянства изменилось в сторону более радикальных требований относительно свободы протестантского вероисповедания. В мае 1618 г. в Праге произошел спор между протестантскими делегатами и наместниками короля. Под влиянием наиболее радикально настроенных делегатов дело дошло до происшествия, которое привлекло всеобщее внимание и традиционно рассматривается историками как начало Тридцатилетней войны: 23 мая два наместника императора в Праге, Мартиниц и Слават, были выброшены из окна канцелярии, расположенной в Пражском Граде. Оба наместника пережили этот кажущийся спонтанным, но на деле четко спланированный удар. В результате чешские дворяне оказались в роли мятежников, а «Пражская дефенестрация» послужила сигналом для захвата власти во всей стране. Тотчас же было сформировано правительство, состоявшее из 30 «директоров», и «начался сбор налогов, создание армии, изгнание иезуитов и конфискация католических церковных владений» (Х. Лутц).

Несмотря на беспрецедентность события, произошедшего в Праге, ситуация не была настолько безвыходной, чтобы непременно завершиться долгой, опустошительной войной. Вплоть до кончины императора Матвея 20 марта 1619 г. предпринимались неоднократные попытки достичь соглашения между Веной и Прагой. Впрочем,

со временем, ввиду растущей угрозы со стороны Чехии, позиция Вены становилась все более непреклонной. Это подстегнуло амбиции чешского дворянства, и оно начало непомерно расширять свои политические правомочия. Новое правительство отказалось от обещания избрать своим королем Фердинанда и начало поиски нового кандидата. В конце концов 19 августа 1619 г. королем был избран Фридрих V Пфальцский, предводитель протестантов в империи и глава Евангелической унии. Он был зятем английского короля, а перспектива помощи извне делала его привлекательным кандидатом в глазах чешского дворянства. Все это происходило в то время, когда Вене снова довольно сильно, хотя и недолго угрожало вторжение с Востока — со стороны Венгрии и Османской империи.

Таким образом, были созданы предпосылки для формирования двух противоборствующих лагерей. С этого момента, прежде всего, Габсбургами проводилась последовательная и довольно успешная политика, которая после выборов императором Фердинанда II в августе 1619 г. была напрямую связана с Контрреформацией. В обмен на целый ряд твердых обещаний и в том числе заверение в том, что курфюршеское достоинство перейдет от Пфальца к Баварии, в октябре 1619 г. Фердинанд заручился поддержкой своего кузена из Мюнхена, который и без того был чрезвычайно заинтересован в сохранении и укреплении католичества.

Насколько слабой в действительности была позиция Чехии в империи, видно из того, что античешскому союзу удалось переманить на свою сторону курфюршество Саксонию — одно из главнейших лютеранских государств в империи — и в конце концов обязать Евангелическую унию соблюдать нейтралитет. Интересной чертой немецкой истории, начиная с эпохи Реформации, является то, что многие лютеранские земли в конфликте между имперской идеей и верой в решающий момент становились на

сторону империи, причем не имея каких-либо гарантий последующей политической выгоды. Несомненно, такому поведению во многом способствовало глубокое недоверие между лютеранскими и кальвинистскими имперскими сословиями — недоверие, которое в то время еще невозможно было устранить путем соглашений. Однако здесь также прослеживается принципиальное имперское сознание, сохранившееся от прежних эпох. В то время оно уже не казалось бесспорным. С точки зрения последствий действия лютеран в данном конфликте можно даже назвать протестантским вкладом в дело Контрреформации.

Для Чехии события стали развиваться очень стремительно и очень нелепо. Не справлявшийся с возложенными на него задачами Фридрих Пфальцский — «зимний король» — потерпел сокрушительное поражение от войск Католической лиги в битве у Белой Горы к западу от Праги 8 ноября 1620 г. После этого в течение невероятно короткого времени рухнула вся политика, проводимая чешским дворянством. Теперь Чехия и соседние государства оказались жертвами крайне жестокого и последовательного карательного похода Лиги. Повсеместные репрессии, сопровождавшие реставрацию католичества, по своим масштабам «превзошли все, что за последние несколько веков пережила Европа, более или менее обуздавшая свой дикий нрав» (Х. Лутц). В Австрии в это время тоже свирепствовала Контрреформация. Самый важный конфессионально-политический итог долгой войны был уже предопределен: наследные владения австрийских Габсбургов, Чехия, Моравия и Венгрия, т. е. все те гордые государства, которые хотели воспользоваться распадом империи для освобождения из-под абсолютистской опеки и для религиозного обновления, снова стали католическими и оставались таковыми и впредь. Кроме того, они были подчинены абсолютистской власти Габсбургского дома. В Чехии в результате конфискаций

земель и поместий, а также вследствие принятия других карательных мер и передачи конфискованных у мятежников владений дворянам-католикам, продемонстрировавшим верность Габсбургам, коренным образом изменилась социально-политическая структура.

Собственно, на этом война могла бы и закончиться. Но теперь началась характерная для последующих 28 лет череда отмщений за прежние обиды, обращения за помощью к иностранным державам и зачастую бесцельные военные действия. Армии наемников уже просто потому, что они существовали и их было сложно расформировать, старались не допустить установления мира в стране. Война становилась чем-то само собой разумеющимся. Бавария не желала успокаиваться до тех пор, пока, после изгнания Фридриха V, не получила обещанную награду за борьбу с Пфальцом — часть его владений, курфюршеское достоинство и прочее. Протестантские военачальники после войны в Чехии отошли в Северную Германию, а вслед за ними последовали и их противники. Международная коалиция протестантских стран, ввиду широкомасштабных контрреформационных мер со стороны Вены, включилась в борьбу на стороне немецких протестантов. Ключевой фигурой этого этапа войны стал датский король Христиан IV. Против него на стороне императора выступали граф Тилли и Альбрехт фон Валленштейн — величайший организатор и полководец Тридцатилетней войны. Он родился в 1583 г. в семье чешского дворянина-протестанта, в 1606 г. перешел в католичество и в своей дальнейшей карьере всегда делал ставку на беспроигрышную карту — на императора. Поэтому разразившаяся в 1618 г. катастрофа чешских дворян (некоторых из них он лично отправил на эшафот) принесла огромную выгоду ему самому: в этот период Валленштайн становится герцогом Фридландским и Заганским и умудряется — благодаря успешному взаимодействию с императорским двором и своей готовности к

корыстным спекуляциям — сколотить огромное состояние из земельных и денежных владений.

Датчане были разбиты и оттеснены по всему фронту, что послужило императору сигналом для завершающего аккорда контрреформационной политики — изданию в 1629 г. Реформационного эдикта. С 1555 г. камнем преткновения всех контрреформационных замыслов и планов была реституция духовных владений, секуляризованных теперь уже снова «еретиками», т. е. повсеместная реализация «религиозной оговорки». Фердинанд самым решительным образом, исходя исключительно из полноты императорской власти, сделал это требование официальным. В результате продолжение войны в империи было неизбежным, поскольку такая политика не могла не вызвать сопротивления даже у консервативных протестантских государств, до сих пор сохранявших верность императору, прежде всего у курфюрстов Бранденбургского и Саксонского. Тылы протестантов были усилены за счет того, что в 1630 г. шведский король Густав-Адольф высадился со своими войсками в Померании, что означало вступление в войну лютеранской Швеции. Последняя получала финансовую поддержку от Франции. Последующие пять лет войны ознаменовались крупными столкновениями, в ходе которых в 1632 г. погибли два выдающихся полководца этой войны — Иоганн фон Тилли и Густав-Адольф.

Но и тогда между противоборствующими сторонами еще не были сожжены все мосты. Примечательным в этой войне и в этой эпохе было то, что по крайней мере германские государства постоянно искали возможные пути к примирению, пусть даже по причине собственной слабости. У многих, если не у всех, было осознание катастрофичности происходящего. Не случайно в период между осенью 1634 г. и весной 1635 г. курфюрст Саксонии и император вели переговоры и в мае 1635 г. даже пришли к соглашению, закрепив его в Пражском

мире. Фердинанд на тот момент был готов отказаться от Реституционного эдикта и признать окончательным раздел владений между протестантскими и католическими князьями по состоянию на 1627 г.

Однако подобные односторонние действия германских властителей не могли переломить международную ситуацию в целом. Этому препятствовали не только связи Вены с Испанией. Франция, фактически управляемая кардиналом Ришелье и до сих пор участвовавшая в войне лишь косвенно, тоже хотела, чтобы отношения в Германии «оставались в подвешенном состоянии» (Ришелье), не желая мириться с усилением власти императора. Вскоре после Пражского мира Франция объявила войну Испании. Теперь речь шла не о религии или государственном устройстве Германии, а уже о традиционной, известной со времен Карла V и Фердинанда I борьбе за власть между объединенным родом Габсбургов, т. е. союзом Австрии и Испании, с одной стороны, и Францией, с другой. Новым, однако, было то, что протестантская Швеция, почти на столетие ставшая великой европейской державой, оказалась вовлечена в этот конфликт на стороне католической Франции. Коалиции формировались на основе не зависящего от вероисповедания «государственного интереса».

В рамках данной книги мы не можем во всех подробностях описать «европейскую гражданскую войну» (Х. Кёнигсбергер) после вступления в нее Франции в 1635 г. и связанную с этим интернационализацию военных действий. Подобное описание было бы даже, пожалуй, излишним в краткой истории Германии. Достаточно сказать, что военные операции, превращение войны в самоцель толпами мародерствующих солдат и миротворческие усилия развивались параллельно и еще более независимо друг от друга, чем в первые семь лет войны. Франция, которая в этой войне преследовала совершенно четкие цели — «установление федератив-

ного устройства в Италии и в германской империи с решительным оттеснением Габсбургов и фактическим господством Франции» (Х. Лутц), — тоже поддерживала миротворческие усилия, коль скоро они соответствовали ее замыслам. Так, *в 1644 г., когда во многих областях* империи еще продолжалась война, начались официальные мирные переговоры императора с Францией в Мюнстере и с Швецией — в Оснабрюке.

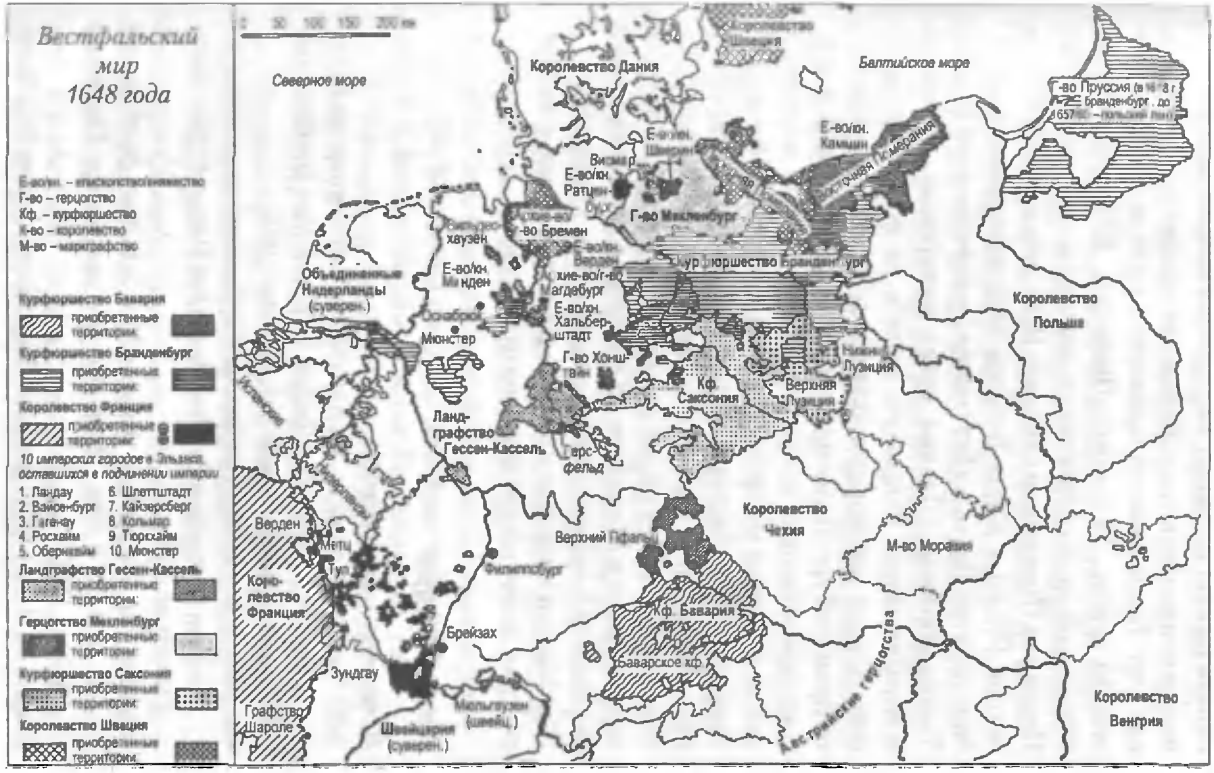
Вестфальский мир, провозглашенный после трудных четырехлетних переговоров в 1648 г., изменил облик Германии и Европы и предопределил их развитие на несколько столетий вперед. И, как и вся история империи предыдущих ста пятидесяти лет, он практически в каждом своем положении явился выражением сложного переплетения вопросов веры, власти и государственного устройства.

Лишь теперь, в мирных соглашениях, подписанных в Мюнстере и Оснабрюке, Аугсбургский религиозный мир 1555 г., в котором оставались открытыми многие вопросы в области религиозной политики, получил свою окончательную трактовку. Большая часть спорных вопросов прошлого была разрешена. Окончательными были признаны раздел церковных владений, состоявшийся в 1624 г., и содержание вероучений, сформулированное в том же году. «Церковная оговорка» была отменена. Подданным германских князей, за исключением жителей наследных владений Габсбургов и Верхнего Пфальца, отныне не нужно было менять вероисповедание вслед за своим правителем. Это не означало ничего иного, кроме как, по крайней мере частичной, отмены положения cuius regio, eius religio («чья власть, того и вера»), закрепленного в Аугсбургском религиозном мире 1555 г. Кальвинисты, игравшие важную роль в политике довоенного периода, отныне были уравнены в правах с лютеранами и получили статус официальной религии. Впрочем, в Баварии проведение реституционного принципа в жизнь

было неполным: курфюрст Баварии Максимилиан I сохранил за собой Верхний Пфальц и курфюршеское достоинство — в награду за свою безоговорочную преданность императору и католической вере.

Хотя с восшествием на престол Фердинанда II в самом начале войны империя снова получила уверенного и успешного правителя, война нанесла серьезный урон императорской власти. Вестфальский мир узаконил значительную политическую независимость отдельных германских государств — имперских сословий. Поскольку теперь для объявления войны, заключения мира и вступления в коалицию императору необходимо было заручиться согласием рейхстага, входившие в него имперские сословия получали также широкие внешнеполитические полномочия. Более того, им самим предоставлялось право заключать политические союзы с другими государствами, которые, правда, не должны были быть направлены против императора. Если вспомнить о том, что и иностранные державы, в частности Дания, получили статус имперского сословия, то становится понятно, в какой мере власть германского императора утратила важнейшие качества «суверенности», *majestas*, к которой так стремились все правители того времени.

Вестфальский мир показал, кто действительно победил в этой войне: Франция во главе с Ришелье, а вслед за ней новая великая держава — Швеция. Новый могущественный сосед Германии на западе, преодолев собственный, угрожавший его существованию религиозный кризис, решительно отказался от конфессионального аргумента во внешней политике и теперь мог так же решительно воплощать в жизнь одну-единственную цель: ослабление рода Габсбургов, чья политика по отношению к Франции еще со времени правления Франциска I всегда воспринималась французами как политика окружения и вызывала у них серьезные опасения. Поэтому необходимо было усилить среднегерманские протестантские княжества и

Вестфальский мир 1648 года
Е-во/кн. – епископство/княжество
Г-во – герцогство
Кф. – курфюршество
К-во – королевство
М-во – маркграфство
Курфюршество Бавария
приобретенные территории
Курфюршество Бранденбург
приобретенные территории
Королевство Франция
приобретенные территории
10 имперских городов в Эльзасе, оставшихся в подчинении империи
1. Ландау
2. Вайсенбург
3. Гагенау
4. Роскаим
5. Оберенхайм
6. Шлеттштадт
7. Кайзерсберг
8. Кольмар
9 Тюркхайм
10. Мюнстер
Ландграфство Гессен-Кассель
приобретенные территории
Герцогство Мекленбург
приобретенные территории
Курфюршество Саксония
приобретенные территории
Королевство Швеция
приобретенные территории
0 50 100 150 200 км
Северное море
Королевство Дания
Балтийское море
Королевство Швеция
Г-во Пруссия (в 16-18 вв. Бранденбург, до 1657/60 – польский лен)
Е-во/кн. Камминское
Восточная Померания
Висмар
Е-во/кн. Ратцебургское
Г-во Мекленбург
Е-во/кн. Шверинское
Е-во/кн. Верденское
Курфюршество Бранденбург
Хие-во/г-во Магдебург
Е-во/кн. Хальберштадтское
Г-во Хоншт-тейн
Кф. Саксония
Нижняя Лужица
Верхняя Лужица
Королевство Польша
Хие-во Бремен
Вильдес-хаузен
Е-во/кн. Минденское
Объединенные Нидерланды (суверен.)
Оснабрюк
Мюнстер
Ландграфство Гессен-Кассель
Марбург
Герсфельд
Испания
Священная Римская империя
Верден
Мец
Тул
Конфлянс
Королевство Франция
Филиппсбург
Верхний Пфальц
Королевство Чехия
М-во Моравия
Кф. Бавария
Баварское кф.
Брейзах
Зундгау
Мюльхаузен (швейц.)
Графство Шароле
Швейцария (суверен.)
Австрийские герцогства
Королевство Венгрия

католическую Баварию. Вестфальский мир давал отличную возможность сделать это: все имперские сословия, как уже было сказано, повысили свой внешнеполитический статус. Союзнику Франции, Швеции, отошли значительные территории на востоке и севере империи: Передняя Померания с портом Штеттин и устьем Одера, остров Рюген и город Висмар, секуляризованное архиепископство Бремен (без города) и епископство Верден. Таким образом, Швеция стала имперским сословием и отныне могла напрямую влиять на политику империи. Другие северогерманские государства, прежде всего Бранденбург-Пруссия, получили компенсацию в виде секуляризованных епископств. Пфальц был восстановлен и получил курфюршеское достоинство («восьмой курфюрст» в рейхстаге). Верхний Пфальц отошел Баварии. Разумеется, Франция тоже получила свою «долю» (Эльзас, Брейзах и др.). Кроме того, мирные соглашения, подписанные в Мюнстере и Оснабрюке, положили конец формальной принадлежности северных Нидерландов и Швейцарии к империи, подтвердив тем самым фактически уже давно произошедшее отделение.

Литература

Источники и документы

Acta Pacis Westphalicae. Im Auftrag der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte hrsg. von Max Braubach und Konrad Repgen. Serie I–III. Münster 1962.

Duchhardt H. (Hrsg.) Quellen zur Verfassungsentwicklung des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation (1495–1806). Darmstadt 1983.

Erasmus von Rotterdam. Ausgewählte Schriften. Studienausg. Lat. und dt. 8 Bde. Hrsg. von Werner Welzig. Darmstadt 1967 bis 1980.

Franz G. (Hrsg.) Der Deutsche Bauernkrieg. Akten-Bd. Darmstadt 1977.

Hofmann H. H. Quellen zum Verfassungsorganismus des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation 1495–1815. Darmstadt 1976.
Kastner R. (Hrsg.) Quellen zur Reformation. Darmstadt 1994.
Kohler A. (Hrsg.) Quellen zur Geschichte Karls V. Darmstadt 1990.
Lorenz G. (Hrsg.) Quellen zur Vorgeschichte und zu den Anfängen des Dreißigjährigen Krieges. Darmstadt 1991.
Luther Deutsch. Die Werke Martin Luthers in neuer Auswahl für die Gegenwart. Hrsg. von Kurt Aland. 10 Bde., 1 Erg.-Bd. Stuttgart 1957 ff.
Müntzer Thomas. Schriften und Briefe. Krit. Gesamtausg. Hrsg. von Günther Franz. Gütersloh 1968.

Литература

Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Deutschland. Göttingen 1977.
Bahlcke J. Regionalismus und Staatsintegration im Widerstreit. Die Länder der Böhmischen Krone im ersten Jahrhundert der Habsburgerherrschaft (1526–1619). München 1994.
Blickle P. Aufruhr und Empörung? Studien zum bäuerlichen Widerstand im Alten Reich. München 1980.
Blickle P. Deutsche Untertanen. Ein Widerspruch. München 1981.
Blickle P. Die Revolution von 1525. München/Wien 1993.
Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt a. M. 1992.
Davis N. Z. Frauen und Gesellschaft in der frühen Neuzeit. Berlin 1986.
Dickmann F. Der Westfälische Frieden. 5. Aufl., hrsg. von Konrad Repgen. Mit Nachtr. des von 1964–1984 erschienenen Schrifttums zum Westfälischen Frieden und zum Dreißigjährigen Krieg. Zugest. von Winfried Becker. Münster 1985.
Franz G. Der Deutsche Bauernkrieg. Darmstadt 1977.
Ginzburg C. Der Käse und die Würmer. Die Welt eines Müllers um 1600. Frankfurt a.M. 1983.
Goertz H.-J. Die Täufer. Geschichte und Deutung. München 1980.
Greyerz K. von (Hrsg.) Religion, Politics and Social Protest. Three Studies on Early Modern Germany. London 1984.

Huch R. Das Zeitalter der Glaubensspaltung. Mit einem Nachw. von Golo Mann. Zürich 1987.

Hugues M. Early Modern Germany. 1477–1806. London 1992.

Klueting H. Das konfessionelle Zeitalter. 1525–1648. Stuttgart 1989.

Kulischer J. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit. 2 Bde. München/Berlin 1928. Nachdr. Darmstadt 1976.

Lahrkamp H. Dreißigjähriger Krieg. Westfälischer Frieden: eine Darstellung der Jahre 1618–1648 mit 326 Bildern und Dokumenten. Münster 1997.

Lutz H. Reformation und Gegenreformation. München/Wien 1982.

Lutz H. Das Ringen um deutsche Einheit und kirchliche Erneuerung. Von Maximilian I. bis zum Westfälischen Frieden. 1490 bis 1648. Frankfurt a. M. / Berlin 1983. Studienausg. Berlin 1987.

Lutz H., Kohler A. (Hrsg.) Alltag im 16. Jahrhundert. Wien 1987.

Mann G. Wallenstein. Frankfurt a. M. 1977.

Moeller B. Deutschland im Zeitalter der Reformation. Göttingen 1977.

Münch P. Lebensformen in der Frühen Neuzeit. 1500 bis 1800. Berlin 1992.

Neugebauer W. Die Hohenzollern. Bd. 1: Anfänge, Landesstaat und monarchische Autokratie bis 1740. Stuttgart 1996.

Nipperdey T. Reformation, Revolution, Utopie. Studien zum 16. Jahrhundert. Göttingen 1975.

Oberman H. A. Luther. Mensch zwischen Gott und Teufel. 2., verb. Aufl. Berlin 1987.

Rabe H. Reich und Glaubensspaltung. Deutschland 1500–1600. München 1989.

Rabe H. Deutsche Geschichte. 1500–1600. Das Jahrhundert der Glaubensspaltung. München 1991.

Reinhard W. Gegenreformation als Modernisierung? // Archiv für Reformationsgeschichte 68 (1977) S. 226–252.

Roeck B. Reichssystem und Reichsherkommen. Die Diskussion über die Staatlichkeit des Reiches in der politischen Publizistik des 17. und 18. Jahrhunderts. Wiesbaden 1984.

Roeck B. Als wollt die Welt schier brechen. Eine Stadt im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. München 1991.

Roeck B. [u. a.] (Hrsg.) Venedig und Oberdeutschland in der Renaissance. Beziehungen zwischen Kunst und Wirtschaft. Sigmaringen 1993.

Rudolf H. U. (Hrsg.) Der dreißigjährige Krieg. Perspektiven und Strukturen. Darmstadt 1977.

Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Berlin 1988.

Schilling H. Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // Historische Zeitschrift 246 (1988) S. 1–45.

Schubert F. H. Die deutschen Reichstage in der Staatslehre der frühen Neuzeit. Göttingen 1966.

Schulze W. Landesdefension und Staatsbildung. Studien zum Kriegswesen des innerösterreichischen Territorialstaates (1564 bis 1619). Graz 1973.

Schulze W. (Hrsg.) Bäuerlicher Widerstand und feudale Herrschaft in der frühen Neuzeit. Stuttgart 1980.

Schulze W. Deutsche Geschichte im 16. Jahrhundert 1500–1618. Frankfurt a.M. 1987.

Seibt F. Karl V. Der Kaiser und die Reformation. Berlin 1990.

Skalweit St. Reich und Reformation. Berlin 1967.

Wohlfeil R. Einführung in die Geschichte der deutschen Reformation. München 1982.

Wunder H. «Er ist die Sonn, sie ist der Mond». Frauen in der Frühen Neuzeit. München 1992.

Zeeden E. W. Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. München/Wien 1965.

Zeeden E. W. Hegemonialkriege und Glaubenskämpfe 1556–1648. Frankfurt a. M. [u. a.] 1977.

Андреас Гестрих

ОТ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА ДО ВЕНСКОГО КОНГРЕССА (1648–1814 гг.)

Общая характеристика эпохи

В начале и в конце эпохи, о которой пойдет речь в данной главе, стоят два великих мирных соглашения. И в том, и в другом содержалась попытка изменить государственную систему Германии. И тому, и другому предшествовал продолжительный период военных действий. Вестфальским миром закончилась Тридцатилетняя война, Венским конгрессом — длившееся более 20 лет противостояние империи с революционной Францией и Наполеоном.

Между двумя этими мирными соглашениями — пропасть. И все же кое-что их объединяет. Священная Римская империя германской нации, находившаяся во время Тридцатилетней войны под угрозой распада, по итогам Вестфальского мира обрела новую форму. Усилив территориальный суверенитет германских князей, этот мир одновременно заложил основы для их сплоченности и сосуществования и тем самым внес ощутимый вклад в поддержание мира в Европе.

Эта империя распалась в 1806 г. — впрочем, не только из-за военного превосходства Наполеона, но и вследствие центробежных тенденций, которые были заложены в устройстве империи в момент подписания Вестфальского мира, укрепившего позиции германских князей.

Стремительное возвышение Пруссии, ее соперничество с Австрией и обусловленная им поляризация ускорили распад империи, блокировав ее институты и подорвав «имперский патриотизм», который, без сомнения, имел место. Венский конгресс окончательно подтвердил закат империи, положив начало новому союзу, ориентированному на государственную независимость входящих в него государств. Тем не менее, в вопросе его территориальной протяженности сохранялась ориентация на старую империю. И в этот раз новое государственное устройство Германии стало важным элементом европейского миропорядка.

Однако пропасть между двумя этими мирными соглашениями лежит не только в государственной организации. Пропасть разделяет также структуры повседневности и менталитета людей в середине XVII и начале XIX в. В Германии не было крупной революции, которая бы разрушила традиционное общество старой империи, однако под влиянием Просвещения, охватившего практически весь рассматриваемый здесь период, представления о Боге, мире и роли человека в нем кардинально изменились во всех слоях общества.

Прежние церковные и государственные авторитеты были поставлены под сомнение. Критика устаревших порядков, вера в человеческий разум и в достигнутый им научный, социальный и политический прогресс пришли на смену старому мышлению в категориях статичного мирового и общественного порядка. Правда, изменения, произошедшие в обществе и в политике в связи с этим новым типом мышления, в Германии шли не «снизу», а «сверху» — от просвещенных князей и чиновников.

Под эгидой просвещенного абсолютизма немецкое общество во второй половине XVIII в. переживало непрерывный процесс модернизации и рационализации: дворы барочных князей превращались в разветвленные управленческие структуры, одновременно повышался

Австрия и Пруссия до 1795 года

уровень квалификации занятых в них чиновников. Это было связано с непрерывной централизацией, с упразднением областных преимуществ и прежде всего сословно-представительных органов отдельных земель, считавшихся *поборниками прежних привилегий и особых прав.* В экономике правители германских государств поддерживали основанное на разделении труда мануфактурное производство и ограничивали власть гильдий, отстаивавших свои узко корыстные интересы.

Все эти тенденции очень по-разному проявлялись в отдельных германских государствах, что сильно затрудняет изложение истории именно этого периода, когда развитие разных областей шло независимо друг от друга. По сути история империи этого периода возможна только

в виде истории отдельных регионов. Но тогда она будет такой же трудно обозримой, как и сама империя. Законы жанра вынуждают нас более подробно остановиться на самых крупных германских государствах — Пруссии и Австрии, но при этом необходимо помнить, что сила империи заключалась как раз в уважении и защите небольших и даже крошечных образований, входящих в ее состав.

Империя после Тридцатилетней войны

1640–1688	Фридрих Вильгельм Бранденбургский («Великий курфюрст»).
1648	Вестфальский мир.
1653	Заключительное соглашение бранденбургского ландтага («полюбовная сделка»).
1654	Новое решение рейхстага.
1658–1705	Император Леопольд I.
1663	Учреждение «Постоянного рейхстага» в Регенсбурге.
1671	Евреям разрешено вернуться в Пруссию.
1685	Отмена Нантского эдикта; Постдамский эдикт гарантирует французским гугенотам свободу вероисповедания.
1688	Перемещение верховного имперского суда из Шпейера в Ветцлар.

Население и экономика

Последствия и тяготы Тридцатилетней войны были очень неравномерно распределены по территории империи. Многие регионы являли собой картину опустошения и разрухи. Другие в меньшей степени пострадали от войны, а отдельные регионы война совсем не затронула. На этом основании историки выделяют разоренные области, области, не тронутые войной, и переходную зону. Война пощадила главным образом юго-восток (наследные владения Габсбургов, архиепископство Зальцбург) и северо-запад (прежде всего Гольштейн и Ольденбург) империи. Так, например, Гамбург, Любек и Бремен во

время и вследствие войны переживали период настоящего экономического расцвета. Разоренные области простирались вдоль диагонали, соединявшей юго-запад и северо-восток Германии. В этих двух направлениях в империю в 1630-е гг. вступили шведские и французские войска. Особенно сильно пострадали от войны Мекленбург, Померания, Тюрингия, Пфальц, долина реки Мозель и Вюртемберг. Расположенным между ними землям, таким как Бранденбург, Гессен, Франкония и Эльзас, тоже был нанесен значительный ущерб.

Самым тяжелым последствием войны были большие потери населения. К моменту начала войны на территории империи проживало около 17 млн человек, к концу войны (1648 г.) оставалось всего 10 млн, т. е. 60% от довоенной численности населения и немногим больше соответствующего показателя 1500 г. В разоренных областях потери были гораздо больше. Они составляли 40–80%, а в отдельных областях превышали 90% населения.

Причиной этой катастрофы были не столько непосредственно военные столкновения, сколько косвенные последствия войны: переходящие с места на место войска с многочисленной службой обеспечения (армия Католической лиги состояла из 40 000 солдат и около 140 000 сопроводителей!) распространяли чуму и оставляли за собой голод и нищету. Бежавшее от солдат население также способствовало распространению эпидемических заболеваний. К самым большим потерям привели эпидемии чумы 1620 и 1630 гг.

К этому добавился вызванный войной и неблагоприятными погодными условиями голод. В период между серединой XVI и серединой XIX вв. в Европе на долгое время установилась крайне неблагоприятная погода. Историки окрестили это время «малым ледниковым периодом». Минимальные показатели температуры были зафиксированы во второй половине XVII в. Тогда неурожайные годы и голодные кризисы шли один за другим.

И связан с этим понадобилось почти целое столетие, чтобы численность населения империи достигла довоенного уровня. В отдельных аграрных областях этот процесс продолжался вплоть до XIX в. В городах, напротив, рост численности населения — за счет значительного притока людей из деревень — шел быстрыми темпами как во время, так и после войны.

В целом миграционные движения были одним из главных факторов роста численности населения в отдельных областях после войны. Регионы, сильнее всего пострадавшие от войны, стали в некотором роде «зонами низкого демографического давления» (К. Пфистер), которые притягивали людей из близлежащих областей. Некоторых из них привлекали специально разосланные гонцы-вербовщики. В Эльзас, Баден и Вюртемберг пришло много людей из Швейцарии, а также из мало затронутых войной областей Австрии, в частности из Форарльберга и Тироля.

Впрочем, немалая часть этих передвижений после Тридцатилетней войны происходила не столько по экономическим, сколько по религиозным причинам. Еще до войны в империю хлынул поток протестантов, бежавших из Нидерландов. Во время войны, которая по крайней мере на первом этапе в значительной степени определялась религиозными противоречиями, большая часть протестантов бежала от инициированных Габсбургами мер по реставрации католицизма в протестантские земли, прежде всего в Франконию и Саксонию. После окончания войны эта религиозная миграция продолжалась: отмена в 1685 г. Нантского эдикта (который с 1598 г. гарантировал французским гугенотам свободу вероисповедания) Людовиком XIV вынудила многих французских протестантов — от двухсот до трехсот тысяч человек — бежать за границу. Из них более 40 000 бежали в Германию. Они были приняты в курфюршестве Пфальц, в Гессен-Касселе и в Бранденбурге-Пруссии. В 1700 г. треть жителей Берлина были французами по происхождению.

Впрочем, принимающие государства поступали так не только из солидарности с единоверцами, но и из экономических соображений. Согласно господствовавшей в эпоху абсолютизма экономической теории — меркантилизму, — многочисленное народонаселение было главным условием национального богатства. Поэтому многие правители целенаправленно проводили политику увеличения народонаселения. Для этого Пруссия, с одной стороны, принимала у себя протестантских беженцев, а с другой стороны, в 1671 г. открыла свои границы для евреев.

Помимо положения о необходимости активной демографической политики, в меркантилизме содержалось представление о том, что приумножить национальное богатство и, соответственно, наполнить княжескую казну можно за счет активного торгового баланса, т. е. увеличения экспорта и ограничения импорта. По этой причине князья поддерживали в первую очередь ориентированное на экспорт массовое промышленное производство. Преодолевая сопротивление традиционных ремесленных гильдий, они стремились расширить основанное на разделении труда производство в так называемых мануфактурах. Особенно успешно это развитие шло в тех областях, где основным заказчиком выступало само государство, т. е. преимущественно в военной сфере. Здесь возникали суконно-прядильные и пороховые фабрики; также было организовано мануфактурное производство оружия. Кроме того, эта организационная форма приобрела большое значение для массового производства предметов роскоши, например, из фарфора, стекла, шелка. Так, в 1706 г. была основана Мейсенская фарфоровая мануфактура.

Однако в целом, несмотря на государственную поддержку и стимулирование производственного сектора миграционными потоками, в XVII — начале XVIII вв. он имел второстепенное значение для немецкой экономики.

Более 80 процентов населения обеспечивали свое существование сельскохозяйственным трудом. После заключения мира в областях, сильно пострадавших от войны, ситуация в сельской местности была безотрадной. Многие деревни опустели, многие поля не возделывались на протяжении нескольких десятилетий, повсюду наблюдалась нехватка тяглового скота — любимого трофея солдат (к примеру, в герцогстве Вюртемберг поголовье лошадей и волов сократилось почти во всех округах и составляло одну десятую часть от довоенного показателя). Это означало, что люди вынуждены были сами тащить за собой плуг или возделывать землю мотыгой.

С другой стороны, у тех, кто выжил, теперь было достаточно земли и возможностей для обеспечения себе пропитания. До войны эти возможности были очень ограничены вследствие роста народонаселения, начавшегося еще в эпоху Позднего Средневековья. Теперь даже у безземельной бедноты, пережившей войну, был шанс занять более прочную экономическую позицию. Одновременно с этим сокращение численности населения в большинстве германских княжеств усилило положение крестьян по отношению к землевладельцам. Последние зависели от крестьянских податей и были вынуждены отдавать излишки земли на выгодных для крестьян условиях. Исключение составляло епископство Бранденбург. Здесь дворянству удалось укрепить свою власть над крестьянами.

Впрочем, довольно скоро оптимистичные — в связи с экономической ситуацией — настроения тех, кто пережил войну, изменились. Сокращение численности населения и доступность больших пахотных площадей (из которых сначала возделывались только самые лучшие) быстро привели к перепроизводству сельскохозяйственной продукции и резкому падению цен на нее. Более ста лет цены на аграрную продукцию постоянно росли («ценовая революция XVI века»), а теперь они упали до уровня 1550 г. Так что послевоенные десятилетия оставались

для большинства жителей империи тяжелым временем, принесшим новые войны, эпидемии, неурожаи, голод и экономическую нестабильность.

Политическая структура империи

Вестфальский мир был заключен по итогам двух мирных конгрессов: в Мюнстере переговоры велись между католическими государствами, в Оснабрюке — между протестантскими. Эти пространные переговоры должны были привести к установлению «христианского, общего, вечного мира». Для этого необходимо было решить вопрос территориальных претензий со стороны Франции (Эльзас, Брейсгау) и Швеции (Верден, Бремен и Передняя Померания). Однако первоочередная задача заключалась в том, чтобы придать правовую форму внутренней структуре империи и каким-то способом положить конец религиозным конфликтам. Несмотря на твердые намерения сторон, Вестфальский договор не смог обеспечить прочный мир в Европе. Внутри империи, напротив, примирение было достигнуто. Положения Вестфальского мира действительно стали, как это значилось в статье XVII Оснабрюкского договора, «постоянным правилом и основным законом империи». Эту функцию они выполняли вплоть до 1806 г., когда империя прекратила свое существование.

Уже в самом начале конгресса наметились важные изменения в имперской политике, которые были закреплены в Мюнстере и Оснабрюке: вопреки воле императора и при поддержке Франции и Швеции, имперские князья настояли на своем участии в конгрессах с правом собственного голоса. Это указывало на то, что они являлись в некотором роде суверенными правителями, облеченными правом объявлять войну и заключать мир (ius belli et pacis). Это квазисуверенное положение князей было зафиксировано в VIII, основополагающей статье

Оснабрюкского договора. Впрочем, реализовать это право впоследствии смогли лишь действительно крупные княжества. Более мелкие княжества так и не сумели отвоевать себе полную независимость в вопросах внешней политики; постепенно император снова укрепил свою позицию.

И все же Вестфальский мир подтвердил победу имперских сословий над Габсбургами, попытавшимися сосредоточить в своих руках центральную императорскую власть и даже стать абсолютными монархами. Тенденции развития империи в направлении современного централизованного государства теперь сменились тенденциями децентрализации власти и строительства центральной власти на уровне отдельных земель. В результате империя стала тем трудноопределимым с точки зрения государственного права образованием, которое Самуэль Пуфендорф в 1667 г. в своем знаменитом высказывании окрестил «хаотическим, похожим на монстра объединением». Империя содержала в себе монархические, аристократические и (в имперских городах) также демократические элементы и не была ни федеративным государством, ни конфедерацией. Для федерации имперские институты не обладали полномочиями верховной инстанции, а для конфедерации отдельные германские государства не имели полного суверенитета. По крайней мере, формально князья были связаны с императором клятвой верности и подчинялись общеимперскому праву.

Отсутствие централизованной государственной власти стало причиной отрицательной оценки империи в XIX и начале XX в., когда отправной точной для подобной оценки служило национальное государство. В последнее время в исторических исследованиях утвердился новый взгляд на империю. Ее устройство теперь не соотносят с идеалом национального государства, а оценивают исходя из тех функций, которые она должна была выполнять в то время. Эти функции заключались в предотвращении

конфликтов внутри империи и в обеспечении мира в Европе. С этой точки зрения централизованные и децентрализованные институты империи оцениваются уже не так отрицательно. К этим институтам относятся в первую очередь рейхстаг, имперские суды (Верховный суд и Имперский надворный совет) и имперские округа.

В XVII в. рейхстаги созывались императорами нерегулярно и только в случае крайней необходимости. Правда, с 1663 г. и до момента распада империи в Регенсбурге действовал постоянный рейхстаг. Современники назвали его «вечным рейхстагом». Его учреждение не было следствием осознанного решения о реформировании политической системы, но и случайным его нельзя назвать: это стало закономерным результатом усиления имперских сословий.

Рейхстаги, в том числе и постоянно действующий рейхстаг в Регенсбурге, не были предшественниками современного парламента. Это были собрания курфюрстов, князей и других имперских сословий (графы, имперские аббатства, имперские города), которые начиная с 1663 г. были представлены своими постоянными (действующими по инструкции) делегатами. Законодательная деятельность рейхстага была крайне ограниченной, но зато он выступал в роли «площадки для прояснения» (Дурхгардт) назревавших конфликтов. Наконец, в XVIII в. он служил немаловажным инструментом императорской политики.

Кроме того, важными общеимперскими институтами являлись Имперский верховный суд и имперский надворный совет. Они служили высшими судебными инстанциями. Имперский верховный суд был основан имперскими сословиями в рамках объявленного «вечного земского мира» в 1495 г. и первоначально располагался в Шпейере, однако в 1688 г., из-за вторжений французских войск, был перенесен в Ветцлар. В его компетенцию входило определение наказания за нарушения земского мира, но

также и разрешение спорных вопросов в связи со сбором налогов или жалобами на господ, являвшихся непосредственными вассалами императора. Одновременно с этим Имперский верховный суд являлся кассационной инстанцией для всех судов во всех областях, в которых правитель не обладал привилегией самому выступать в роли последней судебной инстанции (ius de non appellando). Таким образом, верховный суд в основном был занят улаживанием конфликтов между князьями и их подданными. Имперский надворный совет, располагавшийся при императорском дворе в Вене, был создан в 1498 г. в качестве противовеса княжескому Имперскому верховному суду. Впрочем, их компетенции не всегда были четко разграничены. Императорский суд занимался в основном делами, связанными с имперскими ленами, а кроме того, определял наказания для князей, являвшихся непосредственными вассалами императора, и рассматривал спорные ситуации, возникавшие вокруг императорских привилегий.

На работе Имперского верховного суда отрицательно сказывался тот факт, что многие имперские сословия не были заинтересованы в действующей высшей кассационной инстанции и поэтому неисправно вносили взносы на финансирование этого суда («судебную подать») или же вовсе пренебрегали этой обязанностью. По этой причине невозможно было расширить штат работников суда, и продолжительность рассмотрения каждого иска возрастала. Также были сложности с приведением в исполнение приговоров, если те не совпадали с волей могущественных князей: «Кто уверен в своей власти», — писал Пуфендорф в 1667 г., — «тому плевать на решение, принятое в Шпейере».

Приведение в исполнение приговоров, вынесенных Имперским верховным судом или Имперским надворным советом, находилось в ведении инстанций «среднего уровня» — так называемых имперских округов,

объединявших несколько имперских сословий. Эти объединения регионального уровня должны были сделать решение государственных задач — например, в области монетного дела, борьбы с преступностью или даже в вопросах военной организации — более эффективным. Наиболее деятельными и значимыми были округа на юге империи — там, где они объединяли множество маленьких и крошечных территорий со слабой центральной властью. Так, в состав Швабского округа входили 40 духовных и 68 светских областей, а также 40 имперских городов. В таких регионах округа брали на себя важные государственные функции. В тех областях, где доминировали правители крупных княжеств, округа не имели большого значения, воспринимались как конкуренты в борьбе за власть и в связи с этим даже наталкивались на активное противодействие в процессе исполнения своих функций.

Становление абсолютизма в отдельных германских государствах

Начиная с XVI в. среди европейских князей усилилась тенденция к автократической, нацеленной на неограниченное монархическое господство форме правления, которую сегодня принято называть абсолютной монархией или абсолютизмом. В империи в XVI в. укрепить свою позицию и развить институт императорской власти в этом направлении попытались Габсбурги. Однако Вестфальский мир раз и навсегда положил конец этим устремлениям: мирный договор, подписанный в Оснабрюке, гарантировал князьям и другим имперским сословиям не только право участия во всех имперских делах, но также подтвердил их ничем не ограниченный суверенитет в мирских и церковных вопросах. Поэтому абсолютистские формы правления впоследствии могли развиваться только в отдельных германских государствах.

Понятие «абсолютизм» производно от положения римского права «princeps legibus [ab]solutus» — правитель «отделен» от закона, он выше закона. Это положение использовалось в теории государства XVI–XVII вв. для определения суверенитета правящего лица. Французский правовед Жан Боден в своем трактате «Les six livres de la république» («Шесть книг о государстве», 1576 г.) так определяет суверенитет: «Суверенный князь должен иметь возможность по своему усмотрению изменять законы [...], подобно тому как лоцман должен сам решать, как ему вести судно, ибо если он начнет спрашивать совета у каждого, кто находится вместе с ним на борту, судно пойдет ко дну».

Таким образом, суверенитет князей, согласно Бодену, проявлялся в первую очередь в том, что они могли отменить старые законы и издавать новые, пользуясь исключительной полнотой своей власти и не прислушиваясь к мнению других инстанций. Это противоречило общепринятому понятию права в эпоху Средневековья и начала Нового времени, поэтому на практике реализация абсолютистской власти сильно отличалась от теории. Отмена старых, традиционных прав государем повсеместно наталкивалась на сопротивление и проходила крайне сложно. Особенно на общеимперском уровне скованность правителей нормами прежнего права оказалась чрезвычайно сильным препятствием для абсолютизма.

Однако и на уровне отдельных германских государств далеко не всем князьям удалось лишить так называемые земские сословия — представительный орган дворян, церквей, а также городов и деревень княжества — права участвовать в принятии решений. Используя метафору Бодена, можно сказать, что многие лоцманы, как и прежде, были вынуждены обращаться за советом к тем, кто находился с ними в одной лодке. Земские сословия сохранили за собой право принимать решения по вопросам налогообложения. За счет этого они могли также влиять

на «внешнеполитические» дела государя, в первую очередь на его решения относительно войны и мира.

Эти права сословий после Тридцатилетней войны стали серьезным препятствием для князей в деле создания постоянной армии. Прежний порядок был таков, что армия распускалась после войны, и государство не несло расходов по ее содержанию. Теперь же, из соображений безопасности и престижа, большинство князей не хотели распускать всю армию, а хотели оставить и в мирное время пусть немногочисленный, но постоянный гарнизон. Почти во всех германских землях это стало причиной конфликта — иногда довольно ожесточенного — между сословиями и правителями. Через рейхстаг (постановление 1654 г.) князьям, однако, удалось добиться того, что сословия согласились с введением налогов на сооружение крепостей и формирование гарнизонов. Таким образом, у князей была возможность правовым путем заставить земские сословия финансировать постоянную армию в мирное время.

Постоянная армия была немаловажным инструментом, позволившим князьям укрепить свою власть внутри княжеств. Отныне они могли пренебречь притязаниями сословий на участие в обсуждении и принятии решений по политическим вопросам. Во многих землях издавна существовавший совещательный орган — Тайный совет, который, впрочем, являл собой уже урезанную форму прежних совещательных органов, — был или вообще упразднен князьями, или занимался делами второстепенной важности. На смену коллективному обсуждению пришло «кабинетное правление». Через своих «кабинетных секретарей» князья взаимодействовали с департаментами и отдавали им свои распоряжения. Они становились во главе всей системы правления, сосредоточивая в своих руках все нити власти.

Впрочем, автократическая тенденция была лишь одной стороной абсолютистской системы правления. С другой

стороны, необходимо понимать, что отстранение сословий и кабинетное правление были основой реформаторской политики, которую не удалось реализовать в тех землях, где доминировали земские сословия. Дело в том, что сословия зачастую защищали старые привилегии и свои частные интересы. Князья же были ориентированы на централизованное и эффективное управление, на «хорошее руководство» («gute Policey»), как это называлось и то время. «Руководство» князей, как было сказано в авторитетном трактате Фейта Людвига фон Зекендорфа «Немецкое княжество» (1656 г.), должно было строиться на трех главных принципах: справедливости, мире и благополучии («накоплении богатства») страны. Таким образом, оно включало в себя судебное управление и законодательство, военное дело, а также активную поддержку экономики со стороны князей. Впрочем, понятие благополучия не ограничивалось чисто экономической сферой. Оно простиралось также на школьное образование, «руководство воспитанием», а кроме того, охватывало здравоохранение и обеспечение населения продуктами питания. Княжеская администрация старалась усилить контроль, унифицировать и отчасти модернизировать все эти сферы, чтобы тем самым подчинить их своему влиянию.

Правящая династия княжества Бранденбург-Пруссия больше других преуспела в реализации этой политики — как с точки зрения отстранения сословий, так и в реформировании системы управления. Однако даже на примере Пруссии можно видеть, что князьям далеко не везде удавалось сломить власть сословий. Если в Бранденбургской марке Гогенцоллернам в этом отношении было сравнительно легко, то в герцогстве Пруссия и графствах Клеве и Марк этот процесс продвигался с большим трудом и не во всех случаях завершился успехом. В большинстве государственных образований, входивших в состав империи, абсолютистские формы правления также

не утвердились. Как правило, имело место пересечение и взаимопроникновение «компетенций государя и земских сословий» (Фирхаус).

Возникновение придворного общества

С абсолютизмом тесно связан расцвет придворного общества: князья старались привлечь к своему двору прежде независимых дворян, с тем чтобы сделать их слугами государства, воплощенного в персоне монарха, публикой для самопрезентаций правителя и актерами социальной жизни при дворе.

Возникновение придворных обществ было общеевропейским явлением, встречавшимся как в католических, так и в протестантских странах, при дворах как духовных, так и светских правителей. Образцом с точки зрения архитектуры и организации являлся двор Людовика XIV в Версале. Его слава, достигшая и Германии, была огромна. Впрочем, не стоит забывать, что отдельные княжеские дворы обращались и к собственным традициям (особенно в вопросах церемониала) и отчасти даже сознательно — как, например, императорский двор в Вене — стремились отмежеваться от французской модели. Некоторые правители, в частности герцог Пруссии Фридрих Вильгельм I, вообще отвергали придворную жизнь и запрещали любые церемонии, отказываясь тратить на это деньги и признавать социальные и политические законы придворного общества.

Основой развития придворного общества было создание княжеских резиденций. Многие правители покидали свои прежние, часто довольно тесные городские дворцы и строили — по образцу резиденции Людовика XIV в Версале — роскошные барочные замки вдали от городского центра. Создавались целые города-резиденции, каковыми были, в частности, Мангейм, Карлсруэ или Людвигсбург. Большинство этих городов отличалось тем, что предпи-

Связываемая абсолютистской идеологией ориентация всего государства на правителя как единственный центр власти в них переводилась на язык пространственных символов: перспективные линии всего комплекса сходились в центральной точке государства (в Версале — в спальне короля) или лучеобразно расходились от нее. В Карлсруэ такой точкой схождения перспектив была восьмиугольная башня, которая символизировала государство в целом и из которой маркграф мог видеть всю резиденцию.

В украшении замков картинами и скульптурами важную роль играли аллегорические изображения дел и добродетелей государя. Как правило, для этого художники обращались к персонажам греко-римской мифологии. Аполлон был любимым символом французского Короля-Солнца. Габсбурги же отдавали предпочтение Гераклу, так как в его историю можно было вплести аллюзии на христианские добродетели и фигуру Христа. В целом же почти во всех княжеских дворах (причем даже у духовных князей) наблюдалось странное противоречие между превознесением правителя в художественных воплощениях языческой античной мифологии и тем, что сами они считали себя христианами, между их аллегорическим обожествлением и также выставляемым напоказ христианским смирением.

Впрочем, эстетическое возвеличивание власти было не единственной функцией двора. После Тридцатилетней войны княжеские дворы превратились в центры политических решений, а кроме того, были важным фактором экономической жизни. Постоянно увеличивалось число не только дворян, находившихся при княжеском дворе, но также обслуживавших его жизнь подданных неблагородного происхождения. Большие дворы в Вене и Мюнхене в начале XVIII в. состояли из 2000 человек, за Дрезденским двором числилось почти 500 человек. Придворный персонал некоторых духовных князей тоже порой насчитывал от 200 до 300 человек.

Финансовые затраты на содержание двора были огромны. В Мюнхенской резиденции, являвшей собой, несомненно, крайний случай расточительства, на рубеже XVII–XVIII вв. свыше 50% всех государственных расходов шло на поддержание двора. Впрочем, 20–30% уже не были редкостью. За счет этого княжеские дворы стали важным стимулом для развития торговли и производства в городах-резиденциях. В связи с этим перемещение княжеского двора во вновь построенные замки имело катастрофические последствия для некоторых городов.

Но не только для ремесленного производства в городах были важны княжеские дворы. Расположенное в резиденциях центральное государственное управление давало возможность профессионального развития и социального роста для образованных представителей третьего сословия и в первую очередь для юристов. Дворянство определяло светскую жизнь при дворе, в то время как княжеская администрация на протяжении XVIII в. все больше профессионализировалась и укомплектовывалась специалистами из бюргерской среды. Расширение княжеской администрации и интенсификация ее деятельности привели к тому, что к концу XVIII в. она все больше отделялась от княжеских дворов, которые уже не были символом государства в целом и, наконец, в XIX в. стали чем-то вроде частных домохозяйств правящих фамилий.

Договоры, подписанные в Мюнстере и Оснабрюке, должны были заложить основы «вечного мира». Однако мирное время продлилось недолго. Вскоре отдельные княжества, а потом и империя в целом оказались вовлечены в военные действия. Конфликты разгорались в основном вокруг главной проблемы абсолютистских княжеств, которая неоднократно возникала в период между 1648 и 1740 гг. Речь идет о вымирании легитимных династий. Вследствие тесных брачных связей между правящими домами Европы на одно и то же наследство

нередко претендовали несколько государств, имевших на него равные права. В результате вспыхивали все новые войны — так называемые войны за наследство, ставшие основным типом войн в ту эпоху. Спорные ситуации вокруг наследства служили им оправданием, но вряд ли это можно считать достаточным историческим объяснением их причин. Здесь необходимо учитывать также цели европейской и мировой политики князей.

Участие империи в европейских конфликтах в период между 1648 и 1740 гг.

1658	Первый Рейнский союз.
1663–1664	Турецкая война.
1667–1668	Деволюционная война.
1668	Распад Рейнского союза.
1672–1678	Завоевательная война Людовика XIV против Нидерландов.
1674	Империя объявляет войну Франции.
1679	Подписание мирного договора в Нимвегене.
1679–1684	Франция претендует на Эльзас (политика воссоединения).
1681	Французские войска оккупируют Страсбург.
1683–1699	Турецкая война.
1683	Осада Вены, битва у Каленберга.
1688–1697	Война за Пфальцское наследство.
1688–1713	Фридрих III, курфюрст Бранденбургский, с 1701 г. — король Пруссии (Фридрих I).
1700–1721	Северная война.
1701–1714	Война за испанское наследство.
1705–1711	Император Иосиф I.
1711–1740	Император Карл VI.
1713/1714	Окончание войны за испанское наследство; мирные соглашения, заключенные в Утрехте, Раштатте и Бадене.
1713–1740	Фридрих Вильгельм I, король Пруссии.
1716–1718	Турецкая война.
1718	Мир в Пожареваце.

С помощью Вестфальского договора страны-участницы хотели зафиксировать статус-кво в империи и таким образом добиться умиротворения Европы. Однако именно гаранты этого мирного соглашения — Франция и Швеция — первыми подвергли сомнению новую систему. Кроме того, снова появилась угроза со стороны Османской империи. Так что после Вестфальского мира целых три очага напряженности имели непосредственное отношение к империи: стремление Франции к европейскому господству, борьба Швеции за доминирование в Балтийском регионе и экспансия Османской империи вплоть до вторжения во владения Габсбургов.

Участие империи в войнах против Людовика XIV

С провозглашением единовластного правления Людовика XIV в 1661 г. началась экспансионистская фаза французской внешней политики. В своей территориальной политике Людовик стремился к расширению французских владений вплоть до Рейна, который должен был стать естественной границей Франции на востоке. Его политической целью было господство Франции в Европе. Вершиной, «венчающей» триумф Франции, должна была стать передача императорского титула французскому королю, к чему стремился еще кардинал Мазарини. Поначалу империя была довольно беспомощна перед лицом более осмотрительной французской дипломатии и виртуозного использования всех правовых средств для обоснования территориальных посягательств. Будучи чрезвычайно ослабленной Тридцатилетней войной, империя не могла противостоять более могущественной (в том числе и в военном отношении) Франции. К этому добавилось также то, что многие имперские князья в 1658 г. объединились с Францией в так называемый первый Рейнский союз, с тем чтобы укрепить свой завоеванный при заключении Вестфальского мира суверенитет перед

нцом ревизионистских устремлений Габсбургов. Поэтому сопротивление французской экспансионистской политике на территории империи организовывалось медленно.

Важной основой для стремлений Франции к общеевропейскому господству стало «историческое бракосочетание» (Ранке) Людовика XIV со старшей дочерью испанского короля Филиппа IV Марией Терезией. Этот брак имел огромное значение, поскольку все европейские правители исходили из того, что мужская линия испанской ветви Габсбургов вскоре прервется: позднерожденный сын Филиппа I Карл II с детства был болезненным. Ожидалось, что он проживет недолго и не оставит потомства. Оба эти прогноза сбылись.

После этого бракосочетания Людовик мог иметь равные или (по его мнению) даже бóльшие права на испанский трон, чем император Леопольд I, также состоявший в браке с дочерью Филиппа (от второго брака), или курпринц Иосиф Фердинанд Виттельсбах. Этого князя, состоявшего в довольно дальнем родстве с испанскими Габсбургами, Карл II в первом своем завещании назвал своим преемником, чтобы избежать конфликта между Габсбургами и Бурбонами и предотвратить раздел испанской империи. Однако Иосиф Фердинанд неожиданно умер в 1699 г., за год до смерти Карла II. Испанский вопрос снова был открытым.

Еще до великой борьбы за трон испанской империи — Войны за испанское наследство (1701–1713/1714 гг.) — Людовик в 1665 г., после смерти своего тестя Филиппа IV, впервые заявил о своих притязаниях на наследство. Применив частногражданские положения «деволюционного» (наследственного) права, действовавшие в Брабанте, к ситуации престолонаследования, он потребовал, чтобы Испанские Нидерланды — современная Бельгия — отошли во владение его жены. Получив отказ со стороны Испании, он захватил эту область военным путем —

в ходе так называемой деволюционной войны. Империя в этом конфликте тоже была заинтересованной стороной, так как Испанские Нидерланды входили в Бургундский имперский округ. Однако на данном этапе имперские княжества не смогли прийти к единой позиции по отношению к Людовику. Они не могли и не хотели ввязываться ни в какую войну из-за Испанских Нидерландов, хотя имперский посол Франц Пауль фон Лизола уже тогда предвидел широкомасштабный конфликт вокруг испанского наследства и в своем знаменитом, привлекшем всеобщее внимание памфлете «Le Bouclier d'Etat et de Justice» («Щит государства и справедливости») призывал объединиться в борьбе против вторжения Людовика.

В 1670 г., на основании столь же сомнительных притязаний, по приказу Людовика было оккупировано герцогство Лотарингия — без какого-либо сопротивления со стороны императора и империи. Лишь когда спустя два года и теперь уже без всяких на то правовых оснований Людовик развязал войну против своего основного конкурента в торговле — голландских Соединенных провинций — и ввел свои войска на территорию империи, возникло организованное сопротивление гегемониальной политике Франции. Император и большинство князей (за исключением «сопредельных государств», таких как Кёльн, Мюнстер, Бавария и Ганновер) вступили в войну на стороне Голландии. Впрочем, французская армия сумела отразить удар численно превосходящих сил империи. Кроме того, послу Людовика на мирном конгрессе в Нимвегене (1678–1679 гг.) удалось расколоть антифранцузскую коалицию, так что Франция вышла из этой войны со значительными территориальными приобретениями (Франш-Конте).

Наконец, еще два нарушения мира со стороны Людовика XIV сплотили империю в борьбе против Франции. Первым нарушением была политика, направленная на

присоединение Эльзаса, в рамках которой Людовик (используя правовые неточности в Вестфальском мире) сначала объявил французскими владениями десять имперских городов, расположенных на территории Эльзаса, а затем, на основании спорных старых прав, «снова присоединил» к Франции территории, которые когда-то были связаны с этой областью и теперь стали ленами французской короны. Страсбург, в отношении которого не удалось сконструировать подобные «права», был в 1681 г. оккупирован французскими войсками.

Вторым нарушением стала так называемая Орлеанская война или война за Пфальцское наследство. Со смертью курфюрста Карла Людовика оборвалась мужская линия Пфальцского правящего дома Пфальц-Зиммернов. От имени своей невестки, пфальцграфини Елизаветы-Шарлотты (Лизелотты фон Пфальц) Людовик предъявил права на наследование частного движимого имущества и аллодиальные, т. е. свободные от ленных повинностей, владения Пфальцской правящей династии. Имперские суды затягивали рассмотрение требования Людовика, и в 1688 г. он ввел войска в Пфальц и соседние с ним территории.

В ответ на Регенсбургском рейхстаге была объявлена война Франции и создана общеевропейская антифранцузская уния. В ходе войны оборонявшиеся французские войска не раз прибегали к тактике полного разорения областей, которые им приходилось покидать. Самый известный случай — это опустошение Гейдельберга войсками графа Мелака, однако планомерному разрушению были подвергнуты также Мангейм, Шпейер, Вормс и другие вюртембергские города.

Из-за одновременной войны с турками, а также из-за отсутствия единодушия в руководстве имперской армии сопротивление французским войскам было малоэффективным и затянулось на долгие годы. Время в этой ситуации снова работало на Людовика XIV. Еще на этапе

подготовки к мирным переговорам в Рисвике в 1697 г. ему удалось внести раздор в лагерь своих врагов и в ходе сепаратных переговоров исключить из антифранцузской коалиции некоторые страны-участницы. Поэтому исход войны был для Людовика не таким неблагоприятным, как ожидалось. Империя, участвуя в войне, стремилась к тому, чтобы вернуть Францию в границы 1648 г., однако Людовику удалось сохранить за собой Эльзас.

Для государственного устройства империи мир, заключенный в Рисвике, имел значение постольку, поскольку становилось все очевиднее, что, несмотря на участие отдельных имперских сословий в организации сопротивления, они не имели практически никакого влияния на ход мирных переговоров. И хотя империя на них была представлена имперской депутацией, de facto переговоры вел император, который тем самым в значительной мере вернул себе контроль над внешней политикой империи.

Северная война и Война за испанское наследство

Северная война разгорелась из-за конфликта между Данией и Швецией в 1700 г. и продолжалась более двадцати лет (1700–1721 гг.). Это была война за господство в Балтийском регионе. Все началось с того, что Швеция вмешалась в спор между датским королем и герцогом Готторпским за владение Шлезвигом. В этой ситуации Дании удалось создать большую антишведскую коалицию, вступив в союз с Россией и Польшей. Империя была в стороне от этих конфликтов: они касались ее лишь постольку, поскольку Август Сильный, курфюрст Саксонский, одновременно был королем Польши и в ходе войны к антишведской коалиции присоединились также Ганновер и Пруссия, которые в то время были вассалами Польши. Карл XII не мог на протяжении долгого времени противостоять намного превосходящим силам противника. На заключительном этапе войны главной

фигурой коалиции стал русский царь, а Россия после смерти Карла XII в 1718 г. заняла господствующее положение в Балтийском регионе.

Сразу после начала Северной войны разгорелся еще один широкомасштабный военный конфликт — Война за испанское наследство (1701–1713/1714 гг.). Начиная с 1660-х гг. взоры всех европейских правителей были устремлены на Испанию. Одни смотрели на нее с жадностью, другие — с беспокойством. Если бы вся Испания отошла Бурбонам или австрийским Габсбургам, это нарушило бы равновесие сил в борьбе между этими соперничающими династиями за господство в Европе. В связи с этим была велика вероятность продолжительной войны за право наследования испанской короны. Однако все стороны хотели по возможности избежать военного столкновения. Поэтому еще при жизни Карла II и без его участия были заключены соглашения о разделе Испанского наследства.

В разработке и осуществлении этих планов участвовали — в разных коалициях — морские державы, т. е. Англия и Нидерланды, а также Франция и Австрия. Впрочем, нередко морские державы вели переговоры с одной Францией. Император, поначалу согласившийся с планом раздела испанских владений, все решительнее настаивал на своем праве на все наследство. После преждевременной кончины наследника из рода Виттельсбахов, Иосифа Фердинанда, испанский король тоже стал склоняться к тому, чтобы передать корону второму сыну императора, эрцгерцогу Карлу.

Однако при испанском дворе действовала и профранцузская партия. Благодаря очень нерешительной и непоследовательной политике императора ей удалось одержать верх. Целью Испании была передача монархии в исходном, неразделенном виде. По всей видимости, достичь этой цели скорее можно было, передав Испанию Бурбонам, чем императору Священной Римской

империи. Поэтому король Испании Карл II принял решение изменить завещание и 2 октября 1700 г. назначил своим полноправным наследником внука Людовика XIV Филиппа. 1 ноября 1700 г. Карл умер, а 16 ноября Людовик XIV объявил своего внука королем Испании.

Филипп был безоговорочно принят в качестве нового монарха во всех областях Испанской империи. Правда, согласившись на изменение завещания и объявив своего внука испанским королем, Людовик XIV нарушил соглашение о разделе, которое он заключил с морскими державами. Последние теперь опасались доминирующего влияния французской торговой политики на испанские колонии, что могло бы иметь крайне неприятные последствия для английской и голландской экономики. Император тоже не был готов признать новое завещание Карла II и вступление на испанский трон принца из династии Бурбонов. 7 сентября 1701 г. он заключил союз с морскими державами, а весной 1702 г. началась война, в которую сразу же вступили многие имперские князья. Официальное объявление войны последовало в конце лета 1702 г.

Поворотным моментом, резко изменившим ход войны, стала неожиданная смерть молодого императора Иосифа I в 1711 г. На императорский трон взошел его брат Карл — один из претендентов на испанскую корону. Ситуация для морских держав в корне изменилась. Конечно, величие Габсбургов было уже в прошлом, поскольку экономика Испании была подорвана инфляцией, вызванной непрекращающимся притоком американского золота, и ростом импорта в ущерб собственному производству. Тем не менее, в результате этого двойного наследования в мире могла возникнуть новая супердержава. Карл VI возродил бы в прежнем виде империю Карла V. Именно для того, чтобы избежать сосредоточения огромной власти в одних руках, морские державы и выступили против Бурбонов. Теперь же Англия и Голландия повер-

нулись спиной к новому императору и заключенному с ним «Большому альянсу» и в 1713 г. в Утрехте подписали мирный договор с Людовиком XIV и Испанией.

Этот мир основывался на категорическом отделении Бурбонов, занимавших испанский престол, от французской линии Бурбонов. Чередующийся порядок наследования и объединение двух линий в одном лице были исключены. Кроме того, итальянские владения Испании, а также Испанские Нидерланды отошли германской империи в качестве компенсации. Поначалу император и империя не приняли условия этого мира. Они продолжали войну без союзников вплоть до 1714 г., однако вскоре тоже были вынуждены пойти на перемирие с Францией (мирный конгресс в Раштатте и Бадене (Швейцария)).

По сути победителем в войне за Испанское наследство оказалась Англия. За нарушение договоренности с союзниками и выход из войны Англия получила от Франции земли вокруг Гудзонова залива и Ньюфаундленд, от Испании — Гибралтар, остров Менорку, а главное, право монопольной работорговли в американских колониях Испании. Испанские Нидерланды и Италия отошли дому Габсбургов, который смог благодаря этому укрепить свои позиции в качестве европейской правящей династии. Империя не получила ничего, на что рассчитывала. Не была достигнута давнишняя цель — возврат эльзасских областей, захваченных Францией. Впоследствии германские князья не спешили ввязываться в международные конфликты, когда речь шла об интересах рода Габсбургов.

Войны с Османской империей

Успехи экспансионистской политики Османской империи, достигнув вершины в период правления султана Сулеймана Великолепного (1520–1566 гг.), пошли на спад. В знаменитом морском сражении при Лепанто в 1571 г.

испанский флот положил конец турецкому господству в Средиземноморье. Новая война, которую Османская империя вела с 1593 г. против Австрии за суверенитет над Трансильванией, закончилась в 1606 г. заключением *перемирия в Ситваторок, закрепившем статус-кво.* Ни одна из сторон не отказалась от своих притязаний на Трансильванию. Тем не менее, подписанное в Ситваторок соглашение стало началом довольно продолжительного периода мирного сосуществования Османской империи и империи Габсбургов, которое продолжалось и во время, и после Тридцатилетней войны.

Ситуация изменилась со вступлением на престол Мехмеда IV (1648–1687 гг.). Тогда и Габсбурги, и турки вмешались во внутреннюю борьбу за престол, начавшуюся в Трансильвании после смерти князя Дьердя II Ракоци. Попытки мирного урегулирования этого кризиса не увенчались успехом. В 1663 г. турецкая армия вторглась в австрийскую Венгрию. Когда императорская армия начала терпеть поражения, император совместно с папой Римским призвал империю и другие европейские государства объединиться в борьбе против турецкой экспансии. Союзная армия империи и Франции одержала победу над войсками султана в 1664 г. у стен крепости Левице и у перевала Сент-Готард на р. Рааб.

Однако в 1680 г. на юго-востоке империи снова начались столкновения с турками. Венгерский князь Имре Текели (Текей), предводитель крестьянского восстания так называемых куруцев, при поддержке турецких и французских войск занял значительную часть страны. Французские офицеры оказывали ему военную помощь и руководили войсками наемников, воевавших на стороне куруцев. Таким образом, Людовик XIV предпринимал активные действия для разжигания конфликтов на юго-востоке империи Габсбургов. Тем не менее, начало в 1683 г. новой «турецкой войны», апофеозом которой стала знаменитая вторая осада Вены в том же 1683 г.,

не связано напрямую с политикой Людовика. Явного союза между Версалем и Портой, вопреки различным домыслам уже в те годы, никогда не существовало.

В мае 1683 г. огромная турецкая армия подошла к Белграду, где к ней присоединились войска Текели. В конце июня турки уже стояли у притока Дуная, реки Рааб, на полпути от озера Балатон к Вене. Император не был готов отразить это нападение, поскольку для того, чтобы привести в действие имперские инстанции, всегда нужно было много времени. Две недели спустя, 17 июля, турецкие войска подошли к Вене и начали осаду города.

Помощь подоспела не только от империи, но и от польского короля Яна Собеского. С двадцатитысячной армией он подошел к Вене. Именно Ян Собеский считается освободителем города: он командовал основными силами, которые утром 12 сентября 1683 г. начали наступление против турецких войск и одержали решающую победу под Каленбергом.

Впрочем, поражение турок было далеко не окончательным. В дальнейшем бои продолжались на территории Венгрии. В 1685 г. началось новое крупномасштабное наступление. Императорские полки захватили город Офен (Буду) и одержали еще одну крупную победу над османской армией. Восстание в Венгрии в скором времени угасло. Трансильвания вышла из-под власти султана и перешла под защиту императора.

После войны Габсбурги проводили довольно жестокую репрессивную политику в Венгрии. Их целью было сломить сопротивление оппозиции. Были предприняты меры по рекатолизации княжества. Начались преследования мятежных куруцев; многие из них были повешены, кальвинистские проповедники были осуждены на каторжные работы. Венгерское дворянство было вынуждено принять в 1687 г. закон, который фактически превращал венгерскую выборную монархию в наследную монархию Габсбургов. В том же году император Леопольд

короновал венгерской короной своего сына, будущего императора Иосифа I.

Изменяющееся общество: культура, религия, экономика в XVIII в.

1670	Основание «школы благочестия» (Collegia pietatis) Якобом Шпенером во Франкфурте. Зарождение пиетизма.
1694	В городе Галле основан университет, ставший центром раннего Просвещения в Германии.
1695	Август Герман Франке открывает в Галле школу для детей бедняков и приют для сирот; основание ряда образовательных учреждений нового типа.
1700	Основана Академия наук в Берлине.
1717	В Пруссии введено обязательное школьное образование.
1720–1760	Строительство величественных барочных замков-резиденций (например, в Мангейме, Людвигсбурге, Вене).
1727	Открыта кафедра камералистики в университете г. Галле.
1737	Основан университет новой формации в Геттингене.
1778/1780	«Полезная и вспомогательная книжка для селян» Рудольфа-Захара Беккера, разошедшаяся более чем миллионным тиражом и ставшая бестселлером XVIII в.
1784	Иммануил Кант публикует в «Берлинском ежемесячнике» свою знаменитую статью «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?».

Военные действия на юго-востоке империи повлияли на ситуацию у западных границ. Людовик XIV попытался использовать трудное положение, в которое попал император, и сделал все возможное, чтобы не дать германским князьям прийти на помощь осажденной Вене. Пройдя через присоединенные к Франции области Эльзаса, он стянул войска к западной границе и в сентябре 1683 г., когда осада Вены достигла своей критической точки, вторгся в Испанские Нидерланды с целью захватить Люксембург и уничтожить люксембургскую крепость. Однако и великий курфюрст Бранденбургский тоже поспешил воспользоваться бедственным положением

императора: он отказал ему в помощи, поскольку сам нуждался в поддержке Франции в своих планах против Швеции. В отличие от 1663 г., в 1683 г. в рубежах обороны от турецкой экспансии уже появились значительные бреши. Имперские князья с недоверием относились к усилению могущества Габсбургов. Поэтому в начале XVIII в. Габсбурги были вынуждены своими силами вести борьбу против турок. Результатом этой борьбы стала дальнейшая экспансия и перемещение центра Австрии дальше на юго-восток.

XVIII век был эпохой глубоких изменений. Он завершился кризисом духовного, социального и политического порядка в старой Европе. Впрочем, начался этот кризис уже в конце XVII в. Во второй половине XVIII в. он углубился, и с этого времени стали изменяться понятия и ценности, способы восприятия и поведения. По этой причине данную эпоху называют также «переломным временем», когда мир старой Европы остался в прошлом, и история перешагнула порог современности.

Изменения в обыденном восприятии и в науке

Основой нашей ориентации в мире является восприятие времени и пространства, которое, в свою очередь, подвержено историческим и культурным трансформациям. Историческая и культурная относительность восприятия времени была открыта в конце XVIII в., и это открытие имело решающее значение для становления современного миропонимания. До этого момента в христианской Европе время и его деление принадлежали к сфере сакрального. Время было конечным и богоданным. Начиная с эпохи Средневековья история трактовалась как последовательность «четырех Царств» или империй, последней из которых была Римская империя. Священная Римская империя германской нации была продолжением Римской империи, ее падение означало

конец света. В этом контексте хаос Тридцатилетней войны, угрожавший существованию империи, носил апокалиптический характер. Тогда многие ожидали скорого «конца времен».

Однако уже в конце XVII в., по крайней мере в образованной среде, происходили постепенные изменения религиозного взгляда на историю: восприятие империи в контексте истории искупления греха и спасения человечества сменилось светской трактовкой. Позиция императора пошатнулась в связи с усилением суверенитета князей: обеспечение мира уже не было единоличной задачей императора как представителя Бога на земле, а считалось общим делом союза государств, осуществить которое можно было благодаря равновесию сил в Европе. На смену учению о мировых империях пришла религиозно нейтральная периодизация истории на древнюю, средневековую и новейшую. Впервые эта периодизация была предложена историком из Галле Христофором Целларием в его всемирной истории, изданной в 1685 г.

С исчезновением апокалиптической перспективы история превратилась в открытый процесс. Этому соответствовало и новое восприятие исторических перемен. Отныне в них видели уже не воплощение божественного провидения, а внутреннюю логику и динамику. Из комбинации этих новых воззрений в конце XVIII в. возникли идея и понятие исторического прогресса, что свидетельствовало об изменении восприятия не только истории, но и времени в самом широком смысле слова.

Это можно проследить в самых разных сферах восприятия действительности и поведения. Так, например, в биологии идея развития и эволюции сменила христианское представление о творении мира. В экономической теории больше внимания стали уделять производительности, т. е. измерять результат работы, проделанной за единицу времени. Производительность следовало повышать. Измерение результатов или достижений в XVIII в.

...ердилось также и в спорте. Традиционное соревнование, в котором необходимо было просто определить победителя, начиная с 1720-х гг. сменилось точным замером результатов в секундах, граммах и сантиметрах.

Эти примеры все большего проникновения временных измерений и восприятия скорости имеют параллели и в других областях повседневной жизни: в бальных танцах ориентированный на скорость и внимание вальс вытеснил придворный танец, в котором основное значение отводилось геометрическому структурированию пространства. В инфраструктуре повышенное внимание стали уделять скорости коммуникации и перемещений, что вылилось в инвестиции в дорожное строительство и почтовое сообщение. Периодическая печать тоже перешла на новые темпы: газеты стали выходить все чаще, и к концу XVIII в. некоторые из них уже ежедневно сообщали о последних новостях. В большинстве сфер повседневной жизни во второй половине XVIII в. произошли иные перемены: на смену мышлению в статичных, пространственных категориях пришло ощущение процессов, динамики, скорости и прогресса.

Если для последнего десятилетия XVIII в. были характерны изменения в восприятии времени, то предшествующий период отличался особым вниманием к проблемам пространства. В науке и искусстве основной темой было измерение и деление пространства. Геометрия в XVII и начале XVIII в. имела статус «главной науки». Присущие ей формальные структуры аргументации проникли и в другие научные дисциплины и обыденные дискурсы; подобная тенденция наблюдалась в дальнейшем в XIX в., когда в разных областях доминировали аргументационные структуры биологии и истории.

Сначала характерный для XVII в. научный интерес к пространству нашел свое приложение в изучении Вселенной. В 1609 г. Кеплер опубликовал свою «Astronomia nova», а Галилей в 1623 г. — свой труд «Dialogo», в котором

он, опираясь на кеплеровские открытия, отстаивал коперниковскую космологию и доказывал, что Земля вращается вокруг Солнца. С помощью усовершенствованных астрономических приборов ученые измеряли Вселенную и были убеждены в том, что Бог построил ее в соответствии с законами геометрии. Божественный «план строительства» стал более прозрачным.

Помимо астрономии, интерес к измерениям проявился в топографической разметке Земли. По поручению короля во Франции начиная с 1683 г. астроном и математик Джованни Доменико Кассини проводил систематические геодезические съемки французских провинций. В Германии рубеж XVII–XVIII вв. тоже был временем становления систематической картографии, которая, разумеется, использовалась в том числе в целях налогообложения и стала основой более точного администрирования областей, находящихся во владении суверена.

Измерение и упорядочивание пространства нашло свое отражение в такой политико-эстетической сфере, как архитектура барокко. В возведении барочных замков и крепостей, а также в планировании городов (Бат, Берн) и городских княжеских резиденций (Карлсруэ, Мангейм) геометризация пространства, регулярность и пространственное выражение иерархического порядка имели основополагающее и в некотором роде религиозно-эсхатологическое значение. В этом проявлялось установленное Богом иерархическое строение Вселенной и соответствующее ему мышление, ориентированное на создание и поддержание иерархических структур в том числе и в социальной сфере.

В процессе секуляризации общества и переориентации восприятия на временное измерение к концу XVIII в. геометрия утратила свое религиозное, а вместе с ним политическое и социальное значение.

От Барокко к Просвещению

Параллельно с культурой Барокко, на рубеже XVII–XVIII вв. возникает новое направление, господствовавшее в культуре и политике начиная со второй половины XVIII в. Речь идет о Просвещении. Это понятие, которое стало использоваться в немецкоязычном пространстве лишь в середине XVIII в., объединяет в себе очень разнородные духовные течения, распадающиеся не только по хронологическому принципу на раннее, высокое и позднее Просвещение, но, кроме того, различающиеся в зависимости от носителей этого движения. Так, выделяют протестантское, католическое и иудаистское Просвещение, а бюргерское Просвещение отличают от народного.

Тем не менее, есть весомые основания рассматривать Просвещение как единое движение, начавшееся в 1680-х гг. и продолжавшееся до начала XIX в. Одно из них — это характерная для всего Просвещения вера в могущество разума, т. е. в способность людей мыслить, чувствовать и действовать непротиворечиво и рационально. Из этой веры в человеческий разум следуют остальные принципы, которыми проникнута эпоха Просвещения в целом: борьба с предрассудками во всех областях знания, религии и общества; направленность мышления на человека и этот, земной мир, а также убежденность в том, что этот мир можно улучшить с помощью разума. Таким образом, Просвещение означало самопознание и самоэмансипацию человека или, как это выразил Кант в 1784 г. в своем знаменитом определении, «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине».

Важным импульсом для Просвещения была критика Библии, религии и, прежде всего, церкви. Противоречия и несуразности в библейских преданиях уже в конце XVII в. вызывали недовольство, что привело к историко-

критическому анализу священных текстов. Представления о Боге так же, как и религиозная и церковная практика, должны были соответствовать законам разума. «Бог есть разум» — так в середине века сформулировал эту идею Иоганн-Христиан Эдельман, немецкий богослов, через пистизм пришедший к радикальной критике церкви, а затем к «естественной религии». В этой рациональной религии не было места для ожесточенной борьбы между конфессиями, равно как для веры в ведьм и чудеса, по-прежнему распространенной в обществе.

И хотя эти тенденции, в первую очередь активная критика в адрес религии, позволяют четко отделить Просвещение от мировоззрения эпохи Барокко, с другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что начавшееся еще в конце XVII в. раннее Просвещение вначале имело много общего с барочным образом мышления. Оно было точно так же проникнуто геометрическим духом, как архитектура и политика той эпохи. К примеру, произведения профессора Галльского университета Кристиана Вольфа строятся на аргументации more geometrico («по образу геометрии»). Математику и геометрию Вольф считал совершенными науками.

В политической сфере немецкие философы раннего Просвещения в основном оправдывали иерархическое устройство общества как такую структуру, которая соответствует законам разума. Они отстаивали монархическую и даже абсолютистскую форму государственного правления при условии, что государь воздерживается от произвола и ставит своей целью благополучие подданных. Они полагали, что абсолютная монархия вырождается в тиранию не из-за недостаточного контроля со стороны других политических институтов и не из-за отстраненности населения от участия в политике; как утверждалось в книге Кристиана Вольфа «Разумные мысли об общественной жизни людей» (1721 г.), княжеская власть превращается в тиранию только тогда, когда «пра-

ватель действует вопреки общему благу и своей главной цели ставит свои личные интересы».

Если для раннего немецкого Просвещения (в отличие, скажем, от более радикального французского) была характерна тесная связь с княжеской властью и предпочтение патриархального абсолютизма, то к концу XVIII в. Просвещение в Германии четко разделилось на два лагеря, занимавших разные позиции по вопросу политического устройства. Большинство представителей немецкого Просвещения продолжали придерживаться этатистских взглядов, характерных для раннего Просвещения. Князья, правившие в духе так называемого просвещенного абсолютизма, тесно сотрудничали с просветителями, которые полагали, что монарх должен быть «первым слугой» (Фридрих II) своего государства и трудиться на благо своих подданных. Легитимным его господство не столько являлось милостью Божьей, сколько становилось в силу экономической и политической успешности и справедливого управления княжеством. Одним из проявлений просвещенного абсолютизма стало Прусское земское уложение — кодификация права, изданная в 1794 г.

С другой стороны, идеи Просвещения имели и собственную динамику развития и вскоре пришли в конфликт с официальной властью. Постулат об универсальности разума не допускал сословных ограничений на участие в политической жизни. Целью Просвещения должен был быть выход каждого человека из «состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине», а, следовательно, политическое самоопределение каждого человека. Основой этого просветительского процесса, согласно Канту, был публичный свободный гражданский дискурс. Если предоставить народу право свободно обмениваться мнениями, то его самопросвещение «практически неизбежно». Ограничение коммуникации тайной кабинетной политикой, характерной для абсолютизма, и цензурой, контролировавшей средства печати,

препятствовали Просвещению, не давая распространиться свету разума. Требование свободы слова и мнений и эмансипации граждан от опеки авторитарного государства стало причиной конфликта, возникшего в конце XVIII в. между радикальными просветителями и абсолютной княжеской властью. Это проявилось в том числе в положительной оценке первого этапа Французской революции немецкими интеллектуалами.

Все идейные направления в рамках Просвещения претендовали на то, чтобы быть применимыми на практике. В этой связи им были необходимы различные институты и средства коммуникации для распространения и воплощения в жизнь теоретических программ. Носителями идей Просвещения вначале было образованное бюргерство и дворянство. Соответственно, ключевую роль в этом процессе играли университеты и академии наук. В конце XVII в. было основано несколько новых университетов, которые должны были воплотить в жизнь научный идеал Просвещения. Самым влиятельным из новых университетов первое время был университет в Галле (1694 г.), где преподавали такие ученые, как Христиан Томазий и Христиан Вольф, и где в 1723 г., по указанию прусского короля Фридриха Вильгельма I, была основана первая кафедра камералистики*. Впоследствии ведущую роль среди новых университетов стал играть Геттингенский университет, основанный в 1737 г.

Если отдельные университеты и их преподаватели приумножали и транслировали идейное наследие Просвещения, то в организации эмпирических исследований важную роль играли институты, первоначально возникшие в рамках итальянского гуманизма, но в дальнейшем тесно связанные с Просвещением: научные общества и

* Камералистика — совокупность административных и хозяйственных знаний по ведению камерального (дворцового и в широком смысле государственного) хозяйства. — *Примеч. перев.*

академии наук. Самой знаменитой и влиятельной академией наук было основанное в 1662 г. и ориентированное преимущественно на естественные науки Королевское общество в Лондоне. В Германии идею академий отстаивал и продвигал Готфрид Вильгельм Лейбниц — философ и ученый-универсалист, стоявший между двумя эпохами — Барокко и Просвещением. По его инициативе в 1700 г. было основано Берлинское общество наук. Остальные немецкие академии были открыты во второй половине XVIII в.: в 1751 г. в Геттингене, в 1757 г. в Мангейме. Знаменитая Баварская академия наук возникла в 1759 г.

По мере возникновения академий и ученых сообществ все более значимой для распространения просвещения становилась организация реципиентов — читателей — в так называемые «общества чтения» (Lesegesellschaften). На основе объединений граждан с целью совместной подписки на газеты и журналы возникали, с одной стороны, библиотеки, а с другой стороны, общества чтения, ставившие своей целью не только сокращение расходов на подписку, но, кроме того, совместное обсуждение и оценку прочитанного.

В отличие от университетов и академий, в которых в XVIII в. обучались в основном дети образованных бюргеров или дворян, общества чтения были гораздо более открытыми в социальном плане и объединяли в том числе выходцев из высших городских слоев, далеких от академической среды. К примеру, в Бремене в начале 1790-х гг. существовало 36 подобных обществ. В них, в процессе совместного чтения и обмена мнениями, конкретным, осязаемым образом формировалась политическая общественность, которая закрепила за собой право рассуждать на политические темы. Правда, ввиду того, что в основном (за редким исключением) членами обществ чтения были чиновники и представители высших городских слоев, эти заведения в Германии (в отличие,

скажем, от Франции) не стали центрами антиабсолютистской оппозиции.

Эту функцию в конце XVIII в. выполняли скорее масонские ложи, первая из которых была создана в 1737 г. в Гамбурге, и основанный в 1776 г. тайный Орден Иллюминатов. Его основателем был профессор права из Ингольштадта Адам Вейсгаупт. Орден Иллюминантов черпал свои идеи прежде всего в радикальном Просвещении и поэтому в 1785 г. был запрещен.

Общества чтения указывают на более общий феномен, тесно связанный с Просвещением, а именно на повышение уровня грамотности населения и обусловленный этим резкий рост тиражей и наименований газет, журналов и книг во второй половине XVIII в. Это явление часто называют также «читательской революцией». Доля потенциальных читателей от общей численности населения старше 6 лет за последнюю треть XVIII в. возросла с 15% по меньшей мере до 25%; впрочем, в оценке этой тенденции необходимо учитывать существенные региональные различия. Развитие школьного образования начального уровня и внедрение обязательного обучения в школе началось в Германии в середине XVI в. и продолжалось до середины XIX в.

Растущей грамотности населения соответствовало также непрерывное увеличение количества изданий прежде всего на немецком языке. Доля книг на латинском языке в период между 1740 и 1800 гг. сократилась с 27 до 4% от общего объема книжного производства; одновременно центр тяжести сместился с научных и теологических работ к философии и беллетристике, а также экономической и педагогической литературе.

Увеличение книжного рынка было обусловлено не только расширением круга читающей публики, но одновременно изменением читательских предпочтений. Если до XVIII в. было принято читать и перечитывать в первую очередь религиозную литературу, то теперь читатели

перешли к «экстенсивной стратегии», читая все новые книги, что, разумеется, приводило к повышению спроса на литературу.

Наконец, успехи отдельных произведений, в частности, «Полезной и вспомогательной книжки для селян» Рудольфа-Захара Беккера, вышедшей между 1778 и 1780 гг. в двух томах и уже к 1800 г. разошедшейся тиражом более миллиона экземпляров, указывают на явление, имевшее большое значение для позднего Просвещения, а именно на так называемое народное просвещение. Теоретической предпосылкой для подобной «социальной экспансии» Просвещения была принципиальная убежденность просветителей в одаренности всех людей разумом, в естественном достоинстве, правах и свободе каждого человека. В этом смысле народное просвещение было логическим выходом Просвещения из ситуации социальной «изоляции». С другой стороны, народное просвещение должно было учитывать низкий уровень грамотности и образованности большей части населения. Поэтому оно сосредоточилось не столько на политико-гражданской эмансипации и общем образовании широких слоев населения, сколько на улучшении образа жизни, что включало в себя в том числе воспитание трудолюбия и трудовой дисциплины.

Народное просвещение не дало каких-то важных политических импульсов даже в эпоху Французской революции. Зато оно было тесно связано с реформаторским движением в педагогике и открытием промышленных училищ. Выдающуюся роль в этом движении, начавшемся еще в 1760-х гг., сыграл швейцарский педагог Иоганн Генрих Песталоцци. Впрочем, важным этапом стали также учебные учреждения теолога-пиетиста Августа Германа Франке, работавшего в Галле, и деятельность таких педагогов-реформаторов, как Иоахим-Генрих Кампе и прусский дворянин Фридрих Эберхард фон Рохов, который в своем поместье создал образцовые деревенские

школы и даже сам писал учебники и другие педагогические труды.

В новых промышленных училищах реформаторская педагогика эпохи Просвещения совмещала базовое образование детей из низших слоев с суровым воспитанием в них таких качеств, как прилежание и трудолюбие. Помимо, а зачастую и вместо уроков дети были заняты работой в области текстильной промышленности и приучались к «железной» дисциплине. Такое воспитание явилось реакцией на проблему бедности, актуальной для конца XVIII в., и должно было помочь детям преодолеть характерную для бедных безынициативность, развить в них способность самим справляться с трудностями и одновременно привить им основные добродетели — экономность, чистоплотность и любовь к порядку. Конечной целью педагогов-реформаторов было «подтянуть» детей из низших слоев до уровня просвещенного буржуазного общества.

Религия и церковь

Для империи Вестфальский мир был также религиозным миром. Он совершенно открыто опирался на Аугсбургский религиозный мир. Впрочем, при более внимательном рассмотрении обнаруживается отклонение от двух главных принципов 1555 г.: в Аугсбургском мире только две конфессии признавались законными, а именно католическое и лютеранское вероисповедание. В 1648 г. в качестве второй протестантской религии, отчасти против воли лютеран, в новый мир были включены также кальвинисты. На другие группы мир не распространялся; их германские княжества могли не признавать.

В отличие от принципа, установленного в Аугсбургском религиозном мире, новые положения запрещали князьям навязывать свою конфессию подданным. Вероисповедание территорий закреплялось по состоянию на

1624 г. Переход правителей из одной веры в другую, обусловленный, как правило, наследственно-политическими соображениями и довольно частый на рубеже XVII–XVIII вв., больше никак не влиял на конфессию их подданных.

Благодаря этому земли, входившие в состав империи, после 1648 г. в основном оставались моноконфессиональными. Впрочем, несколько земель разной религиозной принадлежности вполне могли быть объединены под одной короной. Во владения курфюрстов Бранденбургских и впоследствии королей Пруссии входили лютеранские, кальвинистские и католические области. Сосуществование же нескольких конфессий на одной территории ограничивалось в основном так называемыми паритетными имперскими городами, за которыми в 1555 г. было признано право иметь две официальные религии. Кроме того, в некоторых городах, где располагались княжеские резиденции, в качестве политической меры для увеличения народонаселения гарантировалась веротерпимость. В Нейвиде, основанном графом Фридрихом III фон Видом, который сам исповедовал кальвинизм, в XVIII в. существовало семь различных религиозных общин. В Бранденбургском княжестве, курфюрсты которого тоже перешли в кальвинизм, кальвинистская церковь смогла утвердиться наряду с традиционной лютеранской благодаря переселению в княжество гугенотов. Впрочем, здесь не обошлось без взаимных нападок.

После Тридцатилетней войны церкви по-прежнему оставались важным политическим инструментом в руках князей. В протестантских землях князь одновременно занимал должность епископа, но и католические князья подчиняли себе церковь и духовенство, с тем чтобы укрепить свою власть.

Важной сферой сотрудничества церкви и светской власти после Тридцатилетней войны стал усиленный надзор за нравственностью и образом жизни подданных.

В современных исследованиях это явление часто обозначается как социальное дисциплинирование. При этом религиозные мотивы искоренения греха отчасти пересекались с финансовыми интересами государства, направленными на улучшение трудовой дисциплины, борьбу с расточительством и общую рационализацию жизнедеятельности.

Многие христиане критиковали такое слияние церкви и государства, поскольку это, во-первых, таило в себе опасность повышенного внимания к форме в ущерб содержанию церкви, что проявилось, в частности, в строительстве великолепных католических монастырей в стиле Барокко, а во-вторых, выводило на передний план законопослушность, а не внутреннее, душевное благочестие, которое ставилось во главу угла в протестантском религиозном воспитании. Против этого выступали различные реформаторские внутрицерковные движения, возникавшие в конце XVII в. по всей Европе.

Наиболее заметным движением, ставившим своей целью обновление католицизма, в XVII–XVIII вв. был янсенизм. Свое название он получило по имени епископа Ипрского Корнелия Янсения (1585–1638). Главными теологическими противниками янсенистов были иезуиты — передовой отряд Контрреформации, который не считал предосудительным светское могущество церкви. Черпая свои идеи у Августина, но при этом выступая против доктрин, исповедуемых католической церковью и в особенности иезуитами, янсенисты придерживались схожего с кальвинизмом учения о предопределении: Бог по своей воле выбирает тех, кого он хочет спасти; человек ничего не может сделать для своего спасения (например, творить добрые дела во спасение), но полностью зависит от милости Божьей. На этой основе янсенисты возвели учение о духовном благочестии, которое в равной мере отвергало усиление политической роли церкви и католическую практику исповеди.

Во Франции янсенизм на рубеже XVII–XVIII вв. приобрел огромное влияние. Попытка Людовика XIV свести на нет деятельность янсенистов путем репрессий чуть не привела к расколу католической церкви во Франции. В империи германской нации янсенизм не был так влиятелен, но во владениях Габсбургов у него было много сторонников, прежде всего среди дворян. Принц Евгений благоволил этому движению, равно как и Мария-Терезия. И хотя серьезных конфликтов вокруг янсенизма в немецком католицизме не было, все же это течение не прошло для Германии бесследно: оно способствовало спиритуализации и приватизации набожности и тем самым положило начало процессу формирования религиозного плюрализма в империи.

Эта тенденция индивидуализации и приватизации набожности характерна для развития современной религиозности. Еще более явно, чем в янсенизме, это можно проследить на примере пиетизма. Пиетизм как протестантское движение религиозного обновления возник в рамках лютеранства и кальвинизма во второй половине XVII в. и достиг наивысшего расцвета в первой половине XVIII в. Своим названием это движение обязано collegium pietatis — частному библейскому и молитвенному кружку, который в 1670 г. организовал во Франкфурте-на-Майне лютеранский теолог Филипп Якоб Шпенер и из которого по сути выросло пиетистское движение.

Пиетизм стремился к тому, чтобы христианство жило в душах верующих, а конфессиональные разногласия — прежде всего внутри протестантизма — были преодолены ради деятельного благочестия и реформации жизни, которая должна была дополнить и довершить теологическую реформацию XVI в. Поэтому пиетизм придавал очень большое значение благотворительности и системе (начального) образования. Оба аспекта — благотворительность и воспитание — были объединены в одном из важнейших пиетистских учреждений — в «галль-

ском приюте для сирот». Он был основан в 1695 г. Августом Германом Франке. Приют очень быстро разросся и превратился в широко известный центр образования для детей из бедных семей и подготовки учителей. В 1727 г., когда умер Франке, в нем училось более 1700 учеников. Пиетисты в Галле тесно сотрудничали с прусским государством; Фридрих Вильгельм I активно поддерживал это начинание.

В других землях, например, в Вюртемберге, пиетисты, наоборот, находились в оппозиции к правящему дому и, соответственно, к официальной церкви. Многие радикальные пиетисты вообще отвергали церковь и в связи с этим подвергались преследованию со стороны светских властей как «сепаратисты». В отдельных областях эти преследования прекратились лишь к концу XVIII в., когда к власти пришли просвещенные монархи. В эпоху Просвещения немецкое общество становилось все более толерантным в вопросах веры. Многообразие религиозных общин и конфессий стало отличительной чертой современных форм религиозности.

Исторические изменения в представлениях о семье, детстве и юношестве

Многие аспекты рассмотренных нами изменений, произошедших в XVIII в., наиболее отчетливо проявились в трансформации семьи как главного социального института Нового времени. Долгое время представление о семье определялось идеалом «домохозяйства», распространению которого до XVIII в. способствовала «литература для главы семейства» — своего рода руководства для рачительных хозяев. Для «домохозяйства» была характерна тесная связь семьи и экономического производства за счет интеграции прислуги, а также учеников и подмастерьев в familia главы семейства. Как правило, подобная вовлеченность означала совместный труд,

питание и проживание без обособления частной жизни нуклеарной семьи.

С другой стороны, для идеала «домохозяйства» была характерна интеграция семьи в систему сословного общества и государственного правления. «Власть» главы семейства распространялась на всех домочадцев, т. е. за ним признавалось право воспитывать и наказывать в том числе прислугу и прочих работников. Отец семейства в некотором роде был низшим звеном той вертикали власти, которая — через государя — доходила до Бога-Отца. Представителями Бога на земле в малом масштабе являлись главы семейств, а в более крупном — князья.

Впрочем, с течением времени это представление о «домохозяйстве» становилось в большей степени идеалом, нежели реальностью. Наиболее приближенными к этому идеалу в XVII и XVIII вв. были, пожалуй, семьи, занятые в сельском хозяйстве. В них совместное проживание и жизнедеятельность членов семьи и работников отчасти сохранились до XIX и даже XX в. В городских семьях, напротив, это семейно-экономическое единство распалось в XVII–XVIII вв. В Зальцбурге в 1560 гг. более половины всех семей проживали в одном доме с прислугой, а в конце XVIII в. — всего треть, несмотря на то что доля прислуги, подмастерьев и батраков от общего числа населения не уменьшилась, а скорее увеличилась.

Итак, в городах прислуга и ученики мастера уже, как правило, не проживали в хозяйском доме. Эта тенденция усилилась в связи с сокращением доли тех, кто был занят в ремесленно-цеховом производстве. Все больше работников во вторичном секторе были заняты на мануфактурах или на так называемых рассеянных мануфактурах с раздачей работы на дом (и то, и другое является организационной формой раннеиндустриального производства), т. е. были наемными оплачиваемыми работниками, что позволяло им или вынуждало их снимать отдельное жилье.

По этой причине в городских семьях процесс обособления нуклеарной семьи развивался более интенсивно. Наиболее отчетливо формирование нового типа семьи происходило в растущем слое буржуазии, прежде всего в образованной и чиновничьей среде. В этих кругах семья и раньше не выполняла производственно-экономическую функцию. Место работы мужчины находилось вне дома и никак не зависело от работы, осуществляемой в семье. С другой стороны, в буржуазной среде возрастало значение семейного воспитания и образования детей для воспроизводства социального статуса.

Такая ситуация имела разнообразные последствия как для распределения ролей между супругами, так и для представления о детстве и юношестве. В familia «домохозяйства» муж и жена являлись носителями определенных функций (отца и матери семейства) и, соответственно, частью более широкого общественного и религиозного порядка. Место мужчины и женщины в этом порядке было важнее их эмоциональных отношений. Только на такой основе могли «функционировать» браки, заключаемые, как правило, из материальных соображений.

С исчезновением «домохозяйства» и стоящего за ним мышления в категориях политического и религиозного порядка партнерские отношения стали более личными. Поскольку общество отныне признавало за индивидом «право на счастье», которое было закреплено в революционных конституциях XVIII в., то и брак теперь, по крайней мере в сознании просвещенных слоев, определялся как договорные отношения, заключаемые во взаимном стремлении к счастью. В этой связи Прусское общее земское уложение 1794 г. разрешало расторжение браков (если они были бездетными) по взаимному согласию.

Изменения в организации и понимании семьи и брака повлияли в первую очередь на гендерные роли. Если в традиционном «домохозяйстве» женщина имела широ-

кий круг задач, охватывающий в том числе хозяйственно-экономические вопросы, то в буржуазных семьях XVIII в. установилось четкое разделение между мужским трудом с целью заработка и женской работой по дому и воспитанию детей. У буржуазии появились новые идеалы супружеской и семейной жизни и новые представления о роли женщины, которая должна была «посвятить себя» мужу и детям. Эти представления стали критерием оценки семейной жизни и в других социальных слоях и сохранили свой нормативный характер до наших дней.

Перемены, произошедшие в буржуазной среде в XVIII в., затронули также представления о детстве и юношестве и фактическое обустройство жизни детей и подростков. Подобно тому, как прислуга и подмастерья постепенно отделялись от нуклеарной семьи, так же и дети все больше исключались из мира взрослых. Это можно проследить по изменениям в планировке жилых помещений и возникновению детских комнат, а также по появлению специальной детской и юношеской литературы и растущей профессионализации педагогики.

Теперь детям приписывались особые характерные черты, четко отличающие их от взрослых. Кроме того, им отводилось особое защищенное пространство, которое, по представлениям того времени, было необходимо для их интеллектуального и прежде всего нравственного развития. Социализация детей была отделена от непосредственных задач трудовой жизни взрослых и направлена на то, чтобы способствовать общим «процессам становления», т. е. формированию нравственной и эмоциональной стабильности, а также передаче «образования».

Причины этого процесса, приведшего к возникновению новых буржуазных представлений о детстве и юношестве, заключались в усложнении мира взрослых в связи с профессионализацией трудовой деятельности, растущими требованиями к результативности труда и интенсивной мобильностью. «Естественное» взросление

и переход детей и подростков в этот мир с его изменившимися требованиями уже не казались правильными. В то же время новые концепции возраста свидетельствовали об изменении восприятия времени. Таким образом, идея прогресса и развития была укоренена и в индивидуальной биографии.

Сельское хозяйство и промышленность в XVIII в.

В XVIII в. сельское хозяйство оставалось ведущей экономической отраслью Германии. Например, в Саксонии в 1750 г. свыше 60% населения проживало в деревнях и было непосредственно занято в сельском хозяйстве. В маленьких городах для многих людей источником средств к существованию было не только ремесленное производство, но и сельское хозяйство. Однако правовое и экономическое положение крестьян в Германии было очень разным. В общих рамках помещичьего землевладения (большая часть земли принадлежала светским или духовным феодалам, которые являлись высшими собственниками) были возможны различные градации крестьянского землевладения. В германских государствах к западу от Эльбы преобладала наследственная аренда, т. е. крестьяне являлись совладельцами земли. В Баварии в конце XVIII в. 56% сельскохозяйственных угодий принадлежали клиру, а 34% — светскому дворянству. Тем не менее здесь, как и во всех немецких землях к западу от Эльбы, крестьяне, как правило, владели более 90% земли на правах аренды. За аренду земли они должны были платить оброк и нести обременительную барщинную повинность, но зато у них были некоторые правовые гарантии.

На Востоке Германии положение крестьян было гораздо хуже. В рамках аграрных отношений, утвердившихся в землях восточнее Эльбы, лишь немногие крестьяне владели землей по чиншевому праву. Большинство

находилось в положении безземельных батраков и работало на крупных помещиков. Во Франции аграрные отношения были схожими, что в немалой степени способствовало успеху Французской революции.

В Германии в XVIII в. крестьянские волнения происходили в основном в восточных областях: в Саксонии, Пруссии и прежде всего в Силезии, где положение крестьян было особенно тяжелым. Здесь на протяжении всего XVIII в., а особенно во время Французской революции, неоднократно вспыхивали крестьянские волнения, которые, правда, обычно носили локальный характер. На юге конфликты крестьян и помещиков не принимали столь резкой формы, как в областях восточнее Эльбы. В целом нигде на территории Германии они не выливались в широкое повстанческое движение.

Раннее промышленное производство в Германии на заре Нового времени было сосредоточено в городах. Господствующей организационной формой было цеховое ремесло. Цеха регулировали доступ к ремеслу через обучение учеников и подмастерьев, а также разрешая или запрещая мастерам заниматься своим ремеслом в том или ином городе. Кроме того, они контролировали качество продукции и устанавливали допустимое число работников и инструментов. Целью цеховой политики было обеспечить всем членам цеха средства к существованию и ограничить конкуренцию на местных рынках. Для меркантилистской экономической политики князей, ориентированной на повышение производства и экспорт, цеха были серьезным препятствием, тем более что они стремились повысить свое влияние на управление экономическими процессами. В связи с этим рейхстаг 1731 г. впервые сильно ограничил автономию цехов.

XVIII в. стал периодом становления новых форм производства. Это были, во-первых, мануфактуры. В них производственные процессы организовывались по принципу разделения труда. От современных фабрик они

отличались тем, что в них пока преобладал ручной труд, а не механизированное производство. Другим нововведением было распространение ремесленного — и прежде всего текстильного — производства в сельской местности и объединение сельских ремесленников в так называемые рассеянные мануфактуры (раздаточная система). Работавшие в них ремесленники в большей или меньшей степени зависели от торговцев, поставлявших сырье и скупавших готовые изделия; таким образом, речь здесь шла о ранней форме наемного оплачиваемого труда. В конце XVIII в. примерно половина работников производственной сферы все еще занималась традиционным ремеслом, приблизительно 43% были вовлечены в раздаточную систему, а 7% работали на мануфактурах.

Вследствие частых неурожаев за последние 30 лет XVIII в. сильно выросли цены на сельхозпродукцию. Это привело к сложной ситуации в промышленном секторе. Особенно пагубно повышение цен отразилось на положении подмастерьев и подешных рабочих. Их зарплаты остались прежними, несмотря на рост цен на хлеб, вследствие чего среди ремесленников также имели место частые забастовки и волнения. Особенно частыми были забастовки подмастерьев, которым иногда удавалось организовываться даже на межрегиональном уровне. Во время Французской революции подобные действия воспринимались властями как серьезная угроза. При подавлении забастовки портных во Вроцлаве в 1793 г. были задействованы войска, в результате чего 27 человек погибло.

Помимо повышения зарплаты подмастерья требовали сохранения определенных привилегий, в частности права на «голубой понедельник», в соответствии с которым в понедельник на работу можно было не выходить. Кроме того, бастующие были недовольны жесткой политикой цехов, ограничивавших право становиться мастером и заниматься своим ремеслом в том или ином городе.

Конец «старой империи»

1740–1780	Мария Терезия, королева Чехии и Венгрии, эрцгерцогиня Австрийская.
1740–1786	Король Пруссии Фридрих II (Великий).
1740–1748	Война за австрийское наследство.
1740–1742	Первая Силезская война.
1742–1745	Император Карл VII (Виттельсбах).
1744–1745	Вторая Силезская война.
1745–1765	Император Франц I (основатель лотарингской ветви немецких Габсбургов).
1756–1763	Семилетняя война.
1765–1790	Император Иосиф II, яркий представитель «просвещенного абсолютизма». Эпоха радикальных реформ во владениях Габсбургов.
1792–1798	Война Первой коалиции против революционной Франции.
1792–1793	Майнцская республика (Майнцская коммуна).
1794	Прусское земское уложение.
1795	Базельский мир. Пруссия выходит из антифранцузской коалиции до 1806 г.
1799–1801	Война Второй коалиции против Франции. По Люневильскому мирному договору Франция получает германские земли к западу от Рейна.
1803	Принятие постановления съездом имперских депутаций; потери земель к западу от Рейна компенсируются в основном за счет секуляризации церковных владений.
1806	Шестнадцать имперских князей на съезде в Париже объединяются *в Рейнский союз и выходят из состава империи. Император* Франц II слагает с себя императорскую корону.
1806–1807	Война Пруссии против Франции. Поражение прусской армии в битве под Йеной и Ауэрштедтом.
1807–1811	Кардинальные реформы прусских министров, баронов Штейна и Гарденберга, в сфере экономики, управления и армии.
1813–1815	Освободительные войны.

Цеха все больше превращались в блюстителей интересов узкой верхней прослойки ремесленников. Им противостояла постоянно растущая (вследствие общего увеличения народонаселения) группа зависимых подмастерьев,

у которых не было практически никаких шансов стать мастером, а следовательно, получить экономическую независимость. Так что уже в доиндустриальную эпоху в рамках цехового ремесленного производства и существовавших на селе рассеянных мануфактур возникла большая группа зависимых наемных работников. Для них переход к промышленному способу производства в XIX в. не представлял кардинальной перемены в жизни.

Из всех внутриполитических процессов, происходивших в империи в конце XVII–XVIII в., наибольшее значение для истории Германии имело возвышение Пруссии и превращение ее во вторую крупную германскую державу наряду с Австрией. В этом процессе был заложен конфликтный потенциал, который сохранялся на протяжении долгого времени и после заката Священной Римской империи германской нации и предопределил особенности формирования национальных государств на ее территории.

Возвышение Пруссии и начало германского дуализма

Рост могущества Гогенцоллернов — курфюрстов Бранденбурга — начался еще в XVII в. После смерти герцога Прусского Альбрехта Фридриха это княжество, бывшее в то время польским леном, отошло по наследству курфюрстам Бранденбургским. В 1619 г. на трон Бранденбургского курфюршества взошел Георг Вильгельм, сменивший своего отца Иоганна Сигизмунда. Последний сумел благодаря своей жене Анне Прусской не только заполучить в свое владение это восточное герцогство, но и предъявить претензии на западное герцогство Юлих. Там в 1609 г. скончался слабоумный герцог Иоганн Вильгельм, не оставивший после себя детей. Однако на его наследство претендовала также правящая династия Пфальц-Нейбурга. Вопросы наследования с 1612 г.

усугубляли конфликт между двумя другими соседними государствами — Испанскими Нидерландами и мятежными Генеральными штатами, но в 1614 г. их удалось решить путем заключения Ксантского договора. К Бранденбургу отошло герцогство Клеве, а также графства Марк и Равенсберг, тогда как перешедший в католицизм пфальцграф Вольфганг Вильгельм фон Нейбург получил во владение герцогства Юлих и Берг, где большинство жителей исповедовали католическую веру. В 1666 г. эти территории также отошли Бранденбургу.

Главным приобретением Бранденбургских курфюрстов по Вестфальскому мирному договору стала восточная часть Померании (Hinterpommern), а также значительные территории на западе — епископства Минден и Гальберштадт, графство Гогенштейн, епископство Каммин и право на присоединение архиепископства Магдебург после смерти архиепископа. Благодаря тактике лавирования, умело примененной Великим курфюрстом в войне между Швецией и Речью Посполитой (1656–1660 гг.), ему удалось заполучить пожизненные суверенные права на Пруссию, так что уже его сын Фридрих в 1701 г. в Кенигсберге короновался прусской короной. В ходе войны за испанское наследство и Северной войны Пруссия также расширила свои владения на Востоке (Передняя Померания, Штеттин, острова Узедом и Волин) и на Западе (Верхний Гельдерн).

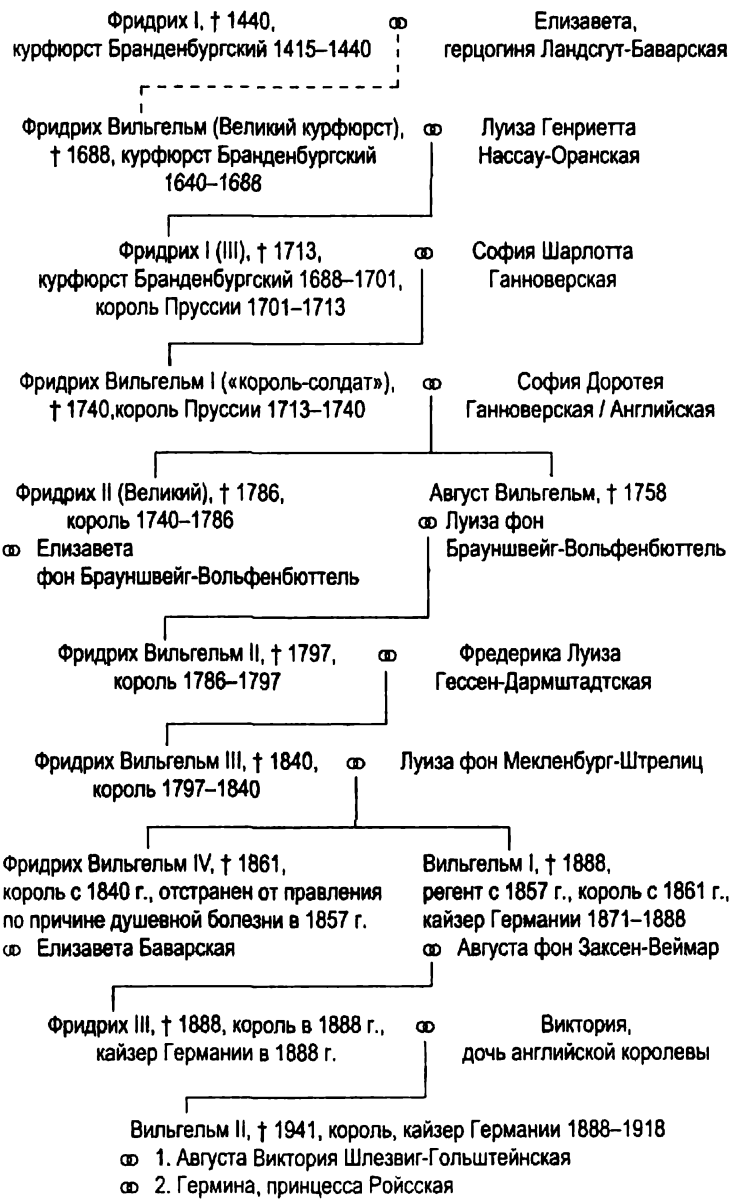
Благодаря этим приобретениям Пруссия стала самым могущественным государством на севере Германии, однако ее владения были рассеяны, и защитить их в случае войны было бы сложно. В связи с этим перед Пруссией встала необходимость, во-первых, усилить военную мощь, а во-вторых, объединить государственные территории с целью повышения обороноспособности. Наращивание военной мощи Пруссии было заслугой в первую очередь Фридриха Вильгельма I, короля-солдата, оставившего после себя наилучшим образом подготовленную и

вооруженную армию, которую сам он, однако, никогда не использовал в военных целях. Расширение государственных владений за счет завоеваний было заслугой уже его сына Фридриха II.

Впрочем, первое значимое завоевание Фридриха было связано не с воссоединением Бранденбурга и его разрозненных владений на востоке и западе, а с присоединением Силезии на юге курфюршества. Используя тот факт, что мужская линия австрийских Габсбургов прервалась, а в отношении престолонаследования по женской линии ситуация оставалась неопределенной, Фридрих, сам только что взошедший на трон, после смерти императора Карла VI в 1740 г. ввел свои войска в Силезию. Оправдывая эту войну, Фридрих тоже ссылался на права наследования: силезское герцогство Егерндорф, изначально принадлежавшее роду Гогенцоллернов, было отнято у них императором во время Тридцатилетней войны (в 1621 г.) и передано одному из императорских союзников; герцогства Лигниц, Бриг и Волау тоже по закону о наследовании должны были в 1675 г. отойти Гогенцоллернам, однако император Леопольд I, как верховный сузерен, без лишних церемоний присвоил их себе. Герцоги из династии Гогенцоллернов были возмущены таким поворотом событий, имея на это некоторые основания, однако впоследствии смирились и занялись завоеванием других областей. Таким образом, притязания Фридриха на наследство Карла VI имели под собой крайне зыбкую правовую почву, не говоря уже о том, что молниеносный захват этих областей войсками Фридриха резко противоречил имперскому праву.

Своим вторжением в Силезию Фридрих положил начало целому ряду притязаний на наследие Габсбургов. Так, несмотря на так называемую Прагматическую санкцию, изданную Карлом VI, и признание другими государствами его дочери Марии Терезии в качестве его преемницы, вокруг освободившегося престола разгорелся

Гогенцоллерны

открытый конфликт, вылившийся в войну за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Состоявший в родстве с Габсбургами курфюрст Баварский Карл Альбрехт претендовал на наследные владения Габсбургов, а курфюрст Саксонский — на остальные земли. Однако на кону было не только австрийское наследство, но, кроме того, императорский титул, носителями которого на протяжении трехсот лет были Габсбурги. Довольно скоро стало ясно, что этот спор за австрийский престол неотделим от противоречий и конфликтов между Англией, Испанией и Францией по поводу колоний и что Франция будет стараться использовать эту возможность для ослабления монархии Габсбургов и смены династии при выборе императора.

В этой ситуации курфюрсты Пруссии, Баварии и Саксонии были заодно с Францией. Карл Альбрехт Баварский в 1741 г., при поддержке французских и саксонских войск, завоевал Прагу, короновался чешской короной и в 1742 г. был избран императором. В противоположный лагерь после долгих колебаний вошла Англия, которая, чтобы сохранить равновесие сил в Европе, объединилась с Австрией. При поддержке Англии Марии Терезии удалось восстановить военное превосходство в империи и захватить Баварию. После преждевременной смерти императора из династии Виттельсбахов его преемник, Макс Иосиф, в 1745 г. в обмен на возвращенные ему баварские земли отказался от всех притязаний на габсбургское наследство и поддержал кандидатуру герцога Лотарингского, супруга Марии Терезии Франца Стефана, при избрании императора. Таким образом, императорская корона снова вернулась в Вену и оставалась там до распада Священной Римской империи у новой Лотарингской ветви династии Габсбургов.

При посредничестве Англии Фридрих II в 1745 г. признал положения Дрезденского мира, по которому Австрия за голос Пруссии при избрании императора обещала ей Силезию. Право Пруссии на владение завоеванными

территориями было подтверждено остальными европейскими державами в Ахенском мирном договоре (1748 г.), который подвел черту под международным противостоянием во время войны за австрийское наследство.

Впрочем, Ахенский договор являлся скорее соглашением о прекращении огня, нежели прочным миром. Компромисс между крупными державами по вопросу их заокеанских владений был достигнут за счет восстановления прежнего состояния, так что в скором будущем предвиделся новый колониальный конфликт. Поскольку для Габсбургов Ахенский мир был унизителен, можно было ожидать, что и на этот раз колониальные конфликты будут переплетаться с европейскими. Именно это произошло в середине 1750-х гг., когда обострились англо-французские конфликты вокруг колоний в Индии и особенно в Америке.

В 1756 г. Англия заключила с Пруссией Вестминстерскую конвенцию, чтобы не дать колониальным распрям перекинуться на английские владения внутри империи (Ганновер). Фридрих II пошел на этот союз, рассчитывая на то, что союз между давними соперниками — родом Габсбургов и Францией — не состоится. Однако граф Кауниц, влиятельный министр при Марии Терезии, руководивший внешней политикой Австрии, несколькими месяцами позже заключил соглашение с Францией. Историки назвали этот ход «дипломатической революцией», а современники — «реверсированием альянсов».

Кауниц стремился превратить австро-французский альянс в наступательный союз, в который входила бы и Россия и который был бы направлен против Пруссии. Он должен был вернуть Австрии Силезию и по сути способствовать разделу Пруссии между ее соседями. Сегодня историкам достоверно известно, что Фридрих знал об этих переговорах, а также о том, что в эту коалицию входил король Саксонский и Польский. В августе 1756 г. Фридрих вступил в Саксонию, т. е. начал превентивную

войну, чтобы помешать окончательному оформлению антипрусской коалиции и связанному с ним наращиванию вооружений.

Прусская армия на удивление удачно отражала натиск превосходящих сил противника, на стороне которого выступила также Швеция. Однако после того как английский премьер-министр Питт ушел в отставку и Пруссия лишилась и без того слабой поддержки со стороны Англии, положение Фридриха II стало критическим. В этой ситуации смерть русской царицы Елизаветы I в 1762 г. была «чудом для правящего дома Бранденбурга», поскольку привела к решительному повороту: ее преемник на российском престоле, царь Петр III из династии Гольштейн-Готторпов был большим почитателем Фридриха и сразу же заключил с ним мир. Когда в том же году власть захватила его супруга Екатерина, она сохранила нейтральную позицию по отношению к Пруссии.

После того как коалицию покинула Россия, Швеция тоже прекратила войну против Пруссии. Теперь Фридрих снова мог продолжить наступление в Саксонии и Силезии. Поскольку Англия и Франция были заинтересованы в улаживании своих колониальных конфликтов, Австрия тоже была вынуждена в конце концов пойти на перемирие, так как не могла вести войну против Пруссии *без всякой поддержки со стороны других государств.* Мир, подписанный в 1763 г. в замке Губертусбург, закреплял возврат к довоенному статус-кво. Таким образом, война, стоившая империи больших затрат и потерь, не принесла ей никаких территориальных изменений. Пруссия в этой долгой войне против превосходящих сил противника сумела сохранить за собой Силезию и значительно повысить свой престиж, окончательно закрепив за собой статус европейской державы.

Вскоре, а именно в 1772 г., этот статус Пруссии проявился при первом разделе Речи Посполитой, когда необходимо было разрешить конфликт между Россией и

Австрией. Пруссии, выступавшей на стороне России, этот раздел также принес значительные территориальные приращения. В другой раз могущество Пруссии проявилось в войне за баварское наследство в 1778–1779 гг., когда Пруссии удалось сорвать план обмена Баварии на Австрийские Нидерланды и реализовать свои притязания на наследство побочной линии династии Гогенцоллернов Ансбах-Байройт, прерванной со смертью курфюрста Максимилиана-Иосифа Баварского. В политике империи и в целом в Северо-Восточной Европе Пруссия стала главной политической силой.

Реформы под знаком просвещенного абсолютизма

Военные успехи Пруссии при Фридрихе II объяснялись в первую очередь хорошей подготовкой армии и полной казной, что, в свою очередь, было заслугой Фридриха Вильгельма I. Неудачи же Марии Терезии были следствием расстроенного положения государственных финансов, с которым она столкнулась после того, как взошла на австрийский престол. Необходимость упорядочить государственные доходы с тем, чтобы в будущем суметь защитить территориальные владения, в обеих странах, т. е. и в Пруссии, и в Австрии, была одной из главных причин интенсивных внутриполитических реформ после окончания войны за австрийское наследство.

Однако не только военная необходимость подталкивала правителей к реформам. Важным импульсом была государственная доктрина Просвещения. Власть в ней уже не рассматривалась как «милость Божья», и ее целью считалось не поддержание порядка в религиозном смысле, а способствование благополучию и «счастью» подданных в этом мире. Одновременно с этим просветители настаивали на разумном обосновании, рациональном устройстве и эффективной реализации управления,

экономики и правосудия. Поэтому именно в этих трех сферах стремление к модернизации проявилось наиболее отчетливо. Поскольку такие монархи, как прусский король Фридрих II, баденский маркграф Карл Фридрих или император Иосиф II, уделяли все большее внимание этому новому обоснованию своего господства, называя себя «первым слугой» или «первым служащим» своего государства и своих подданных, они сами же стали главными покровителями реформ и сами способствовали возникновению той формы правления, которая получила название «просвещенного» или «реформаторского абсолютизма».

После окончания войны за австрийское наследство прусский король Фридрих II продолжил политику своих предшественников, направленную на увеличение народонаселения, поскольку многочисленное население считалось основой для богатства государства, а Пруссия на тот момент отнюдь не была густо населена. Из Австрии, Пфальца и других областей империи привлекались колонисты, которые в период между 1747 и 1753 гг. селились на осушенных землях в излучине Одера. Подобные проекты осушения с целью расширения пригодных для жизни земель проводились и в других областях Пруссии.

Особое внимание в политике заселения колонистов Фридрих уделял подъему ремесленного производства. В отличие от западных провинций королевства, где в деревнях сложилось довольно развитое текстильное производство, на землях восточнее Эльбы этого не произошло в силу иных аграрных отношений. Так, в своем завещании в 1752 г. Фридрих II отмечал, что в Бранденбурге и Пруссии не хватает еще 60 000 прядильщиков шерсти. Шерстоткацким мануфактурам приходилось закупать шерстяную нить в Саксонии, из-за чего деньги понапрасну уходили за границу. Именно поэтому Фридрих начал привлекать людей из других областей и расселять их в Пруссии, с тем чтобы они работали в сфере текстильной промышленности.

Другой сферой, в которой Фридрих и многие государственные деятели в его окружении, также посвятившие себя идеалам Просвещения, проводили реформы в духе просвещенного абсолютизма, была юстиция. Здесь задача заключалась в унификации и оптимизации инстанционного порядка, непрозрачного по причине значительной самостоятельности различных территорий королевства, а также в гуманизации уголовного права (отмена пыток в 1740 г.) и создании общего гражданского права, действующего на территории всего королевства и реализующего принципы Просвещения.

Как в Пруссии, так и в Австрии судебная реформа была ядром просвещенного абсолютизма, ибо масштабные кодификации права, завершившиеся принятием Общего земского уложения в Пруссии в 1794 г. и Общего гражданского уложения в Австрии в 1811 г., по сути, являлись основным законом. Немецкий тайный советник юстиции Карл Готтлиб Сварец (Svarez), один из «отцов» Прусского земского уложения, недвусмысленно сформулировал цель законодательства как «установление таких принципов относительно справедливости и несправедливости» (обязательных и для правителей), чтобы в государствах без конституции «они могли ее в какой-то мере заменить».

Если Фридрих II в проведении реформ в своем королевстве мог опираться на относительно централизованную и модернизированную его предшественниками систему управления, то ситуация в Австрии на момент воцарения Марии Терезии была совершенно иной. Государственные финансы были в расстроенном состоянии, многочисленные разрозненные княжества не были подчинены централизованному управлению, а отдельные австрийские князья по-прежнему обладали большой властью именно в финансовых вопросах. По образцу прусской системы государственного управления в Австрии при министре графе Гаугвице также проводилась политика централизации и кардинального реформирования. В 1749 г.

был учрежден высший административный и государственный орган — директория (Directorium in publicis et cameralibus). Судебная власть была отделена от административной и передана высшему судебному органу. Однако главным результатом было исключение сословий из управления налогами и прочими финансовыми делами. Таким образом, в немецких и чешских землях власть перешла к быстро растущей и профессионализирующейся системе централизованного управления.

Еще при Марии Терезии реформирование государственной системы в Австрии продвинулось далеко вперед, а в период правления ее сына Иосифа II — уже с начала его совместного правления при жизни матери в 1765 г. и особенно после вступления на престол в 1780 г. — темпы модернизации еще больше возросли, а преобразования в духе Просвещения стали еще более радикальными. Иосиф пытался «с прямо-таки революционной решительностью в корне переделать государство и его институты в соответствии с рациональным планом» (Э. Вайс). В связи с этим появилось даже понятие «иосифизм».

Реформы Иосифа отличались стремлением к еще большей централизации управления всей монархией, в которую теперь входили Венгрия и Австрийские Нидерланды, бывшие независимыми государствами в период правления Марии Терезии. Этому сопутствовала крайне непопулярная языковая политика, направленная на внедрение во всех областях страны немецкого как единственного государственного языка. Это, как и некоторые другие меры, проводимые властью жестко и последовательно, вызвало резкое сопротивление со стороны населения.

Реформы Иосифа затрагивали не только государственную администрацию, но почти все сферы общественной жизни. В ходе последовательной реализации главного просветительского тезиса о равенстве людей были отменены налоговые привилегии дворянства и духовенства.

Кроме того, в связи с реформированием сельского хозяйства (в соответствии с теорией так называемых физиократов, полагавших, что источником национального богатства является не промышленное производство, а сельское хозяйство) в 1781 г. было отменено крепостное право. В том же году новое положение о судопроизводстве установило равенство всех перед законом, а так называемый эдикт о веротерпимости положил конец репрессиям и притеснениям по отношению к религиозным меньшинствам — в первую очередь протестантам и (с некоторыми ограничениями) также евреям — в монархии Габсбургов.

Утилитаристское мышление, свойственная реформаторской церкви ориентация на внутреннее благочестие и стремление к жесткой организации государственной церкви по протестантскому образцу в конце концов привели к конфликту между Иосифом II и католической церковью, который завершился секуляризацией семисот монастырей. Их бенефиции были отданы для улучшения положения деревенских священников и развития школьного образования в сельской местности. Посягательство на права церкви стало главной чертой иосифизма.

Темп преобразований, проводимых императором Иосифом, во многих отношениях был непосильным для жителей монархии Габсбургов, еще связанных традиционными устоями, а кроме того, вызвал сопротивление элит, лишенных своих прежних привилегий. Поэтому преемник Иосифа, его брат Леопольд II, уже создавший к моменту воцарения образцовое современное государство в своем наследном герцогстве Тоскана, был вынужден отменить некоторые реформы.

Реформы императора Иосифа по той радикальности, с которой идеи Просвещения проводились в жизнь, несомненно, являются высшим пределом реформаторских начинаний в империи. Однако Австрия и Пруссия были далеко не единственными государствами, в которых

осуществлялись программы кардинальной модернизации. В Бадене в период правления маркграфа Карла Фридриха было модернизировано сельское хозяйство, отменены крепостное право и пытки, а кроме того, многое сделано для развития школьного образования и мануфактурного производства. Веймарский герцог Карл Август покровительствовал искусству, привлек в свое государство величайших деятелей науки и искусства Германии и — будучи просвещенным князем и даже членом радикально просветительского Ордена Иллюминатов — назначил их на ключевые государственные должности. Гете был назначен министром финансов и приводил в порядок имущественные дела. Гердер реформировал систему школьного образования в герцогстве.

В отличие от Франции, которая на исходе XVIII в. оказалась неспособной к таким кардинальным преобразованиям, большинство государств, входивших в состав империи, в том числе и многие духовные княжества, были открыты для реформ и очень «прогрессивны». Это, несомненно, было одной из причин, почему идеи и идеалы Французской революции не имели в империи того взрывного воздействия, какого ожидали демократически настроенные просветители, а их в империи тоже было немало.

Конец «старой империи» и новый европейский порядок

Противоречия между Пруссией и Австрией и стремление правящих династий этих государств увеличить территорию страны за счет своих соседей, в том числе и внутри империи, были тяжелым испытанием для империи, но не привели к ее распаду. Причиной краха империи стал тот идеологический и военный вызов, который бросили ей Французская революция и впоследствии Наполеон.

В Германии, особенно среди интеллектуалов, было немало сторонников Французской революции. Они вос-

хищались ею — по крайней мере на начальной стадии — и пропагандировали воплощение республиканских идеалов свободы, равенства и братства также и в Германии. Впрочем, во время якобинской диктатуры многих отпугнула радикализация революции. Тем не менее, интенсивные контакты между французскими и немецкими демократами, которые в антиреволюционном лагере тоже часто именовались якобинцами, невзирая на их конкретную политическую позицию, поддерживались и после первого этапа революции. Позднее понятие «немецкий якобинец», обозначавшее последователя Французской революции в Германии, утвердилось и в историографии. В Майнце на волне революционных настроений даже была провозглашена республика, которая просуществовала с октября 1792 по апрель 1793 г. Она возникла под защитой, хотя и не по инициативе французских оккупационных властей, которые на завоеванных территориях дали возможность немецким якобинцам вести открытую агитацию. Правда, у крестьян окрестных деревень эта республика не вызвала большого резонанса, а иногда встречала и открытое неприятие. Влияние немецких якобинцев на широкие слои населения было, по всей видимости, не столь значительным. Поэтому вопрос о том, обладали ли многочисленные локальные крестьянские выступления, имевшие место в Германии в годы Французской революции, революционным потенциалом или же они не выходили за локальные рамки традиционных народных волнений, остается спорным в исторической науке. Не вызывает сомнений лишь тот факт, что большинство просвещенных князей отныне начали проводить гораздо более жесткую политику и, опасаясь революции, объявили войну идеям и организационным структурам Просвещения.

Стимулом и прикрытием для такой политики стала среди прочего война, которую Франция с 1792 по 1797/1798 гг. вела против Австрии и Священной Римской

империи, а также против всех остальных стран—участниц антифранцузской коалиции (война против Первой коалиции). Поводом к этой войне послужила Пильницкая декларация, подписанная императором Леопольдом II и прусским королем Фридрихом Вильгельмом II 21 августа 1791 г. В ней заявлялось, что положение французского короля затрагивает интересы всех легитимных правителей, и подтверждалось намерение поддержать Людовика XVI.

Впрочем, во Франции некоторые революционные политики желали войны по внутриполитическим причинам. Жирондист Жак-Пьер Бриссо назвал ее «национальным благодеянием». В ходе вооруженного противостояния можно было избавиться от внутренних врагов революции и объединить народ. Поэтому война, объявленная Францией 20 апреля 1792 г., особенно после введения всеобщей воинской повинности, была намеренно стилизована под «крестовый поход ради свободы во всем мире» (Бриссо). Подобная «национализация» войны оказалась чрезвычайно эффективной. Революционные войска смогли выдержать натиск превосходящих сил коалиции и благодаря этому сильно повысить свой престиж. Пруссия уже в 1795 г. вышла из состава коалиции и заключила в Базеле сепаратный мир с Францией. Отныне Австрия была вынуждена вести войну против Франции своими силами. Ее войска под командованием юного эрцгерцога Карла одержали ряд важных военных побед, однако после сокрушительных поражений, нанесенных наполеоновской армией в Италии, Австрия также заключила с Францией мир. Так же, как и Пруссии, ей пришлось уступить Франции области западнее Рейна, но взамен она получила архиепископство Зальцбург, секуляризованное в результате передачи. Империя, которая тоже объявила Франции войну в 1793 г., была вынуждена присоединиться к этому мирному соглашению. В Регенсбурге прокатилась волна протестов против условий мирного

договора, но, несмотря на это, в 1798 г. на мирных переговорах в Раштатте немецкая сторона подчинилась требованиям французов.

Уже во время переговоров в Раштатте стали формироваться политические силы, ставящие своей целью пересмотр этого мирного соглашения. В Австрии ярым противником революции был канцлер Тугут. Когда Россия и Англия также дали понять, что они готовы вступить в новую антифранцузскую коалицию, в 1799 г. началась вторая наполеоновская война (война против Второй коалиции). На этот раз Пруссия не присоединилась к коалиции и сохранила нейтралитет. Наполеон, ставший в результате государственного переворота 9 ноября Первым консулом Франции, разгромил как русские, так и австрийские войска. В 1801 г. в Люневилле был подписан мир, окончательно закрепивший передачу Франции рейнского левобережья. Лишившиеся своих владений князья должны были получить в качестве компенсации земли на правом берегу Рейна. Поскольку Наполеон соглашался вывести свои войска только в том случае, если империя тоже примет условия этого договора, рейхстаг был вынужден это сделать. По условиям мирного договора нужно было созвать имперскую депутацию из членов рейхстага, которая должна была разработать план, каким образом будут возмещены князьям конфискованные у них земли. Наполеон оставлял за собой право разрешить или запретить реализацию этого плана. В 1803 г. рейхстаг принял так называемое постановление имперской депутации, которое по сути подтверждало произошедший de facto распад империи, поскольку речь в нем шла о ликвидации 112 имперских сословий. Почти все духовные владения были секуляризованы, небольшие области, такие как имперские рыцарства и имперские города, были медиатизированы, т. е. включены в состав более крупных княжеств, таких как Баден, Вюртемберг или Бавария, которые Наполеон стремился усилить и

сделать противовесом двум главным германским державам.

Насколько далеко зашел процесс распада империи, видно из того, что император Франц II в 1804 г. провозгласил себя императором Австрии (Франц I). С одной стороны, это была реакция на предстоящую коронацию Наполеона императорской короной, но, с другой стороны, это было явным свидетельством того, что император ожидал скорого конца империи и хотел таким образом сохранить за собой императорский титул. Распад империи действительно не заставил себя долго ждать.

Война Третьей коалиции, основная тяжесть которой легла на Англию, завершилась сокрушительным поражением союзных войск в «битве трех императоров» под Аустерлицем (1805 г.) и последующей осадой Вены наполеоновскими войсками. Южнонемецкие государства — Баден, Бавария и Вюртемберг — в этой войне уже выступали на стороне Наполеона. Затем, в 1806 г. из империи официально вышли шестнадцать южно- и западно-немецких княжеств (что вообще-то не допускалось имперским правом) и подписали в Париже соглашение об образовании Рейнского союза. После этого Франц I 6 августа 1806 г. отрекся от императорского престола, уничтожив тем самым институт, который в глазах многих современников по-прежнему сохранял свое религиозно-историческое значение.

Однако не только династия Габсбургов утратила свое прежнее положение в войне с Наполеоном. После 1795 г. Пруссия придерживалась нейтральной позиции в войне против Наполеона, но через некоторое время Фридрих Вильгельм III в рамках своей абсолютно нереалистичной политики объявил войну Франции, заручившись поддержкой лишь Саксонии, Брауншвейга и Веймара. Сокрушительное поражение, нанесенное прусским войскам в битве под Йеной и Ауэрштедтом 14 октября 1806 г., стало причиной не только военного, но и политического

краха Пруссии. По условиям Тильзитского мира Пруссия потеряла земли западнее Эльбы. Наполеон превратил их в королевство Вестфалию и назначил регентом своего брата. На Востоке Пруссия также лишилась ряда областей: их Наполеон поделил между Россией и Саксонией. Репарации, которые французский император обязал выплачивать Пруссию, значительно превышали экономические возможности сильно урезанного в территориальном отношении государства. Пруссия превратилась в государство среднего значения и погрузилась в глубокий экономический и политический кризис, усугубленный континентальной блокадой Англии, объявленной Наполеоном.

Этот обусловленный внешними причинами кризис привел к тому, что внутри страны на первый план вышли оппозиционные силы и возросло давление на власть в связи с необходимостью новых реформ государственного управления, экономики и общества. Новые преобразования были связаны прежде всего с именем имперского барона фон Штейна. В 1807–1808 гг. барон фон Штейн провел реформу системы центрального управления, упразднил кабинетные советы и заменил их отраслевыми отделами. В Уставе городов, принятом в 1808 г., был заложен принцип муниципального самоуправления, однако его перенесение на сельскую почву натолкнулось на сопротивление дворянства.

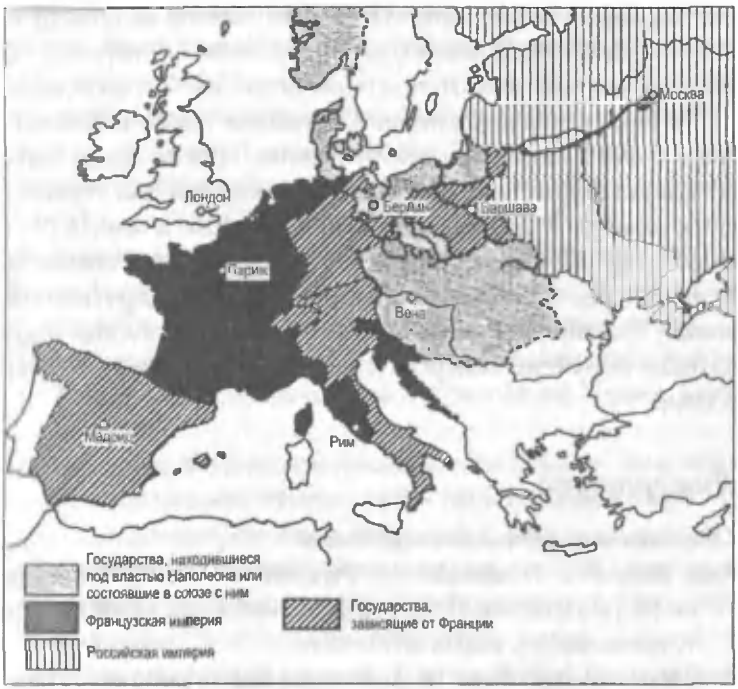
Наиболее значимым изменением в рамках «штейновских реформ» была отмена крепостного права и принудительного труда крестьян в господских поместьях. В других государствах эти изменения были проведены уже в ходе реформ просвещенного абсолютизма. Правда, в прусском эдикте не оговаривался конкретный порядок освобождения крестьян от крепостного права и трудовых повинностей, так что впоследствии это освобождение обернулось новой, теперь уже экономической зависимостью от господ («второе крепостничество»).

После того как Штейн, по настоянию Наполеона, был снят с поста министра, его начинания продолжил Карл Август фон Гарденберг: прежде всего модернизировал ремесленный устав, отменил обязательную принадлежность к цеху и в 1811 г. провозгласил свободу занятия ремеслами и промыслами. Кроме того, он провел общую налоговую реформу, в ходе которой дворянству все же удалось отстоять большую часть своих привилегий. Впоследствии Гнайзенау и Шарнгорстом были проведены важные военные реформы. Наполеон сократил прусскую армию до 42 000 человек, однако за счет досрочного увольнения в запас, нового призыва и хорошей подготовки солдат удалось существенно повысить фактическую мощь прусской армии.

Эта система оправдала себя, когда после катастрофы, которой обернулась для наполеоновской армии русская кампания зимой 1812 г., Пруссия возглавила восстание германских земель против Наполеона и стала движущей силой освободительных войн. В отличие от армии Рейнского союза, потери прусской армии были незначительными. В декабре 1812 г. Людвиг Йорк, граф Вартенбургский, самовольно вывел свой корпус из состава наполеоновских войск, что стало сигналом к началу сопротивления.

В марте 1813 г. Пруссия объявила войну Наполеону. Как и во Франции в 1792 г., в Пруссии на время войны была введена всеобщая воинская повинность. Впрочем, значение ландштурма*, по сравнению с повсеместной стилизацией освободительных войн под «народную войну», было небольшим. С огромным пафосом, апеллируя к национальным чувствам, публицисты — в частности с 1813 г. Эрнст Мориц Арндт, а до него философ Иоганн Готтлиб

* Ландштурм — призыв в армию военнообязанных запаса третьей очереди, к которому прибегают лишь в случае крайней необходимости. — *Примеч. перев.*

Европа при Наполеоне, 1810 г.; русский поход 1812 года

Фихте в своей «Речи к немецкой нации» (1808 г.) — призывали население и государства Германии восстать против Наполеона.

В то время как государства Рейнского союза все еще оставались на стороне Наполеона, Австрия и Россия, а в конце концов также Англия и Швеция присоединились к Пруссии. В так называемой «битве народов» под Лейпцигом армия Наполеона, состоявшая из 200 000 человек, не смогла одолеть превосходившие ее более чем в полтора раза силы коалиции. Во время боя вюртембергские и саксонские войска перешли на сторону коалиции. Наполеон, потерявший в этом сражении не менее трети своей армии, бежал во Францию. Союзники же продолжили

наступление, и 30 марта 1814 г. их войска вступили в Париж. Крах Наполеона был предрешен. Он отрекся от императорского престола и был сослан на остров Эльба.

Теперь, вслед за империей, распался также Рейнский союз и весь наполеоновский режим. Нужно было найти новую форму государственного порядка для германских земель. Уже заключенный в Париже в мае 1814 г. мир задал общее направление: «Государства Германии будут независимыми и объединятся в федеративный союз». Разработать концепцию этого федеративного союза было поручено конгрессу, заседавшему с осени 1814 г. в Вене.

Литература

Сборники исторических документов

Acta Borussica. Denkmäler der Preußischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. Hrsg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin 1892–1970.

Acta Pacis Westphalicae. Im Auftrag der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte hrsg. von Max Braubach und Konrad Repgen. Serie I–III. Münster 1962 ff.

Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten von 1794. Mit einer Einführung von Hans Hattenhauer und einer Bibliographie von Günther Bernert. 2 Bde. Frankfurt a. M. / Berlin 1970–1973.

Das Ende des Alten Reiches. Der Reichsdeputationshauptschluß von 1803 und die Rheinbundakte von 1806 nebst zugehörigen Aktenstücken. Bearb. von Ernst Walder. Berlin 1948.

Dietrich R. (Hrsg.) Politische Testamente der Hohenzollern. München 1981.

Die Werke Friedrichs des Großen. In deutscher Übersetzung. Bd. 1–10. Hrsg. von Gustav Berthold Volz. Berlin 1912–1914.

Klüber J. L. Acten des Wiener Congresses. 9 Bde. Neudr. d. Ausg. 1815–1835. Osnabrück 1966.

Klueting H. (Hrsg.) Der Josephinismus. Ausgewählte Quellen zur Geschichte der theresianisch-josephinischen Reformen. Darmstadt 1995.

Maria Theresia: Briefe und Aktenstücke in Auswahl / Maria Theresia. Hrsg. von Friedrich Walter. Darmstadt 1968.

Moser J. J. Neues Teutsches Staatsrecht. 20 Bde. Frankfurt / Leipzig 1766–1782. Nachdr. Osnabrück 1967/68.

Publicationen aus den Preußischen Staatsarchiven. Veranlasst und unterstützt durch die Archiv-Verwaltung. Bd. 1–94. Leipzig 1878–1928 (Teilnachdruck Osnabrück 1965–1969).

Pufendorf Samuel von. Die Verfassung des deutschen Reiches [1667], Übers., Anm. und Nachw. von Horst Denzer. Stuttgart 1976.

Quellen zum Verfassungsorganismus des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation 1495–1815. Hrsg. und eingel. von Hanns Hubert Hofmann. Darmstadt 1976.

Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der Französischen Revolutionskriege 1790–1801. Urkunden, Staatsschriften, diplomatische und militärische Acten-stücke. Ausgew, und hrsg. von Alfred Ritter von Vivenot. Bd. 1–5. Wien 1873 ff.

Quellen zur Geschichte des Wiener Kongresses 1814/1815, Vorgeschichte und Geschichte des Versuches einer europäischen Friedensordnung. Hrsg. von Klaus Müller. Darmstadt 1986.

Quellen zur kleinstaatlichen Verfassungspolitik auf dem Wiener Kongress. Die mindermächtigen deutschen Staaten und die Entstehung des Deutschen Bundes 1813–1815. Hrsg. von Michael Hundt. Hamburg 1996.

Литература

Aretin K. O. von. Das Reich. Friedensgarantie und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart 1986.

Aretin K. O. von. Das Alte Reich 1648–1806. 3 Bde. Stuttgart 1993–1997.

Bauer V. Die höfische Gesellschaft in Deutschland von der Mitte des 17. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Tübingen 1993.

Brunschwig H. Gesellschaft und Romantik in Preußen im 18. Jahrhundert. Frankfurt a. M. 1975.
Carsten F. L. Die Entstehung Preußens. Köln/Berlin 1968.
Demel W. Vom aufgeklärten Reformstaat zum bürokratischen Staatsabsolutismus. München 1993.
Dickmann F. Der Westfälische Frieden. Münster 1972.
Dipper Ch. Deutsche Geschichte 1648–1789. Frankfurt 1991.
Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München 1989.
Duchhardt H. Altes Reich und europäische Staatenwelt 1648–1806. München 1990.
Duchhardt H. Balance of power und Pentarchie: Internationale Beziehungen 1700–1785.
Paderborn 1997.
Duchhardt H. (Hrsg.) Der Westfälische Friede. München 1998. (Historische Zeitschrift. Beih. 26).
Erbe M. Deutsche Geschichte 1713–1790. Dualismus und Aufgeklärter Absolutismus. Stuttgart 1985.
Erdmannsdörffer B. Deutsche Geschichte vom Westfälischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedrichs des Großen 1648–1740. 2 Bde. Berlin 1892/93.
Fehrenbach E. Vom Ancien Regime zum Wiener Kon-gress. 3., unveränd. Aufl. München 1883.
Gestrich A. Absolutismus und Öffentlichkeit. Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 180. Jahrhunderts. Göttingen 1994.
Henning F.-W. Das vorindustrielle Deutschland 800 bis 1800. Paderborn 1977.
Hinrichs E. (Hrsg.) Absolutismus. Frankfurt a. M. 1986.
Holborn H. Deutsche Geschichte in der Neuzeit. Bd. 1: Das Zeitalter der Reformation und des Absolutismus (bis 1790). München 1970. (Amerik. Orig.-Ausg. 1959).
Klueting H. (Hrsg.) Katholische Aufklärung — Aufklärung im katholischen Deutschland. Hamburg 1993.
Kunisch J. Absolutismus. Europäische Geschichte vom Westfälischen Frieden bis zur Krise des Ancien Regime. Göttingen 1986.

Lehmann H. Das Zeitalter des Absolutismus. Gottesgnadentum und Kriegsnot. Stuttgart 1980.
Möller H. Fürstenstaat oder Bürgernation. Deutschland 1763 bis 1815. Berlin 1989.
Neuhaus H. Das Reich in der Frühen Neuzeit. München 1997.
Nitschke A. (Hrsg.) Verhaltenswandel in der Industriellen Revolution. Stuttgart 1975.
Pfister Ch. Bevölkerungsgeschichte und historische Demographie 1500–1800. München 1994.
Press V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600–1715. München 1991.
Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin 1989.
Trossbach W. Bauern 1648–1806. München 1993.
Vierhaus R. Deutschland im Zeitalter des Absolutismus (1648–1763). 2., durchges. und bibliogr. erg. Aufl. Göttingen 1984.
Vierhaus R. Staaten und Stände. Vom Westfälischen bis zum Hubertusburger Frieden 1648 bis 1763. Berlin 1984.

Юрген Ройлеке

ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1814–1914 гг.)

Общая характеристика эпохи

Одним из понятий, которое, несмотря (или как раз в силу) на свою расплывчатость, пожалуй, наиболее часто используется для общей характеристики рассматриваемой эпохи, является понятие модернизации. Если пока оставить в стороне все последующие разграничения, то в целом здесь имеется в виду «революционный, неизбежный, необратимый, глобальный, комплексный, системный, продолжительный, но состоящий из нескольких этапов, в тенденции ведущий к большей однородности и — last not least — прогрессивный процесс» (Х.-У. Велер). Германия прошла его специфическим образом — с отставанием в одно поколение от «пионера» модернизации Англии. Несмотря на критику исторической интерпретации, узко ориентированной на эту модель, концепция «модернизации» дала немало возможностей классификации и определения отдельных исторических процессов, так что и сегодня она вполне заслуживает внимания. Другие универсально-исторические понятия, такие как «капитализм», «индустриальная революция», «секуляризация», «рационализация», «вестернизация» (Т. Ниппердей), по мнению историков, не обладают той степенью общности (или бесцветности), которой должно обладать понятие, обозначающее всю многомерность изменений в период

с XVIII до начала XX в. Если привести к общему знаменателю основные направления развития немецкой истории, то получится следующая картина: вначале был проведен целый ряд преобразований в политике, экономике и структуре общества. Горизонты постоянно расширялись благодаря потоку новой информации, который порой носил лавинообразный характер. Все это заставляло людей той эпохи непрерывно переучиваться, менять свою реакцию на явления окружающего мира, искать все новые способы интерпретации и адаптации, которых не было в репертуаре правил и способов поведения, доставшемся им от прошлых поколений. То, что составляло основу отношения людей друг к другу и к созданным ими или зависящим от них институтам, пришло в движение и настолько, как им казалось, устремилось вперед, т. е. в новую эпоху (эпоху Нового времени), что вряд ли уже могло остановиться. Однако довольно скоро стало ясно, что события и процессы того времени, связанные в представлении многих людей с понятием прогресса, имели не только положительную сторону: потери, с которыми приходилось мириться как индивидам, так и коллективам (начиная от семьи и заканчивая государством), были так же «огромны», как и выгода, которую им принес прогресс.

После противоречивого подготовительного этапа и начальной фазы, уходящей своими корнями в далекое прошлое, во второй половине XIX в. началась модернизация прежде всего в общественно-экономической сфере (формирование современного классового общества и промышленного капитализма), тогда как в области политики вплоть до начала Первой мировой войны сохранялись разнообразные традиционные формы власти. Это касается в первую очередь периода, наступившего сразу после образования новой империи в 1871 г. Носителем и движущей силой процесса модернизации была главным образом буржуазия. Характерный для нее способ

«объединения в общество» пришел на смену союзу верноподданных, характерному для абсолютистского государства. На смену традиционным социальным связям пришло «буржуазное общество» как определенная система принадлежностей, оценок и интерпретаций, внешних приписываний и взаимодействий. Напряжения и противоречия, назревавшие из-за «одновременности неодновременного», т. е. *из-за разницы в динамике развития* отдельных сфер общественной жизни, широко распространенная неспособность правящих кругов этого общества идти в ногу со стремительным развитием общества, возникновение новых социальных слоев и классов — все это впоследствии привело к обострению ситуации во многих областях. При этом проблемы модернизации, которые в принципе стояли перед всеми западными индустриальными странами, в Германской империи, по всей видимости, проявились в очень короткий промежуток времени и чрезвычайно интенсивно. По крайней мере, сегодня не вызывает сомнений тот факт, что Германия времен кайзера Вильгельма, несмотря на демонстрируемую военную мощь и экономическое могущество, была крайне неустойчивым образованием. Внутренние проблемы немецкого государства можно было лишь скрыть за выставляемым напоказ национализмом и милитаризмом. *В этой ситуации многие современники надеялись*, что Первая мировая война принесет очищение и обеспечит немцам не только «место под солнцем», но и социальную гармонию и основу для национального единения внутри Германии.

В начале 1820-х гг. критически настроенный, в то время уже почти пятидесятилетний книготорговец Фридрих Пертес из Готы высказал свое наблюдение, которое чрезвычайно беспокоило его, равно как и других людей его возраста: до сих пор, отмечал он, духовные течения, нормы и ценности меняли свое направление на протяжении столетий, «а наша эпоха соединила абсолютно

Пробуждение, реакция и реформы в первой половине XIX в.

1807–1819 Реформы барона фон Штейна и барона фон Гарденберга в Пруссии.

1814–1815 Венский конгресс и основание Германского союза (Союзный акт подписан 8 июня 1815 г., Заключительный акт — 15 мая 1820 г.).

1815 *22 мая:* король Пруссии Фридрих Вильгельм III обещает народу конституцию.

26 сентября: создание Священного союза (по инициативе России, Австрии и Пруссии).

1817 *18 октября:* Вартбургский праздник немецкого студенчества в Эйзенахе.

1819 *23 марта:* поэт Август Коцебу убит студентом Карлом Зандом; вслед за этим преступлением приняты «Карлсбадские постановления» (направленные в первую очередь против демагогического движения); начало «эры Меттерниха».

1830 Июльская революция во Франции; разрозненные выступления в отдельных регионах Германии (особенно в Гессене и Брауншвейге).

1832 *22 мая:* Гамбахский праздник.

1833 *3 апреля:* попытка переворота на франкфуртской гауптвахте, за которой последовало ужесточение реакции и новые репрессии против демагогов.

1834 *1 января:* создание Немецкого таможенного союза, в котором главную роль играла Пруссия (без участия Австрии).

1837 *20 ноября:* арест кёльнского архиепископа — кульминация «церковного спора» (вокруг смешанных браков) в Кёльне.

14 декабря: акция протеста, организованная семью геттингенскими профессорами против нарушения конституции ганноверским королем Эрнстом Августом («Геттингенская семерка»).

1839 *9 марта:* в Пруссии принят закон о защите детей («Королевская фабричная директива», ограничивающая эксплуатацию детского труда) — первое начинание в области социальной политики в Германии.

1840 *7 июня:* смерть Фридриха Вильгельма III; королем Пруссии становится Фридрих Вильгельм IV.

1844 *Июнь:* восстание ткачей в Силезии.

15 августа: открытие выставки Немецкого таможенного союза в Берлине.

Октябрь: основание Всеобщего германского рабочего союза.

1847	*3 февраля:* Указ об учреждении объединенного ландтага в Пруссии. *12 сентября / 10 октября:* съезд представителей южно- и западногерманских либеральных движений (Оффенбург и Геппенхайм).
1848	*Февраль:* публикация «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.
1848/1849	*Март:* революция в Вене и Берлине; «мартовские» либеральные правительства в Германии. *18 мая 1848 г.:* начало работы Немецкого национального собрания в церкви св. Павла во Франкфурте-на-Майне. *28 марта 1849 г.: принятие конституции Германии; одновременно* с этим укрепление традиционной власти; поражение революции.

несоединимое в трех, одновременно живущих в это время поколениях». Немыслимые контрасты 1789 г. и 1815 г. не разделял никакой переходный период; поэтому казалось, что они не следуют друг за другом, а «сосуществуют в живущих в это время людях — в дедах, отцах или внуках». В фабричном производстве, которое бурно развивалось в некоторых регионах Германии и превозносилось некоторыми современниками как основа прямо-таки райской жизни в будущем — основа «буржуазного добропорядочного счастья» (Юстус Грунер), прозорливый Пертес видел «погибель для нашего характера, наших нравов и нашей силы». И он оказался прав: его мир, построенный на традиционных отношениях, т. е. важная часть всей культурной системы «сословного общества», начал все стремительнее разрушаться, хотя консервативные силы неоднократно пытались остановить несущийся поток перемен.

Если понимать общество не как конкретный институт (наряду с государством или в диалектическом единстве с ним) и не как своеобразную структуру, дополняющую власть, экономику и культуру (Х.-У. Велер), а как специфический способ проживания людьми отношений друг с другом в тех или иных обстоятельствах эпохи и исторических пространствах, как способ нахождения соответст-

вующих правил и критериев для упорядоченного общения и выстраивания или организации разнообразных «взаимодействий», то сжатый до нескольких десятилетий переход в «современную эпоху», помимо отдельных революционных событий, по своей сути и именно с точки зрения испытаний для человеческой души и ума был революционным процессом. На смену совместной жизни людей по принципам сословного общества и в рамках тесно с ними связанной абсолютистско-легитимистской системы правления пришли идеалы равноправия, буржуазная эмансипация, стремление к личному счастью, растущие возможности партиципации, «современные» образы жизни, «субъективность» и так далее. Данный процесс протекал противоречиво, и зачастую именно эта противоречивость и ее последствия делали его заметным для современников. Во многих людей он вселял неуверенность, навязывая им новые ориентиры и модели поведения, которые они должны были соотносить с до сих пор им незнакомой ценностной иерархией, но одновременно он высвобождал как никогда много энергии, которая тратилась как на отрицание, так и на поддержание нового порядка.

Впрочем, воздействие событий, определивших начало модернизации, а именно политических революций в Америке и во Франции, а также промышленного переворота в Англии, на жителей большинства немецкоязычных государств было опосредованным, вторичным и постепенным. Гораздо более непосредственными и ощутимыми были для немцев последствия войн между революционной Францией и антифранцузской коалицией, заключения имперской депутации, принятого в 1803 г., политической реструктуризации на западе Германии (создание Рейнского союза в 1806 г.). Особенно сильное влияние на немецкое общество оказал период, когда у власти в Германии находились французы, т. е. до 1812 г. (начало русского похода Наполеона) и освободительных войн 1813–1815 гг.

Эта богатая различными потрясениями четверть века завершилась Венским конгрессом. Характер войны против Наполеона изменился уже тогда, когда на сторону союзников 12 августа 1813 г. перешла Австрия: с этого момента прежняя цель — освобождение — все больше отступала на задний план, уступая место новому устремлению, на котором особенно настаивал государственный канцлер Австрии Меттерних. Речь шла о восстановлении равновесия сил в Европе, существовавшего при Ancien Régime. Этой цели должен был служить конгресс, торжественно открытый 18 сентября в Вене после поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом (16–19 октября 1813 г.) и заключенного в Париже (первого) мира (30 мая 1814 г.). Меттерних взял на себя обязанности председателя и позаботился о том, чтобы побежденная Франция не была изгнана из числа ведущих европейских держав. Глава французской делегации принимал равноправное участие в переговорах пяти великих держав, которые — игнорируя мнения средних и мелких государств — с одной стороны, определяли территориальное переустройство Европы, а с другой стороны, создавали новое политическое образование на территории бывшей Священной Римской империи германской нации, а именно Германский союз (см. ниже). Существовавшие до 1792 г., в первую очередь крупные германские государства были — за некоторыми немаловажными исключениями — восстановлены в своих прежних границах, а сверженные Наполеоном династии вернули себе свое положение, причем был восстановлен старый принцип, легитимирующий монархию: князь «милостью Божьей». Назовем лишь несколько территориальных изменений, имевших большие последствия в будущем: Россия получила большую часть Польши; Пруссия утратила почти все свои владения в Польше, но зато получила Северную Саксонию, а, кроме того, за Пруссией было признано право на обширные территории в Вестфалии и прирейн-

ской области; Австрия отказывалась от своих владений в Нидерландах (Бельгии), но зато сохраняла за собой завоеванные Зальцбург, Ломбардию, Венецию и Галицию. Возникло новое Нидерландское королевство, а Швейцария была признана «навечно нейтральной страной».

Если государственные мужи были заинтересованы главным образом в «реставрации» и предотвращении любых попыток революции, то жители Германии с надеждой ожидали от Венского конгресса трех вещей: мира, единства и свободы. Их надеждам не суждено было сбыться: хотя в течение последующих пятидесяти лет крупных войн не было, мечты о более либеральной конституции и национальном единстве не воплотились в жизнь. Также усугублялись социальные противоречия и разлад внутри страны. Правда, до окончательной победы над Наполеоном многие немецкие князья, желая сплотить своих подданных в борьбе против Франции и усилить их готовность к сопротивлению, обещали населению конституцию, т. е. гарантированные возможности участия в политической жизни. Так сделал, в частности, прусский король Фридрих Вильгельм III 22 мая 1815 г. Однако после Венского конгресса далеко не все были готовы сдержать свои обещания. После 1818/1820 гг. Майнская линия* разделила государства, предпринимавшие первые шаги в направлении конституционализма, несмотря на сохранение в целом монархической формы правления (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт), и те государства (прежде всего Пруссию и Австрию), в которых не наблюдалось никаких подвижек в направлении народного представительства. Впоследствии на юге, а особенно на юго-западе Германии все же сложилось либеральное политическое движение, более того — оно получило представительство в выборных парламентах.

---

* Условная граница между Южной и Северной Германией по реке Майн. — *Примеч. перев.*

Передел Европы в результате Венского конгресса в 1815 году

Помимо революции 1848/1849 гг. и первого общегерманского парламента (Франкфуртское национальное собрание) это имело и другие многообразные последствия для более отдаленного будущего, в частности, привело к образованию различных политических «поясов» в Германии. И хотя политические права граждан были еще очень ограниченными, а преобразования проводились князьями крайне медленно и неохотно и мыслились скорее как стратегический ход, предотвращавший более радикальные требования, нежели как вступление в новую политическую эпоху, тем не менее, общее направление уже было задано. Была подготовлена почва для борьбы, под эгидой которой прошел весь XIX в., — борьбы за политическое равенство всех граждан и законное народное представительство.

Однако пока решающую роль в политической судьбе государств на территории бывшей Священной Римской империи германской нации, прекратившей свое существование в 1806 г., играл Германский союз. Он состоял из 41 суверенного государства (включая четыре вольных города), которые объединились на Венском конгрессе с целью обеспечения внутренней и внешней безопасности Германии и сохранения независимости отдельных германских государств (§ 2 Союзного акта). На первый взгляд прогрессивная рекомендация о введении конституции, содержавшаяся в Союзном акте и адресованная государствам—членам Союза (§ 13), через некоторое время была лишена своего изначального смысла. Дело в том, что официальная интерпретация этой рекомендации предполагала, что вся государственная власть и в дальнейшем должна была исходить от верховного главы государства. Это должно было придать новую силу старой легитимирующей теории, согласно которой неограниченное господство князя было предопределено милостью Божьей. С этой реставрационной целью Союза была связана другая цель — солидаризация. Для реставрации

монархической власти и противодействия противоположным течениям все князья, которые сохранили свой статус после постановления имперской депутации и территориальных изменений и переустройств, т. е. по-прежнему являлись князьями на момент проведения Венского конгресса, заверили друг друга во взаимной поддержке. В случае необходимости эта поддержка могла также принимать форму военной помощи. Последующие десятилетия показали, что Германский союз черпал свою силу прежде всего в этой оборонной функции, а не в активной, позитивно ориентированной и интеграционной политике. Решение этих задач было передано отдельным государствам, которые либо развивали реформаторские инициативы, либо не предпринимали никаких шагов в этом направлении, что и создавало характерную для эпохи ситуацию «одновременности неодновременного». До окончательного разрешения проблемы полвека спустя (основание Германской империи в 1871 г.) к этому еще добавлялась такая расстановка сил на международной арене, которая создавала дополнительные препятствия для политической модернизации Германии. С одной стороны, на Венском конгрессе отношения в Центральной Европе были выстроены по принципу равновесия сил, что соответствовало интересам пяти великих держав («пентархия» России, Англии, Пруссии, Австрии и Франции), но, с другой стороны, Меттерних, бывший Spiritus rector* конгресса, стремился за счет создания Германского союза направить дальнейшее развитие в сторону австрийского господства в Германии. Такая политика неизбежно должна была натолкнуться на сопротивление со стороны Пруссии, поскольку с середины XVIII в. соперничество между двумя важнейшими немецкими государствами непрерывно набирало обороты. И хотя несколько десятилетий после 1815 г. по праву называются

* Духовный вождь (*лат.*). — *Примеч. перев.*

«эрой Меттерниха», все же именно ситуация конкуренции при выжидательной позиции соперников определяла политический климат в Германском союзе — особенно после того, как уже в самом начале провалилась робкая попытка послов некоторых второстепенных государств уравновесить две великие немецкие державы третьей силой, т. е. создать триадную структуру.

Это противостояние на высшем политическом уровне воспринималось далеко не всеми жителями государств-членов Германского союза. Большинство населения немецких государств по-прежнему (и в основном еще долгое время) не выходило за пределы крайне суженного горизонта верноподданничества и аграрных форм жизни. Лишь немногие восприняли политические изменения как непосредственный повод для переоценки и конкретных действий. Правящим князьям и их высшим чиновникам, а также дворянству, чье положение изменилось после Венского конгресса, противостояла новая, «инфицированная» просветительскими и либеральными идеями буржуазия, которая отделилась от традиционной сословной буржуазии, объединилась вокруг индивидуальных достижений и образования и сделала своим девизом разум, благочестие и веру в прогресс. Буржуазия формировалась из торговцев, людей с университетским образованием, свободной и служащей интеллигенции. Она активно использовала созданные во второй половине XVIII в. формы и средства коммуникации (начиная с «нравоучительных еженедельников» и журналов и заканчивая патриотическими союзами и обществами чтения) для интенсивного духовного обмена и самоутверждения. Все больше городов, где до сих пор за высокой городской стеной царили стагнация и безразличие, отныне, под влиянием этой новой буржуазии, превращались в «открытые буржуазные города». Внешним признаком этого процесса было то, что во многих городах сносили городскую стену, убирали ворота и засыпали городской

ров. Впрочем, необходимо учитывать и тот факт, что, например, в Пруссии в 1815 г. немногим более двадцати пяти процентов населения проживало в населенных пунктах, имеющих статус города, но во многих таких городах численность населения не превышала 1000 человек, вследствие чего для повседневной жизни горожан был характерен деревенский, «полуаграрный» или в лучшем случае мелкобуржуазный уклад. По сути новая буржуазия играла важную роль только в университетских и промышленных городах, а также в тех городах, где размещалась княжеская резиденция и администрация. Кроме того, в некоторых регионах Германии, например, в прусском графстве Марк, существовала очень инициативная сельская буржуазия (примером может служить Фридрих Гаркорт), которая активно вмешивалась в дискуссию об установлении либеральных отношений в политике и экономике.

Многие представители этой «образованной буржуазии», в особенности те, кто принадлежал к молодому поколению, восприняли политические решения Венского конгресса как крушение своих надежд на расширение свобод и равенства, на создание более либеральных политических структур и национальное единство. Однако если большинство критиков из буржуазной среды, учитывая властный потенциал реакционных сил, воздерживались от протестов — если не считать различных петиций с требованиями конституции — и в целом смирились с этой ситуацией, то в кругу студенческой молодежи произошло два знаменательных события, косвенно ускоривших формирование полицейского государства в Германском союзе. Вартбургский праздник, который планировалось провести в память об обнародованных ровно 300 лет тому назад лютеровских тезисах и о победе над Наполеоном четырехлетней давности, вызвал мощный политический резонанс и возмущение у идеологов Германского союза. Причиной этого были произнесенные

на празднике речи, демонстративное сожжение книг, во время которого в огонь были брошены также прусская гвардейская шнуровка, гессенская коса и австрийская капральская палка, и изданные уже после праздника «Принципы и постановления». Однако в еще большей степени, чем этот праздник, поводом для решительных действий со стороны реакционных правительств послужило покушение на поэта Августа Коцебу, совершенное 16 месяцев спустя студентом Карлом Зандом. За Августом Коцебу закрепилась слава реакционера и русского шпиона. Вскоре после того, как он был убит, в августе 1819 г., министры государств, входивших в Германский союз, подталкиваемые Меттернихом к самым решительным мерам, разработали Карлсбадские постановления. 16 сентября 1819 г. федеральное собрание их утвердило. Законы об университетах и цензуре, закон о создании центральной следственной комиссии для предотвращения антигерманских «происков» и новый порядок исполнения судебных решений привели к тому, что у Союза появились разнообразные возможности вмешиваться во внутренние дела отдельных германских государств. В немецкой политике начался период «кладбищенской тишины». Он продлился около двадцати лет — с перерывом в начале 1830-х гг., когда под влиянием Июльской революции 1830 г. во Франции германские власти были вынуждены пойти на некоторые уступки.

В отличие от политической жизни, которая в целом находилась в состоянии стагнации, экономическая, а вместе с ней и социальная сфера переживали период развития и за тридцать лет, прошедших после Венского конгресса, разными путями породили соответствующие «движения». Импульсом к этому послужили не столько новые политические идеи и несбывшиеся надежды на конституцию, сколько серьезное, превосходящее все предыдущие кризисы ухудшение условий жизни стремительно растущей части также постоянно увеличивающегося населения.

У этого процесса были разнообразные причины: начиная с того, что после снятия наполеоновской континентальной блокады немецкий рынок был наводнен дешевыми — благодаря машинному производству — товарами из Англии (прежде всего текстильными изделиями) и заканчивая (отчасти непредвиденными) последствиями различных преобразований, прежде всего прусских реформаторов, сплотившихся вокруг Штейна и Гарденберга. Последние стремились, по словам Штейна, достичь мобилизации «сил и капитала», для чего были изданы законы о свободе выбора профессии и занятия ремеслом, даровано право на свободу передвижения и вступления в брак (в том числе для низших слоев), и так далее. К изменениям традиционного сословного строя, структуры ремесленного производства (в частности, вследствие ликвидации цехов) и аграрных (феодальных) отношений привели в первую очередь аграрная, ремесленная и финансовая реформы. Они должны были, с одной стороны, пробудить личную инициативу и обеспечить большую экономическую свободу индивидов, а с другой стороны, устранить многочисленные феодальные и административные барьеры и повысить налоговые поступления в государственную казну. При этом последующие попытки вмешаться в начавшиеся процессы уже не могли повлиять на ход реформ. Чтобы как-то упорядочить и обобщить все многообразие причин «пауперизации», воспринимавшейся современниками как основная угроза всему их жизненному миру, историками были найдены следующие понятия для обозначения трех важнейших составляющих этого процесса. Это, во-первых, понятие «декорпорация», означающее исчезновение традиционной сословной стабильности и порядка при отсутствии признаков формирования нового социального устройства; «диспропорционирование» — количественный рост низших слоев, прежде встроенных в сословную иерархию и таким образом «укрощенных», по сравнению с дру-

гими социальными слоями; и, наконец, понятие «деморализации» (*или «падения нравов»*), *основанное на наблюдении* современников, полагавших, что в результате мобилизационных процессов те нормы, которые задавали ориентиры и придавали смысл жизни, а сами в свою очередь устанавливались и контролировались церковью, общиной, профессиональной корпорацией или семейным союзом, теперь если не исчезли окончательно, то все же перестали быть строго обязательными для всех. И если государство не хотело с самого начала лишить себя шансов на дальнейший «прогресс», нужно было лицом к лицу встретиться с опасностями, связанными с этими процессами, и бороться с пауперизацией широких слоев населения. На деле это означало, что новое, еще только появляющееся «сословие бессословных» — пролетариат — необходимо было либо укротить при помощи полиции, либо «поднять» в материальном и духовном плане при помощи социальных реформ, с тем чтобы интегрировать их в буржуазное общество, либо привлечь новый класс как общественную силу, осознающую свое могущество, с тем чтобы установить абсолютно новый строй. Таковы были три главные стратегии того времени, и, соответственно, в будущем открывались три перспективы: реставрация (реакция), реформы или революция.

Впрочем, последнее, радикальное движение встретило отклик лишь в очень узком кругу ранних социалистов и среди членов кружков немецких эмигрантов и подмастерьев в Париже и Лондоне. В этом контексте зимой 1847/1848 гг. Карл Маркс и Фридрих Энгельс написали «Манифест коммунистической партии», призывавший «пролетариев всех стран» объединиться и совершить революцию. В отличие от ситуации в Англии, в государствах Германского союза главным было противостояние между консервативными защитниками статус-кво с их полицейскими мерами и сторонниками уже зарождавшегося в буржуазной среде социального реформирования,

причем линия фронта проходила через ту группу, которая до мартовской революции 1848 г. считала себя связующим звеном между инертным государством, с одной стороны, и пришедшей в движение буржуазной общественностью, с другой. Речь идет о чиновничестве. Помимо большого числа чиновников, остававшихся верными слугами своих абсолютистских господ, было немало таких, которые представляли «чиновничий либерализм», но при этот по-прежнему мыслили в старых категориях общего блага. Продолжая начатое в годы прусских реформ, они, в тесном взаимодействии с либеральной образованной и состоятельной буржуазией, выступали с различными инициативами, направленными на уменьшение государственной опеки, устранение социальных проблем силами самого общества, создание социальных учреждений и в первую очередь социальных союзов, которые, помимо материальных улучшений, должны были создать возможности для представления интересов и участия в политической жизни «рабочего класса». Реакционные правительства не могли, несмотря на существовавшие законы о цензуре, воспрепятствовать дискуссиям на эти темы, развернувшимся на страницах многих журналов и брошюр. К концу 1830-х гг. в Германии (в контексте так называемого «церковного спора» в Кёльне, когда проблема смешанных браков стала поводом для дебатов об отношении прусского государства к католической церкви, а также в связи с акцией протеста так называемой «геттингенской семерки» — семи почтенных профессоров, бесстрашно выступивших против нарушения конституции королем) уже сформировалось общественное мнение, с которым приходилось считаться и правительству: в связи с бурным развитием прессы в это время и распространением через нее актуальных политических новостей говорили даже о «печатной революции» (Т. Ниппердей). Поэтому в 1840-х гг. началась новая, третья фаза подъема либерализма, которую уже нельзя было остановить так

же легко, как подобные всплески после Венского конгресса или во время событий в Германии, произошедших под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции (например, Гамбахский праздник и нападение на франкфуртскую гауптвахту). Противоречивая политика Фридриха Вильгельма IV, вступившего на прусский престол в 1840 г., еще больше усилила натиск реформаторов из буржуазной среды. Два одновременных события лета 1844 г. явили вниманию общественности две диаметрально противоположные тенденции. Это, во-первых, имевшая колоссальный успех выставка Таможенного союза в Берлине, проведенная в память об удавшемся эксперименте, который начался десять лет назад и заключался в создании единой национальной экономики Германии (без участия Австрии) в соответствии с принципами либерализма. Основным экспонатом выставки был первый паровоз немецкого производства. На его примере фабрикант Борзиг хотел показать, что немецкие предприниматели уже вполне могут конкурировать с английской промышленностью. Вторым событием стало восстание силезских ткачей, вспыхнувшее в результате спонтанного протеста против стремительно прогрессирующего обнищания, а также против жестокого, отчасти циничного поведения владельцев фабрик и скупщиков ремесленных товаров. Восстание было сразу же жестоко подавлено органами власти при использовании армии. Многие представители отчасти патриархально, отчасти либерально настроенной буржуазии, видевшие противоречие между хорошими перспективами развития еще молодой немецкой промышленности и жалким положением кустарных ремесленников (которые прежде могли вести довольно обеспеченную жизнь), пытались принять меры по оказанию помощи и поддержке социальных инициатив в Силезии и других областях Германии (например, в Минден-Равенсберге). Однако очень скоро они были приостановлены правительством, что особенно отчетливо наблю-

далось в Пруссии. В правящих кругах царил страх перед свободными союзами, так как они могли подорвать авторитет государства. Даже акционерные общества, которые в начале 1840-х гг. объединились для финансирования дорогостоящих проектов в области железнодорожного строительства, что само по себе было примечательным нововведением, какое-то время считались рассадниками опасных идей. В конце концов, обнаружение небольших коммунистических кружков дало министерству внутренних дел повод для запрета союзов помощи трудящимся. Тогда многие, поначалу лояльные к государству, а теперь разочаровавшиеся в нем представители буржуазии поняли, что существующая власть не желает допускать проведения необходимых реформ с целью оздоровления все более неустойчивой системы и тем самым напрямую способствует эскалации социальной напряженности. Отныне все больше людей из числа либеральной, ориентированной на социальные реформы буржуазии и чиновничества стали задумываться об изменении политического строя и установлении конституционной монархии. Они надеялись, что это позволит предотвратить социальную революцию благодаря взаимодействию всех общественных сил во главе с буржуазией. В связи с формированием такого «предреволюционного сознания» определенное значение имел и тот факт, что оппозиционное движение буржуазии довольно рано раскололось на два лагеря: либеральный лагерь, который, помимо требования конституции, настаивал главным образом на экономических и умеренных социальных реформах, и гораздо более радикальный демократический лагерь, который выдвигал в основном политические лозунги, требуя всеобщего избирательного права, подотчетности министров, демократизации правосудия.

Несмотря на подобные настроения и неоднократные проявления «подводных социальных течений» в голодных бунтах в связи с неурожаями и частыми подорожа-

ниями продуктов питания, мартовская революция 1848 г. была в равной мере неожиданной как для правительств, так и для буржуазной общественности. Ни та, ни другая сторона не была готова к такому повороту событий. Многие идеологи предреволюционной оппозиции стали «революционерами поневоле» (Т. Шидер). И опять-таки толчком, который привел в движение социальную систему, были внешние события, а именно февральская революция 1848 г. во Франции. Правда, на этот раз дело не ограничилось разрозненными выступлениями, как это было в 1830 г. Готовность к политическим действиям (обусловленная, впрочем, самыми разными причинами) охватила множество людей в городах и деревнях и вынудила правительства пойти на уступки и буквально капитулировать перед так называемыми мартовскими требованиями (свобода собраний и печати, всеобщее равное избирательное право, всеобщее вооружение, выборы Национального собрания и так далее). Однако изначальные «радужные мечты» революционеров очень быстро улетучились, а охватившая всех «эйфория от свободы» продлилась недолго. Очень скоро разгорелся спор вокруг целей революции: одни считали, что достаточно уже достигнутых политических успехов, а другие решительно настаивали на необходимости социальной революции. За это время консервативные силы, которые поначалу казались буквально парализованными, снова окрепли и стали готовиться к контрреволюции. Им благоприятствовало то обстоятельство, что некоторые значимые группы, поначалу активно участвовавшие в перевороте, теперь отошли на задний план или же начали отдаляться от революционных идеалов. К примеру, крестьяне довольно быстро добились всего, чего хотели; им было важно завершение аграрных реформ, а не свержение правящей власти. Многие представители буржуазии восприняли забастовки и беспорядки, происходившие в городах летом 1848 г. уже не столько под лозунгом «за свободу

печати» (Pressfreiheit), сколько ради «свободы пожрать бы» (Freßfreiheit), как угрозу личной безопасности и общественной стабильности. Они приветствовали созыв Национального собрания во Франкфурте и парламентов в отдельных германских государствах, но вместе с тем хотели, чтобы как можно скорее установилась сильная государственная власть. По мере того, как улетучивались надежды на формирование немецкого национального государства, они теряли веру в успех Национального собрания, заседавшего в церкви св. Павла во Франкфурте. Тем не менее, этому первому общегерманскому парламенту удалось — с незначительным большинством голосов «за» — уже 27 марта 1849 г. принять весьма демократичную конституцию с разработанным незадолго до этого перечнем основных прав. Однако контрреволюционные силы, прежде всего правительства Пруссии и Австрии, к тому времени уже окрепли и вовсе не собирались подчиняться решениям Национального собрания. Ко всему прочему Фридрих Вильгельм IV отклонил предложение стать императором и лишил тем самым задуманное немецкое национальное государство одновременно главы и основы. Остальное довершило военное вмешательство. В итоге во всех германских государствах спущенные сверху конституции с очень ограниченными правами заменили демократические проекты революционного времени.

Таким образом, если исходить из наиболее радикальных целей революции и наиболее радужных ожиданий в самом ее начале, революция потерпела поражение — причем не только в Германии и Австрии, но и в остальных европейских государствах, переживших революцию. Причины этого были самыми разными, и свести их к единому знаменателю, как это делали в первую очередь интерпретаторы социалистического толка, вряд ли возможно: различные реформаторские и революционные движения были не в состоянии решить те многочисленные

и чрезвычайно комплексные проблемы, которые стояли перед обществом; к этому добавлялись также внутренние противоречия этих движений, поскольку главными характеристиками «всех политических течений [были] модернизационный потенциал, сдерживающие элементы и ориентированные на прошлое цели» (Д. Лангевише).

Несмотря на то что поражение или несчастливый конец революции (как писал Генрих Гейне: «Революция — это несчастье, но еще большее несчастье — неудавшаяся революция») на протяжении последующих почти ста лет постоянно использовалось реакционными политическими кругами и различными идеологами как доказательство политической несостоятельности немецкой буржуазии и незрелости народных масс, а воспоминание о событиях 1848/1849 гг. вытеснялось из общественного сознания или намеренно искажалось, все же нельзя недооценивать заложенные революцией основы немецкой демократической традиции и будущего социального государства. Коренные политические изменения действительно последовали лишь очень нескоро, однако 1850-е гг. стали новой — после 1810–1820 гг. — фазой поступательного развития и, несмотря на отдельные регрессивные тенденции (особенно отчетливо проявившиеся в форме политической реакции в государствах восстановленного Германского союза), дали людям новые импульсы для постепенного преодоления упомянутых выше испытаний «современности». В современной исторической науке двадцать лет до момента основания империи в 1871 г. и вступления Германии в фазу интенсивной индустриализации считаются одним из самых «важных и динамичных периодов новейшей истории» (Р. Рюруп).

При этом сознательно устанавливаемые новые ориентиры развития противостояли многочисленным адаптационным задачам, с которыми неизбежно приходилось сталкиваться людям той эпохи. В целом для послереволюционной эпохи, по сравнению со смелыми ожиданиями

марта 1848 г., была характерна «реальная политика», когда рациональная оценка того, что действительно можно сделать, и необходимость подстраиваться под обстоятельства были возведены в принцип. Началась эпоха буржуазного реализма, на долгие десятилетия определившая особенности мышления, действия и жизненного уклада. Любая, хоть как-то проявлявшая себя политическая оппозиция подавлялась методами полицейского государства; отношения внутри Германского союза в целом находились в состоянии стагнации вследствие дуализма Пруссии и Австрии, сознательно форсируемого представителем от Пруссии в бундестаге Отто фон Бисмарком; в европейских войнах 1850-х гг. (Крымская и Итальянская война) правительства германских государств сохраняли нейтралитет. В это время в экономике, науке и технике продолжалось интенсивное развитие уже заложенных прежде основ будущего индустриального общества. И если в политической сфере самосознание буржуазии, особенно либеральной, пострадало, то в этих областях деятельности были все основания для веры в прогресс. Образованные представители буржуазии занимали ключевые позиции в системе правосудия и медицине, в области культуры, образования, искусства и управления и удовлетворяли спрос на экспертное знание, квалифицированные услуги и разного рода смысловые конструкции. Характерный для образованной буржуазии стиль жизни, ее культурные приоритеты, ее список добродетелей, ее поведенческие нормы (к примеру, в семейной жизни), ее понимание социальных ролей мужчины и женщины в общественной и частной жизни, наконец, ее «изобретение» этой самой особой частной сферы с ее специфическим распределением ролей и ритуалами (буржуазное Рождество) постепенно становились образцом для всего общества. Одна из причин этого заключалась в том, что буржуазия доминировала в системе школьного и профессионального образования и благодаря этому опреде-

ляла содержание той легитимирующей системы, которая создавалась в образовательных учреждениях. Поначалу между владетельной (Besitzbürgertum) и образованной буржуазией (Bildungsbürgertum) не было четкой границы, и эта объединенная буржуазия способствовала тому, чтобы ее «культура» была представлена также визуально: строительство оперных и драматических театров, музеев, памятников и так далее осуществлялось уже не по поручению правящих князей или меценатов из числа дворян, а все чаще из стремления владетельной и образованной буржуазии создать в городах культурные центры и расставить эстетические акценты. Прусское городское уложение 1808 г., принятое правительством Штейна и усовершенствованное в последующих законах начала 1830-х и 1850-х гг., а также схожие уложения в других германских государствах предоставили именитым горожанам из третьего сословия довольно обширное пространство для самовыражения без влияния на государственную сферу, которым они не преминули воспользоваться: ими были построены многочисленные «храмы искусства», парадные ратуши, дворцы правосудия, вокзалы и тому подобные функциональные здания, но также роскошные частные дома на главных улицах. Кроме того, была рационализирована традиционная система социального обеспечения (показательным примером может служить появившаяся в 1850-х гг. так называемая Эльберфельдская система) и институционализирована «полицейская служба» для поддержания общественного порядка. Однако с середины XVIII столетия в старых торговых и ремесленных городах, равно как и в тех городах, которые изменились или даже возникли в процессе индустриализации, стали накапливаться социальные и санитарно-гигиенические проблемы, которые уже невозможно было решить только за счет насильственных действий или строгих административных мер в разраставшихся бедных кварталах. «Отцы города» — сначала, скорее, под

давлением обстоятельств, нежели предвидя и планируя будущую ситуацию, — предприняли ряд мер, которым позднее было дано название системы коммунальных услуг и социального обеспечения. К традиционным задачам (полиция, пожарная служба, забота о бедных) добавились новые, связанные с новыми технологиями или требующие внедрения таковых. Еще в 1840-е гг. в некоторых городах было налажено централизованное газоснабжение, позволившее сначала улучшить освещение, а впоследствии использовавшееся для приготовления пищи и отопления в частных домах и на промышленных предприятиях. Следующим шагом стало строительство канализации для отвода бытовых сточных вод и фекалий, и, наконец, в начале 1870-х гг. было налажено централизованное снабжение питьевой водой. Устройство скотобоен и скотных дворов, надзор за кладбищами и уборкой улиц тоже в значительной степени вошли в компетенцию государства. Все эти меры, как правило, носили уже оборонительный характер и были вызваны опасениями за общественное здоровье, поскольку эпидемии холеры доказали, что антисанитарные условия в бедных кварталах представляют угрозу для всего города. Впрочем, в последнюю треть XIX в. появились и другие мотивы: стремительно возросший штат муниципальных чиновников (состоявший главным образом из специалистов, назначенных «городскими мужами», которые сами работали на общественных началах и хотели таким образом снять с себя часть нагрузки) открыли для себя город в качестве пространства для самореализации и строительства городских сооружений, а перевод функций, прежде выполнявшихся частными предприятиями, в сферу муниципального правления они рассматривали как возможность расширить свою компетенцию, заработать от продажи услуг и включить вырученные деньги в городской бюджет в качестве дополнительной статьи доходов.

От революции 1848/1849 г. до основания империи в 1871 г.

1850–1858	Начало нового реставрационного периода: «пересмотренные» конституции, строгие законы об объединениях и так далее.
1850	*29 ноября:* Ольмуцкое соглашение, восстановление Германского союза.
1851	*1 сентября:* во Франкфурте снова начал работу бундестаг (депутат от Пруссии — Отто фон Бисмарк).
около 1853	Эмиграция немцев за океан (в Северную и Южную Америку) достигает своего максимума. Начинает формироваться муниципальная система социального обеспечения и поддержки («Эльберфельдская система). Начало индустриализации в Германии (стремительное развитие Рурской области).
1858	Начало «новой эры» в Пруссии (в связи с недееспособностью Фридриха Вильгельма IV в 1857 г. регентом становится Вильгельм I).
1862	*8 октября:* назначение Бисмарка министром-президентом; конфликт вокруг прусской конституции достигает наивысшей точки.
1863	*23 мая:* основан Всеобщий Германский рабочий союз (ADAV) под руководством Фердинанда Лассаля. *13 ноября:* обострение конфликта вокруг Шлезвиг-Гольштейна в связи с принятием конституции в Дании.
1864	*1 февраля – 1 августа:* война между Данией и Германией. *1 августа:* Венское перемирие; прусско-австрийский кондоминиум над Шлезвиг-Гольштейном.
1866	*Июнь:* начало прусско-австрийской войны. *3 июля:* победа прусских войск в битве близ Градец-Кралове. *23 августа:* Пражский мир, распад Германского союза. *3 сентября:* прусский ландтаг принимает закон об «индемнитете» (одобрение постфактум военных действий правительства).
1867	Карл Маркс пишет первый том «Капитала». *1 июля:* вступает в силу конституция Северогерманского союза под гегемонией Пруссии (выборы на основе всеобщего, равного, прямого голосования).
1870	*19 июля:* начало войны между Францией и Германией. *1 сентября:* победа в битве под Седаном, пленение и отречение Наполеона III.
1871	*18 января:* Вильгельм I провозглашается в Версале императором Германии. *10 мая:* Франкфуртский мир; Эльзас и Лотарингия становятся «частью империи»; принятие конституции Германской империи; учреждение трех органов власти — император, бундесрат и рейхстаг.

хотя бóльшая часть населения по-прежнему про-
ла в сельской местности или в маленьких городах
удеревенским жизненным укладом (в 1871 г. при-
ительно каждый четвертый немец жил в городе с
ением более 5000 человек), непрерывный поток
антов из деревни в город превращал урбанизиро-
ые густонаселенные области в своеобразные очаги
ственной жизни, но одновременно и социальных
лем. Конечно, степень вовлеченности, финансовые
жности, готовность к действию и уровень понима-
бщественных проблем у городских элит в разных
ах были абсолютно разными, так что к концу XIX в.
изация городского управления различалась не толь-
исходным социально-экономическим условиям, но
е по объему и широте охвата мероприятий в сфере
льного обеспечения. Однако все усилия по разре-
ю пресловутого «социального вопроса», который
домартовский период требовал неотложного реше-
теперь переместился из деревни в город, только в
лучае могли иметь успех в средне- и долгосрочной
ективе, если бы удалось существенно расширить на
омент сильно ограниченные возможности для про-
ства продуктов питания и остановить уже начав-
я демографический бум. То, что это действительно
ось сделать, объясняется, с одной стороны, значи-
ым прогрессом в области сельского хозяйства и, в
ости, применением удобрений с начала 1850-х гг.
ые результаты новых методов наблюдались уже в
е того же десятилетия), а с другой стороны, замет-
сокращением народонаселения в связи с первыми
ными волнами эмиграции в период между 1845 и
гг. За это время около полутора миллиона человек
нули Германию, чтобы отправиться за океан — в
вном в Соединенные Штаты. Впрочем, если смо-
на эту ситуацию в долгосрочной перспективе, то
ически предотвратить угрозу пауперизации удалось

только благодаря промышленному прорыву середины XIX в. — так называемому «взлету» или take-off (В. В. Ростов). Конечно, поначалу те массы людей, которые устремились в промышленные города и устроились работать на фабрики, всего лишь поменяли свой жалкий статус сельской бедноты на статус эксплуатируемых фабричных рабочих. Однако в конечном итоге этот шаг все же вел к постепенному ослаблению «социального вопроса», который буржуазное общество во второй половине XIX в. уже воспринимало и трактовало преимущественно как «рабочий вопрос».

Что касается повседневного жизненного уклада и ценностных иерархий в обществе, охваченном промышленным переворотом, то здесь, по сравнению с доиндустриальной эпохой, происходили кардинальные изменения, значимость которых в полной мере проявилась лишь некоторое время спустя. В качестве примера приведем всего два аспекта этих изменений. Один аспект касается значения времени в обыденной жизни: новая «экономия времени» под девизом «время — деньги» (Б. Франклин) привела к смене традиционных, «природных» ритмов труда в сфере промышленного производства. Деление времени, заданное часами работы крупных фабрик и рабочим циклом станков, стало внутренним временем человека. Постоянная работа, пунктуальность, неизменная работоспособность, самодисциплина и экономность — вот те «индустриальные» добродетели, которые явились конкретизацией трудового этоса, пропагандируемого с XVIII в. протестантскими пасторами, народными наставниками и экономистами, и определяли воспитание детей, проповеди священников во время церковной службы и содержание множества назидательных брошюр для народа. Сначала труду приписывалась главная роль в воспитании детей, однако впоследствии государство стало ограничивать законодательным путем детский труд. Причиной такой политики было то, что работа в детском

возрасте пагубно отражалась на здоровье, на последующей работоспособности и пригодности молодых людей к военной службе. В Пруссии закон о запрете детского труда был издан еще в 1839 г. Это был, пожалуй, первый шаг в направлении современной социальной политики в Германии. Тем не менее, воспитание в подрастающем поколении трудолюбия, наряду с богобоязненностью и любовью к правящей династии, по-прежнему стояло на первом месте среди целей школьного образования. При этом стремление привить детям трудовую дисциплину — необходимое условие отлаженного производственного процесса — было лишь одной стороной медали; другой стороной медали был неминуемый удел рабочих трудиться до 16 часов ежедневно или — как это было в текстильной промышленности — до 85 или даже 90 часов в неделю, при этом зарабатывая только на собственное пропитание. Для обеспечения семьи заработка рабочего, как правило, не хватало; буржуазные реформаторы вносили инициативы по созданию служб социальной помощи на случай болезни, травм и инвалидности, однако пока это были редкие и абсолютно недостаточные исключения. Сами рабочие не могли откладывать «на черный день», поскольку не располагали свободными финансовыми средствами. Крайне вредные и травмоопасные условия труда, а также плохие жилищные условия усугубляли жалкое положение рабочих в раннеиндустриальный период. При всем при том молодая промышленность открывала перед некоторыми рабочими возможности карьерного роста при условии соответствующего трудового потенциала и поведения с их стороны, поскольку расширение предприятий, прежде всего в тяжелой промышленности, требовало внутренней дифференциации и выстраивания иерархических структур управления и производства. Таким образом, в этот период начинает формироваться, с одной стороны, рабочая элита, а с другой стороны, слой служащих в коммерческой и технической сфере, который

служил связующим звеном между классом фабричных рабочих и владельцами фабрик. Закона о продолжительности рабочего дня для наемных работников в Германии, в отличие, скажем, от Англии, не существовало, но с конца 1860-х гг. экстенсивное использование рабочего времени постепенно стало сменяться интенсивным. Этому способствовали технологический прогресс и изменения в системе производства, а также осознание отдельными предпринимателями — не в последнюю очередь под давлением критиков из буржуазной среды и соответствующих требований со стороны зарождающегося рабочего движения — того факта, «что ограничение рабочего времени и установление неких нормативных пределов идет на благо рабочим, а в долгосрочной перспективе ничуть не сокращает, а даже повышает производительность труда». Так предприниматели в Мюнхен-Гладбахе объясняли введение 12 часового рабочего дня в 1867 г. Как бы то ни было, до Первой мировой войны рабочая неделя на промышленных предприятиях (но не в кустарной или аграрной сфере) сократилась приблизительно до 55 часов, вследствие чего у рабочих тоже появилось хоть какое-то «свободное время».

Второй аспект в некотором роде тесно связан с первым и касается отношений между старым и молодым поколением. Теперь этот вопрос все чаще отождествлялся в целом с отношением старого и нового. Пожилой человек, в доиндустриальную эпоху уважаемый всеми как хранитель накопленных знаний и мудрый советчик, теперь утратил свои прежде общественно важные функции в силу того, что он при всей своей мудрости не поспевал за многочисленными новшествами, техническими изобретениями, преобразованиями и сменой ориентиров. Теперь пожилой возраст — из-за потери трудоспособности и связанной с этим (особенно для низших слоев) бедности — представлялся людям исключительно как бремя, как «частный случай инвалидности». И если участники

Гамбахского праздника в 1832 г. еще призывали к плодотворному сотрудничеству старых и молодых («Юноши прислушиваются к мудрым советам мужей, так пусть же и мужей воодушевляет пылающий дух юношей!»), то уже во второй половине XIX в. «прогресс», как правило, приравнивался к «молодости». Превозношение силы молодости, способности молодого человека приспосабливаться к новому и достигать наилучших результатов сопровождалось растущей «геронтофобией». Кроме того, промышленники выбирали для себя таких рабочих, которые лучше всего подходили для интенсивной эксплуатации их трудовых усилий и без колебаний увольняли тех, чьи силы и способность к адаптации ослабевали. Нескончаемый поток ищущих работу, всегда доступная «промышленная резервная армия» гарантировали возможность выбрать самый лучший товар, т. е. наиболее трудоспособную — за счет молодости — рабочую силу. Такая ситуация вызывала возмущение не только у теоретиков-социалистов, в частности у Маркса, чье главное произведение «Капитал» было впервые издано в 1867 г., и у представителей рабочего движения, но и в кругах буржуазных реформаторов и у «городских мужей» в тех городах, где средства на социальную помощь быстро истощались в связи с резким увеличением числа людей, уволенных с промышленных предприятий по старости и оказавшихся на грани нищеты. Социальные реформаторы начали искать пути решения проблемы еще в 1850-х гг. В качестве альтернатив или взаимодополняющих способов решения предлагались варианты государственной помощи, самопомощи и стабилизации семейной жизни, в рамках которой пожилые люди должны были иметь возможность спокойно доживать остаток своих дней. Однако реальная — хотя вначале очень ограниченная — помощь пришла лишь в конце 1880-х гг., когда Бисмарк издал ряд законов о социальном страховании. Среди прочих «детских болезней» раннеиндустриального общества

особенно тягостное впечатление производило бедственное положение пожилых людей. Причем оно имело место отнюдь не только в низших, но нередко и в средних социальных слоях, а также затрагивало одиноких женщин и вдов. В то же время «быть молодым» воспринималось уже не просто как одна из стадий биологического развития, но считалось ценностью само по себе. В конечном итоге в XX в. эта ценность получила развитие в культе и мифе молодости.

Упомянув о формирующемся рабочем движении, мы уже затронули вопрос о том, как эпоха, наступившая после революции 1848 г. (несмотря на очень интенсивное подавление любых проявлений политической активности в 1850-е гг.), обогатила внутреннюю структуру общества, привнеся в нее тот элемент, который решающим образом предопределил нашу сегодняшнюю политическую жизнь. Речь здесь идет о политических партиях в современном смысле слова, об экономических объединениях и крупных, эффективных общественно-политических организациях. Социальные и политические союзы домартовского периода и фракции Национальных собраний и первых парламентов к моменту образования империи превратились из «неорганизованных кружков единомышленников» (В. Тормин) в четко организованные политические партии. Они исходили из более или менее ясно сформулированных программ и стремились получить политическую власть или влияние на ситуацию в обществе. В упрощенном виде можно представить себе политический ландшафт того времени в виде характерной для немецкой политической культуры пятипартийной системы, основы которой были заложены еще до революции 1848 г., но более четкие контуры она обрела лишь в 1860-м, после того как в конце 1850-х гг. (в Пруссии это было связано с началом Новой эры, т. е. с вступлением на престол нового императора) была ослаблена репрессивная политика, а либеральным силам снова

предоставлено больше свободы. Первой из радикально-демократических кругов домартовского и революционного периода в 1861 г. возникла Прогрессистская партия; большинство так называемых старолибералов объединились в 1866/1867 гг. в Национал-либеральную партию; в это же время консервативные силы создали Свободно-консервативную партию (в дальнейшем переименованную в Имперскую партию Германии) и «староконсервативную» фракцию (позднее — Немецко-консервативная партия). Представителям политического католицизма, заявившего о себе во время так называемого кёльнского церковного спора в конце 1830-х гг., вначале удалось организоваться в партии лишь в Южной Германии. Затем, в 1870-е гг., ввиду неприятия «реакционного» учения католической церкви (в 1870 г. в Риме был принят догмат о непогрешимости папы Римского), депутаты от католической церкви в нижней палате прусского парламента объединились в Партию католического центра; вплоть до 1933 г., когда прекратила свое существование Веймарская республика, эта партия оставалась, пожалуй, самой стабильной политической силой в Германии, несмотря на сравнительно свободную партийную организацию. Пятый политический «лагерь» был представлен социалистами. Их партии — основанный в 1863 г. Фердинандом Лассалем Всеобщий германский рабочий союз (ADAV) и возникшая в 1869 г. на базе Саксонской народной партии (основана в 1866 г. Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом) Социал-демократическая партия Германии (SDAP) — в 1875 г. объединились в Социалистическую рабочую партию Германии на съезде в Готе.

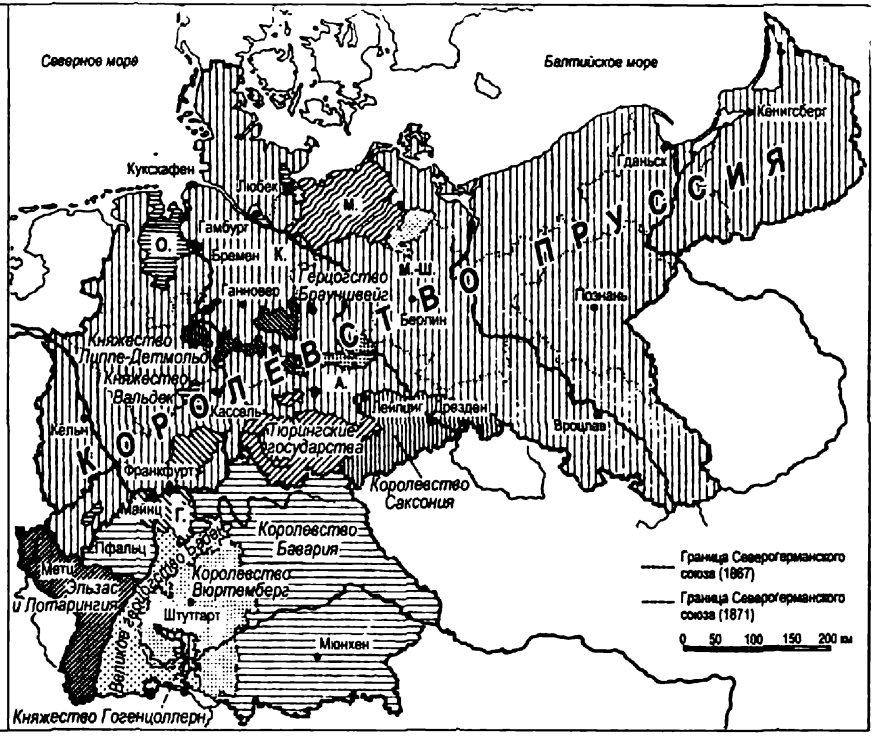
Параллельно с партиями, пытавшимися использовать предоставленную им ограниченную политическую свободу в парламентах, где-то с середины XIX в. в Германии начинает складываться общество вне политики в узком смысле слова. И если в период перехода от сословного

общества к классовому буржуазному обществу важную посредническую функцию брали на себя неспециализированные союзы, действовавшие, как правило, на узко ограниченной территории, то теперь стремление к более четкому публичному выражению коллективных интересов, к соответствующему влиянию на экономическое и социально-политическое обустройство государства и общества, а также к сплочению отдельных людей и групп со схожими целями привело к появлению широкого спектра крупных объединений и (головных) организаций. Чтобы назвать лишь несколько примеров, отметим, что этот спектр простирался от Объединения немецких обществ любителей истории и древности (1852 г.), Союза производителей алкогольной промышленности Германии (1857 г.), Конгресса немецких экономистов (1858 г.) и Горнопромышленного союза (1858 г.) до Немецкой торговой палаты (1861 г.), Организации немецких женщин (1865 г.) и, вероятно, самого раннего объединения работодателей в Германии — Немецкого союза книгопечатников (1869 г.).

Кроме того, в конце 1860-х гг. стали появляться первые крупные профсоюзные объединения, после того как в большинстве немецких государств был отменен или значительно смягчен запрет на объединение отдельных союзов. В 1868 г. на базе Всеобщего германского рабочего союза (ADAV) возникло Всеобщее германское объединение трудящихся, и в том же году были основаны близкие Прогрессистской партии Гирш-Дункерские профсоюзы. По сути так же, как уже существовавшие союзы, но только в большей степени, новые крупные объединения и организации с их региональными и районными отделениями предоставляли людям все больше возможностей для общественной деятельности, обеспечивали поддержку в отстаивании конкретных интересов и позволяли освоить разные формы участия в политической жизни.

В том числе и эти цели новых организаций, выходившие за рамки отдельных немецких государств, свидетельствовали о том, что либеральная буржуазия видела главное препятствие для любых прогрессивных тенденций не столько в ограниченных возможностях политического участия, сколько в германском партикуляризме. Поэтому политические дебаты в конце 1850–начале 1860-х гг. все чаще велись вокруг «национального вопроса», и происходило это не только в связи с неудавшейся попыткой создать немецкое национальное государство в 1848/1849 гг., но и с совершенно прагматичной точки зрения — в связи с унификацией правовых положений в сфере экономики, торговли, налогообложения, стандартизации в сфере строительного планирования и почтового сообщения, валют, единиц измерения и так далее. Пруссия еще в 1850 г. попыталась осуществить идею германского союза в малом масштабе (т. е. без участия Австрии), в котором она занимала бы доминирующее положение. Однако эта попытка не увенчалась успехом, и Пруссия была вынуждена подчиниться Габсбургам, по-прежнему задававшим тон в политике и требовавшим сохранения Германского союза. Правда, в дальнейшем прусскому правительству удалось отстранить Австрию от участия в Немецком таможенном союзе, но, несмотря на это, в 1853 г. с Австрией был заключен чрезвычайно выгодный для нее торговый договор. С течением времени становилось все очевиднее, что решение национального вопроса может быть достигнуто только одной немецкой державой в противовес другой, а не обеими державами одновременно. Поэтому сторонники Пруссии в 1859 г. основали Национальный союз, чтобы объединить в нем всех тех, кто выступал за идею «малой Германии» — без Австрии и при господстве Пруссии. Их противники, в свою очередь, склонялись к идее реформирования Германского союза и хотели сохранить главную роль за Австрией: в 1862 г. они объединились в Реформаторский союз.

Северогерманский союз и Германская империя в 1871 году

О. – Великое герцогство Ольденбург
К. – Княжество Шаумбург-Липпе
Г. – Великое герцогство Гессен
М. – Великое герцогство Мекленбург-Шверин
М.-Ш. – Великое герцогство Мекленбург-Штрелитц
А. – Герцогство Ангальт

То, что тенденции последующих нескольких лет благоприятствовали Пруссии и, соответственно, варианту «малой Германии», было обусловлено одновременным влиянием целого ряда факторов. Наряду с усилением позиции Пруссии в Таможенном союзе, в котором она задавала тон (так, например, прусский торговый кодекс 1861 г. вскоре был принят в большинстве государств, входивших в Таможенный союз), к этим факторам относились успехи во внешней политике и прежде всего сближение с Россией, а также решительная и целенаправленная внутренняя политика. Эту политику, преодолевая серьезное сопротивление, самым непреклонным, но вместе с тем осторожным и гибким образом проводил один человек, за которым с момента его первого публичного выступления в 1848 г. закрепилась репутация авторитарного реакционера и бескомпромиссного защитника монархического режима. Речь идет об Отто фон Бисмарке. В сентябре 1862 г. Вильгельм I назначил Бисмарка министром-президентом, чтобы с его помощью уладить казавшийся тогда неразрешимым конфликт между парламентом и правительством по вопросу проведения в Пруссии масштабной реформы армии. Либеральная оппозиция, укрепившая свои позиции в первые годы Новой эры и доминировавшая в нижней палате прусского парламента, в принципе не возражала против модернизации и усиления армии, но при этом опасалась, что планируемое увеличение численности войск вдвое, а также продление срока службы с двух до трех лет позволит создать такой инструмент власти, который можно будет использовать для полного укрощения общественных сил и усиления авторитарного государства. Поэтому с 1861 г. большинство депутатов парламента отказывалось принять предлагаемый на рассмотрение государственный бюджет, используя эту единственную конституционную возможность повлиять на государственную политику. Однако новый «министр по разрешению конфликта» оправдал ожидания короля; он

пренебрег мнением оппозиции и не стал раздумывать о конституционности своих действий. Управляя без парламента, он одновременно использовал все имеющиеся возможности для того, чтобы уменьшить роль Австрии в Германском союзе. При этом ему благоприятствовало то обстоятельство, что либералы были слишком разрозненны и не могли выработать единую линию поведения в прусском «конституционном конфликте».

Непосредственным поводом к слому устоявшихся структур стали события в Дании в 1863–1864 гг. После восшествия на престол нового короля Дания снова обратилась к своей давнишней цели — присоединить герцогство Шлезвиг, «навечно» связанное с Гольштейном, но не входящее в Германский союз. Это вызвало огромное возмущение среди национально-патриотической общественности Германии. Бисмарк использовал эту ситуацию в своих целях: в 1864 г. он втянул Австрию в войну против Дании, разумеется, на стороне Пруссии. Война быстро завершилась победой Германии, и Австрия получила в свое правление Гольштейн, тогда как Шлезвиг отошел к Пруссии. Тем не менее, австрийцы с самого начала чувствовали, что они оказались в проигрышной ситуации. Возникшие на этой почве конфликты в конечном итоге летом 1866 г. привели к решающему на этот раз военному столкновению между двумя соперниками, которое разрешило в пользу Пруссии вековой германский дуализм. Победа близ Градец-Кралове существенно повысила престиж прусской армии под командованием генерала-фельдмаршала фон Мольтке. Это, а также последующее создание Северогерманского союза — своеобразного прусско-северогерманского государства, отделенного от Южной Германии майнской линией, — заложило основу для создания «малогерманской» империи в 1871 г. Конституция Северогерманского союза с незначительными изменениями впоследствии была принята в качестве конституции новой Германской империи. Бисмарку, как

он заявлял еще до основания империи, удалось решить национальный вопрос в пользу Пруссии не «речами и решениями большинства [...], а железом и кровью». Сразу после победы над Австрией он пошел на мировую с парламентом, внеся на рассмотрение уже осуществленный законопроект о реформе в армии, который в итоге был принят (закон об индемнитете). Оценка успехов Бисмарка и дальнейших политических перспектив окончательно расколола лагерь либералов. Либеральное большинство, отныне называвшее себя Национал-либеральной партией, вышло из оппозиции и начало действовать под девизом «через единство к свободе». До 1878 г., несмотря на жесткую политику Бисмарка, национал-либералы были для него важными союзниками, так как ожидали от него «революции сверху», тогда как многие «старо-консерваторы» критиковали Бисмарка за сближение с либералами и отдалялись от него. Свободно-консервативная партия, напротив, безоговорочно поддерживала рейхсканцлера и была готова к компромиссу с национал-либералами. Таким образом, новая оппозиция против «белого революционера» Бисмарка состояла, с одной стороны, из части консерваторов, а с другой стороны, из тех либералов, которые проголосовали против закона об индемнитете. К ним примыкали первые депутаты от социалистических партий, вошедшие в северогерманский рейхстаг благодаря всеобщему (за исключением женщин) праву на прямое, равное, тайное голосование. Наконец, немаловажной оппозиционной силой был политический католицизм, объединившийся в 1870 г. в Партию католического центра. Этой партии пришлось бороться сразу на нескольких фронтах: против государственного — с оттенком протестантизма — центризма Бисмарка, против политического либерализма и материализма социалистов. В «культуркампфе», развернувшемся между государством и церковью в 1870-е гг., католическая партия обрела силу и сплоченность.

Германская империя: государство и общество между модернизацией и застоем

1871 *18 апреля:* вступает в силу конституция (второй) Германской империи (федеративного государства со столицей в Берлине).

10 декабря: принят закон против католических проповедников («Kanzelparagraph»), ставший первой политической мерой на общеимперском уровне в «культуркампфе» между государством и католической церковью (непосредственным поводом послужил догмат о непогрешимости папы, провозглашенный ex cathedra в 1870 г. на I Ватиканском соборе).

1873 *9 мая:* крах Венской биржи, за которым последовал «кризис грюндерства» в Германии и серьезный кризис мировой экономики.

22 октября: Союз трех императоров, заключенный между Германией, Австро-Венгрией и Россией (обновлен в 1881, 1884 и 1887 гг.).

1875 Всеобщий германский рабочий союз (ADAV) под руководством Лассаля и основанная в 1869 г. в Айзенахе Социал-демократическая рабочая партия, возглавляемая Бебелем и В. Либкнехтом (SDAP), на съезде в Готе объединились в Социалистическую рабочую партию Германии под руководством Бебеля.

1878 Смена политического курса: Бисмарк отходит от либерализма и сближается с консерваторами.

Первые проявления политического антисемитизма.

12 июля: рейхстаг принимает законодательный проект правительства «О введении оградительных пошлин»; начало политики протекционизма.

13 июня: созыв Берлинского конгресса.

18 октября: принят «Закон против социалистов» (после двух покушений на кайзера).

1881 *17 ноября:* «Императорское послание» закладывает основы социальной политики и, в частности, законов о государственном социальном страховании (законы о страховании рабочих по болезни (1883 г.), производственной травме или при несчастном случае (1884 г.), по старости и инвалидности (1889 г.)).

1884–1885 Создание первых немецких колоний, преимущественно в Африке.

1887 *18 июня:* Договор перестраховки между Германской империей и Россией.

1888 *9 марта:* со смертью Вильгельма I начинается «год трех императоров»; Фридрих III умирает после 99-дневного правления; на престол восходит Вильгельм II.

1889 *Май:* забастовка рурских горняков (самая крупная забастовка XIX в. в Германии).

Июль: учредительный съезд II Интернационала в Париже (среди прочего выдвигается требование восьмичасового рабочего дня).

1890	*20 марта:* отставка Бисмарка.
	28 марта: Германия отказывается продлить Договор перестраховки с Россией (вследствие сближения России с Францией).
	1 июня: вступает в силу дополнение к закону о защите рабочих и закон о промышленных судах; «Новый курс» Вильгельма II.
	Осень: не продлено действие Закона против социалистов.
1891	Реорганизация партии социалистов — создание Социал-демократической партии Германии (СДПГ), «Эрфуртская программа»; в последующие годы неуклонно растет число голосов, отданных за СДПГ.
1900	*1 января:* вступает в силу Германское гражданское уложение.
1901	Создание в Берлине молодежного туристического общества «Перелетная птица»; зарождение гражданского молодежного движения в контексте разнообразных гражданских инициатив по реформированию жизни и общества.
1905–1913	Сплочение стран—участниц Антанты в связи с различными международными кризисами (Марокко, Босния, Балканы) и активной внешней политикой Германии.
1908	*19 апреля:* Новый закон о союзах и собраниях (одним из пунктов женщинам предоставляется право объединяться в политические партии).
	18 августа: реформа женских школ; женщинам разрешено поступать в университеты.
	28 октября: начало аферы с «Дейли телеграф»; в результате положение кайзера сильно пошатнулось.
1911	*19 ноября:* приняты Имперские правила страхования.
1914	*28 июня:* убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его супруги в Сараево приводит к началу Первой мировой войны.

Успешно устранив конфликтные ситуации внутри Германии и внутри Пруссии (благодаря роспуску Германского союза, учреждению таможенного парламента, улаживанию конституционного конфликта) и заключив тайные союзнические соглашения с южногерманскими государствами, Бисмарк мог смело идти на обострение франко-немецких отношений. Франция при Наполеоне III с большим недоверием следила за событиями в Германском союзе и восприняла притязания принца Леопольда из династии Гогенцоллернов на испанский престол как

серьезную угрозу. То, что Бисмарк активно использовал в пропагандистских целях знаменитую «Эмсскую депешу», в которой Франция в ультимативной форме предъявляла свои требования, говорит о том, что он так же, как и французское правительство, желал войны. В конце концов война была объявлена Францией 17 июля 1870 г. В Германии вступили в силу условия союзного договора: южногерманские государства вступили в войну на стороне Пруссии. На волне народного энтузиазма, благодаря превосходящим силам, быстроте и умелому командованию Мольтке, объединенной германской армии удалось уже 1 сентября 1870 г. одержать решающую победу под Седаном и взять в плен Наполеона III, хотя после этого новое республиканское французское правительство еще несколько месяцев продолжало вести военные действия. Еще до перемирия, заключенного в конце января 1871 г., произошло неоднозначное историческое событие. Оно имело роковые последствия, но в то время вызвало всеобщее ликование в Германии: 18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца германские князья, возглавляемые баварским королем Людовиком II, провозгласили императором прусского короля Вильгельма I, прозванного в 1848 г. «картечным принцем». Торжественные речи сопровождали основание новой, на этот раз «малогерманскої» империи. На нее возлагались очень большие надежды, но фактически она просуществовала менее полувека.

Итак, совершенно иным путем, нежели это представляла себе либеральная буржуазия, национальное единение наконец было достигнуто: братство по оружию между немецкими князьями под властью Пруссии и различные закулисные договоренности, прежде всего с Баварией, создали империю «сверху» — в форме соглашения между князьями. За исключением очень немногих критиков в лагере левых, современники этого события в Германии были в восторге и не замечали ни заложенной с самого

начала внутриполитической неустойчивости, ни чрезвычайно тяжелого бремени, которое легло на Францию по условиям навязанного Германией мира с французами (прежде всего выплата репараций в размере пяти миллиардов франков и передача Эльзаса и Лотарингии Германской империи в качестве новой «имперской земли»). Все это впоследствии самым роковым образом повлияло на ход истории. Большинство политиков и выразителей народных чаяний были в тот момент довольно самонадеянны: Вильгельм I видел в происходящем «поворот», совершенный «рукой Божьей», а многие немцы — в том числе и историк Зибель — полагали, что на немецкий народ снизошла «милость Божья», вследствие чего ему и дано было пережить такие «великие события».

Вновь появившиеся в атмосфере всеобщей эйфории надежды либералов на постепенный переход от авторитарного государства к демократическому за счет создания новых демократических структур скоро развеялись. В отличие от избирательного права и парламентов в отдельных германских государствах, в которых (прежде всего в Пруссии, где существовало трехклассное избирательное право) действовали, как правило, крайне недемократичные нормы, имперская конституция позаимствовала из конституции Северогерманского союза всеобщее (для лиц мужского пола) право на прямые, тайные и равные выборы в рейхстаг. Однако этот парламент не имел никакого влияния на действия правительства.

Последние определялись монархом или же рейхсканцлером, который целиком зависел от доверия монарха и одновременно являлся министром-президентом Пруссии. В эпоху Бисмарка слабый рейхстаг, партии и бундесрат, где доминировала Пруссия, были вынуждены мириться с тем, что по сути они живут в условиях «диктатуры канцлера» и в лучшем случае могут попытаться хоть как-то повлиять на политику через свое право голоса при обсуждении законопроектов. Таким образом, содер-

жание конституции и будущее конституционных прав определялись не перспективой создания Национального собрания, избираемого демократическим путем, а политическими директивами национально-монархического авторитарного государства. В качестве компенсации за ограниченные возможности «подданных» принимать деятельное участие в обустройстве государственной и общественной жизни новая империя подарила немецкому народу не только единство нации в федеративном государстве под гегемонией Пруссии, но также гордость за то, что Германия теперь была сильной в военном, экономическом и техническом отношении, молодой влиятельной державой. Результатом этой «революции сверху» была та самая одновременность неодновременного, на которую обращали внимание многие историки: с одной стороны, современное и динамично развивающееся индустриальное общество, вступившее в 1870-е гг. в решающую стадию промышленного переворота, а с другой стороны, традиционная система политического господства, ориентированная на авторитарные принципы и сохранение статус-кво.

Если вспомнить о том, что не только история национал-социалистического Третьего рейха, но и развитие обеих Германий в течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны определялось людьми, которые в молодом возрасте застали еще кайзеровскую Германию и формировали свои взгляды в существовавших тогда общественных условиях, то вопрос о преемственности немецкой истории приобретает особое значение. Если же взглянуть на недавние события в Восточной и Юго-Восточной Европе и задаться вопросом об их причинах, то и здесь, невзирая на все общественные катаклизмы, которыми богат XX в., мы имеем дело с длительным воздействием отдельных довоенных тенденций. С одной стороны, заложенные в момент создания Германской империи постоянные нагрузки и возникшие впоследствии

внутренние разломы, которые современники тщетно пытались как-то устранить, используя отчасти спорные методы и лишь усугубляя существующие проблемы, а с другой стороны, подавляемое крупными державами стремление различных народностей Центральной и Восточной Европы к самоопределению в равной мере повлияли не только на конфликты в первой половине XX в., но в некоторых аспектах сохранили удивительную актуальность и сегодня. Очень часто в интерпретациях немецкой истории после создания второй империи в качестве главного фактора, определившего развитие от кайзеровской Германии до национал-социализма и далее, называют «особый немецкий путь». Под этим подразумеваются последствия типичного для Германской империи, сильно отличавшего ее от других промышленных стран и в течение долгого времени влиявшего на ее историю расхождения между современным обществом, сформировавшимся в результате стремительных социально-экономических перемен, и отжившей авторитарной системой государственной власти, ориентированной на сохранение старых порядков. Как утверждалось, дефицит (либеральной) гражданственности, равно как и возникновение агрессивного национализма явились следствием отсутствия синхронности между государственно-политической и общественной трансформацией. Национализм, согласно такой интерпретации, стал для внутренне разрозненной империи важнейшим объединяющим моментом. Он проявился в громогласном требовании «места под солнцем», т. е. признания Германской империи, которая сравнительно поздно вышла на международную арену, мировой державой.

Конечно, можно сказать, что пути развития всех современных промышленных стран представляют собой более или менее особые случаи. И тем не менее немецкий путь в эпоху модерна, несомненно, гораздо в большей степени, нежели путь остальных наций, определялся

авторитарным государством и высшими государственными чиновниками. Впрочем, правящая элита во многом опиралась на собственническую прослойку буржуазии и одновременно получала поддержку от образованной буржуазии — последняя помогала ей тем, что конституировала необходимые смыслы и интерпретации. Одно это обстоятельство уже указывает на то, что заявление о дефиците гражданственности в Германии нуждается в существенных уточнениях. Несмотря на то что кругозор и менталитет политических лидеров империи в основном формировались в доиндустриальную эпоху и поэтому в присвоении и реализации властных полномочий в целом господствовали авторитарные тенденции, все же во многих областях общественной жизни возник некий симбиоз авторитарного государства и части собственнической и образованной буржуазии. Без такого отношения интенсивного взаимообмена и взаимозависимости было бы невозможно так долго сдерживать серьезные внутриполитические конфликты. И хотя экономические кризисы, бурная индустриализация и урбанизация, большой разрыв между городом и деревней, мощные миграционные потоки внутри страны, а также обостряющиеся классовые противоречия и предполагаемая угроза со стороны «врагов империи» постоянно нарушали покой обычных граждан, в то время как государственная власть, реформаторы и всякого рода «преобразователи мира» предлагали свои пути спасения и решения насущных проблем, тем не менее, внутренний процесс формирования нации шел вперед и в конечном итоге привел к возникновению такого явления, как «дух 1914 года». Это понятие обозначает настроение национального подъема и единения, которое переживалось почти как эйфория и — невзирая на все противоречия — охватило на момент начала войны практически весь немецкий народ, вследствие чего цели войны встретили широкую поддержку среди населения. Это общее настроение воспринималось как дока-

зательство того, что немцы могут достичь сплоченности народа и единения с государством и стать сильной нацией без заимствования образцов западной демократии. Для одних такой настрой был просто мнением, которое вскоре изменилось, для других это приобрело характер постоянной, почти религиозной веры в особую миссию Германии в мировой истории. После войны эта стилизованная под миф вера была возрождена, что имело роковые последствия для всего мира. В этом контексте тезис об «особом немецком пути» сводится главным образом к констатации успешно взращенного — несмотря на все внутренние противоречия — в империи сознания особой миссии Германии. С распадом империи в 1918 г. это сознание, придающее смысл жизни и истории, не только не утратило своей силы, но даже, наоборот, еще больше возросло. Таким образом, период с момента основания империи до 1914 г. и даже далее охватывает своеобразная дуга, которую нельзя не заметить и из-за которой история второй германской империи — этого «непонятно-фрагментарного» (Г. Фрейтаг, 1871 г.) и изначально казавшегося недолговечным образования — представляется такой противоречивой. Центробежные и центростремительные силы, резкие противоречия и связующие элементы переплетались и сосуществовали друг с другом и в конечном итоге заставили людей принять — будь то с оптимистичным ожиданием или в фаталистическом смирении — тот факт, что только война может оказать очищающее воздействие и стать спасением для Германии.

Сложный процесс, приведший в конце концов к войне, в последние годы был тщательно проанализирован в целом ряде отдельных исследований, а также в более широком историческом контексте. При этом противоречивость эпохи позволяла выносить противоположные суждения и по-разному расставлять акценты, высвечивая либо светлую, либо темную сторону кайзеровской Германии. В зависимости от точки зрения интерпретатора

и от значения, которое придается отдельным историческим событиям, в этом периоде, охватывающем сорок лет с момента образования империи до кануна Первой мировой войны, обычно подчеркивают два аспекта: во-первых, успех репрессивной политики властей в сочетании со становлением капитализма в обществе, а во-вторых, готовность буржуазии к реформам и необходимости адаптироваться в новых жизненных условиях.

Примечательно также то, что уже при периодизации эпохи применяются либо преимущественно экономические, либо социально-политические критерии, что приводит к выделению разных этапов и разных ключевых моментов. С точки зрения экономического развития первый этап истории кайзеровской Германии завершился еще в 1873 г.; начавшийся в середине века период необратимого распространения фабричного производства, стремительного роста тяжелой промышленности и особенно интенсивного строительства железных дорог, которое было ведущей отраслью эпохи промышленного переворота в Германии (в отличие, скажем, от Англии), завершился «кризисом грюндерства». После нескольких лет процветания, когда немецкие предприниматели смогли извлечь выгоду из своего положения «отстающих» и воспользоваться примером других западноевропейских стран, крах на бирже осенью 1873 г. и последовавшая за ним депрессия, отголоски которой были слышны до середины 1890-х гг., нанесли сильный удар по наивной вере в прогресс, характерной для людей того времени. И хотя de facto с 1880-х гг. валовой национальный продукт и промышленное производство неуклонно росли, а бурное развитие новых отраслей промышленности (в частности, химической индустрии и электроники) знаменовало собой начало «второго промышленного переворота», все же сознание того, что промышленная система легко подвержена кризисам, было широко распространено, тем более что в это же самое время сельское хозяйство также

переживало состояние депрессии. Это было связано с падением цен на сформировавшемся к тому времени международном рынке зерновых, что, в свою очередь, было обусловлено главным образом мощной конкуренцией со стороны Северной Америки и России. Оба эти кризиса соединились в сознании людей. Это усиливало их депрессивное воздействие, поскольку Германская империя была и в течение последующих десятилетий оставалась одновременно промышленной и аграрной страной. В этой ситуации многие мелкие и средние предприятия в ремесленной, торговой и сельскохозяйственной сфере воспринимали необходимость приспосабливаться к меняющимся условиям, вызванную, с одной стороны, развитием крупной промышленности и постоянными техническими усовершенствованиями, а с другой стороны, международной конкуренцией, как непосредственную угрозу своему существованию. Целый ряд ремесел утратил свое прежнее значение; другим отраслям ремесленного производства удалось каким-то образом переориентироваться с производства товаров на оказание услуг; в то же время мастера, выполнявшие строительные работы, были очень востребованы, поскольку в отдельный период наблюдался настоящий строительный бум. Таким образом, нельзя говорить о повсеместном упадке ремесла; скорее, имели место подчас болезненные структурные изменения, которые для значительного числа ремесленников и их семей, до сих пор не знавших экономических потрясений, означали утрату статуса и необходимость переориентироваться. У людей возникало чувство неуверенности, затаенной обиды, что провоцировало поиски «козла отпущения». В этом кроется одна из главных причин стремительного распространения антисемитизма в Германской империи.

В аграрной сфере также множились страхи и росло недоверие. И хотя сельскохозяйственный рынок уже начинал постепенно оправляться от довольно сильных

потрясений 1880-х гг., жалобы крестьян и прочих сельских жителей на их угнетенное положение уже не затихали. Поскольку положение крупных землевладельцев также ухудшилось, старое противостояние юнкеров и крестьян стало постепенно сглаживаться, пока окончательно не сменилось гармонией интересов. В то же время ширилась пропасть между городом и деревней, что впоследствии вылилось в яростную критику больших городов и демагогические лозунги основанного в 1893 г. Союза аграриев. Крупные землевладельцы, которые традиционно имели большой вес в государстве и уже давно с недоверием наблюдали за сближением Бисмарка с национал-либералами, из-за международного сельскохозяйственного кризиса были вынуждены залезть в большие долги для того, чтобы сохранить свой высокий статус. Кроме того, бурное развитие экономики и влияние тяжелой промышленности и особенно крупных банков на политику и общество они воспринимали как непосредственную угрозу своему положению. Здесь на уровне восприятия еще раз отражается тот факт, что вторичный и третичный секторы экономики постепенно обогнали первичный сектор по доле в валовом национальном продукте. Впрочем, была одна цель, к которой крупные землевладельцы стремились так же, как и крупные промышленники, и которая обеспечивала возможность более тесного взаимодействия. Этой целью было введение оградительных пошлин. Основанный в 1876 г. Центральный союз немецких промышленников настойчиво требовал от правительства этой меры. Этот общий интерес, а также готовность плечом к плечу защищать государство и общество от предполагаемой социалистической угрозы привели к временному сближению представителей тяжелой промышленности и крупных землевладельцев — к возникновению так называемой «картели государствообразующих и производительных сословий». Бисмарк, будучи ловким жонглером как во внешней, так

и во внутренней политике, приветствовал это сближение «ржи и стали», потому как предугадывал в нем возникновение нового расположения сил в рейхстаге. Новая расстановка позволила бы ему прекратить в любом случае обусловленное корыстными целями сотрудничество с либералами, обладавшими на тот момент большинством голосов. Экономический кризис 1873 г. поставил под огонь общественной критики не только экономический, но и политический либерализм. Это очень отчетливо проявилось в результатах выборов в рейхстаг, в котором наметилось новое большинство.

В этой связи поворотным стал 1878 г. — не столько в *экономическом, сколько в социальном и политическом* отношении. Этот год называют также годом «второго основания империи». В 1878 г. Бисмарк окончательно порвал с либералами и тем самым положил конец либеральной эпохе. Тогда же с введением оградительных пошлин с целью поддержки отечественной тяжелой промышленности и сельского хозяйства закончилась эпоха свободной торговли и начался период протекционизма. Кроме того, государство заключило мир с политическим католицизмом, отменив или заметно смягчив законы, принятые в ходе культуркампфа, что позволило католическому меньшинству, которое до сих пор считалось одним из «врагов империи», на какое-то время интегрироваться в политический процесс. Бисмарк превратил прежде оппозиционно настроенный Центр в своего потенциального союзника в последовавшей затем политике «переменного большинства». Однако самые радикальные политические меры были приняты после двух покушений на императора. Хотя они были совершены действовавшими в одиночку злоумышленниками, вину за них удалось свалить на социалистов и «вредоносный социалистический дух». Бисмарк добился принятия в рейхстаге исключительного закона против «социально опасных устремлений социал-демократов» — так называемого «закона против

социалистов». При этом Бисмарк мог рассчитывать на поддержку двух консервативных фракций, которые стали гораздо сильнее в результате недавних выборов, и многих депутатов от утратившей свое прежнее влияние Национал-либеральной партии. Именно эта готовность поддержать антилиберальный закон против социалистов, несмотря на серьезные сомнения и возражения, дала повод для разговоров о «банкротстве либерализма». Полностью восстановить свою репутацию либералы так и не смогли. Не вдаваясь в подробности последующих событий, отметим лишь, что политические карты были вновь перетасованы, причем Бисмарк активно использовал «красную угрозу» для того, чтобы еще больше «сплотить консервативные силы», тогда как либералы играли в этом процессе роль пассивных зрителей. Их оптимизм, который прежде разделяло практически все буржуазное общество, их представления об обществе и их надежды на постепенное либеральное реформирование государства и общества хотя и не исчезли совершенно, все же утратили свою былую силу. Это привело к внутреннему расколу, к поискам новых ориентиров, а также к готовности продолжать сотрудничество с Бисмарком в тех областях, где это еще было возможно, чтобы сохранить хоть какое-то влияние на политику империи. Так, несмотря на критику закона против социалистов, национал-либералы поддержали продление этого закона до 1888 г. То, что либеральная буржуазия до сих пор не желала признавать, теперь проявлялось со всей очевидностью: в кайзеровской Германии существовало классовое общество, и социальные конфликты в этом обществе обострялись, тогда как власти боролись с ними в основном авторитарными методами. Такая установка властей особенно отчетливо проявилась во время забастовки горняков в 1889 г. — самой крупной забастовки в немецкой истории XIX в.

Такая ситуация, и прежде всего политика сплочения консервативных сил, не изменилась и после того, как

закончилось действие закона против социалистов, а Бисмарк был отправлен в отставку (1890 г.). За исключением отдельных отклонений от консервативного курса и временных послаблений, все оставалось по-старому вплоть до Первой мировой войны. Более того, наряду с либеральными идеалами — а иногда и вместо них — появлялись новые устремления, импонировавшие прежде всего мелко- и среднебуржуазным кругам, где на тот момент царила неуверенность и мировоззренческая дезориентация, но которые также были близки тем представителям высших социальных слоев, которые всегда видели в либерализме, материализме и индивидуализме свидетельство упадка традиционного уклада и морали. Между интернационализмом социалистических «товарищей без отечества» и либеральными идеалами свободы зародился национализм, выступления которого на политической сцене становились все более агрессивными. Его сторонники самым решительным образом требовали признания мирового значения Германии, расширения немецкой колониальной империи, создания сильного флота в Германии и видели в социалистах и евреях самое опасное препятствие для сплоченного и мощного выступления немецкой нации на мировой арене. Запугивание общественности «призраком» социал-демократии и неприкрытый, проявлявшийся в резких публичных высказываниях антисемитизм начали завладевать обществом в 1870 г. и в первую очередь заразили консервативно настроенную образованную буржуазию. Именно на нее особенно сильное впечатление производил стереотип о «разлагающем, не имеющем корней еврейском интеллекте». Фразы, подобные этой, впоследствии распространялись с той же скоростью, с какой уже сформировавшийся просвещенно-либеральный общественный элемент оттеснялся на задний план. «Новые правые», ряды которых пополнялись не в последнюю очередь представителями образованной буржуазии, приобретали все большее влияние

и благодаря своим лозунгам, нацеленным на внутри- и внешнеполитическое укрепление национального государства и все сильнее окрашивающимся в националистические тона, встречали поддержку у представителей средних слоев, а также и среди высшего чиновничества.

Если закон против социалистов был кнутом, то ряд законов о государственном страховании, принятых в 1880-е гг., был пряником, с помощью которого власти надеялись приручить рабочий класс. В реализации этих мер Бисмарк и его советники продолжали традицию социальной ответственности государства. Этот аспект не играл никакой роли в либеральном учении, признававшем за государством лишь функции ночного сторожа. Тем самым Бисмарк и его сторонники хотели показать, что имперская власть, как заявил в своем знаменитом Императорском послании от 17 ноября 1881 г. кайзер Вильгельм I, не откажется участвовать в искоренении социальных зол и будет издавать законы, улучшающие благосостояние рабочих. Новая форма государственной социальной политики, воспринятая за рубежом как важное и достойное подражания нововведение, встретила одобрение и поддержку не только среди предпринимателей, но и в кругу тех социальных реформаторов из числа буржуа, которые еще раньше — в частности, при создании в 1872 г. Союза социальной политики — выступали за «социальную монархию» и государственное вмешательство в решение социальных вопросов. В рейхстаге Бисмарк мог опираться на консерваторов, Центр и — после некоторых уступок — на партию национал-либералов, тогда как депутаты от прогрессистской партии и «свободомыслящие»*, представлявшие другую ветвь

* Свободомыслящие — политическая партия в Германии, образованная в 1884 г. из прогрессистской партии и «либерального союза» — «сецессионистов», отколовшихся в 1881 г. от Национал-либеральной партии. — *Примеч. перев.*

социального реформаторства, делали ставку на способность общества к самоисцелению и отвергали любые попытки государственного регулирования как проявление мелочной опеки. Разумеется, решительными противниками принятых мер были также социал-демократы. Число депутатов от социал-демократов в рейхстаге, несмотря на Закон против социалистов, выросло с 12 в 1881 г. до 24 человек в 1884 г. Они уже отошли от того направления социализма, у истоков которого стоял Фердинанд Лассаль, и находились под влиянием учения Карла Маркса, усвоив в первую очередь его враждебность по отношению к государству. Кроме того, социалистическая партия постоянно испытывала неудобства в связи с законом против социалистов. В качестве основных причин, по которым социалисты не принимали реформы социального страхования, они называли слишком небольшой диапазон страховых обязательств, узкий круг тех, кто охвачен государственным страхованием (в него вошли только городские промышленные рабочие) и отсутствие развитой системы рабочего самоуправления в сфере страхования. Тем не менее, принятие трех законов о страховании (1883 г. — Закон о медицинском страховании, 1884 г. — Закон о страховании от несчастных случаев, 1889 г. — Закон о страховании по старости и инвалидности) стало важным шагом в направлении к будущему социальному государству, хотя поначалу он воспринимался не как масштабное позитивное начинание, а скорее как оборонительная стратегия. Так, например, Бисмарк совершенно открыто заявил в 1884 г.: «Если бы не было социальной демократии [...], то не было бы и того умеренного прогресса, которого мы достигли в области социального реформирования». Впоследствии социальным реформаторам, чьи планы простирались гораздо дальше осуществленных Бисмарком преобразований, еще не раз припомнили это высказывание.

В отличие от успешной внешней политики, внутренняя политика Бисмарка считается во многом ошибочной, хотя она и содержала в себе отдельные инновационные элементы. Бисмарк серьезно ошибся в своих расчетах, решив издать дискриминирующий закон в ответ на вызовы эпохи и четко разделить общественные силы на «друзей» и «врагов империи» в ответ на внутренние противоречия в государстве. Это стало ясно уже в ходе культуркампфа, а особенно во время борьбы против социал-демократии. После 12 лет действия закона против социалистов социал-демократы стали самой сильной политической партией Германии (в 1890 г. они имели 1,4 млн, т. е. 20% голосов и 35 мандатов в рейхстаге). Попытка интегрировать рабочий класс в общество кайзеровской Германии провалилась. Большинство рабочих государственные реформы лишь ожесточили. Они ненавидели государство и считали, что если рабочие не хотят довольствоваться подачками от властей или, более того, стремятся участвовать в принятии политических решений, то для начала нужно полностью уничтожить существующее государство.

Такое непростое наследство «железный канцлер» оставил своим преемникам. Внешнеполитическая ситуация после Бисмарка тоже была довольно неясной, хотя поначалу казалось, что силы между пятью великими европейскими державами распределены более или менее равномерно. После победы над Францией и созданием новой Германской империи Бисмарк, с одной стороны, хотел с помощью жестких условий мирного соглашения изолировать поверженную Францию, чтобы она не могла создать новый фронт сопротивления, объединившись с другими державами, и подготовиться к военному реваншу. С другой стороны, необходимо было убедить остальные европейские государства в том, что амбиции империи утолены и она не планирует расширять свою территорию за счет соседей или заокеанских колоний.

Это было довольно необычной позицией в эпоху зарождавшегося и постепенно охватившего весь мир империализма 1870-х гг. Бисмарк, который впоследствии (с 1884/1885 г.) крайне медленно и нерешительно начал проводить политику приобретения колоний, испытывая при этом сильное давление со стороны союзников Германии в этом вопросе, даже поддерживал колониальную политику других европейских государств, с тем чтобы отвлечь их потенциальную агрессию от Германии и вообще от континента.

Самым ярким проявлением и своеобразной вершиной проводимой Бисмарком политики компромисса стал Берлинский конгресс в 1878 г. Бисмарк выступил на нем в роли «честного маклера» и помог уладить балканский кризис 1875–1878 гг., а также настоял на том, чтобы Россия отказалась от значительной части территорий, приобретенных ею в результате Русско-турецкой войны 1877/1878 гг. (Сан-Стефанский мир). Чтобы смягчить недовольство русских по этому поводу и не дать им вступить в союз с Францией, Бисмарк изо всех сил старался возобновить договоренности между Германией и Россией (1881 и 1884 г. — возобновлен Союз трех императоров между Германской империей, Австро-Венгрией и Россией; 1887 г. — заключен «договор перестраховки» с Россией). В альянсе монархии Габсбургов с Россией Бисмарку виделась также возможность предотвратить усугубление сложной ситуации на Балканах, а в присоединении Италии к союзу Австрии и Германии, вследствие чего возник Тройственный союз (1882 г.), он усматривал возможность смягчить конфликт вокруг Восточно-Альпийского региона. Условием успешного «жонглирования пятью европейскими мячами», как называли внешнюю политику Бисмарка, была постоянная дипломатическая бдительность, умелое противопоставление и столкновение держав друг с другом и намеренная предупредительность в отдельных вопросах,

выражавшаяся в том числе в дополнительных секретных пунктах договоров. Даже после того, как Германская империя начала приобретать колонии, рейхсканцлеру удалось смягчить серьезные разногласия, омрачившие англо-немецкие отношения, и одновременно усилить взаимное недоверие между двумя колониальными державами — Францией и Великобританией. В целом германский империализм в эпоху Бисмарка был довольно сдержанным, поскольку не выходил за рамки одной из мер (пока еще) отнюдь не агрессивной внешней политики Германии, целью которой было обеспечить Германии место в ряду ведущих европейских держав.

Однако все изменилось с отставкой Бисмарка. Его преемники отреклись от основных принципов его внешней политики (таких, как последовательная реализация стратегии компромиссов в отношениях с Россией, частичная поддержка французов в их колониальной политике, твердая, но в то же время гибкая позиция по отношению к Англии, включая сдержанную политику в области военного кораблестроения) или же уделяли им недостаточно внимания, открывая тем самым большой простор для агрессивной пропаганды империалистических целей. Так они постепенно разрушили ту систему, которая гарантировала равновесие сил, а следовательно, *и мир в Центральной Европе и в колониях европейских* стран.

Объем данной главы не позволяет нам во всех подробностях описать отдельные этапы, предшествовавшие началу Первой мировой войны. Резкие колебания в немецкой внешней политике, отдельные действия и вызывающие речи со стороны немецких правящих кругов, разумеется, не были непосредственной причиной военных действий, однако способствовали такой расстановке сил, в которой большинству участников война казалась неизбежным решением и, даже более того, долгожданным выходом из запутанной ситуации, отравленной помимо

всего прочего империалистическими амбициями. После 1890 г., когда не был в очередной раз продлен немецко-русский «договор о перестраховке», между Россией и Францией установилось взаимопонимание; Англия и Франция также сблизились в связи с демонстративно агрессивными действиями Германии (в первую очередь в области военного кораблестроения); кроме того, в 1902 г. был ослаблен заключенный в 1882 г. Тройственный союз, так как Франция и Италия достигли согласия по вопросу североафриканских колоний, что положило конец изоляции Франции, к которой стремился Бисмарк (1894 г. — заключен союз между Францией и Россией, 1904 г. — заключен Сердечный союз (Entante cordiale) между Францией и Англией). Достижение компромисса между Великобританией и Россией в 1907 г. довершило крушение возведенной Бисмарком системы альянсов. Две державы, включившиеся в мировую политику, — США и Япония — в течение двадцати лет, предшествовавших Первой мировой войне, ориентировались скорее на англичан, нежели на немцев.

То, что в Германской империи воспринималось как «сжимающееся кольцо блокады» и давало повод для еще более активной пропаганды пангерманизма и создания Военно-морского союза, по сути являлось следствием неправильной оценки происходящего. На самом деле главные участники «блокады» Германии не имели никаких агрессивных намерений по отношению к империи. Наступательные действия в направлении Балкан и морских проливов планировала только Россия. В своих панславянских устремлениях она могла опереться прежде всего на национализм сербов, направленный против господства Австро-Венгрии. В целом можно с уверенностью сказать, что начатый при Вильгельме II с 1890 г. политический курс с его изнурительной борьбой за мировое признание уже довольно рано предопределил ситуацию августа 1914 г.

Конечно, войны не начинаются потому, что они неизбежны. Для того чтобы началась война, должны быть выполнены как минимум два условия: с одной стороны, конкретные люди, занимающие ответственные должности, должны быть готовы к войне, с другой стороны, они должны обладать властью или силой убеждения для того, чтобы сподвигнуть население на «военный поход» или по возможности даже воодушевить его. Среди причин той почти безграничной готовности к войне, которая царила в Германской империи в середине 1914 г., помимо внешнеполитических обстоятельств и ряда уже названных социально-исторических аспектов необходимо особо выделить повседневную политическую культуру, т. е. способ общения людей друг с другом, а также внутрисемейную и вторичную социализацию. Здесь следует отметить прежде всего повышенное внимание к воинским добродетелям и мужественному, воинственному типу поведения в повседневной жизни и в официальной ценностной иерархии германского общества при кайзере Вильгельме. Патриархальные структуры в том виде, в каком они с конца XVIII в. существовали в буржуазной семье с ее четким распределением ролей и поведенческими предписаниями для мужчин и женщин, не только определяли всю «интимную сферу» частной жизни людей, вне зависимости от их принадлежности к определенному классу или слою, но, более того, считались неприкосновенной, почти что священной основой государства и общества. Первичной ячейкой и одновременно «ядром и источником всех моральных устоев» (Т. Ниппердей) считалась семья, в которой наибольшим авторитетом обладал отец. От культа императорской семьи до убежденности некоторых крупных предпринимателей в том, что они могут по-отечески направлять и опекать своих работников, от празднования годовщины победы под Седаном и дня рождения императора до детских игрушек — оловянных солдатиков для мальчиков

и кукольных домиков для девочек, от высокого статуса офицера запаса до ореола славы вокруг разнузданных студенческих корпораций и представления о необходимости защищать оскорбленную мужскую честь на дуэли, от манеры обращения чиновников с просителями до стиля преподавания в школе — все это являлось формами или сферами, с помощью или внутри которых «подданные» приучались к патриархально-милитаристским условностям и моделям поведения.

В формировании общих принципов воспитания, ориентированных на якобы данные от природы особенности женщин и мужчин, женщины играли второстепенную роль. До 1908 г. для них был закрыт доступ к партийной работе; лишь на рубеже веков — в Пруссии в 1908 г. — они получили право учиться в университетах, а избирательное право им было дано только после распада Германской империи в 1919 г. Правда, уже в 1848 г., а затем с середины 1860-х гг. женщины активно объединялись в союзы. Так, например, в 1865 г. был создан Всеобщий германский женский союз. В качестве головной организации в 1894 г. было создано Объединение германских женских союзов, которое в 1913 г. насчитывало около 470 000 женщин. Однако это ничего не меняло в господствующей шкале оценки как мужского, так и женского поведения, а даже, наоборот, укрепляло ее. В своих программах большинство женских союзов руководствовались «политикой материнства», и поэтому они хотя и содержали в себе какую-то критику однобоко «мужских» структур, но в конечном итоге не призывали к радикальным переменам, а скорее стремились усовершенствовать или дополнить творения преимущественно мужской культуры «материнско-женскими ценностями» (У. Фреверт). В пролетарском женском движении, зародившемся в конце 1880-х гг., долгое время решающую роль играла высказанная в книге Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1879 г.) идея о том, что полная эмансипация

женщин будет возможна только тогда, когда будет уничтожен капитализм и созданные им отношения эксплуатации и зависимости. Пожалуй, самый яркий лидер женского социалистического движения до Первой мировой войны — Клара Цеткин — соглашалась с Бебелем в этом вопросе и признавала главенствующую роль мужчин в классовой борьбе, но помимо этого — в отличие от многих социал-демократов мужского пола — требовала экономической независимости для женщин: профессиональная деятельность, по ее мнению, — это главный способ освобождения от тех принуждений, которые связаны с общепринятым представлением о роли женщины. Однако шансы для молодой женщины из низших слоев найти себе какую-нибудь работу, помимо плохо оплачиваемого, низкостатусного фабричного труда или в роли прислуги, в кайзеровской Германии были чрезвычайно малы. Поэтому, если была возможность, немецкие женщины предпочитали роль домохозяйки работе вне дома и, соответственно, попадали в зависимость от своих мужей, что особенно сильно проявлялось именно в рабочей среде. Если же они занимались чем-то еще, помимо домашней работы, то обычно, как и в буржуазной среде, это была благотворительная деятельность или социальная помощь. Таким образом, чувство собственной значимости женщин в пролетарской среде, несмотря на резкое отмежевание от буржуазного женского движения в каких-то других вопросах, в целом основывалось на идеализации материнства и роли матери.

Женское движение, равно как и рабочее и целый ряд прочих «движений» в последние годы кайзеровской Германии, являлось более или менее независимой от государства формой самоорганизации. С ее помощью можно было хоть как-то освободиться от традиционного и/или предписанного государством «способа общественной жизни». Однако частичная «эмансипация» вместе с тем означала — и это можно обнаружить уже применительно

к данной эпохе — опасность новой зависимости и нового обмана. Тем не менее, хотя все эти общественные движения 1890–1900 гг. не стали непосредственной причиной радикальных изменений в государстве, во многих сферах и аспектах они имели значение первого важного начинания и оказали большое влияние на развитие менталитета немецкой нации. Глубокие структурные изменения, заметные для все большего числа людей, а также зримые и ощутимые перемены в повседневной жизни, особенно в больших городах, заставляли искать новые цели и новые перспективы. Концепциям реформирования социальной сферы и попыткам постепенного изменения образа жизни противостояли учения самого разного толка, предлагавшие радикальный выход, — шовинистско-народные, социал-дарвинистские, антисемитские и расистские. Помимо внешнеполитической «блокады», образованные представители буржуазии, критиковавшие культуру большого города и цивилизацию, видели внутреннюю угрозу для сохранения немецкой нации в разрушении моральных устоев, в упадке духовного и физического «здоровья» и во все более пренебрежительном отношении к традиционным авторитетам. Как гласили лозунги того времени, великая нация должна быть обороноспособной и воспитывать в своих сынах воинские добродетели — в том числе и для того, чтобы иметь возможность обратиться к целям культурного развития, реализации которых ничто не должно мешать. В связи с этим в центре внимания критиков эпохи, политиков и самозваных пророков оказалось подрастающее поколение. Во многих проектах нового будущего ему отводилась главная роль, что особенно сильно проявилось после 1910 г., когда стали снижаться традиционно высокие показатели рождаемости — как следствие перехода от традиционного аграрного к современному образу жизни, характерному для индустриального общества.

Борьба за молодежь — прежде всего мужского пола — началась. При этом использовались самые разные аргументы — от поддержания обороноспособности и до необходимости «выведения новой породы людей». «Молодежь» стала ключевым понятием, обозначающим не только определенную субкультуру в обществе с присущим ей потенциалом обновления, но и своеобразный идеал, символ надежды на лучшее будущее и прогресс. «Быть молодым» стало ценным само по себе. Одновременно возросло политическое значение этого понятия. Древняя, но как бы заново рожденная в 1871 г. немецкая нация могла, по мнению многих мыслителей того времени (например, Артура Мёллера ван ден Брука), одним своим «твердым намерением быть молодым народом» оправдать право на мировое господство и превосходство над другими, состарившимися народами. «Молодость — это радость бытия, умение наслаждаться жизнью, надежда и любовь, вера в людей. Молодость — это жизнь, молодость — это цвет, это форма и свет», — таким был девиз основанного в 1895 г. еженедельного журнала «Молодость».

Отчасти как проявление подобной идеализации, но с другой стороны, в знак протеста против всеобщей борьбы за внимание молодежи в берлинском округе Штеглиц и в Гамбурге на рубеже веков зародилось буржуазное молодежное движение, которое непосредственно охватывало лишь очень незначительную часть молодого поколения, однако через определенные формы общения и представления об идеалистической молодежной культуре сильно повлияло как на современную («реформаторскую») педагогику, так и на возникшие в то время церковно-попечительские организации, союзы и партии, включая даже движение рабочей молодежи. Невозможно переоценить влияние пропагандируемых молодежными движениями стилей жизни, визуальных образов и способов выражения на очень многих представителей тех

двух поколений, чья молодость прошла в годы до Первой мировой войны и в эпоху Веймарской республики. Кульминацией этого движения до Первой мировой войны стал слет в октябре 1913 г. Он был проведен в память о победе над Наполеоном сто лет назад и изначально задумывался как альтернативное мероприятие и одновременно протест против националистически-патетических юбилейных празднеств вильгельмовской эпохи: не на грандиозном столичном параде, а на природе, вдали от больших городов, в горах рядом с Касселем, группы «свободной немецкой молодежи», молодые педагоги-реформаторы и участники молодежного туристического движения «Wandervogel» («Перелетная птица») собрались на праздник, на котором звучали клятвы в сплоченности немецкой молодежи, пелись народные песни, исполнялись народные танцы и было дано знаменитое обещание строить «свою жизнь по собственному разумению, соблюдая ответственность и правдивость прежде всего перед самим собой».

Однако ни сформулированное на этом слете предостережение перед «войной в долинах чужой земли» (Г. Винекен), ни телеграмма, посланная императору в конце июля 1914 г. Союзом студенческих добровольческих отрядов, в которой его участники заклинали императора сохранить мир, не помешали этим молодым людям с той же готовностью и восторженностью, что и их сверстники, включая бывших участников молодежного рабочего движения, пойти на войну — искренне веря в то, что отечество в опасности, и надеясь, что теперь, в тяжелый час «и для тех, кто на поле боя, и для тех, кто остался дома», им наконец удастся обрести «свой единый братский народ», как писал незадолго до своей «героической смерти» депутат рейхстага от социал-демократов, основатель Союзов рабочей молодежи Людвиг Франк.

Литература

Сборники исторических источников и документов, относящихся к периоду с 1814 по 1914 г.

Baumgart W. (Bearb.) Das Zeitalter des Imperialismus und des Ersten Weltkrieges (1871–1918). 2 Tle. Darmstadt 1991.

Brandt H. (Hrsg.) Restauration und Frühliberalismus 1814 bis 1840. Darmstadt 1979.

Bruch R. von, Hofmeister B. Kaiserreich und Erster Weltkrieg 1871–1918. Stuttgart 2000. (Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8.)

Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Hrsg. vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Reihe I: 1848–1914. Berlin 1967–1975.

Engeli C., Haus W. (Bearb.) Quellen zum modernen Gemeindeverfassungsrecht in Deutschland. Stuttgart [u. a.] 1975.

Fenske H. (Hrsg.) Der Weg zur Reichsgründung 1850–1870. Darmstadt 1977.

Fenske H. (Hrsg.) Im Bismarckschen Reich 1871–1890. Darmstadt 1978.

Fenske H. (Hrsg.) Unter Wilhelm II. 1890–1918. Darmstadt 1982.

Fenske H. (Hrsg.) Quellen zur deutschen Innenpolitik 1890–1914. Darmstadt 1991.

Fenske H. (Hrsg.) Vormärz und Revolution 1840–1849. Darmstadt 2002.

Fischer W., Krengel J., Wietog J. (Hrsg.) Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch I: Materialien zur Statistik des Deutschen Bundes 1815–1870. München 1982.

Gall L., Koch R. (Hrsg.) Der europäische Liberalismus im 19. Jahrhundert. Texte zu seiner Entwicklung. 4 Bde. Frankfurt a. M. [u. a.] 1981.

Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. (Hrsg.) Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch II: Materialien zur Statistik des Kaiserreichs 1870–1914. München 1979.

Hubbard W. H. Familiengeschichte. Materialien zur deutschen Familie seit dem Ende des 18. Jahrhunderts. München 1983.

Huber E. R. (Hrsg.) Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd. 1: 1803–1850. Stuttgart [u. a.] 1978. Bd. 2: 1851–1900. Ebd. 1986. Bd. 3: 1900–1918. Ebd. 1990.

Huber E. R., Huber W. (Hrsg.) Staat und Kirche im 19. und 20. Jahrhundert. Dokumente zur Geschichte des deutschen Staatskirchenrechts. Bd. 1. Berlin 1990. Bd. 2. Berlin 1976.

Jantke C., Hilger D. (Hrsg.) Die Eigentumslosen. Der deutsche Pauperismus und die Emanzipationskrise in Darstellungen und Deutungen der zeitgenössischen Literatur. Freiburg i. Br. /München 1965.

Richarz M. (Hrsg.) Jüdisches Leben in Deutschland. Selbstzeugnisse zur Sozialgeschichte. Bd. 1: 1780–1871. Stuttgart 1976. Bd. 2: Selbstzeugnisse zur Sozialgeschichte im Kaiserreich. Ebd. 1979.

Ritter G. A. Wahlgeschichtliches Arbeitsbuch: Materialien zur Statistik des Kaiserreichs 1871–1918. Unter Mitarb, von Merith Niehuss. München 1980.

Ritter G. A., Kocka J. (Hrsg.) Deutsche Sozialgeschichte. Dokumente und Skizzen. Bd. 2: 1870–1914. München 1988.

Rüden P. von, Koszyk K. (Hrsg.) Dokumente und Materialien zur Kulturgeschichte der deutschen Arbeiterbewegung, 1848 bis 1918. Frankfurt a. M. 1979.

Rutschky K. (Hrsg.) Schwarze Pädagogik. Quellen zur Naturgeschichte der bürgerlichen Erziehung. Frankfurt a. M. [u. a.] 1977. Neuausg. Berlin 1997.

Schraepler E. (Hrsg.) Quellen zur Geschichte der sozialen Frage in Deutschland. Bd. 1: 1800–1870. 2., neubearb. Aufl. Göttingen [u. a.] 1960.

Siemann W. (Bearb.) Restauration, Liberalismus und nationale Bewegung (1815–1870). Darmstadt 1982.

Steitz W. (Hrsg.) Quellen zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte im 19. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. Darmstadt 1980.

Steitz W. (Hrsg.) Quellen zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte von der Reichsgründung bis zum Ersten Weltkrieg. Darmstadt 1985.

Treue W., Pönike H., Manegold K.-H. (Hrsg.) Quellen zur Geschichte der industriellen Revolution. Göttingen [u. a.] 1979.

Treue W. (Hrsg.) Deutsche Parteiprogramme seit 1861. Göttingen [u. a.] 1968.

Избранные труды по истории XIX и XX веков и в первую очередь по периоду с 1814 по 1914 г.

Achilles W. Deutsche Agrargeschichte im Zeitalter der Reformen und der Industrialisierung. Stuttgart 1993.

Bauer F. J. Das «lange» 19. Jahrhundert (1789–1917). Stuttgart 2004.

Berg Ch. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte. Bd. 4: 1870–1918. München 1991.

Blasius D. Geschichte der politischen Kriminalität in Deutschland 1800–1980. Frankfurt a. M. 1983.

Botzenhart M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789–1847. Frankfurt a. M. 1985.

Bruch R. von (Hrsg.) «Weder Kommunismus noch Kapitalismus». Bürgerliche Sozialreform in Deutschland vom Vormärz bis zur Ära Adenauer. München 1985.

Conze W., Kocka J. Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Bd. 1. Stuttgart 1985.

Daniel U., Siemann W. (Hrsg.) Propaganda. Meinungskampf, Verführung und politische Sinnstiftung 1789–1989. Frankfun a. M. 1994.

Dowe D., Haupt H.-G., Langewiesche D. (Hrsg.) Europa 1848. Revolution und Reform. Bonn 1998.

Ehmer J. Sozialgeschichte des Alters. Frankfurt a. M. 1990.

Frevert U. Frauen-Geschichte. Zwischen bürgerlicher Verbesserung und Neuer Weiblichkeit. Frankfurt a. M. 1986.

Frevert U., Haupt H.-G. (Hrsg.) Der Mensch des 19. Jahrhunderts. Frankfurt a. M. 1999.

Gall L. Europa auf dem Weg in die Moderne 1850–1890. München 2004.

Geschichte des Wohnens. Bd. 3: 1800–1918. Das bürgerliche Zeitalter. Hrsg. von Jürgen Reulecke. Stuttgart 1997.

Hahn H.-W. Geschichte des Deutschen Zollvereins. Göttingen 1984.

Hardtwig W. Vormärz. Der monarchistische Staat und das Bürgertum. München 1998.

Haupt H.-G., Crossick G. Die Kleinbürger. Eine europäische Sozialgeschichte des 19. Jahrhunderts. München 1998.

Hentschel V. Geschichte der deutschen Sozialpolitik 1880 bis 1980. Frankfurt a.M. 1983.

Holste H. Der deutsche Bundesstaat im Wandel (1867–1933). Berlin 2002.

Huber E. R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 1. Stuttgart [u. a.] 1995. Bd. 2. Ebd. 1988. Bd. 3. Ebd. 1988. Bd. 4. Ebd. 1994. [Mehrere Aufl.]

Jeismann K.-E., Lundgreen P. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte. Bd. 3: 1800–1870. München 1987.

Jeserich K. G. A. [u. a.] (Hrsg.) Deutsche Verwaltungsgeschichte. Bd. 2: Vom Reichsdeputationshauptschluß bis zur Auflösung des Deutschen Bundes. Stuttgart 1983. Bd. 3: Das Deutsche Reich bis zum Ende der Monarchie. Ebd. 1984.

Kerbs D., Reulecke J. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Reformbewegungen 1880–1933. Wuppertal 1998.

Klueting E. (Hrsg.) Antimodernismus und Reform. Beiträge zur Geschichte der deutschen Heimatbewegung. Darmstadt 1991.

Koch R. Deutsche Geschichte 1815–1848. Restauration oder Vormärz? Stuttgart [u. a.] 1985.

Kocka J. (Hrsg.) Arbeiter und Bürger im 19. Jahrhundert. Varianten ihres Verhältnisses im europäischen Vergleich. München 1986.

Kocka J. (Hrsg.) Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Fünfzehn Beiträge. Göttingen 1995.

Kocka J. Arbeitsverhältnisse und Arbeiterexistenzen. Grundlagen der Klassenbildung im 19. Jahrhundert. Bonn 1990.

Koselleck R. Preußen zwischen Reform und Revolution. Allgemeines Landrecht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791–1848. Stuttgart 1981.

Krabbe W. R. Die deutsche Stadt im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen 1989.

Langewiesche D. Europa zwischen Restauration und Revolution 1815–1849. München 2004.

Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a. M. 1995.

Lehnert D. Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei 1848–1983. Frankfurt a. M. 1983.

Lenger F. Sozialgeschichte der deutschen Handwerker seit 1800. Frankfurt a. M. 1988.

Marschalck P. Bevölkerungsgeschichte Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M. 1985.

Mitterauer M. Sozialgeschichte der Jugend. Frankfurt a. M. 1992.

Mommsen W. J. Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Gesellschaft und Kultur im deutschen

Kaiserreich. Frankfurt a.M. 1990.

Mommsen W. J. 1848 — Die ungewollte Revolution. Die revolutionären Bewegungen in Europa 1830–1849. Frankfurt a. M. 1998.

Nave-Herz R. Die Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland. Leverkusen 1997. Niethammer Lutz [u. a.] Bürgerliche Gesellschaft in Deutschland. Historische Einblicke, Fragen, Perspektiven. Frankfurt a.M. 1990.

Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München 1991.

Nipperdey T.Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 1: Arbeitswelt und Bürgergeist. München 1994. Bd. 2: Machtstaat vor der Demokratie. Ebd. 1995.

Nitschke A. [u. a.] (Hrsg.) Jahrhundertwende. Der Aufbruch in die Moderne 1880–1930. 2 Bde. Reinbek 1990.

Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J. H. (Hrsg.) Handbuch zur «völkischen Bewegung» 1871–1918. München 1999.

Reulecke J. Geschichte der Urbanisierung in Deutschland. Frankfurt a. M. 1985.
Reulecke J. (Hrsg.) Geschichte des Wohnens. Bd. 3: 1800–1918. Stuttgart 1997.
Ritter G. A. Die deutschen Parteien 1830–1914. Parteien und Gesellschaft im konstitutionellen Regierungssystem. Göttingen 1985.
Ritter G. A., Tenfelde K. Arbeiter im Deutschen Kaiserreich 1871 bis 1914. Bonn 1992.
Rürup R. Deutschland im 19. Jahrhundert 1815–1871. Göttingen 1992.
Schulz A. Lebenswelt und Kultur des Bürgertums im 19. und 20. Jahrhundert. München 2005.
Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München 1997.
Spree R. Soziale Ungleichheit vor Krankheit und Tod. Zur Sozialgeschichte des Gesundheitsbereichs im Deutschen Kaiserreich. Göttingen 1981.
Stübig H. Bildung, Militär und Gesellschaft in Deutschland: Studien zur Entwicklung im 19.Jahrhundert. Köln [u. a.] 1994.
Tennstedt F. Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen 1981.
Teuteberg H. J. Geschichte der industriellen Mitbestimmung in Deutschland. Tübingen 1961.
Tilly R. H. Vom Zollverein zum Industriestaat. Die wirtschaftlich-soziale Entwicklung Deutschlands 1834–1914. München 1990.
Ullrich V. Die nervöse Großmacht 1871–1918. Frankfurt a. M. 2002.
Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen 1994.
Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 2: Von der Reformära bis zur industriellen und politischen «Deutschen Doppelrevolution» 1815–1845/49. München 1996.

Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3: Von der «Deutschen Doppelrevolution». bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849–1914. München 1995.

Zorn W. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Wirtschaftsund Sozialgeschichte. Bd. 2: Das 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart 1976.

Юрген Ройлеке

ЭПОХА МИРОВЫХ ВОЙН (1914–1945 гг.)

Общая характеристика эпохи

Уже через несколько месяцев после начала войны стало ясно: надеждам многих немцев на то, что мировая война принесет Германии очищение и создаст основы новой стабильности, не суждено сбыться. Несмотря на все старания сохранить «гражданский мир» внутри страны (используя в том числе средства современной пропаганды), военные действия, требовавшие все больших жертв и неумолимо приближавшие поражение Германии, сопровождались внутренней поляризацией немецкого общества. В связи с этим эпоха, начавшаяся одновременно с Первой мировой войной, получила название «кризисных лет классической современности» (Д. Пойкерт). С одной стороны, в эти годы — хотя и с опозданием и во многом на базе наследия кайзеровской Германии — наконец-то произошла модернизация политических структур, т. е. начался «эксперимент по построению демократии» в форме современного социального государства; с другой стороны, отчасти при содействии современных средств массовой информации, усилились антидемократические и антимодернизационные движения. Годы Веймарской республики стали важным этапом немецкой истории, когда период расцвета переживали (в последний раз) как буржуазные культурные движения, так и особая

рабочая субкультура, в то время как в больших городах распространялась современная массовая культура. На протяжении 1920-х гг. все эти культурные движения сталкивались и пересекались друг с другом, в то время как государство при помощи законодательных мер пыталось прибрать к рукам средства массовой культуры (радио, кино). На фоне мирового экономического кризиса невиданных до сих пор масштабов многие люди стали склоняться к радикальным путям выхода из общего кризиса, одобряя авторитарные решения и тем самым предуготавливая «немецкую катастрофу», которой суждено было вылиться в катастрофу для всего мира — во Вторую мировую войну.

Конечно, в подобном описании эпохи, данном в самых общих чертах и основанном на концепции модернизации, замалчиваются другие трактовки, которые в последнее время все чаще становятся предметом дискуссий. Во-первых, сегодня нижние и верхние границы эпохи уже не выделяются так четко, как это было раньше. Теперь историки придают большее значение тесной взаимосвязи эпохи с предыдущими и последующими десятилетиями в различных и прежде всего в духовных аспектах, равно как и часто недооцениваемым внутренним дифференциациям, помимо классового разделения или дихотомии традиционных и современных структур, например, дифференциации по половой принадлежности или по поколениям. Кроме того, построенная на модернизационной модели социально-политическая история, точно так же как анализ общества, учитывающий исключительно структурную или процессуальную историю, не может применяться там, где речь идет не об абстрактной классификации отношений и процессов на макроуровне, а о реконструкции восприятия и мировоззрения конкретных людей, действовавших, страдавших, надеявшихся, живших в эту эпоху и еще не знавших, что их ждет впереди. Применительно к XX в. с его постоянными

кризисами и трансформациями более адекватным представляется именно дифференцированный подход. Когда в центре внимания оказывается другая сторона исторической медали, т. е. «жизненный мир» человека, абстрактные, глобальные интерпретации не имеют смысла. Они не в состоянии учесть индивидов, их стратегии действия, их «культуру» и представления о том, что истинно, а что ложно. Все это необходимо учитывать в последующем изложении, так же как и в предыдущей главе, чтобы не поддаться почти неизбежному высокомерию историографа, который смотрит на прошедшие события с сегодняшней точки зрения.

От Первой мировой войны до первой немецкой республики

1914	*1 августа:* всеобщая мобилизация в Германии; объявление войны России.
	3 августа: Германия объявляет войну Франции; начало немецкого наступления на Западе через нейтральную Бельгию (план Шлифена).
	4 августа: рейхстаг, включая Социал-демократическую партию Германии, голосует за военные кредиты.
	Англия объявляет войну Германии.
	30 августа: поражение русской армии под Танненбергом.
	5–12 сентября: битва на р. Марне; отступление германских войск и начало позиционной войны.
1915	*23 мая:* Италия вступает в войну на стороне Антанты; позднее Турция и Болгария вступают в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.
1916	«Война техники и материальных ресурсов»: сражения под Верденом, в Шампани и на Сомме. *Август:* Гинденбург и Людендорф становятся во главе немецкого командования.
	5 декабря: закон о формировании отрядов гражданской обороны.
1916/1917	Голодная зима в Германии (картофель заменен брюквой, отсюда название — «Steckrübenwinter»); растет напряжение и недовольство на «внутреннем фронте».

1917 *1 февраля:* Германия начинает тотальную подводную войну; в ответ США объявляют войну Германии (6 апреля); волна забастовок, в том числе в Берлине и Руре.

13 марта (23 февраля по юлианскому календарю): Февральская революция в России, 16 апреля (3 апреля): Ленин с группой других эмигрантов при поддержке немецкого правительства возвращается из швейцарской ссылки в Санкт-Петербург; 7 ноября (25 октября): начало Октябрьской (большевистской) революции.

Апрель: основание Независимой социал-демократической партии; борьба против продолжения войны.

Июль: министр пропаганды Эрцбергер выступает за компромиссный мир.

1918 *8 января:* «Четырнадцать пунктов» американского президента Вильсона.

Март: в Брест-Литовске подписан мирный договор с Россией.

8 августа: битва под Амьеном — «черный день» для германской армии. Сопротивление центрально-европейской коалиции сломлено.

3 октября: кабинет под руководством нового канцлера Германии князя Макса Баденского отправляет президенту Вильсону ноту с предложением о перемирии.

Конец октября: изменение конституции и установление парламентской монархии в Германии.

3 ноября: начало восстания матросов в Киле; создание советов рабочих и солдат во многих немецких городах.

8–11 ноября: мирные переговоры в Компьене.

9 ноября: Вильгельм II отрекается от престола. Социал-демократ Филипп Шейдеманн провозглашает республику; созыв «Совета народных депутатов» — революционного правительства под руководством Фридриха Эберта.

11 ноября: прекращение военных действий.

Начало войны (объявление войны России 1 августа 1914 г., Франции — 3 августа 1914 г.) все немцы, за немногочисленным исключением, восприняли как спасение или освобождение от затянувшейся неопределенности и от неудовлетворенных потребностей; даже социал-демократы, которые по идее должны были оставаться «товарищами без отечества», проголосовали в рейхстаге за

военные кредиты. Несмотря на внутренние расхождения или как раз из-за них, немецкий народ теперь интенсивно переживал великую общность судьбы — как будто какие-то внешние силы вынуждали его вести оборонительную войну. Поэтому он верил лозунгам и объяснениям, предлагавшимся политической и военной верхушкой, верил немецкой патриотической прессе и националистическим идеологам, и, исполненный роковых иллюзий о «гражданском мире» (Вильгельм II: «Для меня больше нет партий, [...] а есть только братья»), о справедливом, богоугодном крестовом походе и о военном превосходстве, он видел выход только в наступлении, которое уже очень скоро захлебнулось в окопах на Западном фронте. Однако возлагать вину за развязывание войны исключительно на Германскую империю, что имело место вскоре после войны и самым роковым образом отравило последующие десятилетия немецкой истории, сегодня представляется неоправданным. Все ведущие европейские державы были причастны к подготовке к войне и если не стремились к ней в открытую, то, по крайней мере, учитывали ее в своих политических расчетах. По сути, европейские государства оказались в патовой ситуации, которую сами и создали: возможность мирного разрешения этой ситуации уже не рассматривалась всерьез, и было достаточно одной искры, чтобы взорвать пороховую бочку. Этой искрой стало убийство австрийского престолонаследника Франца Фердинанда сербским студентом 28 июня 1914 г. При этом, конечно, немцы, объявившие в начале августа войну России и Франции и напавшие на нейтральную Бельгию, оказались в роли непосредственных агрессоров.

Действия немецких войск по «плану Шлиффена», начавшиеся с быстрого продвижения через Бельгию и в обход через Северо-Восточную Францию к Парижу («маневренная война»), уже в сентябре 1914 г., после битвы на Марне, перешли в позиционную войну от границы

со Швейцарией до г. Остенде на берегу Ла-Манша. Эта линия фронта с незначительными изменениями просуществовала до августа 1918 г., когда настал «черный день» битвы под Амьеном (8 августа 1918 г.). Тогда, после нескольких лет изнурительной войны техники и ресурсов, унесшей огромное количество человеческих жизней с той и другой стороны (в первую очередь в районе Вердена), танки союзников сломили обескровленную немецкую армию и заставили ее прекратить войну. Центральноевропейские державы, даже при участии Турции на их стороне, были не только численно слабее Антанты, но, кроме того, были вынуждены вести военные действия, помимо Западного фронта, еще на нескольких других фронтах, которые простирались от Восточной Пруссии, откуда так и не удалось вытеснить русские войска после битвы под Танненбергом (мифологизация подвига Гинденбурга), через Карпаты, Доломитовые Альпы, Балканы и до Дарданелл. Борьба велась и в африканских колониях. Немецкие войска также воевали на стороне Турции в Палестине и Месопотамии. Это привело к тому, что после первых успехов почти на всех фронтах немецкая армия перешла от наступления к позиционной войне. Ситуация стала меняться не в пользу Германии. Лишь на Восточном фронте Россия несла большие потери и в конце концов оказалась на грани поражения, так что революционные лозунги легли на благодатную почву. После Февральской революции 1917 г. царь Николай II отрекся от престола; против Временного правительства под председательством Керенского, готового к продолжению войны, вел агитационную работу Ленин. При поддержке министерства иностранных дел Германии он в пломбированном вагоне вернулся из Швейцарии в Россию. Вместе с Троцким, Сталиным, Зиновьевым и другими Ленин возглавил революцию, и одним из основных его обещаний было закончить войну. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске Россия подписала навязанный

Германией мир. Однако успехи на Восточном фронте не уменьшили напряжение сил на остальных фронтах. Вступление в войну США в апреле 1917 г., спровоцированное прежде всего тем, что Германия объявила о начале тотальной подводной войны, окончательно лишило австро-германский союз шансов на победу. Падение их союзника Болгарии, не говоря уже о знаменательном танковом прорыве союзных войск под Амьеном, стало началом конца. По настоянию Высшего командования (с 1916 г. осуществляемого Гинденбургом и Людендорфом), по причине полного истощения немецкой армии, которая, однако, продолжала держать оборону по «линии Зигфрида», 3–4 октября 1918 г. Германская империя и Австро-Венгрия отправили американскому президенту Вильсону ноту с предложением о перемирии в ответ на его «14 пунктов», в которых он еще 8 января 1918 г. сформулировал основные условия подписания мирного соглашения. Через несколько дней готовность к мирным переговорам высказала также Турция. После того как Австрия и Германия выполнили разнообразные требования союзников (среди которых было отречение Вильгельма II от престола), были проведены переговоры между генералом Фошем, представлявшим союзные державы, и Матиасом Эрцбергером, возглавлявшим немецкую делегацию. 11 ноября (а в Турции уже 30 октября) 1918 г. военные действия прекратились.

Война как таковая была завершена, однако заключенное перемирие, как показали последующие десятилетия, не стало первым шагом к созданию нового международного миропорядка или общественно-политического обновления в Германской империи, несмотря на то что в 1919 г. была создана Лига наций, а Ноябрьская революция 1918 г. в Германии создала предпосылки для установления демократического режима. Война во многих областях оставила глубокие раны, усугубила старые противоречия и породила новые. В конечном итоге они

перевесили прогрессивные начинания, причем это можно сказать как о ситуации в Германии, так и о мире в целом.

Что касается положения в Германской империи, то причины многих послевоенных конфликтов появились еще в первые годы войны. После того как уже зимой 1914/1915 гг. изначальная эйфория по поводу войны стала улетучиваться, уступая место разочарованию, политики, военачальники и общественные лидеры были вынуждены все свои силы направлять на то, чтобы поддерживать в народе «волю к сопротивлению», добиваться рекордных результатов в военном производстве и гарантировать сплоченность «внутреннего фронта», т. е. обеспечивать «гражданский мир». При этом перед военными и гражданскими руководителями всех уровней стояла задача средствами жесткой регламентации, тотальной дисциплины и постоянной военной пропаганды находить баланс между потребностями армии, оборонной промышленности и продовольственного обеспечения. В результате была предпринята попытка направить всю жизнь общества на военные цели («военный социализм»), что предполагалось сделать в первую очередь с помощью закона о гражданской обороне, принятого 5 декабря 1916 г. Несмотря на то что в этой ситуации профсоюзы впервые получили общественное признание в качестве партнеров по переговорам и имели влияние в учрежденных в то же время согласительных комиссиях, раскол «внутреннего фронта» к тому моменту был настолько глубоким, что его невозможно было устранить путем форсированного вмешательства государства. Зима 1916/1917 гг., вошедшая в историю из-за крайней нехватки продовольствия в Германии, окончательно подорвала доверие многих людей в способность государства решать насущные проблемы и справедливо распределять имеющиеся ресурсы. Вместо представления о тяжелом бремени, которое в равной мере несут все немцы, во многих — и прежде

всего в солдатских — семьях появилось чувство горечи и разочарования. Все громче становилась критика. Наряду с обострившимися старыми противоречиями и образами «врага» довоенной эпохи стали появляться новые, вызванные бурным расцветом ростовщичества и спекуляций, стремлением многих нажиться на военных поставках, разницей в снабжении между городом и деревней, а также конфликтами поколений и увеличивающимися социальными различиями между полами. *Большинство семей (особенно «солдатские семьи»* из рабочей среды, а также прежде хорошо обеспеченные семьи средней буржуазии, оказавшиеся на грани нищеты после того, как их «основные кормильцы» погибли на фронте) кое-как обеспечивали свое существование только за счет обмена своих вещей на продукты в деревнях, сделок на черном рынке, т. е. добывая продовольствие любыми, в том числе полулегальным и нелегальным способом. В первую очередь жены рабочих и (пока еще) немобилизованные подростки, использовавшиеся властями как дополнительный рабочий ресурс, повлияли *на настроение на «внутреннем фронте», а в конечном* итоге — через письма и/или жалобы во время солдатских отпусков — и в окопах. Это было связано с завышенными плановыми показателями, расхождением между авторитарными замашками государства и повседневной действительностью, а также с крайне тяжелой продовольственной ситуацией. Даже отстаивавшие необходимость «гражданского мира» профсоюзы и большинство социал-демократов (фракция, требовавшая прекращения войны, отделилась от СДПГ в апреле 1917 г. и основала Независимую социал-демократическую партию Германии) уже *не могли утихомирить «закипавшую в глубине злость»*: после различных беспорядков и спонтанных акций протеста, в первую очередь в промышленных городах, крупная стачка рабочих военного завода в начале 1918 г. показала, что «воля к сопротивлению», которая поначалу

еще была у значительной части населения, окончательно истощилась.

Начиная с 1917 г. правительство и император пытались усмирить растущее недовольство народных масс обещаниями реформировать ненавистную трехклассовую концепцию избирательного права в Пруссии и ввести в империи парламентскую систему правления. Однако эти меры были предприняты слишком поздно, не говоря уже об изданном 28 октября 1918 г. постановлении о введении парламентской республики (так называемые «октябрьские реформы»). Рейхсканцлер принц Макс Баденский, возглавлявший с 3 октября 1918 г. кабинет министров, в котором впервые два портфеля принадлежали социал-демократам, мог лишь попытаться спасти то, что еще не погибло окончательно. Он послал Вильсону ноту с предложением о прекращении огня и подписании мирного соглашения и заставил колебавшегося кайзера Вильгельма II отречься от престола. Его последним действием на этом посту 9 ноября 1918 г. стало назначение рейхсканцлером лидера Социал-демократической партии Фридриха Эберта.

Когда в этой ситуации в конце октября командование германским флотом, который, вопреки довоенной пропаганде, так и остался невостребованным и простоял всю войну на якоре в Киле, решило реализовать давно вынашиваемый план и совершить концентрированный прорыв в направлении Ла-Манша, чтобы в последнюю минуту хоть как-то улучшить немецкие позиции, матросы взбунтовались против этого предприятия, воспринятого ими как «поход за верной смертью». И хотя от плана отказались, штрафные санкции, наложенные командованием на мятежных матросов, еще больше накалили ситуацию. Сигнал к началу революции в империи был дан. В течение нескольких дней революционная бацилла распространилась из Киля по всей Германии и привела к возникновению во многих городах, прежде всего в Мюн-

хене и Берлине, массового революционного движения, к созданию советов рабочих и солдат и к всеобщей забастовке. В полдень 9 ноября социал-демократ Филипп Шейдеман с балкона здания рейхстага самовольно провозгласил «германскую республику»; через какое-то время Карл Либкнехт, один из идеологов леворадикального «Союза Спартака», попытался привлечь массы на свою сторону, выступая перед Берлинским замком за «свободную социалистическую республику». Таким образом, уже тогда обозначились два полюса, вокруг которых развивались события последующих месяцев.

Веймарская республика: развитие и провал «эксперимента по построению демократии»

1918 *16 ноября:* Высшее командование дает согласие на формирование Добровольческого корпуса.

1919 *1 января:* основана Коммунистическая партия Германии (Союз Спартака).

5–12 января: восстание Союза Спартака в Берлине.

15 января: расстрел Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

18 января: начало мирных переговоров в Версале.

19 января: выборы в Национальное собрание.

6 февраля: открытие конституционного Национального собрания в Веймаре; Фридрих Эберт становится президентом; формирование правительства «Веймарской коалиции» (СДПГ, партия Центра и Немецкая демократическая партия) под руководством Филиппа Шейдемана.

28 июня: подписание мирного договора в Версале.

11 августа: принятие Веймарской конституции.

1920 *Март:* Капповский путч.
Восстания коммунистов в Центральной Германии и Руре.

1922 *4 июля:* ратификация Рапалльского договора между Германией и Советским Союзом.

28 октября: «марш на Рим» — победа фашизма в Италии, приход к власти Муссолини.

1923 Оккупация Рура франко-бельгийскими войсками и «борьба за Рур».

8/9 ноября: провал гитлеровского путча в Мюнхене.

15 ноября: ввиду «галопирующей» инфляции в обращение введена «рентная марка».

1924 *29 августа:* рейхстаг принимает план Дауэса как основу дальнейших репарационных выплат.

1925 *28 февраля:* умирает Фридрих Эберт. Президентом становится Гинденбург.

1 декабря: подписание Локарнских договоров.

1926 *24 апреля:* договор между СССР и Германией о дружбе и нейтралитете.

8 сентября: Германия принята в Лигу наций.

1927 *16 июля:* Закон о страховании на случай безработицы.

1929 *21 августа:* принят план Янга по выплате репараций (ратифицирован в рейхстаге 12 марта 1930 г.).

25 октября: «Черная пятница» (крах Нью-Йоркской биржи), начало мирового экономического кризиса.

1930 *29 марта:* свержение правительства Мюллера (СДПГ), конец парламентской республики; Брюнинг (партия Центра) становится рейхсканцлером.

14 сентября: выборы в рейхстаг (НСДАП набирает большое количество голосов).

1932 *10 апреля:* Гинденбург избирается президентом на второй срок.

20 июля: государственный переворот в Пруссии под руководством фон Папена («удар по Пруссии»).

1933 *30 января:* Гинденбург назначает Гитлера рейхсканцлером.

Революция 1918/1919 гг. была результатом стихийных движений; она не подготавливалась какими-то политическими группировками, отсутствовала и развернутая программа в отношении новой формы правления, которая должна была сменить систему вильгельминизма. Поэтому исторические решения, принятые в первые недели после свержения старой власти, были чистой импровизацией. В связи с этим и весь период Веймарской республики когда-то пытались охарактеризовать как эпоху «импровизированной демократии». Впрочем, скрывающаяся за этим ярлыком аргументация упрощает структурные проблемы, которые, кроме того, часто рассматриваются с точки зрения последующего падения республики и ошибок, совершенных на начальном этапе лидерами молодой республики. Однако основной проблемой двух послевоенных десятилетий было то,

что точкой отсчета не только в политике, но и в мышлении, восприятии и оценках для большинства людей почти всегда оставалось поражение в войне и связанные с ним унижения. Несколько утрируя, можно сказать, что в стране господствовало «внутреннее неприятие мира» (Г. Моммзен). Оно как бы блокировало использование возможностей нового миропорядка. Впрочем, говорить о том, что люди того времени просто «не справились» и опустили руки, было бы таким же упрощением, как при оценке действий буржуазии во время и после революции 1848 г. Недавние исследования, посвященные, в частности, преемственности менталитета от кайзеровской Германии до республики, скорее склонны использовать в этом контексте понятие «непосильной задачи». Кризисные явления, обусловленные стремительной модернизацией немецкого общества и имевшие место еще при кайзере, после войны заявили о себе с новой силой. В то же время людям приходилось справляться со своими переживаниями в связи с проигранной войной, начало которой было овеяно иллюзиями и надеждами на спасение. В этой ситуации поиск решения проблем в социальной, экономической и политической сферах в конечном итоге был сведен к поиску виноватых. При этом критерии, по которым определялись «виноватые», а также выстраивались перспективы на будущее, пропагандируемые различными политическими и идеологическими силами, по возможности черпались из духовного наследия довоенной Германии и из переживаний времен войны. Возникший в результате духовный климат с самого начала был отравлен — в том числе и потому, что любой мог использовать уже имеющиеся, емкие и удобные для пропаганды формулы, с помощью которых можно было привести к общему и притом понятному для масс знаменателю сложные и многообразные причины поражения немцев в войне. К таким формулам относились, в частности, миф об «ударе в спину» (Dolchstoß-Legende) или

представление о том, что в военном отношении Германия войну не проиграла (im Felde unbesiegt). Кроме того, политики, в конце 1918 г. против своей воли оказавшиеся в роли вершителей судеб (в частности, Эберт и Шейдеман, но также Эрцбергер), теперь были заклеймлены как «ноябрьские преступники».

Умеренные социал-демократы в переломный момент в ноябре 1918 г. оказались наиболее стабильной политической силой и поэтому смогли предотвратить угрозу внутриполитического хаоса, хотя сами они отнюдь не стремились к такой ситуации. Им казалось, что для формирования нового государства вполне достаточно октябрьских реформ. Однако поскольку во всех германских землях произошло бескровное свержение монархии, а буржуазия, имея перед глазами пример России и опасаясь того, что массовые движения могут и в Германии перерасти в кровавую революцию, поначалу была как будто парализована, прагматичная стратегия Фридриха Эберта и его соратников встретила одобрение в самых широких слоях населения, а не только среди уставших от войны рабочих. Первоочередная задача социал-демократов заключалась в том, чтобы еще до начала коренных преобразований в государстве и обществе предотвратить гражданскую войну и голод, взять под контроль процесс демобилизации и соблюсти условия перемирия, с тем чтобы окончательно прекратить войну. Все остальные структурные решения предполагалось поручить новым, демократически избранным органам власти. В дебатах вокруг альтернативы «парламентская республика (которую предполагалось создать на основе решений Национального собрания) vs республика советов», за которую выступал прежде всего Союз Спартака под девизом «Вся власть советам!» (в конце декабря 1918 г. от «Спартака» отделилась Коммунистическая партия Германии), умеренным социалистам удалось отстоять свою позицию, равно как и в альтернативе «социальные реформы

vs национализация». Восстания против такого пути развития, в частности, «восстание Спартака» в Берлине в середине января 1919 г., были подавлены войсками под командованием генерала Грёнера, вставшими на защиту общественного спокойствия и порядка. Однако Совет народных уполномоченных* как главный исполнительный орган революции обращался за помощью не только к высшему офицерскому корпусу, но и к другим представителям верхушки кайзеровского общества, прежде всего к высшим чиновникам и крупным промышленникам. Эту стратегию поддерживали и профсоюзы, заключившие с союзами предпринимателей уже в середине ноября 1918 г. соглашение, в котором предприниматели шли на значительные — по тогдашним меркам — уступки профсоюзам, лишь бы избежать национализации.

Действительно, благодаря такой политике удалось предотвратить всеобщий хаос, которого так опасались в послевоенной Германии, а благодаря выборам в Национальное собрание 19 января 1919 г. — создать предпосылки для становления парламентской республики и отвести угрозу распада Германии. Тем не менее, конфликты, в 1919–1920 гг. охватившие многие регионы Германии (Берлин, Саксонию, Тюрингию, Рур и так далее) и по своему характеру очень напоминавшие гражданскую войну, а также попытка путча, предпринятая 13 марта 1920 г. правыми экстремистами во главе с генеральным директором земельного управления Восточной Пруссии Каппом и «отцом добровольческого корпуса» генералом Лютвицем, надолго оставили в душах людей чувство обиды и недовольства, а также усугубили разногласия между умеренным большинством и леворадикальными

* В Совет народных уполномоченных входили шесть депутатов, причем сначала представителей СДПГ и отделившихся от нее независимых социал-демократов было поровну, а с декабря 1918 г. в Совет входили только члены СДПГ.

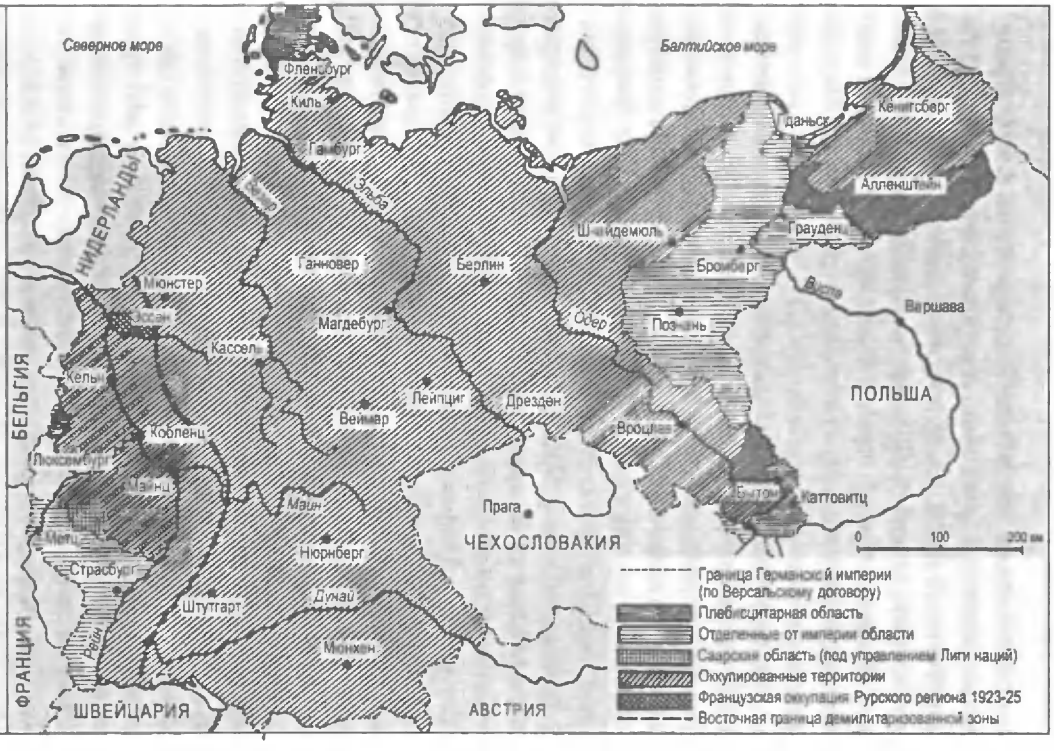
группировками рабочих партий. Роковые последствия имело прежде всего то обстоятельство, что лидеры умеренных социал-демократов в деле обеспечения внутреннего мира слишком сильно полагались на буржуазную, традиционно лояльную к авторитарному государству элиту, которая скептически или даже резко отрицательно относилась к республике. Жизнь молодой республики осложнялась не только тем, что социальная действительность в последующие годы очень сильно отличалась от первоначальных надежд и конституционных обещаний; проблема заключалась также в том, что значительная часть общества, среди которых были люди, имевшие вес в политике и в экономике, не поддерживали республику и в конце концов стали открыто выступать против нее.

Вскоре социал-демократы, поначалу игравшие решающую роль в политической жизни Германии, лишились возможности реформировать общество согласно своим представлениям. Уже выборы в конституционное Национальное собрание показали ограниченность их общественной платформы. Вместо ожидаемого абсолютного большинства голосов они получили лишь 40%, а на всех последующих выборах в рейхстаг (всего до 1933 г. их было восемь) за них голосовало не более 20% избирателей. Таким образом, уже в Национальном собрании СДПГ была вынуждена вступать в коалицию, т. е. искать компромисс с двумя буржуазными партиями — Центром и Немецкой демократической партией. Последняя во многих областях преследовала цели, сильно отличавшиеся от целей социал-демократов. Поэтому принятая 31 июля 1919 г. Веймарская конституция не отличалась целостностью и не соответствовала какой-либо законченной общественно-политической программе. Главными авторами конституционного проекта являлись не социал-демократы, а буржуазные леволибералы Гуго Пройс и Фридрих Науман. Они, и уж тем более правобуржуазные круги, а также некоторые социал-демократы в конечном итоге не

решились признать за парламентом полный суверенитет и, за счет предоставления очень широких полномочий президенту (прежде всего в § 48: право на введение чрезвычайного положения) и права народа на прямую законодательную инициативу и на плебисцит, пришли к компромиссу в форме конституционно-правового дуализма, имевшего крайне серьезные последствия в дальнейшем. Кроме того, многие положения конституции содержали в себе лишь намерения без конкретных указаний относительно пути их осуществления, так что спорные моменты, касавшиеся реализации отдельных конституционных параграфов, откладывались на будущее.

И все же, несмотря на критику с позиций сегодняшнего дня и в отношении отдельных положений, Веймарская конституция была настоящим прорывом и носила бесспорно инновационный характер. Это проявилось прежде всего в тех параграфах, где речь шла о задачах государства в социальной сфере и о закреплении принципов социального государства в основных правах граждан. Помимо первых важных постановлений Совета народных уполномоченных (например, о введении восьмичасового рабочего дня), принцип социального государства также был положен в основу финансовой реформы, разработанной Эрцбергером и принятой Национальным собранием. Закон о производственных советах 1920 г., дополнение государственного социального страхования страхованием на случай безработицы (1927 г.) и целый ряд других законов и мер, в частности, в жилищной сфере, в области защиты молодежи, социальной педагогики, социальной гигиены и так далее существенно расширили, с одной стороны, социально-защитные функции государства, а с другой стороны, законные права граждан на социальное обеспечение, но уже без той дурной славы, которая закрепилась за традиционной системой заботы о бедных. Но одновременно с этим — и это обратная сторона медали — данные законы так или иначе

Германская империя после заключения Версальского договора

способствовали все большей юридизации и бюрократизации общества, усилению социального контроля и государственной регламентации социальных связей и вели к появлению новой профессии — «современных социальных инженеров», которые определяли социальное поле «согласно критериям полезности и реализуемости в социально-техническом смысле» (Д. Пойкерт).

Однако многие из этих социальных инноваций не привели, вопреки ожиданиям, к однозначному успеху, т. е. не способствовали становлению стабильного социального порядка в Германской империи. Не только с точки зрения политики, но также и в экономическом плане Веймарская республика с самого начала была очень неустойчивым образованием. Политические и экономические кризисы шли один за другим или даже накладывались друг на друга и не давали окрепнуть структурам социального государства. К этому добавлялось давление со стороны держав-победительниц после заключения Версальского мира в июне 1919 г., что неоднократно приводило к конфликтам, прежде всего в связи с вопросом о репарациях и о том, на ком лежит вина за прошедшую войну.

Версальский договор справедливо считают самым тяжелым бременем, возложенным на молодую республику, причем это связано не столько с его условиями как таковыми (хотя они были довольно жесткими и, вопреки надеждам немцев, вовсе не ориентировались на «14 пунктов» американского президента Вильсона), а главным образом из-за морального приговора немцам, которые были названы главными виновниками войны (§ 231). Не будь этого тезиса о виновности в войне и нарочито жесткой формы реализации данного договора, он, как представляется с точки зрения сегодняшнего дня, вполне мог бы использоваться «умной, осторожной и терпеливой немецкой политикой» (Г. Риттер) как основа для постепенного возвращения Германии в сообщество ведущих европейских держав и для построения стабильного мира.

Вместо этого повсеместная ненависть к «навязанному миру» очень сильно препятствовала политикам, которые в то время находились у власти и вынуждены были исходить из существующих реалий, в деле укрепления и долгосрочной защиты демократии. По сути они заняли оборонительную позицию, и их шансы на успех были тем ничтожнее, чем больше обострялись социальные и экономические проблемы. Вначале травля «политиков исполнения»* и антиреспубликанская агитация имели место преимущественно в добровольческом корпусе, в котором все отчетливее проявлялась тенденция к политическому террору, и в тайных праворадикальных обществах, таких как организация «Консул». По стране прокатилась волна политических убийств: после расстрела Розы Люксембург и Карла Либкнехта в январе 1919 г., помимо многих других «казней» по приговору тайных судилищ, сильнее всего республику потрясли покушения на министров Эрцбергера и Ратенау в 1921 и 1922 гг. Однако изданный в ответ на теракты Закон о защите республики вряд ли соответствовал своему названию: Бавария и целый ряд прусских провинций вообще проголосовали против него на заседании Имперского совета, и впоследствии большая часть немецких судей если и применяли его на практике, то крайне неохотно. И если политические преступники леворадикального толка в полной мере почувствовали на себе его действие, то для праворадикальных сил он не представлял особой угрозы. Такая практика была выгодна, в частности, Адольфу Гитлеру после провала путча в Мюнхене (марш к Фельдхернхалле 9 ноября 1923 г.), когда в феврале 1924 г. он предстал перед Мюнхенским судом по обвинению в государственной измене. Гитлер превратил заседания суда в площадку для пропаганды своих идей и в итоге был

* Имеется в виду исполнение Версальского договора. — *Примеч. перев.*

приговорен к минимальному наказанию в виде пяти лет лишения свободы. На протяжении последующих месяцев в тюрьме Ландсберг, где он в весьма мягких условиях отбывал наказание, Гитлер был занят тем, что надиктовывал своему ассистенту Рудольфу Гессу первый том своей книги «Майн кампф» («Моя борьба»). Уже в декабре 1924 г. он был отпущен за хорошее поведение и в феврале 1925 г. — опять-таки в одной из мюнхенских пивных — основал НСДАП. Правда, первое время эта праворадикальная партия, с самого начала ориентированная на государственный переворот, несмотря на провозглашенный в момент основания «курс на законность», занимала в партийном спектре Веймарской республики второстепенное положение. На ее растущую внутреннюю сплоченность и агрессивность просто не обратили внимания, тем более что на выборах в рейхстаг в мае 1928 г. она получила всего 2,6% голосов.

Это был лишь один из многих, поначалу недооцененных факторов, которые имели роковые последствия для Германии и показали иллюзорность надежд на то, что прекращение инфляции 15 ноября 1923 г. и введение стабильной валюты может стать основой для стабилизации всего общества. С сегодняшней точки зрения о подъеме экономики и относительном общественном спокойствии в молодой немецкой республике в период между 1924 и 1929 гг. можно, наверное, говорить как о «видимости расцвета». Тогда для многих людей эти пять лет были так обманчивы главным образом потому, что повсеместно шло распространение современной массовой культуры и в какой-то мере возвращение внешнего блеска после полных лишений лет. Когда впервые был четко урегулирован вопрос репараций (план Дауэса 1924 г.), в страну мощным потоком хлынул иностранный капитал. Это не только в значительной мере стимулировало инвестиционную активность частных предпринимателей и государства, но и способствовало внедрению современ-

ных производственных технологий (рационализации) и новых принципов управления в промышленности и торговле. Новые средства массовой информации, прежде всего радио и кино, культура досуга и относящиеся к ней всевозможные товары массового потребления, появление в городах больших универмагов, ставших современными «храмами потребительства», более свободный стиль жизни, особенно распространенный в крупных городах среди представителей среднего класса и зачастую воспринимаемый как «американизм», — все эти тенденции в то время казались проявлением уже давно назревшей и теперь идущей семимильными шагами модернизации. Впрочем, не все придерживались такого мнения. Во-первых, очень многие люди практически ничего не выиграли от современных «достижений». Прежде хорошо обеспеченная, но сильно пострадавшая от инфляции буржуазия и многочисленная, несмотря на экономическое процветание, армия безработных (около 10%) переживали «золотые» 1920-е гг. скорее как период крайней нужды и утраты прежнего социального статуса. Однако, с другой стороны, элементы массовой культуры и изменения образа жизни пробуждали и в материально обеспеченных кругах чувство неприязни, сильного дискомфорта, провоцируя критику цивилизации и пессимистичные представления о будущем немецкого народа, который был выбит из своей привычной колеи и унижен. Подобные сетования касались в основном упадка традиционных немецких ценностей в самом немецком народе и — в меньшей степени — внешнеполитической ситуации. В международном контексте Германии при министре иностранных дел Густаве Штреземане (лидере Немецкой народной партии) удалось наладить отношения с другими странами: соглашения, заключенные с СССР и союзными державами (в Рапалло в 1922 г., в Локарно в 1925 г., в Берлине в 1926 г.) и призванные ослабить существующую напряженность, а также вступление Германии в Лигу

наций в 1926 г., несмотря на активную критику особенно со стороны правых сил, заложили основу для постепенного примирения бывших противников, что проявилось, в частности, в выводе французских оккупационных войск из прирейнских земель в 1925 г. Таким образом, несмотря на то что немецкая дипломатия этого периода так и не заняла ясной позиции в вопросе о том, отказалась ли она от идеи пересмотра Версальского договора или по-прежнему считает открытым, в частности, вопрос восточных границ, Веймарская республика за довольно короткое время снова включилась в сеть международных отношений, в том числе в экономической сфере.

Однако в самом немецком обществе, за внешним фасадом процветания, накапливался мощный взрывной потенциал, который делал неизбежной будущую катастрофу. Молодая демократия так и не нашла широкой поддержки в народе. Утрируя, можно сказать, что новое государство постепенно превращалось в «республику без республиканцев». Частая смена правительства (за десять лет после 1923 г. было сформировано 11 разных кабинетов), неуклонное сокращение парламентского представительства тех политических сил, которые служили опорой республики, борьба разных политических направлений за определение будущего курса республики, нередко изображаемая в прессе как «партийная грызня», а также раздуваемые пропагандой скандалы привели к тому, что в первую очередь значительная часть молодежи отдалилась от демократического государства. И здесь была скрыта основная проблема, связанная с историей менталитета немецкого народа: с одной стороны, молодежь провозглашалась главной надеждой немецкой нации, чье физическое, духовное и нравственное оздоровление имело решающее значение для будущего Германии. Такое видение отразилось, в частности, в Законе о благополучии молодежи 1922 г. Однако с отчасти противоречивыми, отчасти нерешительными действиями прого-

государственных сил и институтов конкурировало другое пропагандистское направление, берущее свое начало в патриотическо-националистических кругах. Оно специфическим образом эксплуатировало миф о молодежи довоенной эпохи и выступало резко против «системы» Веймарской республики. Спектр идей, использовавшихся для завлечения молодежи, был довольно широким. Даже умеренные идеологи, как, например, Эдуард Шпрангер, еще в 1924 г. в связи с духовным кризисом говорили о необходимости «молодежного диктатора», т. е. такого «человека, который бы встал во главе молодежи и создал новый мир, когда старый окончательно зайдет в тупик». Примерно с 1927 г., одновременно с усилением радикальных шовинистских группировок, радикализировалась и соответствующая риторика. Под лозунгом «Дорогу молодым!» (Грегор Штрассер) осуществлялись нападки на Веймарскую республику в связи с тем, что в ней якобы установилась «власть стариков». Ей вменялись в вину трусость и национальное бесчестие, неспособность к действию и бессилие. Последним звеном в этой аргументационной цепи было представление о «миссии молодого поколения», которое было лишено законного наследства и поэтому имело право на «революцию молодежи».

Отныне радикализация политической сферы в значительной мере исходила от молодого поколения, особенно когда в связи с всемирным экономическим кризисом резко обострились экономические и социальные противоречия. Введенное незадолго до этого, а именно в июле 1927 г., страхование по безработице, к чему так давно стремились немецкие профсоюзы, не могло смягчить губительные последствия массовой безработицы. Особенно это касалось молодых, а они составляли примерно четверть от общего числа (6 млн в конце 1932 г.) безработных. Спор по поводу изменения порядка страхования уже в марте 1930 г. привел к расколу «большой коалиции», а de facto к отмене парламентской системы.

Назначенный президентом Гинденбургом новый рейхсканцлер Брюнинг, сменивший на этом посту Фридриха Эберта (рейхсканцлер с 1925 г.), уже не мог опираться на парламентское большинство и, так же как и оба его преемника фон Папен и фон Шлейхер в 1932 г., управлял страной исключительно посредством чрезвычайных постановлений на основе статьи 48 конституции. Это было началом недолгого, но имевшего роковые последствия периода президентского правительства и полного безвластия парламента.

Наконец, о начале конца в сентябре 1930 г. недвусмысленно свидетельствовали выборы в рейхстаг: если незадолго до этого на выборах в ландтаг осенью 1929 и весной 1930 г. национал-социалисты уже сумели существенно увеличить свой электорат, то теперь им удалось совершить настоящий скачок, набрав вместо 2,6% голосов (результат выборов 1928 г.) 18,2% (= 6,4 млн избирателей). На следующих выборах в конце июля 1932 г. число избирателей, отдавших свои голоса за НСДАП, снова удвоилось (13,7 млн голосов = 37,3%), и национал-социалисты стали самой многочисленной фракцией в рейхстаге. Голосование против предложенной Брюнингом политики дефляции, недоверие к его курсу, объединение «национальной оппозиции» в так называемый Гарцбургский фронт, кровавые уличные столкновения между различными экстремистскими группировками, раскол рабочего движения — все это стремительно приближало окончательную утрату легитимности правительством Веймарской республики и подталкивало многих представителей старой элиты к союзу с Адольфом Гитлером — в надежде на то, что его удастся использовать в качестве глашатая своих политических идей и одновременно «приручить». Гинденбург, в апреле 1932 г. в возрасте 82 лет избранный на второй президентский срок (на этот же пост баллотировался и Гитлер), сыграл особую роль в этом процессе установления в Германии диктатуры: с одной

стороны, он считал себя хранителем конституции, а с другой стороны, приветствовал праворадикальный поворот в сторону авторитаризма. Поддавшись влиянию фон Папена, который со своей стороны вел целенаправленную подготовку прихода Гитлера к власти (например, организовал встречу Гиндербурга с Гитлером в Кёльне 1 января 1933 г.), Гинденбург 30 января 1933 г. назначил Гитлера рейхсканцлером в кабинет министров. До этого в нем был всего один национал-социалист — министр внутренних дел Фрик. Впрочем, Геринг также получил в этом кабинете должность министра без портфеля. В качестве временно исполняющего обязанности министра внутренних дел Пруссии (правительство которой было разогнано фон Папеном 20 июля 1932 г., что означало падение последнего оплота социал-демократии), он получил контроль над прусской полицией. В целом же «кукловоды» этого «правительства национальной солидарности» полагали, что им, наконец, удалось «ангажировать Гитлера» (фон Папен) и нейтрализовать или «приручить» национал-социалистов.

Гитлер «захватывает» власть.
Установление национал-социалистического режима (1933–1939 гг.)

1933 *27/28 февраля:* пожар в здании рейхстага; Постановление о защите народа и государства (отмена основных прав, гарантированных Веймарской конституцией).

21 марта: «День Потсдама».

24 марта: Закон о чрезвычайных полномочиях правительства (принят, несмотря на возражения депутатов от СДПГ).

7 апреля: Закон о восстановлении профессионального чиновничества.

20 июля: подписание конкордата между Германией и Ватиканом.

14 октября: Германия выходит из Лиги наций.

1934 *26 января:* пакт о ненападении между Германией и Польшей.

30 июня: «путч Рёма» («Ночь длинных ножей» — расправа над командирами штурмовых отрядов и противниками Гитлера).

2 августа: умирает Гинденбург; Гитлер становится главой рейха («фюрер и рейхсканцлер»).

1935 *13 января:* референдум в Саарской области (91% жителей голосует за присоединение к Германии).

16 марта: введение всеобщей воинской повинности.

11–14 апреля: конференция в Стрезе (премьер-министры Англии, Франции и Италии); протест против вооружения Германии.

18 июня: Морское соглашение между Германией и Англией.

15 сентября: Нюрнбергские законы.

1936 *7 марта:* немецкие войска вступают в демилитаризованную рейнскую область.

Август: Олимпийские игры в Берлине.

9 сентября: новый четырехлетний план Геринга.

1 ноября: Муссолини объявляет о создании «оси Берлин—Рим».

25 ноября: «Антикоминтерновский пакт» с Японией (присоединение Италии в 1937 г., Испании — в 1939 г.).

1 декабря: Закон о «гитлерюгенд» (обязательное членство в «гитлерюгенд» для молодежи в возрасте от 10 лет).

1937 *5 ноября:* тайный «протокол Хоссбаха» (Гитлер готовится к войне).

1938 *4 февраля:* после «дела Бломберга—Фрича» Гитлер становится главнокомандующим Германии (формирование Главного командования вермахта).

13 марта: «аншлюс» Австрии (плебисцит в апреле окончательно подтвердил присоединение Австрии к Германии).

29 сентября: Мюнхенское соглашение между Германией, Англией, Францией и Италией (присоединение Судетской области к Германии).

9 ноября: еврейские погромы («хрустальная ночь»).

1939 *15/16 марта:* вступление немецких войск в Чехословакию.

16 марта: на территории Чехии образован германский протекторат Богемия и Моравия.

31 марта: Англия и Франция дают гарантии безопасности Польше.

13 апреля: Гарантии безопасности Румынии и Греции.

22 мая: «Стальной пакт» (военный союз Германии и Италии).

23 августа: Пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом.

1 сентября: Германия нападает на Польшу без объявления войны.

Что национально-консервативные круги жестоко обманулись со своим планом «укрощения» национал-социалистов, стало ясно сразу же после того, как те «захватили» власть. Это событие вошло в историю как

«коричневая революция» (Д. Шёнбаум). Общественный перелом произошел одновременно в двух аспектах: с одной стороны, стала воплощаться в жизнь стратегия радикального переустройства общества на основе крайне атавистических, ориентированных на прошлое представлений, где исходными моментами являлись такие идеологические конструкты, как «кровь и земля», «жизненное пространство на Востоке», притязание на господствующее положение «высшей арийской расы» и так далее. С другой стороны, имела место интенсивная модернизация в целом ряде областей, начиная с техники и СМИ, включая экономику и заканчивая различными сферами социально-политической деятельности. Уже сама эта трактовка революции, в которой намеренно объединяются антагонистические тенденции, характерные для первых лет существования Третьего рейха, показывает, что ни о какой единой направленности режима не может быть и речи. Тем более не удивительно, что попытки современных историков «историфицировать» эпоху национал-социализма, т. е. каким-то образом встроить ее в общий ход немецкой истории, выявили огромное разнообразие отчасти противоречивых факторов, которые, тем не менее, так или иначе способствовали тому, что диктатура национал-социалистов просуществовала более десяти лет и имела катастрофические последствия для всего мира. Если исходить из тезисов Мартина Брошата, то необходимо проводить четкое различие между усиливавшейся склонностью Гитлера и многих национал-социалистических лидеров к «эгоцентристской по мировоззрению, агрессивной и экспансивной бурной деятельности», которая абсолютно не учитывала реальные возможности режима, и многими другими мотивами, преобразовательскими стратегиями и реформаторскими планами, которые строились под этой «крышей», отчасти были сильно искажены в условиях нацистского режима, но имели долгую предысторию. Преступная, унижающая

человека энергия «фюрера» и многих других национал-социалистических деятелей представляла одну сторону медали; здесь нет поводов для разночтений — безнравственность этого аспекта Третьего рейха не вызывает сомнений (К. Гильдебранд). Однако другая сторона — это запутанное соединение разнообразных мер и инициатив, которые привели к трансформации немецкого общества, а своими корнями уходят в глубь истории, не будучи изобретением национал-социализма. Соответственно, такие проекты нуждаются в более дифференцированной оценке. Именно с этого начались дебаты вокруг «модернизационного сдвига», вызванного национал-социализмом (целенаправленно или даже против воли его лидеров), несмотря на его в целом разрушительный потенциал. Этот сдвиг получил дополнительные импульсы уже после войны в связи с ее разнообразными последствиями для общества — оккупационной политикой, эвакуацией, бегством, депортацией и так далее. При этом, разумеется, следует остерегаться оценочных суждений о модернизации с точки зрения желательного направления развития или положительно оцениваемых целей и содержаний этого процесса. Здесь, скорее, речь идет о двойственности как «прогресса», так и «современности», деструктивная сторона которой очень отчетливо обнаруживается при любой попытке «историфицировать» национал-социализм.

Исходя из подобных размышлений, можно привести к общему знаменателю разнородные элементы национал-социалистической диктатуры, которая, невзирая на всю внутреннюю противоречивость, на протяжении долгого времени была популярна и встречала активную поддержку у широких слоев населения (за исключением отдельных представителей католического духовенства и промышленных рабочих, имевших мужество бороться с режимом): «То, что не давало распасться [режиму], так это комбинация идеологии и социальной динамики

на основе харизмы и террора» (Д. Шёнбаум). Добавим, что при этом соотношение четырех названных элементов постоянно менялось, и в конечном итоге возобладали социальная динамика и террор, после чего режим был разрушен внешними силами.

«Захват власти» 30 января 1933 г., разумеется, не воспринимался национал-социалистическими лидерами как чисто политический акт в значении традиционной смены правительства. За этим сразу же последовали меры по изменению всего политического устройства, по устранению всех политических противников и в целом «неудобных лиц», а также интенсивная кампания по завоеванию масс, тем более что последние относительно «свободные» выборы 5 марта 1933 г. показали, что сторонники нового режима пока отнюдь не составляют большинство населения Германии (за НСДАП было отдано 43,9% голосов). Террор, зачастую носивший характер мести бывшим врагам, громогласная пропаганда, направленная в первую очередь на распространение подогнанного специально под Гитлера образа харизматичного лидера, привлекающие внимание масс, символически нагруженные демонстрации произошедшего переворота (особенно в «день Потсдама»), а также интенсивное использование предоставленных конституцией и полицейским режимом возможностей для полулегального устранения потенциальных препятствий на пути к реализации национал-социалистических целей — все это в первые месяцы после «захвата власти» сплелось в один клубок, который уже невозможно было распутать, и породило атмосферу неуверенности и «эйфории пробуждения» одновременно. Роспуск рейхстага 1 февраля 1933 г., чрезвычайные постановления в соответствии с 48-й статьей конституции, новые законы, позволившие, например, ограничить свободу печати и провести «чистки» или «ариизацию» в госучреждениях (имеется в виду прежде всего Закон о восстановлении профессионального чиновничества),

изданное в феврале (после пожара в здании рейхстага) Постановление о защите народа и государства, Закон о вероломных нападках на правительство и, наконец, Закон о передаче чрезвычайных полномочий правительству, за который 23 марта проголосовали все представленные в рейхстаге партии (за исключением СДПГ), — все это заложило основу для «непрекращавшегося чрезвычайного положения» (К. Гильдебранд). Именно оно, несмотря на то, что многие люди вскоре снова вернулись к «нормальной жизни», определяло развитие Германии на протяжении последующих нескольких лет. К этому ряду законодательных мер по обеспечению диктатуры относился также свод законов, имевший, пожалуй, наиболее ярко выраженную идеологическую подоплеку. Речь идет о Нюрнбергских законах, изданных в сентябре 1935 г. и дискриминировавших «расово чуждые элементы», в основном евреев. Именно этот свод законов заложил основы для дальнейшей расовой политики. Понятие «чистки», часто используемое в этой политике и уже упоминавшееся в связи с реструктуризацией госаппарата, играло ключевую роль и во внутрипартийной акции по устранению потенциальных врагов. Это событие вошло в историю как путч Рёма*. Путем неприкрытого террора Гитлер избавился от командиров штурмовых отрядов во главе с Эрнстом Рёмом, который мог стать его конкурентом за лидерство в партии, а кроме того, от целого ряда других «неудобных людей», таких как его предшественник на посту рейхсканцлера генерал фон Шлейхер и некоторые критики консервативного толка. Это явное нарушение законного порядка не вызвало массового протеста со стороны общественности. Никто — начиная от офицеров рейхсвера и заканчивая служителями церкви — не возмутился, а известные теоретики государственного права,

* В советской / российской историографии — «ночь длинных ножей». — *Примеч. перев.*

например, Карл Шмит, даже сформулировали аргументы, оправдывающие подобный произвол.

Вторую форму «захвата власти» — наряду с избавлением от противников законодательными мерами, которые летом 1933 г. затронули все политические партии, — можно обозначить как «подчинение всех сфер жизни новому режиму» (Gleichschaltung) и «реализация фюрерской модели». Это означает, что существовавшие прежде учреждения, институты и объединения в результате сильного давления со стороны государства или из соображений добровольного сотрудничества утратили свою независимость и превратились во внутреннюю структуру национал-социалистического режима. Демократических правил больше не существовало. Вместо этого доминировала дисциплина, подчинение верным партии «фюрерам» и включенность в нацистские организации. Лишь католическая церковь сумела сохранить некоторую свободу благодаря соглашению, заключенному между Германской империей и Ватиканом 20 июля 1933 г. Таким образом, параллельно с утверждением внешнего единообразия шла также и внутренняя унификация: «уравнивание» и подчинение целям нового режима пронизывало все общество — от профсоюзов до германских земель, от муниципального самоуправления до торговых и промышленных палат, от правосудия, администрации, прессы, профессиональных организаций, вузов до культурных учреждений и молодежных организаций. Все немецкое общество отныне было опутано разветвленной сетью национал-социалистических организаций, и все это сопровождалось громогласной пропагандой «народного единства», лозунгами «один народ, одно государство, один фюрер» и обещаниями — призванными привлечь в первую очередь молодое поколение — создать «человека новой формации».

Новые просторы для деятельности, появившиеся в результате этих организационных инноваций, открывали

хорошие возможности карьерного и социального роста для всех тех, кто вставал на сторону новых властителей - будь то из убеждения, из оппортунистических соображений или просто потому, что им не оставалось другого выбора, если они хотели сохранить свою жизнь или свой статус. Кроме того, многим молодым людям новые структуры позволяли преодолеть те ограничения, которые накладывала на их будущее социальная среда и происхождение. Молодые женщины также могли воспользоваться новыми возможностями для того, чтобы вырваться из тесных рамок своего традиционного образа жизни. Во многих сферах общественной жизни происходило смешение традиционных элит и новых «выдвиженцев» прежде всего из низших слоев среднего класса. Утрируя, можно сказать, что на протяжении 1930-х гг. Германия наверстывала упущенное время, ускоренными темпами реализуя уже давно назревшие социальные преобразования; традиционные критерии, позволявшие различать «верх» и «низ», стирались, так что можно — правда, с существенными ограничениями — говорить о первых признаках «бесклассового общества в Третьем рейхе» (Д. Шенбаум).

Кроме того, бесспорно успешными можно считать некоторые другие начинания и события, которые также способствовали повышению международного статуса гитлеровской Германии. После того как мировой экономический кризис достиг критической точки, начался период экономического подъема. Правда, он в значительной мере основывался на форсировании производства вооружений — факт, который вряд ли был известен большинству людей того времени. В то же время национал-социалистам удалось утвердиться на международной арене: помимо конкордата с Ватиканом и продлением советско-германского договора 1926 г., был подписан польско-германский договор о ненападении и, наконец, морское соглашение между Германией и Великобританией. Гитлер лишил законной силы важные положения

Версальского договора (в частности, ввел всеобщую воинскую повинность), что, однако, не вызвало прямого вмешательства стран-победительниц, которые ограничились вербальным протестом (конференция в Стрезе). Особенно ярким успехом были результаты плебисцита в Сааре в январе 1935 г. 91% его жителей высказались за присоединение к Германской империи. На Берлинской Олимпиаде 1936 г. национал-социалистическая Германия выглядела в глазах международной общественности как миролюбивое современное государство, в котором авторитарный режим и однопартийная система встречали безусловную поддержку населения.

Между тем система внутреннего контроля постоянно совершенствовалась. Все больше ограничивались в правах «соотечественники», чей труд и имущество присваивались для реализации интересов режима. Диапазон инструментов контроля был широк — начиная с отрядов штурмовиков, СС и гестапо, включая систему доносительства и заканчивая угрозами заточения в концлагерь в адрес критиков и противников режима, а также просто «нытиков» и недовольных. Идущие одна за другой кампании, все новые (или периодически повторяющиеся) массовые мероприятия, такие как митинги или помпезные парады, пропагандистские представления во время государственных праздников, повседневные ритуалы, например, «немецкое приветствие», интенсивное использование современных СМИ — радио и кино — министерством пропаганды под руководством Йозефа Геббельса, *военная подготовка и всевозможные тренировки — все* это создавало вокруг человека атмосферу почти всеобъемлющего принуждения, которая заставляла его поддаться влиянию режима и доказать свою личную «преданность» национал-социализму. «Оставаться в стороне и не подвергаться опасности» (П. Брюкнер) могли лишь очень немногие; обычно верх одерживала привлекательность *соучастия или принуждение к нему.*

На этом основании, начиная с 1936 г., Гитлер мог уже более систематично проводить в жизнь то, о чем он писал еще в «Майн кампф» и неоднократно говорил на тайных совещаниях с 1933 г.: Гитлер начал готовиться к войне. Ее целью должно было стать «завоевание нового жизненного пространства» на Востоке и создание «Великой Германской империи». «Четырехлетний план», за реализацией которого следил Герман Геринг, предписывал вермахту и военной промышленности за установленный срок сделать Германию «военноспособной». Поскольку для выполнения этого плана была крайне необходима поддержка со стороны командования вермахта и промышленных магнатов, здесь, вместо обычной тактики давления, нацисты пошли по пути уступок. Гитлер выказал доверие вермахту и предоставил ему бóльшую свободу действий. После смерти Гинденбурга в 1934 г. и вступления Гитлера в должность рейхспрезидента солдаты присягали ему лично, однако возможность самому стать верховным главнокомандующим вермахта предоставилась Гитлеру лишь в начале 1938 г. — после инсценированной Герингом и Гиммлером аферы вокруг верховного главнокомандующего вермахта, министра обороны фон Бломберга, и главнокомандующего сухопутными войсками фон Фрича. Тогда вся военная сила Германии оказалась в руках национал-социалистических лидеров, причем особого успеха Гитлер достиг в привлечении на свою сторону молодых офицеров.

Крупная промышленность на протяжении довольно долгого времени тоже не испытывала на себе радикального вмешательства или каких-то принудительных мер со стороны государства, хотя и на нее время от времени оказывалось давление путем угроз. Германский трудовой фронт (DAF) практически никак не повлиял на положение предпринимателей, которые по-прежнему оставались «хозяевами в доме». Более того, их положение даже укрепилось за счет того, что работники, называвшиеся

теперь «дружиной предприятия», должны были присягать на верность директору, т. е. «вождю предприятия». Экономика (в том числе отрасли, связанные с вооружением) по-прежнему строилась на частнокапиталистических принципах. Система предпринимательских объединений, несмотря на некоторую реструктуризацию, тоже сохранилась. Даже работа созданного в 1936 г. Генерального совета по реализации четырехлетнего плана, а также подотчетных ему штабов планирования определялась взаимодействием диктаторских, бюрократических и частнокапиталистических элементов, так что отдельные группы предпринимателей и органы промышленного самоуправления порой оказывали сильное влияние на процесс принятия решений, и оно было тем значительнее, чем больше была необходимость в максимальной производительности военной промышленности.

Несмотря на особое положение и бóльшую свободу вермахта и крупной промышленности, в этих, как и во многих других, прежде независимых областях общественной жизни все участники (за очень немногочисленными исключениями), независимо от того, состояли они в партии или нет, приспосабливались к требованиям режима и способствовали реализации его целей в своих сферах деятельности. Ярким примером этого является правосудие и медицина, где профессиональная деятельность все меньше определялась гуманистическими принципами и все больше — произволом и расистскими идеями.

За три года — с 1936 г. и до начала войны — внешне- и внутриполитическое развитие Германии приобрело характер все быстрее вращающейся спирали. Направленность этого движения становилась все более очевидной, несмотря на уже упомянутые внутренние противоречия Третьего рейха, которые среди прочего проявились в поликратической должностной структуре, а в повседневной политической жизни привели к соперничеству, борьбе за

сферы влияния, противостоянию «сатрапов» и функционеров, к спонтанным и обусловленным конкуренцией действиям, а также к внутренней неразберихе в сильно сегментированных ведомствах. Следует отметить, что необходимость учитывать эти противоречия — в том числе при анализе роли Гитлера — составляет главную проблему исторической интерпретации этой эпохи с позиций сегодняшнего дня.

Во внешней политике в связи с тем, что Англия не шла на сближение с Германией, с осени 1936 г. был выбран курс на создание оси Берлин—Рим—Токио («Антикоминтерновский пакт», к которому в марте 1939 г. присоединилась Испания). Уже в марте 1939 г. Гитлер удивил мир неожиданным вступлением немецких войск в демилитаризованную рейнскую зону. Одновременно с этим подготовка к началу экспансионистской политики велась средствами пропаганды, где на первом плане стояли идеи жизненного пространства и антибольшевизма. Первой вехой нового политического курса стал «аншлюс» Австрии 12 марта 1938 г. и, год спустя, вступление немецких войск на территорию Чехословакии. В период между двумя этими событиями европейские государства и прежде всего Англия под руководством премьер-министра Чемберлена пытались отвратить опасность войны, заключив в сентябре 1938 г. Мюнхенское соглашение («политика умиротворения»). Лидеры европейских стран приняли некоторые требования Гитлера, в том числе требование присоединения Судет к Германской империи. Однако захват Праги гитлеровскими войсками не оставил сомнений в том, что Гитлер не намерен соблюдать условия Мюнхенского соглашения. Настроение в Англии резко изменилось, и результатом этого стало предоставление гарантий безопасности ближайшему соседу Германии Польше. Это было не столько свидетельством готовности Англии к войне, сколько последним предупреждением Гитлеру. Тем не менее, с помощью

этих мер не удалось заставить национал-социалистов отказаться от завоевательных планов, тем более что в разделе Польши оказался заинтересован еще один правитель, а именно Сталин. К ужасу и удивлению мировой общественности, 23 августа 1939 г. Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении. Тогда же, в тайном дополнительном протоколе, была зафиксирована их договоренность о разделе сфер влияния двух держав на территории Польши и прибалтийских государств.

Таковы были основные внешнеполитические этапы в преддверии Второй мировой войны. Параллельно с этим в самой Германии, помимо наращивания вооружений, велась скрытая работа по психологической подготовке населения к предстоящей войне. «Борьба» всегда была ключевым понятием национал-социалистической идеологии и пропаганды; теперь же велась непосредственная подготовка к этой борьбе. Так, например, Германский трудовой фронт был превращен в важнейший инструмент в широкомасштабной «битве за производительность» с соответствующими требованиями к рабочим. Первоочередной задачей организации «Гитлерюгенд», членство в которой с 1 декабря 1936 г. стало обязательным для всех подростков старше 10 лет, было превращение молодежи — прежде всего мужского пола — в фанатично активных и безоговорочно преданных солдат режима. В «орденских замках»*, в «школах Адольфа Гитлера» и «учреждениях национально-политического воспитания», а также в лагерях подготовки нацистских организаций, в частности СС, должна была «выращиваться» безупречная в расовом отношении элита будущего.

---

* Ordensburge — учебные заведения, в которых получала образование будущая нацистская элита. Упор в них делался на «расовые науки», атлетическую и военную подготовку. — *Примеч. перев.*

Для гражданского населения сосредоточение всей экономики на усилении военной мощи означало ситуацию дефицита. Теперь ключевым понятием стало «рациональное распределение ресурсов». Сначала оно использовалось применительно к нехватке рабочей силы и к добыче и распределению сырья, однако вскоре стало затрагивать все больше различных сфер жизни, начиная с распределения жилья и заканчивая продуктами питания, пока 27 августа 1939 г. не было введено «рационирование» всех потребительских товаров, т. е. они стали выдаваться по карточкам. В то же время призывы к экономии, сбор материалов (например, костей, металлолома) и кампании по повторному использованию отходов, усиленное строительство бункеров, военные сборы, учения по противовоздушной обороне и затемнению, сопровождаемые постоянными заверениями в миролюбивых намерениях, а также полными оптимизма, развлекательного настроя и «прекрасными иллюзиями» фильмами, опереттами, шлягерами и многочисленными культурными мероприятиями KdF (Kraft durch Freude — «сила через радость») порождали в душе простого гражданина смешанные чувства — страх, желание отвлечься и готовность забыться и поверить этому пафосу, помпезности и сказочным обещаниям. Однако в конце 1930-х гг. нацистский режим начинает постепенно терять доверие народа. В обществе распространилась атмосфера безразличия и даже пессимизма, появились первые признаки недовольства режимом, о чем свидетельствует в том числе уклонение молодежи от участия в общественной жизни. Несмотря на высокий риск, все больше молодых людей пытались уклониться от муштры и давления режима. Диапазон неприятия системы простирался от пассивного соучастия при одновременном стремлении жить собственной жизнью в относительно свободных социальных нишах до политического сопротивления на завершающем этапе войны. Уклонистские стремления, наблюдавшиеся уже

с 1936–1937 гг. («козни молодежных союзов»*), очень настораживали «фюреров молодежи», а также гестапо и СС, поскольку они подрывали монополию национал-социализма в сфере воспитания. Ответом на акции сопротивления, которые участились в годы войны, стали преследования и жестокие репрессии.

Таким образом, помимо уже известных политических и идеологических врагов, национал-социализм неожиданно для себя приобрел нового врага в лице собственной молодежи. Борьба с ним велась уже проверенным способом — путем запугивания, репрессий и террора, вплоть до создания специальных концлагерей для молодежи. Другая стратегия была выбрана в широко пропагандируемой, основанной на идеологии расизма борьбе против «мирового еврейского заговора» и угрозы арийской расе, исходящей от евреев и прочих «расово чуждых элементов». Здесь спектр мер простирался от стигматизации и изоляции через общественное презрение и лишение всех гражданских прав до полного «изничтожения», т. е. поставленного на конвейер геноцида. Как такое стало возможным в XX в., в Германии — стране, гордившейся своими поэтами и философами-идеалистами, остается одним из самых волнующих вопросов новейшей истории, ответа на который пока так и не удалось найти.

Меры, которые предшествовали плану физического уничтожения евреев и выходили далеко за рамки антисемитизма (имевшего, кстати, долгую историю не только в Германии, но и в других странах), начались с пропагандистской травли евреев, перебравшихся в Германскую империю и прежде всего в Берлин из Восточной Европы. Курс этой кампании определяла еженедельная газета «Der Stürmer» («Штурмовик»), издаваемая Юлиусом

* Имеются в виду союзы молодежи помимо государственной организации «Гитлерюгенд», в частности, католические и евангелические объединения. — *Примеч. перев.*

Штрейхером. После принятия Закона о передаче чрезвычайных полномочий правительству Геббельс, Штрейхер и СА призвали немецкое население бойкотировать лавки и магазины, принадлежавшие евреям, а закон от 7 апреля 1933 г. о восстановлении профессионального чиновничества позволил снять чиновников еврейского происхождения с государственных постов. События, положившие начало второго этапа исключения евреев из жизни общества, произошли в конце 1935 г. Нюрнбергские законы стали той правовой основой, которая позволила применять критерии определения национальной принадлежности «по крови» и бюрократическим путем выяснять, кто является евреем, а кто нет. Многочисленные законодательные акты вынуждали граждан еврейского происхождения прекратить свою прежнюю трудовую деятельность, закрывали им доступ ко многим профессиям и позволяли национал-социалистам «ариизировать» еврейские магазины и предприятия. Впрочем, до середины 1938 г. это были скорее разрозненные меры, нежели систематичная политика. Покушение юноши еврейского происхождения на секретаря немецкого посольства в Париже Эрнста фон Рата дало Геббельсу повод для начала систематических и целенаправленных действий. Спровоцированный им массовый погром в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. с многочисленными убийствами, неправомерными арестами, разрушением почти всех синагог и разграблением еврейских магазинов, впоследствии эвфемистически названный «хрустальной ночью», положил начало политике жестоких репрессий по отношению к евреям. Бесцеремонное присвоение имущества представителями нацистского режима, а также ограничение свободы передвижения определяли жизнь евреев, которые не успели покинуть Германию. Эти меры не вызвали особого протеста у широкой общественности, хотя антисемитизм не был повсеместно распространен среди немецкого населения. Все национал-социалистические

проекты пока еще были нацелены на территориальное «решение еврейского вопроса» путем изгнания евреев из Центральной Европы. До конца 1941 г. идеи вроде депортации всего еврейского населения на остров Мадагаскар или в Сибирь еще всерьез осуждались и даже поддерживались Гитлером. Однако с началом войны на практике дело приняло другой оборот: сначала из Богемии, Моравии и Австрии, а затем из «старого рейха», т. е. из Германии, евреи в массовом порядке были депортированы в оккупированную Польшу, где их загоняли в гетто и лагеря. С этого момента произошел поворот от «территориального решения» к «окончательному решению еврейского вопроса», т. е. к политике физического уничтожения еврейского населения Германии и оккупированных территорий. Тем самым был положен конец более чем вековой истории сосуществования еврейской и немецкой нации, истории, может быть, не всегда стабильной, но в конечном итоге успешной ассимиляции и эмансипации евреев в Германии. С другой стороны, депортация евреев довершила инициированный национал-социалистами процесс духовной самокастрации немецкой нации, начавшийся с массового исхода интеллектуалов в первые годы гитлеровского режима и теперь окончательно завершийся уничтожением той части германского народа, образованные представители которой олицетворяли собой новые, прогрессивные тенденции и отвечали за «новое, мирское самовосприятие немецкого общества» (Д. Блазиус, Д. Динер).

Лишь объединение Германии в 1989/1990 гг. и события в Восточной Европе в начале 1990-х гг. в некотором роде поставили под сомнение суждение историков о том, что окончание Второй мировой войны является важнейшей вехой в истории XX в. Долгое время этот тезис служил общепризнанной основой для составления любых исторических хронологий, а также для исторического самосознания Федеративной Республики Германии. Так,

например, Рихард Лёвенталь в 1974 г. утверждал, что с падением гитлеровской диктатуры на немецкой земле впервые возникла «гражданская — в западном понимании — форма жизни, равно удаленная и от иерархического, верноподданнического духа вильгельмовской эпохи, и от бесформенного брожения периода Веймарской республики». Впрочем, как показали послевоенные десятилетия, мир, заключенный после Второй мировой войны (равно как и после Первой), в неполной мере решил те проблемы, которые существовали внутри Германии и на международной арене. С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что исход войны скорее снова отодвинул на задний план фундаментальные исторические проблемы начала XX в. (например, вопрос, связанный с национальными государствами, проблему национальностей и возникновения Третьего мира) и перевел скрытые противоречия в форму открытого противостояния, представляющего угрозу для международного равновесия (имеется в виду прежде всего противостояние Запада и Востока и связанная с этим гонка вооружений, в том числе создание ядерного оружия). Возможно, подобная «историизация» Второй мировой войны, несмотря на катастрофические последствия для людей и целых стран, затронутых ее событиями, позволит понять историческую обусловленность этого процесса и отойти от абсолютных оценок. Тогда можно будет увидеть, как алчущий власти, унижающий человеческое достоинство режим, возникший в определенных исторических условиях в одном из центральноевропейских индустриальных государств, в конечном итоге полностью погубил себя, и последствия этого события долгое время проявлялись в новом, раздираемом полярными силами миропорядке. Этот режим с самого начала претендовал на то, чтобы в борьбе против либералистского капитализма западного толка и марксистско-ленинского коммунизма в той форме, в какой он существовал в Советском Союзе, утвердить свой

собственный, особый, расистско-фашистский или «национал-социалистический» путь развития, который должен был привести к созданию Великогерманской империи.

Вторая мировая война: конец эпохи или эпизод в истории XX в.?

1939 *3 сентября:* Великобритания и Франция объявляют войну Германии.

27 сентября: создание Главного управления имперской безопасности — главного органа репрессивного аппарата НСДАП.

6 октября: завершение операции по завоеванию Польши.

Октябрь/декабрь: первые депортации евреев в Польшу.

1940 *11 февраля:* подписано советско-германское экономическое соглашение.

9 апреля: немецкие войска начинают оккупацию Дании и нападают на Норвегию (капитулировала 9 июня).

10 мая: начало Западной кампании, вступление немецких войск на территорию Голландии, Бельгии, Люксембурга и Франции.

2 июня: заключено перемирие с Францией (начало перемирия — 25 июня).

2–10 июля: формирование правительства Петена в г. Виши.

27 сентября: подписание трехстороннего пакта между Германией, Италией и Японией.

Осень: создание еврейских гетто в Польше.

1941 *6 апреля:* начало немецкого наступления на Югославию и Грецию.

22 июня: нападение на Советский Союз без объявления войны.

12 июля: заключение военного союза между Англией и СССР против Германии.

7/8 декабря: нападение японского десанта на Перл-Харбор; США объявляют войну Японии.

Октябрь-декабрь: битва за Москву; провал гитлеровской стратегии блицкрига.

11 декабря: Германия и Италия объявляют войну США.

1942 Союзники перехватывают инициативу в воздушной войне.

20 января: Ванзейская конференция, принятие плана по «Окончательному решению еврейского вопроса» (начало планомерного уничтожения евреев).

Август: раскрыта сеть группы сопротивления «Красная капелла».

24 сентября: начало Сталинградской битвы.

5 октября: Приказ Гиммлера о депортации всех евреев в Аушвиц (Освенцим).

7/8 ноября: высадка союзных войск в Северной Африке.

11 ноября: вступление немецких войск на неоккупированную территорию Франции.

1943 *14–24 января:* конференция Рузвельта и Черчилля в Касабланке.

31 января/2 февраля: капитуляция 6-й немецкой армии в Сталинграде.

18 февраля: Геббельс произносит речь о «тотальной войне».

Февраль/март: арестованы участники мюнхенской группы сопротивления «Белая роза».

9/10 июля: высадка союзных войск в Сицилии.

3 сентября: перемирие между Италией и союзными державами.

28 ноября–1 декабря: конференция в Тегеране (Черчилль, Рузвельт, Сталин), обсуждение послевоенного будущего Германии (планирование оккупационных зон).

1944 *Январь/февраль:* арестованы участники группы сопротивления «Кружок Крейзау»*.

6 июня: высадка союзных войск в Нормандии, начало вторжения во Францию.

20 июля: покушение графа Штауффенберга на Гитлера. Сопротивление в военных кругах подавлено.

25 сентября: создание «народного ополчения» («Volkssturm»).

21 октября: американцы захватывают Ахен (первый захваченный немецкий город).

Осень: начало бегства и депортации немецкого населения с восточных территорий.

16 декабря: начало наступления немецких войск в Арденнах.

1945 *12 января:* начало крупномасштабного наступления советских войск на Восточном фронте.

4–11 февраля: Ялтинская конференция (Черчилль, Рузвельт, Сталин).

25 апреля: встреча американских и советских войск близ Торгау на р. Эльбе.

30 апреля: самоубийство Гитлера; главой немецкого государства становится гросс-адмирал Дениц.

7/9 мая: подписание Акта о капитуляции в Реймсе и в пригороде Берлина Карлсхорсте.

23 мая: распущено правительство Деница в Фленсбурге.

Расистское мировоззрение действительно играло центральную роль во Второй мировой войне, особенно в Восточной кампании вермахта. В частом столкновении военно-стратегических требований, с одной стороны, и идеологических целей, с другой, более важными признава-

* По названию имения Крейзау. — *Примеч. перев.*

ности второе — причем чем дольше длилась война, тем отчетливее это проявлялось. Даже тогда, когда катастрофа была уже неизбежна, национал-социалисты продолжали фанатично придерживаться своих догматов. Причем довольно долго такая расстановка приоритетов поддерживалась отнюдь не только Гитлером и его ближайшими соратниками. Смешанные цели войны приветствовались также большинством высших военных чинов и ведущих экономистов. И хотя для населения Германии национал-социалистическая пропаганда пыталась изобразить войну как вынужденное и неизбежное с точки зрения мировой истории оборонительное мероприятие, направленное против западного, «проеврейского» либерализма, а также — с середины 1941 г. — против «насквозь еврейского» восточного большевизма, она с самого начала готовилась и в конечном итоге велась как безусловно захватническая война. И если в Западной Европе и Скандинавии немецкая оккупационная политика была направлена на эксплуатацию экономических ресурсов, то война на Востоке имела своей целью полное физическое уничтожение «чуждого в расовом отношении» противника, искоренение или тотальное порабощение завоеванных народов и захват нового «жизненного пространства», которое должно было стать основой будущей Великогерманской империи. За неполные шесть лет война — через различные промежуточные стадии — превратилась из немецко-польской в европейскую и затем в мировую, из войны молниеносных военных кампаний в «войну на истощение» или «на износ», из войны на один фронт в войну на несколько фронтов, из «нормальной» войны на Западе и военную кампанию по уничтожению на Востоке, причем начиная со Сталинграда уничтожению подвергались сами немецкие войска, в то время как союзники начали массированные бомбардировки немецких городов, уничтожившие значительную часть гражданского населения Германии.

В отличие от всеобщей эйфории, сопровождавшей начало войны в 1914 г., в сентябре 1939 г., после нападения на Польшу и объявления войны со стороны Великобритании и Франции, население Германии первое время переживало «ужас и смиренную готовность к тому, что, как казалось, уже нельзя было изменить» (А. Хильгрубер). Однако после победы в двух «блицкригах» — против Польши (сентябрь–октябрь 1939 г.) и Франции (май–июнь 1940 г.), а также быстрого захвата Дании и Норвегии в апреле 1940 г. настроение резко переменилось. Даже скептически настроенные представители вермахта и старой элиты теперь были готовы признать авторитет Гитлера и поддержать предложенный им курс. Во внешней политике первоначальные успехи Германии привели к тому, что у ее союзников — Италии и Японии, которые до сих пор держались в стороне от происходящих событий, — тоже стали расти аппетиты и, соответственно, готовность к войне. Они начали активные военные действия. Объявив 10 июня 1940 г. войну Франции и Великобритании, Италия во главе с Муссолини попыталась сорвать куш на завершающей стадии французской кампании; в это же время японцы блокировали пути сообщения между Бирмой и Китаем, в сентябре 1940 г. начали оккупацию Индокитая и, наконец, 7 декабря 1941 г. напали с воздуха на Перл-Харбор, тем самым спровоцировав объявление войны со стороны США и Великобритании. С этого момента война приходит и в Тихоокеанский регион. В ответ Гитлер, который в 1940–1941 гг. находился на вершине своей славы и успеха, объявил войну США, причем сделал это не в силу союзнических обязательств (это не было прописано в договоре), а в некотором роде «отступая вперед» («Flucht nach vorn»).

Однако уже с этого момента ситуация для Гитлера и Германии начала меняться. Запланированный третий блицкриг против Советского Союза, подготовка к которому, несмотря на подписанный Сталиным и Гитле-

ром пакт, велась с декабря 1940 г. и который был начат 22 июня 1941 г. без объявления войны, после первых головокружительных успехов в ноябре захлебнулся под Ленинградом и особенно под Москвой. Немецкая армия не была готова к русской зиме. Кроме того, немецкое командование совершило большую ошибку, недооценив обороноспособность СССР. Победа люфтваффе в битве за Англию, о которой во всеуслышание заявил Геринг, на самом деле тоже не состоялась. Образованное 10 мая 1940 г. английское коалиционное правительство под руководством Уинстона Черчилля и не думало соглашаться на предложения Гитлера о сепаратном мире, чтобы начать совместные действия против Советского Союза. Вместо этого, несмотря на формальный нейтралитет США до конца 1941 г., Великобритания принимала от американцев крупные поставки боеприпасов и военных кораблей. Несколько утрируя, можно, наверное, сказать, что на самом деле, несмотря на то что поворотным событием в войне обычно считают разгром 6-й немецкой армии в Сталинградской битве в начале 1943 г., война была проиграна уже в конце 1941 г., хотя в это время немецкие войска еще уверенно занимали позиции на Атлантическом побережье и прямо под Москвой, на мысе Нордкап, в Северной Африке и на острове Крит, а в течение 1942 г. даже сумели расширить завоеванные территории, в частности, в Северной Африке и в направлении Кавказа. Зимой 1941/1942 гг. Гитлер, по всей видимости, уже и сам начал осознавать, что его план, который, оглядываясь назад, можно без колебаний назвать сумасбродным, провалился. План этот заключался в том, чтобы сначала, прежде чем США будут готовы к войне, быстро уничтожить СССР и одновременно с этим нейтрализовать или принудить к заключению сепаратного мира Англию, чтобы затем, плечом к плечу с японцами, вести своеобразный «мировой блицкриг» против США. С этого момента Гитлером окончательно

овладела идея «Все или ничего!» или «Все ставки на одну карту» — идея, которой он придерживался с патологической непреклонностью. На предложения Главного командования применять в стратегических целях тактику отступления Гитлер ответил решительным запретом и 19 декабря 1941 г. сам стал верховным главнокомандующим сухопутных войск. Когда же, несмотря на военные успехи летом 1942 г., весной (битва за Эль-Аламейн) и зимой (Сталинградская битва) немецкие войска стали терпеть крупные поражения, в официальной пропаганде возобладали призывы «держаться до конца» и лозунги «Победа или смерть»; от немецкой армии требовали победы любой ценой. «Фанатичная вера в победу тоталитарной идеологии [должна была] компенсировать недостаток сил и потенциала» (Х.-А. Якобсен). Тогда же политика уничтожения по отношению ко всем «расово чуждым элементам», особенно к евреям (в декабре 1942 г. в концлагере Хелмно (Кулмхоф) впервые была применена «душегубка»*), к так называемым «паразитам нации» (в частности, была принята программа эвтаназии), к русским военнопленным достигла верха жестокости. Убийство огромного числа людей было поставлено на конвейер в специальных лагерях уничтожения и осуществлялось с помощью «современной» техники. Когда сегодня мы оглядываемся на этот систематический геноцид, началом которого считается Ванзейская конференция (20 января 1942 г.) под председательством Гейдриха, а исполнителями в последние три года войны были прежде всего подразделения СС во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером, порой складывается впечатление, что, как заметил Клаус Гильдебранд, «военные поражения вермахта каким-то образом соответствовали расовым „победам" Гитлера».

---

* Gaswagen — специально приспособленная машина для умерщвления выхлопными газами. — *Примеч. перев.*

То, что Геббельс в своей речи во Дворце спорта 18 февраля 1943 г. назвал «тотальной войной» до «окончательной победы», на деле очень скоро оказалось стремительным водоворотом, приближавшим Германию к неминуемой катастрофе. Ослепленные расистской идеологией и пропагандой национал-социалисты пытались увлечь в этот поток как можно больше людей, намереваясь продолжать — совершенно бессмысленную — войну так долго, как это было возможно, и бросить на борьбу все мужское население. Для этого в поисках годных к военной службе мужчин «прочесывались» предприятия, созывалось народное ополчение, организовывались отряды «Вервольфа»* для действий в тылу; для обороны (например, службы в войсках ПВО) в армию призывались подростки. Нараставшее безумие завершилось призывами к самоуничтожению, что и было исполнено нацистскими лидерами и в первую очередь Гитлером и Геббельсом. Они совершили самоубийство, когда советские войска готовились к взятию Берлина. Это случилось через пять дней после того, как у Торгау на Эльбе американские солдаты встретились с солдатами советской армии (25 апреля 1945 г.). Двойная капитуляция немецкого вермахта — в Реймсе 7 и в Берлине 9 мая — подвела черту под историей Тысячелетнего рейха, который фактически просуществовал немногим более 12 лет. Правда, на протяжении трех последующих недель во Фленсбурге еще работало назначенное Гитлером правительство гросс-адмирала Деница. 5 июня 1945 г. вся исполнительная власть в Германии официально перешла четырем верховным главнокомандующим союзных государств. Япония капитулировала лишь в начале сентября 1945 г., через месяц после того, как впервые сброшенные атомные бомбы полностью разрушили японские города Хиросиму и Нагасаки.

---

* Wehrwolf (нем., оборотень) — созданные в последние дни войны ополченческие подразделения. — *Примеч. перев.*

Нет сомнений в том, что вся ответственность за войну и ее последствия лежит на национал-социалистах и поэтому именно их следует считать виновными в том невыразимом горе, которое принесли миллионам людей во всем мире их режим, учиненная ими военная катастрофа и неурядицы послевоенного времени. Тем не менее, снова и снова встает вопрос о совиновности немецкого народа. Как национал-социалистам удалось настолько подчинить себе немцев и добиться от них «исполнения» в таком объеме, что даже на протяжении шести лет войны большая часть немецкого народа следовала за Гитлером навстречу гибели, а многие из тех, кто выжил в войне, воспринимали ее окончание не столько как «освобождение», сколько как психологическую катастрофу?

Как уже говорилось, национал-социалистическое господство в значительной мере базировалось на харизме и терроре. Успехи блицкригов вначале усилили харизматическую компоненту, к которой добавлялась соответствующая пропаганда. С другой стороны, начало войны позволило режиму ужесточить — за счет многочисленных дополнительных мер — контроль над «единым немецким народом». Это привело к тому, что в конечном итоге — когда в 1942–1943 гг. настроение в обществе стало меняться — именно репрессивная компонента стала тем фактором, за счет которого поддерживалась внутренняя стабильность в Германии. Главное управление имперской безопасности под руководством Гейдриха, основанное 27 сентября 1939 г. в результате объединения различных подразделений полиции и СС, превратилось в центральный орган контроля, запугивания и наказания населения. Для этого служба безопасности СД и тайная государственная полиция (гестапо) содержали разветвленную сеть доносчиков и провокаторов и собирали «отчеты» о настроениях в империи («Meldungen aus dem Reich»). «Вредители», «уклонисты», «пораженцы», те,

кто своими высказываниями «подрывал обороноспособность страны», нарушал Закон о защите правительства от коварных посягательств, слушал иностранные радиостанции и так далее, выслеживались при помощи шпионов и доносчиков и отдавались на произвол полностью послушного идеологии аппарата правосудия, во главе которого с середины 1942 г. стоял прославившийся своей жестокостью председатель Народного трибунала (Volksgerichtshof) Роланд Фрейслер. Один только этот германский суд вынес 5000 смертных приговоров и, подобно другим судам, отправил за годы войны огромное число людей в концентрационные лагеря (нацистскими службами вместо общепринятого сокращения KZ использовалось официальное KL), что для многих, вследствие царившей там жестокости и нечеловеческих условий жизни, означало осуждение на смерть. Однако концлагеря заполнялись не только во исполнение судебных приговоров. Многие люди попадали туда без суда и следствия, оказавшись жертвой повседневного террора СС и гестапо по отношению к «неугодным режиму» лицам. Как утверждалось, это делалось «из соображений безопасности, воспитания или профилактики». Помимо осужденных преступников, в концлагерях оказывались жертвы расовой и идеологической дискриминации, жители оккупированных областей и военнопленные. Число концлагерей, во время войны переименованных в «трудовые лагеря СС», начиная с польской кампании постоянно росло. Еще до 1939 г. было построено 6 лагерей (самый первый концлагерь находился в Дахау; он действовал без перерыва с 22 марта 1933 до 28 апреля 1945 г.). К концу 1941 г. их было уже 13, а в 1944/1945 гг. — уже более 20. Сюда добавлялось еще около тысячи внешних лагерей, различные «лагеря особого назначения» (например, концлагерь для молодых людей и подростков), а с декабря 1941 г. специализированные лагеря уничтожения, где погибло более трех миллионов человек.

Впрочем, политика нацистов строилась не только на тотальном надзоре, терроре и угрозах заключения в концлагерь, с помощью которых СС, служба безопасности и гестапо пытались держать под контролем «народную общность». Важную роль играла также геббельсовская пропаганда, снабжавшая общество (через печатные издания, радио, кинохроники) прогнозами о скорой победе и призывами держаться до конца, а также культурной продукцией (музыкальными шлягерами, художественными фильмами, фронтовыми представлениями), призванной развлечь публику, отвлечь ее от реалий и погрузить в иллюзорные миры. Кроме того, нацисты использовали хитроумную стратегию по принципу «нормальной жизни столько, сколько возможно, войны столько, сколько необходимо» (Л. Хербст). Другими словами, учитывая уроки Первой мировой войны, национал-социалисты делали все возможное для того, чтобы как можно дольше не допускать серьезных сбоев в снабжении населения продовольствием, топливом и предметами первой необходимости и избежать голодных бунтов и других народных волнений, подобных тем, которые имели место в 1917/1918 гг. Однако добиться этого можно было лишь в случае неограниченного использования ресурсов оккупированных областей — не считаясь с потребностями живущих там людей. Этой целью, а не только идеологическими причинами объясняется тот факт, что на оккупированных землях национал-социалисты вели себя как завоеватели и «новые властители». Они не пытались быть «освободителями», хотя, например, на Украине у них теоретически была такая возможность, и не стремились никаким другим образом привлечь на свою сторону мирное население, несмотря на то что до заключительного этапа войны СС все же удалось собрать около 50 000 «германских добровольцев» (например, Легион французских добровольцев), включенных в состав войск СС (Waffen-SS). Вместо этого они использовали

ее средства жестокого подавления и эксплуатации населения, чтобы посеять страх и ужас (примером может служить уничтожение целых поселков — Лидице, Орадура, Коларита) и выжать все ресурсы из завоеванной местности. Эти ресурсы использовались для нужд немецкой военной экономики и для снабжения гражданского населения Германии.

Другой темной страницей в истории войны является обращение немцев с так называемыми иностранными рабочими. Чтобы компенсировать недостаток рабочих рук в связи с уходом значительной части мужского населения на фронт, помимо эксплуатации узников концлагерей и военнопленных, в немецкой экономике, прежде всего на производстве вооружений и в сельском хозяйстве, активно использовался труд иностранных рабочих. До конца 1944 г. в Третий рейх было депортировано около 7,5 миллиона человек. На втором этапе войны их труд использовался в основном в рамках политики мобилизации всех ресурсов. После гибели Тодта в феврале 1942 г. ей руководил новый министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер. И хотя эта политика привела к существенному росту военного производства, успехов Шпеера было недостаточно для того, чтобы удовлетворять постоянно растущие требования войны. Последовали новые кампании по установлению «тотального военного положения» в Третьем рейхе и на оккупированных территориях (например, остановка предприятий и закрытие учреждений, не имеющих отношения к войне, «прочесывание» предприятий в поисках мужчин, годных к военной службе, введение «Комиссий по обнаружению героев»). При этом к отбытию трудовой повинности стали привлекаться и женщины, до сих пор оставшиеся в стороне. Однако большинство этих спешно принятых мер потерпели крах, и это было связано не столько с сохранявшейся «административной путаницей национал-социалистического режима» и неумолимо

приближавшимся «падением фюрерского государства» (Д. Ребентиш), сколько с тем, что в это время немецкие войска начали отступать на всех фронтах: на Восточном фронте — после Сталинградской битвы, на Южном — после того, как союзники заняли Сицилию в июле 1943 г., а на Западном фронте после высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г. В связи с этим добыча сырья была сильно затруднена, а союзники между тем начали тотальную войну. Объемы бомбардировок, обрушившихся в первую очередь на немецкие города, транспортные узлы и военные предприятия, возросли с 30 000 тонн в 1941 г. до 120 000 в 1943 г. и 650 000 тонн в 1944 г. Когда же весной 1944 г. наступавшие советские войска перекрыли поставки нефти из Румынии, а союзная авиация нанесла серьезный ущерб топливной промышленности Германии, уже одно это предвещало скорое истощение ресурсов и, соответственно, невозможность продолжать войну. «Крепость Европа» была готова пасть под натиском союзных войск.

Не говоря уже об огромных человеческих жертвах на фронте и под бомбежками в городах, тотальная война, начавшаяся в 1943/1944 гг., стала тяжелым бременем и для мирных жителей. Гражданское население Германии терпело нужду, лишения и большие потери, однако лишь немногие отвернулись в это время от Гитлера. С одной стороны, последствия тотальной войны еще больше усилили уже упомянутые уравнительские тенденции в немецком обществе: в результате переселения из разрушенных городов, превентивной эвакуации матерей с детьми и подростками из опасных для жизни областей в сельскую местность, смены места жительства в связи с трудовой повинностью, а незадолго до окончания войны — бегства и насильственного переселения немцев из восточных регионов дальше на запад люди самого разного социального происхождения оказались оторваны от привычной среды, социального окружения и нередко даже от семьи.

Это явление приняло невиданные до сих пор масштабы. Растущая неопределенность относительно исхода войны, постоянная угроза воздушных налетов, а также страх за судьбу рассеянных по стране родственников создавали сильное эмоциональное напряжение, которое, однако, находило выход в ярости и ненависти к противнику, а не в недоверии к национал-социалистическим лидерам. От них люди продолжали ждать невозможного — окончательной победы в войне с помощью «чудо-оружия». Кроме того, пропаганда постоянно подстегивала волю к сопротивлению, живописуя все те ужасы, которые якобы ожидали мирных жителей в случае поражения немецкой армии и вступления в Германию советских солдат.

И все же в частной сфере все больше людей придерживались стратегии «спасайся кто может». Следствием дефицита и падения немецкой валюты стал расцвет черного рынка. Многие в кругу друзей и членов семьи обдумывали, как обустроить свою жизнь, когда Германию оккупируют союзные войска. По сути, с точки зрения восприятия происходящего мирным населением Германии, уже в 1943/1944 гг. начались три процесса, которые для многих людей облегчили переход в новое состояние: «отход от дезорганизованных общественных отношений и сосредоточение на семейных связях, если таковые еще сохранялись», «внешнее дистанцирование от национал-социалистического режима» и обдумывание альтернативы «индивидуального / коллективного самоубийства или попытки выжить после прихода врага» (П. Хюттенбергер).

Активное сопротивление режиму в период распада Третьего рейха было по-прежнему редким явлением. Открытый индивидуальный протест был бессмысленным ввиду действующей в Германии системы террора и неизбежно закончился бы гибелью мятежника-одиночки. Это понимали и убежденные противники режима. Тем не менее, сегодня нам известно, что помимо этого уровня

подготовки государственного переворота, который действительно не получил большого развития в Германии, существовал широкий спектр форм повседневного сопротивления. Он простирался от индивидуального уклонения (стремления «затихориться») и неконформного поведения в небольших кружках до анонимных акций протеста, саботажа и целенаправленной конспирации, например, в уже упомянутых молодежных антифашистских «бандах», называвших себя «пиратами Эдельвейса». Впрочем, более подробный анализ конкретных движений показывает, что нередко частичное неприятие режима могло сосуществовать с частичным одобрением, что в проведении некоторых акций люди хотя и руководствовались высокими идеалами, но по сути с самого начала осознанно шли на смерть, что некоторые были готовы бороться с режимом лишь после длительного сотрудничества с ним или становились противниками национал-социализма только когда, когда неизбежность катастрофы была уже очевидна. И все же до самого конца для того, чтобы вырваться из охватившего всех фатализма и начать действовать, невзирая на репрессии, требовалось огромное мужество и гражданская смелость. Дифференцированный подход, учитывающий, с одной стороны, нашумевшие акции протеста вроде тех, которые проводились мюнхенской группой студентов «Белая роза», «Кружком Крейзау», сподвижниками графа Штауффенберга (покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.), «Красной капеллой» и другими подпольными коммунистическими организациями, а с другой стороны, многие менее известные попытки сопротивления одиночек, небольших молодежных, христианских, социалистических и других групп, позволяет отойти от мифологизации подвигов (например, покушения на Гитлера и других акций группы «Белая роза»), которые на протяжении долгого времени превозносились — в целях укрепления национальной идентичности — в ФРГ, и от характерной для ГДР герои-

зации коммунистической борьбы и взглянуть на эти формы протеста с точки зрения человека, его личной судьбы и личных решений. Это ничуть не уменьшает историческое значение сопротивления национал-социалистической системе террора — пусть даже со стороны очень немногих немцев. Это было смелое выступление против бесчеловечности, свидетельствовавшее о том, что любое огульное суждение о «всех» немцах не учитывает разнообразную и противоречивую повседневную действительность Третьего рейха, включая его восприятие современниками. Несмотря на громогласные лозунги о «единой немецкой нации», несмотря на всю пропагандистскую и репрессивную деятельность режима, вопреки высоким фразам, произносимым большими и маленькими нацистами и многочисленными пассивными сторонниками режима, «ряды» нации не были «тесно сплоченными»: временами они были в лучшем случае «почти» сплоченными — до тех пор, пока окончательно не разомкнулись вследствие невероятного душевного хаоса, охватившего население, и разрухи в стране.

После краха нацистского режима многие немцы могли себе сказать (или попытаться убедить самих себя), что они ни о чем не знали. Однако те, кто был честен с самим собой, осознавали раскрывшуюся во всей полноте правду о непостижимой «тривиальности зла». Теперь оно предстало перед ними в полном объеме, хотя — зачастую бессознательно — присутствовало в их жизни на протяжении всего нацистского периода, и они сами в большей или меньшей степени участвовали в нем. Таким образом, они оказались как бы перед своей личной частью необходимой, но горькой задачи — «историизировать» национал-социализм и двенадцатилетний период созданного им режима террора. Цель этого действия заключалась не в том, чтобы релятивировать ответственность за происходящее или, тем более, оправдать себя и всех немцев как народ, обманутый и подчиненный кликой преступников,

а чтобы понять, как вообще могла возникнуть эта тоталитарная диктатура с ее наглой, презирающей человеческое достоинство самонадеянностью и ужасающими последствиями для всего мира. То обстоятельство, что лишь немногие в послевоенные годы оказались готовы к таким открытым формам преодоления «коричневого прошлого», тогда как большинство предпочитало вытеснить его из сознания или забыть, и что оба немецких государства, возникших на восточном и западном берегу Эльбы, в целях внутренней стабилизации сформировали очень одностороннее, обобщенное представление о Третьем рейхе, бесспорно, относится к тем «нерешенным духовным проблемам», которые еще предстоит преодолеть уже объединенной Германии.

Литература

Сборники документов, относящихся к периоду с 1914 по 1945 г.

Abelshauser W., Faust A., Petzina D. (Hrsg.) Deutsche Sozialgeschichte 1914–1945. Ein historisches Lesebuch. München 1985.

Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Boppard 1968.

Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik [ADAP]. 1918–1945 Göttingen [u.a.]. Serie A: 1918–1925. 1982ff.; Serie B: 1925–1933. 1966ff.; Serie C: 1933–1937. 1971 ff.; Serie D: 1937–1941. 1950ff.; Serie E: 1941–1945. 1969 ff.

Bihl W. (Hrsg.) Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Darmstadt 1991.

Boberach H. (Hrsg.) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939 bis 1944. München 1968.

Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade). 7 Bde. (1934–1940). Frankfurt a.M. 1980.

Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Hrsg. vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Reihe 2: 1914–1945. Berlin 1957ff.

Flemming J. [u. a.] (Hrsg.) Die Republik von Weimar. 2 Bde. Königstein i. Ts. ²1984.

Hellfeld M. von, Klönne A. Die betrogene Generation. Jugend in Deutschland unter dem Faschismus. Quellen und Dokumente. Köln 1985.

Huber E. R. (Hrsg.) Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd. 4: 1919–1933. Stuttgart 1991.

Jahnke K.-H., Buddrus M. Deutsche Jugend 1933– 1945. Eine Dokumentation. Hamburg 1989.

Kindt W. (Hrsg.) Dokumentation der Jugendbewegung. Bd. 1: Grundschriften. Düsseldorf / Köln 1963. Bd. 2: Die Wandervogelzeit. Ebd. 1968. Bd. 3: Die bündische Zeit. Ebd. 1974.

Michalka W., Niedhart G. (Hrsg.) Die ungeliebte Republik. Dokumentation zur Innen- und Außenpolitik Weimars 1918–1933. München 1980.

Petzina D., Abelshauser W., Faust A. (Hrsg.) Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch III: Materialien zur Statistik des Deutschen Reiches 1914–1945. München 1978.

Pross H. (Hrsg.) Die Zerstörung der deutschen Politik. Dokumente 1871–1933. Frankfurt a.M. 1959.

Quellen zur Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung im 20. Jahrhundert. Köln 1985 ff.

Quellen zur Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Reihe 1: Von der konstitutionellen Monarchie zur parlamentarischen Republik. Reihe 2: Militär und Politik. Reihe 3: Die Weimarer Republik. Düsseldorf 1959 ff.

Richarz M. (Hrsg.) Jüdisches Leben in Deutschland. Selbstzeugnisse zur Sozialgeschichte 1918–1945. Stuttgart 1976.

Ritter G. A., Miller S. (Hrsg.) Die deutsche Revolution 1918–1919. Dokumente. 2., erw. Aufl. Hamburg 1975.

Schramm P. E. (Hrsg.) Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtsführungsstab) 1940–1945. 4 Bde. Frankfurt a. M. 1961–1965.

Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918–1933. Frankfurt a. M. 1955.

Stasiewski B. (Bearb.): Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933–1945. Mainz 1968 ff.

Steitz W. (Hrsg.) Quellen zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte vom Ersten Weltkrieg bis zum Ende der Weimarer Republik. Darmstadt 1993.

Избранные исторические труды по периоду с 1914 по 1945 г.

Abelshauser W. (Hrsg.) Die Weimarer Republik als Wohlfahrtsstaat. Stuttgart 1987.

Ambrosius G. Staat und Wirtschaft im 20. Jahrhundert. München 1990.

Becher U. A. J. Geschichte des modernen Lebensstils. Essen-Wohnen — Freizeit — Reisen. München 1990.

Blasius D., Diner D. (Hrsg.) Zerbrochene Geschichte. Leben und Selbstverständnis der Juden in Deutschland. Frankfurt a. M. 1991.

Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt 1993.

Broszat M. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung der inneren Verfassung. München 1995.

Broszat M., Henke K.-D., Woller H. (Hrsg.) Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. München 1990.

Daniel U. Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft. Beruf, Familie und Politik im Ersten Weltkrieg. Göttingen 1989.

Deist W. [u. a.] (Hrsg.) Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. M. 1995.

Dülffer J. Deutsche Geschichte 1933–1945. Stuttgart [u. a.] 1992.

Feldman G. D. (Hrsg.) Die Nachwirkungen der Inflation auf die deutsche Geschichte 1924–1933. München 1985.

Feldman G. D., Holtfrerich C.-L. [u. a:] (Hrsg.) Die deutsche Inflation. Eine Zwischenbilanz. Berlin/New York 1982.

Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf 2004.

Förster J. (Hrsg.) Stalingrad. Ereignis, Wirkung, Symbol. München/Zürich 1993.

Geschichte des Wohnens. Bd. 4: 1918–1945. Reform, Reaktion, Zerstörung. Hrsg. von Gert Kahler. Stuttgart 1996.

Gruchmann L. Der Zweite Weltkrieg. Kriegsführung und Politik. München 2005.

Heinemann U. Die verdrängte Niederlage. Politische Öffentlichkeit und Kriegsschuldfrage in der Weimarer Republik. Göttingen 1983.

Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. Frankfurt a. M. 1996.

Hermand J., Trommler F. Die Kultur der Weimarer Republik. München 1989.

Herrmann U. (Hrsg.) „Die Formung des Volksgenossen". Der „Erziehungsstaat" des Dritten Reiches. Weinheim/Basel 1985.

Herrmann U., Oelkers J. (Hrsg.) Pädagogik und Nationalsozialismus. Weinheim/Basel 1989.

Hildebrand K. Deutsche Außenpolitik 1933–1945. Kalkül oder Dogma? Stuttgart [u. a.] 1971.

Hildebrand K. Das Dritte Reich. München/Wien 2003.

Hillgruber A. Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege. Göttingen 1986.

Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg. Kriegsziele und Strategie der großen Mächte. Stuttgart 1996.

Huber E. R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 5. Stuttgart [u. a.] 1978. Bd. 6. 1981. Bd. 7. 1984.

Jeserich K. G. A. [u. a.] (Hrsg.) Deutsche Verwaltungsgeschichte. Bd. 4: Das Reich als Republik und in der Zeit des Nationalsozialismus. Stuttgart 1985.

Kahler G. (Hrsg.) Geschichte des Wohnens. Bd. 3: 1918–1945. Stuttgart 1996.

Kershaw I. Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. München 2002.

Kershaw I. Hitler 1889–1936. Stuttgart 1998.

Kershaw I. Hitler 1936–1945. Stuttgart 2001.
Klönne A. Jugend im Dritten Reich. Die Hitler-Jugend und ihre Gegner. Düsseldorf / Köln 2003.
Kocka J. Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918. 2., erg. Aufl. Göttingen 1978.
Kolb E. Die Weimarer Republik. München 2002.
Krüger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt 1993.
Kuczynski J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. Bd. 5: 1918–1945. Sonderausg. Wiesbaden 1997.
Langewiesche D., Tenorth H.-E. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte. Bd. 5:1918–1945. München 1989.
Laqueur W. Z. Die deutsche Jugendbewegung. Eine historische Studie. Köln 1978.
Lundgreen P. (Hrsg.) Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt a. M. 1985.
Mason T. W. Sozialpolitik im Dritten Reich. Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Opladen 1978.
Michalka W. (Hrsg.) Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse. München/Zürich 1994.
Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch. Erw. Aufl. und Ergänzungsbd. Darmstadt 2005.
Möller H. Die Weimarer Republik. Eine unvollendete Demokratie. München 2004.
Mommsen H. Die verspielte Freiheit. Der Weg von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Berlin 1990.
Mooser J. Arbeiterleben in Deutschland 1900–1970. Klassenlage, Kultur und Politik. Frankfurt a. M. 1984.
Mosse G. L. Das Bild des Mannes. Zur Konstruktion der modernen Männlichkeit. Frankfurt a. M. 1997.
Petzina D. Die deutsche Wirtschaft in der Zwischenkriegszeit. Wiesbaden 1977.
Peukert D. J. K. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne. Frankfurt a. M. 1987.

Peukert D., Reulecke J. (Hrsg.) Die Reihen fast geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus. Wuppertal 1981.

Preller L. Sozialpolitik in der Weimarer Republik. Kronberg i.Ts. [u.a.] 1978.

Pross H. Jugend, Eros, Politik. Die Geschichte der deutschen Jugendverbände. Bern [u. a.] 1964.

Radkau J. Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Reichsgründung und Nationalismus. München 2002.

Rebentisch D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung und Verwaltungspolitik 1939 bis 1945. Stuttgart 1989.

Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München/Wien 1991.

Reulecke J. (Hrsg.) Generationalität und Lebensgeschichte im 20. Jahrhundert. München 2003.

Schildt A. Deutsche Geschichte im 20. Jahrhundert. Ein Lexikon. München 2005.

Schoenbaum D. Die braune Revolution. Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches. München 1980.

Schönhoven K. Reformismus und Radikalismus. Gespaltene Arbeiterbewegung im Weimarer Sozialstaat. München 1989.

Schulze H. Weimar. Deutschland 1917–1933. München 2004.

Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933– 1945. München 2004.

Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4: Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. München 2003.

Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Bd 1: Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. Bd. 2: Deutsche Geschichte vom Dritten Reich bis zur Wiedervereinigung. München 2000.

Кристоф Клесманн

РАЗДЕЛ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ (1945–1990 гг.)

Общая характеристика эпохи

С подписанием акта о капитуляции 8 мая 1945 г. рухнула не только образованная в 1870/1871 гг. Германская империя, которую Гитлер в националистическом ослеплении пытался на расово-биологическом основании превратить в Великую Германию. 1945 год стал поворотным годом в европейской и мировой истории в целом. Старую Европу уже невозможно было воссоздать в прежнем виде, и политическое будущее континента отныне определялось двумя новыми сверхдержавами — США и СССР. Результатом этого противостояния между Востоком и Западом, которое приняло форму «холодной войны» и на протяжении долгих лет решающим образом влияло на внутреннее и внешнее развитие почти всех европейских государств, стал «раздел мира» и прежде всего Европы и Германии.

Впрочем, «конфликт между Востоком и Западом» возник не в 1945 г., а гораздо раньше. Он берет свое начало в большевистской революции 1917 г., когда в России был свергнут царь, а новая власть объявила идеологическую и политическую войну всем «буржуазно»-капиталистическим государствам. В ответ последовали разнообразные формы вооруженной интервенции, изоляции и непризнания коммунистической России. Этот конфликт

систем, как казалось, отошел на второй план и был отложен на какое-то время, когда Гитлер в 1941 г. напал на Советский Союз и невольно сплотил своих противников. Их союз единым фронтом выступал против национал-социалистической Германии и, несмотря на все тяготы, обрушившиеся на него в годы войны, продержался до 1945 г. Этот союз, по желанию входивших в него государств, должен был сохраниться и после окончания войны с тем, чтобы определить основополагающую структуру нового миропорядка. Когда «большая тройка» (Черчилль, Рузвельт, Сталин) в феврале 1945 г. завершила Ялтинскую конференцию и вскоре после этого на конференции в Сан-Франциско основала Организацию Объединенных Наций (ООН), все три лидера стран-победительниц были убеждены в том, что тем самым они заложили основы нового, мирного миропорядка. Германия была повержена, а война против Японии вступила в завершающую стадию.

Тот факт, что вместо мира во всем мире через несколько лет после поражения Германии весь мир был вовлечен в бескомпромиссное противостояние — «холодную войну» — между восточным и западным блоком, имеет разные причины, но он ни в коей мере не являлся результатом целенаправленной политики ни той, ни другой стороны.

Первые ростки этого противостояния появились уже на последнем этапе Второй мировой в связи с несовпадением интересов новых мировых держав, а в первые послевоенные годы оно постепенно развернулось в полной мере. Вопрос о том, когда оно прекратилось, остается спорным. В любом случае «холодная война» закончилась раньше, чем был исчерпан конфликт Востока и Запада. Это произошло в 1960-е гг., когда между супердержавами была достигнута договоренность об ограничении ядерных вооружений и испытаний, или самое позднее в начале 1970-х гг., когда Федеративная Республика

Германия подписала соглашения с СССР и Польшей, а также договор об основах отношений с Германской Демократической Республикой, что способствовало разрядке международной напряженности, когда территориальные решения Ялтинской конференции получили политическое признание, а на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (КБСЕ), проходившей в 1975 г. в Хельсинки, были установлены новые формы кооперации между государствами. И лишь когда в 1989/1990 гг., в рамках проводимой Горбачевым политики перестройки, рухнула система коммунистических государств в Восточной Европе, а в 1991 г. распался Советский Союз и был отменен заключенный в 1955 г. Варшавский договор, когда была снесена Берлинская стена и ГДР объединилась с Федеративной Республикой Германией, стало очевидно, что конфликт Востока и Запада тоже исчерпал себя.

История Германии после 1945 г. вплетена в эту двойственную конфликтную ситуацию — с одной стороны, обостренной конфронтации систем в рамках «холодной войны» и, с другой стороны, ослабления и, в конце концов, резкого прекращения этого конфликта. Поэтому если мы хотим понять историю Германии послевоенного периода, необходимо постоянно учитывать эти рамочные условия, поскольку Германия, находясь на стыке двух систем, особенно сильно зависела от их взаимодействия.

Падение Германии в 1945 г. явилось политической проблемой, требовавшей двоякого решения. С одной стороны, необходимо было заполнить политический вакуум, возникший в центре Европы, и создать новый европейский порядок. При этом европейские народы были в равной мере заинтересованы в том, чтобы защитить себя и от восстановления великодержавного статуса Германии, и от советской угрозы. С другой стороны, немцы должны были попытаться как-то обустроить свое выживание и преодолеть огромные социальные и экономические труд-

ности, в которые их ввергла война, поражение и развал государства.

Мирное население Германии волновали не столько вопросы «большой политики», которые в извращенной форме определяли жизнь «Тысячелетнего рейха», сколько более насущные бытовые проблемы. Жестокая нужда отныне диктовала свои законы миллионам людей, вынужденным искать себе пропитание и крышу над головой. Невозможно переоценить значение этого экзистенциального опыта полной неуверенности и отсутствия перспектив для менталитета и поведения немцев в период восстановления.

Германия после войны:
стратегии выживания в четырех оккупационных зонах

1945 *3–11 февраля:* Конференция в Ялте (Крым).

8 мая: Безоговорочная капитуляция Германии.

5 июня: Державы-победительницы (СССР, США, Великобритания, Франция) подписывают Декларацию о принятии верховной власти в Германии.

1 июля: вывод американских и английских войск из Саксонии, Тюрингии и Мекленбурга. Оккупация западных районов Берлина американскими, английскими и французскими войсками.

17 июля–2 августа: Потсдамская конференция.

Август/сентябрь: начало земельной реформы в советской зоне оккупации. Разрешение на создание партий и профсоюзов в западной зоне оккупации.

1946 *20/27 января:* муниципальные выборы в американской зоне оккупации.

5 марта: в американской зоне оккупации издан Закон об освобождении немецкого народа от национал-социализма и милитаризма.

21–22 апреля: день основания Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

30 июня: референдум в Саксонии по вопросу конфискации имущества нацистских активистов и военных преступников.
Выборы в местные органы законодательной власти в американской зоне оккупации.

Сентябрь: муниципальные выборы в советской, английской и французской зонах оккупации.

Зоны оккупации
территория, отошедшая Советскому Союзу
территория, отошедшая Польше
Шлезвиг-Гольштейн
Кёнигсберг
Гданьск
Алленштейн
Мекленбург
Гамбург
Бремен
Нижняя Саксония
Померания
Штеттин
Бранденбург
Берлин
Потсдам
территория Польши с 1945 г.
Северный Рейн-Вестфалия
Гайнхорст
Саксен-Ангальт
Дюссельдорф
Гарце
ПОЛЬША
Силезия
Вроцлав
Дрезден
Саксония
Рейнланд-Пфальц
Висбаден
Майнц
Саарбрюккен
Саар
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
Баден
Бавария
Штутгарт
Тюбинген
Гогенцоллерн
Мюнхен
Вена
Зальцбург
Брегенц
ШВЕЙЦАРИЯ
Грац
Клагенфурт
0 100 200 км
Максимальное проникновение союзных войск на территорию Германии
Рурский регион, управляемый Международным контрольным советом
Зоны оккупации Германии и Австрии
Английская
Американская
Французская
Советская

Когда в мае 1945 г. наконец смолкли орудия и тотальная война закончилась полным поражением и безоговорочной капитуляцией, Германия и немцы, казалось, перестали быть важным фактором европейской политики. Четыре страны-победительницы оккупировали Германию, подчинили себе исполнительную власть и, согласно итогам Потсдамской конференции, разделили Германскую империю (формально восстановленную в границах 1937 г.) на четыре оккупационные зоны. De facto восточные территории рейха (Восточная Пруссия, Померания, Силезия) отошли Польше, а северная часть Восточной Пруссии — Советскому Союзу. Вопрос государственной принадлежности Саара остался открытым. На юго-востоке Австрия и Чехословакия были восстановлены в своих прежних границах.

Когда в 1948 г. участники Кёльнского карнавала пели «Туземцы Тризонезии, живем мы без забот», то это сравнение населения Германии с туземцами колоний отражало ощущение и политическое сознание людей во всех четырех зонах оккупации.

Отныне все было во власти стран-победительниц. Немецкие политические организации были распущены или же получили разрешение на работу в условиях жесткого контроля. «Денацификация», задуманная как крупномасштабная политическая чистка, представляла угрозу для миллионов немцев. Многие города лежали в руинах. Пути сообщения были разрушены. Еще до окончания войны начались перемещения огромного числа людей — эвакуированных, беженцев, депортированных, перемещенных лиц (Displaced Persons — DP's). Ограничения промышленного производства и репарации, ставшие тяжелым бременем особенно для советской зоны оккупации, не оставляли надежды на восстановление экономики в обозримом будущем, а непрочное положение немецкой марки привело к пышному расцвету черного рынка, что отбросило Германию к уровню обществ с натуральным продуктообменом.

Многие признаки этого послевоенного общества наметились уже на завершающей стадии войны. Судьбы и личный опыт людей, которых коснулась война и ее последствия, зачастую несильно отличались до и после 1945 г. Таким образом, на многих уровнях наблюдалась своеобразная преемственность, объединявшая Германскую империю и Федеративную республику. Данное обстоятельство заставляло усомниться в правильности расхожего представления о 1945 г. как о «точке отсчета». Этот год не был переломным во всех отношениях. Именно в повседневной жизни в первые годы послевоенной разрухи многие негативные явления, начавшиеся еще в годы войны, проявились еще резче.

Сокращение территории Германии и связанное с этим вынужденное переселение жителей затронутых регионов началось задолго до установления новых политических границ на Постдамской конференции в 1945 г. Понятие «эвакуации» характеризует лишь одну составляющую этого интенсивного миграционного процесса. С целью защиты городского населения от все более ожесточенных бомбардировок с 1943 г. женщины, дети и старики в массовом порядке эвакуировались из западных и центральных областей в сельскую местность на востоке рейха. Сюда же относится специальная программа эвакуации детей, получившая эвфемистическое название «вывоз детей в деревню». Согласно официальной статистике, в конце 1944 г. в Великогерманском рейхе насчитывалось 8,9 млн так называемых переселенных лиц. В результате численность населения в больших городах резко сократилась, а в маленьких городах и сельской местности — возросла. Так, например, Гамбург в результате бомбежек и эвакуации потерял 620 000 жителей. Население Вюрцбурга уменьшилось почти в два раза, в то время как в сельском регионе вокруг города Зонтхофена численность населения увеличилась в четыре раза.

Непосредственно до и сразу после окончания войны в поток «переезжающих» влились рабочие из Восточной Европы, чей подневольный труд использовался в военной экономике национал-социалистического режима. В 1944 г. их численность составляла 7,1 млн человек. Теперь они, как перемещенные лица, пытались пробраться к себе домой. Небольшими группами они шли по Германии, вселяя страх в ее жителей. Многие из них мстили за пережитое унижение. К концу 1946 г. в западных зонах оккупации оставалось примерно полмиллиона перемещенных лиц. Многие по политическим причинам не могли или не хотели возвращаться на родину, мигрировали дальше или оставались в ФРГ в статусе «иностранцев без отечества». О судьбе таких людей в советской зоне оккупации и впоследствии в ГДР до сих пор отсутствует точная информация.

Другую многочисленную группу составляли немцы, зимой 1944/1945 гг. бежавшие от Красной армии на запад, а также депортированные и вынужденные переселенцы из восточных регионов Германии и из стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Немецкие меньшинства насильно изгонялись из мест своего проживания в этих странах, хотя, согласно Потсдамской декларации, переселение немцев должно было осуществляться «организованным и гуманным путем». Лишь с 1946 г. этот процесс вошел в русло упорядоченного принудительного выселения. В результате еще до 1947 г. около 10 млн граждан Германии и этнических немцев, проживавших за пределами Германии, устремились в четыре зоны оккупации. Большая часть осела в советской и американской зонах (с их обширными сельскими регионами в Мекленбурге — Передней Померании и в Баварии), далее следовала английская оккупационная зона (в первую очередь Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн). Французское правительство до 1948 г. отказывалось принимать беженцев в своей оккупационной зоне.

Уже по этим общим свидетельствам и цифрам можно понять тенденции последующего развития Германии и увидеть, что немецкие и союзные правительства и органы управления стояли перед лицом огромного множества социальных, экономических и политических проблем. Помимо обеспечения населения продовольствием и жильем, необходимо было преодолеть последствия войны, каким-то образом сгладить различия между теми, кто еще чем-то владел, и теми, кто все потерял. Нужно было снова наладить и по-новому организовать экономическую жизнь государства.

О том, сколько квартир было целиком или частично разрушено в 1945 г., можно судить лишь приблизительно. Во многих крупных городах (в частности, в Берлине) была утрачена половина или даже больше (например, в Кёльне, Дортмунде, Касселе) жилых площадей. Те, чьи дома были разрушены во время бомбежек, а также беженцы, согласно директиве правительства размещались в уцелевших квартирах или во временных жилищах — наскоро построенных деревянных домах. Сухие статистические данные по жилищной ситуации в ФРГ в 1950 г. показывают, в какой мере жители Германии были обеспечены жильем через пять лет после окончания войны. Согласно этим данным, на территории Германии, помимо 14,6 миллиона семей, проживавших в «нормальных квартирах» (к которым относились и 136 200 временных жилищ площадью 30 м² и более и 23 400 квартир в зданиях, находящихся под угрозой обвала), 628 000 семей проживали в так называемых вынужденных жилищах — во временных квартирах площадью менее 30 м², в бараках, ангарах из гофрированного железа, бункерах, садовых домиках, дощатых сараях, вагончиках, подвальных квартирах), а 762 000 семей были размещены в так называемых временных убежищах — лагерях, общежитиях, гостиницах.

Чтобы прокормить численно возросшее (1939 г.: 59,8 млн, 1946 г.: 65,9 млн), при этом ютящееся на силь-

по сократившейся жилой площади население, необходимо было наладить сельскохозяйственное производство и грамотно организовать распределение продуктов питания. Истощение сельского хозяйства в результате «битв за повышение урожая» в Третьем рейхе, утрата восточных областей, отсутствие сельхозтехники и химических удобрений, а также невозможность быстрого распределения импортируемых продуктов питания из-за того, что были разрушены пути сообщения, привели к обострению ситуации вокруг продовольственного снабжения в первые годы после войны. Принятые в то время нормы (в калориях) дают лишь приблизительное представление об отчаянных попытках хоть как-то обеспечить физическое выживание нации. В июле 1945 г. официальные нормы, сильно варьировавшиеся в зависимости от зоны оккупации и конкретного региона, составляли от 1150 до 1450 калорий в день, а фактическое потребление калорий зачастую было еще меньше. Насколько драматичной ситуация была зимой, свидетельствуют широкомасштабные голодовки зимой и весной 1946/1947 и 1947/1948 гг., когда прежде всего в прирейнских областях и в Руре, но также и в Южной Германии сотни тысяч людей вышли на улицы, чтобы привлечь внимание к своему бедственному положению.

Однако дела шли плохо далеко не у всех. Послевоенное немецкое общество невозможно представить себе также без черного рынка, без циничных деляг и конъюнктурщиков, которые за счет спекуляций сумели довольно быстро нажить неплохое состояние. Часто и предприятиям не оставалось ничего другого, как путем компенсационной торговли обеспечивать пропитание своим работникам. В обмен на уголь, станки и инструменты можно было без труда получить картофель и смалец, хотя официально черные рынки были строго запрещены союзными военными властями. Советы предприятий, которые и этот переходный период часто выполняли функцию

политического представительства рабочих, были особенно активны в этой области, тем более что оккупационные власти не позволяли им реализовывать более серьезные политические амбиции. И хотя таким образом промышленное производство пусть в ограниченном объеме, но все же было запущено, все эти процессы происходили в рамках теневой экономики. Она определялась случайными особенностями региональной и местной промышленности и интересами конкретных предприятий, что сильно затрудняло систематическое восстановление национальной экономики и упорядоченное распределение продуктов. Ситуация изменилась только после финансовой реформы. Она положила конец натурально-обменному способу хозяйствования и неожиданно вывела на рынок товары, которые производители до этого придерживали у себя.

Однако экономическая и социальная неустроенность породила и другие трудности, на протяжении долгого времени влиявшие на политическое развитие Германии. С одной стороны, необходимость «сплотиться и потесниться» вызывала у людей озлобленность и недовольство. С другой стороны, нужда научила их не только молиться, но также способствовала некоторому отходу от политики и публичной сферы и возвращению в «малые общности» — в семью, церковную и соседскую общину, поскольку в них проблемы проще всего было решить сообща.

Беженцы из восточных земель Германии воспринимались местным населением как непрошеные гости. Эвакуированные городские жители с их привычками и жизненным укладом часто казались деревенским жителям чуждым или даже опасным элементом, хотя, с другой стороны, они в то же время вызывали живое любопытство. Сельская среда таким образом менялась, а замкнутые в конфессиональном плане регионы неожиданно для себя столкнулись с «иноверцами». Это вынужденное смеше-

ние разных слоев населения создало предпосылки для политических изменений в послевоенной Германии по сравнению с Веймарской республикой, что отразилось, например, на электоральном поведении. Именно этим объясняется вытеснение мировоззренческих партий, которым прежде в Германии отдавало предпочтение большинство избирателей, народными партиями.

Трудности послевоенного общества также способствовали тому, что на какое-то время сильно изменились ролевые характеристики мужчин, женщин и детей, а также разделение труда между ними. Семья оказалась под бременем, вынести которое ей вряд ли было под силу. Критически настроенные наблюдатели говорили о внутренней расшатанности и нравственном упадке немецкого народа. Подростки были вынуждены помогать родителям в «добывании» продуктов и предметов первой необходимости. При этом границы между законным и незаконным часто были очень зыбкими. На женщинах, чьи мужья, как правило, еще оставались в плену (если они не погибли во время войны), лежала основная тяжесть каждодневной борьбы за выживание. Многие современники подчеркивали сильное физическое и психическое истощение именно среди женщин. О грузе забот, вносивших разлад в семейную жизнь, свидетельствуют показатели разводов, которые в первые послевоенные годы постоянно росли. Возвращавшиеся с войны мужчины не могли найти себе места в изменившейся семейной ситуации. Привычная для них роль главы семьи оказалась под сомнением в новых социальных условиях. Многим женщинам пришлось взять на себя мужские роли, а дети должны были раньше положенного срока осваивать функции взрослых, так что отцы теперь не могли рассчитывать на безусловное признание их авторитета, к которому они привыкли.

Впрочем, смена ролей и тенденция разлада в немецких семьях после войны — это лишь одна сторона медали.

Другой стороной было возникновение солидарного со общества и уход от публичной сферы в частную. Со вместное преодоление тягот и невзгод привело к боль шей сплоченности немецкого общества, а в 1950-е гг. был возрожден и идеал традиционной буржуазной семьи. Ее подчеркнуто идеализированные, идиллические черты, пропагандируемые в рамках семейной политики и особенно в рекламе, резко контрастировали с опытом крайней нужды в первые послевоенные годы. Эти устаревшие, абсолютно не соответствовавшие действительности нормы искусственно поддерживались вплоть до 1960-х гг., пока новые общественные движения не поставили их под сомнение.

Тенденции реставрации и поисков новых ориентиров наблюдались и в церковной жизни Германии. В 1945 г. церкви были единственными действующими крупными организациями. Они могли предложить социальную поддержку оторванному от корней населению и служить опорой в минуту эмоциональной подавленности.

В первое послевоенное десятилетие католическая и евангелическая церкви играли такую значимую роль в общественной жизни, которая вряд ли соответствовала их фактическим возможностям и скрывала тот факт, что процесс секуляризации, стремительно набиравший обороты уже в начале века и ускорившийся при национал-социалистах, продолжался, хотя и медленно, и после краха Третьего рейха — параллельно с начавшимся возрождением церкви. Тем не менее, опыт существования церкви при национал-социализме способствовал возникновению новых форм общественного и политического участия среди наиболее значимых религиозных меньшинств и прежде всего в протестантской церкви. Началось сближение церкви и общества, которое привело к значительному изменению старых традиций государственного протестантизма и политического католицизма.

«Холодная война», раздел Германии и интеграция двух блоков

1947 *1 января:* вступает в силу соглашение между США и Великобританией об объединении оккупационных зон (создание «бизонии»).

10 марта—24 апреля: конференция министров иностранных дел в Москве.

13 марта: оглашение доктрины Трумэна.

25 июня: создание бизонального Экономического совета во Франкфурте.

20–24 сентября: II съезд СЕПГ.

30 сентября: основание Коминформа.

25 ноября—15 декабря: Лондонская конференция министров иностранных дел.

1948 *26 февраля:* закончена денацификация в советской оккупационной зоне.

18–21 июня: валютно-финансовая реформа в западных оккупационных зонах.

23 июня: валютно-финансовая реформа в советской зоне оккупации.

Начало блокады Берлина.

1 сентября: Первое заседание Парламентского совета в Бонне.

1949 *25–28 января:* Первая партконференция СЕПГ.

25 января: создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

8 мая: принятие конституции Парламентским советом.

23 мая: обнародование конституции.

14 августа: выборы в первый немецкий бундестаг.

15 сентября: Конрад Аденауэр выбран бундесканцлером.

7 октября: образование ГДР; Народный совет Германии преобразован во Временную Народную палату; вступление в силу первой конституции ГДР.

1950 *17 августа:* правительство ГДР принимает Первый пятилетний план.

29 сентября: вступление ГДР в СЭВ.

1951 *30 января:* правительственная декларация и обращение Народной палаты к бундестагу с предложением объединения под лозунгом «Немцы, за один стол!» («Deutsche, an einen Tisch»).

18 апреля: подписан договор о создании Европейского объединения угля и стали.

21 мая: Закон о паритетном участии в управлении угольно-металлургическими компаниями.

8 октября: отмена карточной системы в ГДР (сохранились карточки на мясо, жир, сахар).

1952 *26/27 мая:* подписание Общего (Боннского) договора между ФРГ и тремя оккупационными западными державами и Договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

27 мая: ГДР создает заградительную зону вдоль границы с ФРГ.

9–12 июля: вторая партконференция СЕПГ; принято решение о «планомерном создании основ социализма».

1953 *9 июня:* Политбюро СЕПГ объявляет о начале «нового курса».

17 июня: Восстания в Восточном Берлине и в других землях ГДР (подавлены советскими войсками).

1954 *30 августа:* Французский парламент отказывается ратифицировать договор о ЕОС.

1955 *27 февраля:* бундестаг ратифицирует Парижские договоры.

26 июля: советский лидер Хрущев в своей речи, произнесенной в Восточном Берлине, впервые говорит о двух немецких государствах.

9–13 сентября: визит бундесканцлера Аденауэра в Москву, установление дипломатических отношений, освобождение немецких военнопленных.

1956 *14–25 февраля:* XX съезд КПСС.

25 октября—4 ноября: революция в Венгрии — подавлена советскими войсками.

1958 *10–16 июля:* V съезд СЕПГ.

10 ноября: Хрущев выдвигает ультиматум с требованием вывести войска из Берлина.

1959 *11 мая–20 июня:* конференция четырех министров иностранных дел в Женеве (присутствие делегации от ФРГ и ГДР в роли наблюдателей).

2 декабря: введение обязательного 10-летнего школьного образования в ГДР.

1960 *10 февраля:* создание Государственного совета и Совета национальной безопасности ГДР.

30 июня: речь Герберта Венера в бундестаге о внешнеполитической позиции СДПГ.

После того как в западных оккупационных зонах был ослаблен запрет на политическую деятельность, в Германии снова стали возникать политические партии и традиционные организации, объединявшие людей со схожими интересами. Однако, по сравнению с Веймарской республикой, партийная система Германии кардинально

изменилась. Тесная связь партий с определенными классами и социальными слоями или конфессиями исчезла. Сформировалась система народных партий, которая хотя и отражала важнейшие идеологические направления, но уже не была жестко закреплена за определенными социальными слоями. Конечно, во всех партиях еще прослеживались черты, выдававшие их происхождение из мировоззренческих и классовых партий, однако и членство в современных партиях, и их электорат уже не были ограничены прежними рамками. Возьмем в качестве примера две крупнейшие партии Германии: Христианско-демократический союз и Социально-демократическую партию Германии. ХДС как новое движение, объединившее в себе различные конфессии, опирался в основном на буржуазию и средний класс, но в то же время благодаря успешной политике в социальной сфере сумел привлечь на свою сторону большую часть рабочего класса. В свою очередь, СДПГ, будучи самой многочисленной партией, имела своих постоянных избирателей в рабочей среде, но со временем стала приобретать все больше сторонников (в основном протестантского вероисповедания) среди представителей среднего класса. Помимо либералов, которые впоследствии играли чрезвычайно важную роль (от того, на чью сторону они становились, нередко зависел дальнейший ход истории Германии), и коммунистов, которые уже в первом бундестаге 1946 г. были представлены довольно слабо, существовал целый ряд других партий, но большинство из них носили региональный характер. В целом для политического развития Германии была характерна тенденция к концентрации политических ресурсов в нескольких крупных народных партиях.

В советской зоне оккупации в 1945 г. сначала тоже, правда, в несколько измененной форме, возник традиционный спектр из четырех партий (Коммунистическая партия Германии, Социал-демократическая партия

Германии, Христианско-демократический союз и Либеральная немецкая партия). Однако уже через несколько лет после свержения «коричневой диктатуры» произошла трансформация многопартийной системы в однопартийную, во главе которой стояла Социалистическая единая партия Германии, окруженная «союзными партиями» и полностью зависимыми партиями блока (объединившиеся «демократически-антифашистские» партии). Одной из важнейших причин того, что власть в стране снова, причем очень скоро захватила одна, монопольно господствующая партия (правда, с совершенно иной идеологией, нежели НСДАП), была «холодная война».

Завершение переходного периода первых послевоенных лет в западной оккупационной зоне было ознаменовано «валютно-финансовой реформой», проведенной 18–21 июня 1948 г. Несколько дней спустя подобная реформа была проведена и в Восточной Германии. На Западе валютно-финансовая реформа значила гораздо больше, чем просто денежная реформа. Одновременно с повсеместной отменой так называемого принудительного хозяйствования и твердых цен на товары, она способствовала расширению ассортимента товаров, но в то же время и стремительному росту цен на них. Эта реформа форсировала процесс восстановления экономики, но самое главное, она заставила людей поверить в то, что дела снова пошли в гору, хотя те, у кого были какие-то денежные сбережения (в отличие от владельцев ценного имущества), потеряли в результате девальвации немецкой валюты почти все. Кроме того, валютно-финансовая реформа усугубила намечавшийся раскол Германии, так как отныне существовали две немецкие валюты. Первым кульминационным моментом «холодной войны» стала советская блокада Западного Берлина, поводом к которой послужила как раз западная валютная реформа.

Тот факт, что развитие восточной и западной оккупационных зон шло в разных направлениях еще до возник-

новения двух немецких государств, а валютно-финансовая реформа стала не только важнейшей экономической, но и политической вехой послевоенной истории, связан в первую очередь с «холодной войной». Это понятие вошло в обиход в 1947 г. с подачи американского журналиста Уолтера Липмана. Как острая форма конфронтации между Востоком и Западом, разделившей весь мир на две части, «холодная война» началась самое позднее в 1947 г., когда была принята «доктрина Трумэна», обнародован «план Маршалла» и основано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ). Предвестником «холодной войны» стал конфликт союзников вокруг Польши и объединение американской и британской оккупационных зон в «бизонию», что было воспринято Советским Союзом как нарушение Потсдамского соглашения.

В марте 1947 г. американский президент Трумэн заявил о том, что существует два образа жизни. Один основывается на свободе, другой — на терроре и подавлении большинства меньшинством. Политика США должна заключаться в поддержке свободных народов, сопротивляющихся внешнему насилию. Это заявление могло быть воспринято как «серьезное предупреждение» Советскому Союзу. Обнародованный летом 1947 г. план американского министра иностранных дел Маршалла предоставлял европейским странам, сильно пострадавшим от войны, возможность получить субсидии на восстановление, но только в том случае, если отдельные страны, рассчитывающие на помощь от США, будут интегрированы в общеевропейский экономический процесс. Именно это вызвало резкую критику со стороны Советского Союза. По политическим и экономическим причинам СССР был готов согласиться только с двусторонними торговыми и кредитными соглашениями. План Маршалла изображался советскими критиками как коварный маневр по политическому подчинению Европы экономическими

средствами, и поэтому восточноевропейским странам было запрещено в нем участвовать.

В ответ на принятие плана Маршалла в сентябре 1947 г. было создано коммунистическое информбюро (Коминформ) как некое подобие распущенного в 1943 г. Коминтерна, призванное следить за тем, чтобы восточноевропейские страны вели себя сообразно желаниям Советского Союза.

После того как «холодная война» стала фактом, который уже невозможно было отрицать, она стремительно набирала обороты и оказалась важнейшей политической детерминантой, усугубившей раскол Германии.

Хотя четыре оккупационные зоны с самого начала имели различную политическую структуру, именно 1947 г. создал очевидные и (на долгое время) необратимые предпосылки для раздела западной и восточной зон. Многие значимые изменения, которые были проведены еще в 1945–1946 гг. в советской зоне оккупации в соответствии с программой денацификации и обновления, принятой на Потсдамской конференции, теперь выглядели как подготовка к советизации восточной части Германии. В этой связи следуют особо упомянуть три мероприятия: начатую еще в сентябре 1945 г. земельную реформу, в ходе которой земельная собственность всех крупных землевладельцев (площадь владений более 100 га) была экспроприирована; огосударствление крупной промышленности под лозунгом «передачи предприятий военных и нацистских преступников в народную собственность»; слияние КПГ и СДПГ в СЕПГ в апреле 1946 г., чему предшествовала мощная пропагандистская кампания, репрессии и угрозы.

Все эти кардинальные изменения политической и социально-экономической структуры позволили советским оккупационным властям и верному исполнителю их повелений — СЕПГ — буквально за несколько лет сталинизировать Восточную Германию, перестроить ГДР по

народно-демократической модели восточноевропейских государств и интегрировать ее в восточный блок.

Первым важным шагом на пути к формированию и унификации советского блока был введенный в 1947 г. запрет Советского Союза всем государствам, входившим в сферу его влияния, участвовать в плане Маршалла. Следующим шагом стало насильственное установление власти коммунистической партии в Польше (выборы в сейм в январе 1947 г., проведенные под контролем СССР) и переворот в феврале 1948 г. в Праге. Затем валютно-финансовая реформа в западной зоне дала Советскому Союзу повод для блокады Берлина. Это сенсационное событие явилось первым кульминационным моментом «холодной войны». И хотя политическая цель этой блокады подъездных путей заключалась в том, чтобы предотвратить намечающееся формирование западного государства — ФРГ, результат получился прямо противоположным: блокада Берлина только ускорила сближение Германии с западными странами и приготовления к созданию конституции. 8 мая 1949 г. Парламентский совет принял конституцию, а 15 сентября, после выборов в бундестаг в августе 1949 г., было избрано первое правительство во главе с новым канцлером Конрадом Аденауэром (1876–1967). Несколько недель спустя было официально провозглашено создание второго немецкого государства — ГДР.

Этот процесс основания одновременно двух государств, несомненно, был результатом обострившейся «холодной войны», поскольку «линия фронта» между Востоком и Западом проходила как раз по Германии. Поэтому в каком-то смысле данный процесс был неотвратим. Аденауэр, исходя из своей оценки политической ситуации в мире, еще в 1945 г. считал раздел Европы и Германии неизбежным. По его мнению, предотвратить это можно было лишь за счет интеграции Запада и последующего оттеснения Советского Союза.

Существовали ли альтернативные решения? Свобода действия немецких политиков была сильно ограничена условиями оккупации. В принципе из всего многообразия предложенных в то время альтернатив лишь одна была политически значимой: план Якоба Кайзера, согласно которому Германия должна была оставаться в стороне от противостояния капиталистического и социалистического блоков и служить «мостом между Востоком и Западом».

Будучи председателем ХДС в Восточном Берлине и противником Аденауэра по политической игре, бывший член партии Центра Якоб Кайзер строил планы в совершенно ином политическом контексте и под влиянием совершенно других политических традиций, нежели Аденауэр. Его политические взгляды формировались в процессе участия в христианском профсоюзном движении и в движении сопротивления, кульминацией которого стало покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. Так что его представления об обществе, равно как и идеалы политического устройства Германии, резко контрастировали с антипрусскими и антицентристскими буржуазными установками Аденауэра. И если об Аденауэре можно — несколько утрируя — сказать, что он стремился сделать «центром немецкой и европейской политики Кёльнский собор» (Г. П. Шварц), то для Кайзера было само собой разумеющимся поместить общегерманскую политическую активность в Берлин — столицу и место нахождения Союзного контрольного совета. Христианский социализм, национальное единство, централизованное государственное устройство, неприятие западного блока, тесное сотрудничество со всеми оккупационными властями и активное изучение и внедрение марксистских идей — вот основные элементы его концепции. Кайзер исходил из того, что только наступательная общегерманская политика на базе христианского социализма может снова объединить расходящиеся в разных направлениях части Германии в условиях союзной оккупации.

Дискуссии об альтернативах внешней политике Аденауэра не прекратились и после основания ФРГ и первых шагов в направлении экономической и военной интеграции. Лишь после того, как в 1959 г. на съезде СДПГ в Бад-Годесберге была принята новая программа партии, а Герберт Венер в 1960 г. произнес свою историческую речь в бундестаге, интеграция в Западную Европу и ремилитаризация были безоговорочно одобрены и оппозицией. После 1969 г. это одобрение стало одной из предпосылок новой восточной политики (Ostpolitik) правительства Брандта / Шееля.

Причины того, что большая часть западногерманского населения сделала выбор в пользу интеграции ФРГ в Западную Европу, кроются в событиях 1948 г., а именно в валютно-финансовой реформе. Эта денежная реформа была не просто финансово-политической мерой — она затронула самую суть государственного единства обеих Германий, а в сочетании с отменой принудительного хозяйствования она оказала прежде всего огромное социально-психологическое воздействие на население. Именно поэтому денежная реформа легла в основу мифологии создания ФРГ. Несмотря на присущую ей огромную социальную несправедливость, которую почувствовали на собственной шкуре именно «маленькие люди», она впервые за долгие годы дала надежду на стабильность и социальный рост. С этой субъективной точки зрения, история ФРГ и ее экономического подъема, воспринимавшегося современниками как настоящее чудо, начинается именно с 1948 г., несмотря на то что осенью того же года имели место массовые протесты против последствий валютно-финансовой реформы (в первую очередь против повышения цен и безработицы).

Внешнеполитическая ориентация в конечном итоге тоже была обусловлена задачами внутренней политики. Какие политические расстановки и какие политические силы были наиболее благоприятными для обеспечения

стабильности и безопасности в послевоенной Германии? В конце концов именно от этого зависел политический выбор населения. Политика интеграции в западный блок выступала гарантией этой безопасности сразу в двух аспектах: как внешнеполитическая защита от идущей с Востока коммунистической угрозы и как защита от дальнейшей социальной деградации и шанс для каждого в отдельности сделать карьеру и повысить свой социальный статус. Первое время социально ориентированная рыночная экономика не вызывала восторга у населения, однако она символизировала экономический и социальный прогресс и зависела — так, по крайней мере, казалось — от тесного сотрудничества с Западом.

Эта связь между индивидуальными перспективами социального роста и интеграцией ФРГ в Западную Европу, наряду с глубоко укорененным, подтвержденным личным опытом антикоммунизмом, предопределила политический выбор в пользу Запада и сделала неизбежным раздел Германии в 1950-е гг. Жесткое неприятие политики ремилитаризации имело свои истоки, скорее, в расплывчатой установке «лучше без меня», чем в вере в существование реальной альтернативы этой политике. И как раз такая неопределенная ситуация и позволила Аденауэру целеустремленно и последовательно продолжать свой внешнеполитический курс, который в общих чертах был намечен уже в 1945 г. В этой целеустремленности, собственно, и состоит заслуга Аденауэра перед Германией. Общее направление было задано сразу после основания ФРГ, однако конкретный план политической, экономической и военной интеграции западного блока отсутствовал.

Главной составляющей этой политики была ритуализации требования воссоединения Германии. Начиная с 1947 г. Аденауэр и Шумахер придерживались так называемой «теории магнита». Согласно этой теории, Западная Германия с ее процветающей экономикой должна

была притягивать восточную часть, подобно магниту. В рамках более широкой политической аргументации такая политика должна была оттеснить на задний план негативные последствия выбора в пользу Запада. В 1950-е гг. ее сменила новая максима, пропагандировавшая «политику силы». Обе эти формулы, бесспорно, были не лишены убедительности, и с точки зрения сегодняшнего дня, пожалуй, можно сказать, что их использование себя оправдало. Однако не следует слишком уж прямолинейно оправдывать подобные представления, исходя *из нашего сегодняшнего опыта. Политическая фантазия* Аденауэра в отношении будущего Германии не в полной мере стала достоянием общественности той эпохи. Он обдумывал и другие планы, простиравшиеся вплоть до признания ГДР, однако в них неизменно было одно слабое место: объединение Германии и полная интеграция в западный мир были во внешнеполитической ситуации того времени несовместимы.

Населсние ГДР не имело возможности свободного выбора. Восточногерманское государство было навязано ему безо всякой демократической легитимации. Во всех ключевых сферах политической и экономической организации *оно имело те же характеристики*, что и восточноевропейские «народные демократии», и представляло собой один из вариантов советской модели. Трансформация в духе сталинизма — решительное устранение всякой оппозиции, бюрократический контроль «правящей партии» над всем государственным аппаратом и общественными организациями, выстраивание культурной *жизни в соответствии с директивами* «Большого брата», т. е. СССР, — началась в 1949 г. и уже скоро достигла большого прогресса. Тем не менее было одно исключение, политическое значение которого до сих пор сложно оценить.

В марте и апреле 1952 г. Сталин в нотах бывшим западным союзникам предложил рассмотреть вопрос о

проведении свободных выборов в Германии и восстановлении ее национального единства — при условии, что ФРГ откажется от запланированного вступления в Европейское оборонное сообщество (ЕОС) и обязуется соблюдать нейтралитет. Незадолго до того, как ФРГ в 1955 г. стала членом НАТО, Советский Союз повторил свое предложение — на этот раз в более мягкой форме. Известные на сегодняшний день источники свидетельствуют о том, что это была пропагандистская акция со стороны СССР. Оба раза по внешне- и внутриполитическим причинам шансы на реализацию этого плана были ничтожны. Западные державы, правительство и, по всей видимости, большая часть населения Западной Германии не были готовы пойти на непредсказуемый риск нейтрализации отношений, тем более что в предыдущие годы Советский Союз доказал, что способен, ни с кем не считаясь, удовлетворять свои великодержавные амбиции в Восточной Европе и Германии. Процесс внутренней интеграции обоих блоков и раскола Германии продолжался.

Вступление в силу договора о создании Европейского объединения угля и стали в 1952 г. явилось важным этапом в укреплении взаимосвязей между ФРГ и западноевропейскими странами (Францией, государствами Бенилюкса, Италией). Впоследствии это объединение стало ядром Европейского экономического союза.

Ситуация снова изменилась в марте 1953 г., когда умер Сталин. Его преемники сочли необходимым изменить политический и экономический курс. На лидеров СЕПГ стало оказываться давление с тем, чтобы изменить государственную политику. Принятый в ГДР «новый курс» в итоге сводился к политике уступок по отношению к разным слоям населения и ослаблению борьбы с церковью. Парадоксальным образом при этом сохранялось запланированное 10-процентное повышение трудовых норм для рабочих, что и стало внешним поводом для восстания 17 июня.

Первыми на демонстрацию вышли рабочие, занятые на строительстве Аллеи Сталина. 16 июня они подошли к министерскому комплексу с требованием проведения переговоров с правительством. И хотя правительство отменило повышение плановых показателей, весть о демонстрации в Берлине быстро распространилась по всей ГДР. На следующий день примерно в 700 населенных пунктах имели место протестные акции трудовых коллективов, демонстрации, забастовки и даже случаи применения насилия. Когда днем 17 июня в охваченные восстанием города были введены советские танки и по всей ГДР было объявлено чрезвычайное положение, открытые протестные выступления прекратились, однако беспорядки и конфликты продолжались еще долго. *В требованиях восставших не было единства.* Однако повсюду, помимо социально-политических и экономических целей, выдвигались требования свободных выборов, отставки правительства и единства Германии.

СЕПГ попыталась выставить шокировавшее ее восстание, в котором в основном участвовали рабочие, как «фашистский путч» и тем самым отвлечь внимание общественности от провала своего политического курса. Впоследствии правящая партия Восточной Германии была более осмотрительной в реализации своих политических и экономических целей. Жестокое подавление восстания произвело сильное впечатление как на население, так и на правящие круги, которые вплоть до падения Берлинской стены не избавились от страха перед возможным повторением этих событий.

В 1955 г. ФРГ вступила в Западноевропейский союз (ЗЕС), призванный служить целям совместной безопасности и интеграции Западной Европы. Одновременно с этим Западная Германия также стала членом НАТО. Таким образом, после того как вариант европейского решения вопроса военной интеграции — ЕОС — провалился в связи с отказом Национального собрания Франции

ратифицировать договор, ФРГ воплотила в жизнь атлантический вариант.

Следующий шаг к более интенсивному экономическому взаимодействию был сделан в 1957 г., когда был основан Европейский экономический союз (ЕЭС). Эта организация, поначалу состоявшая всего из шести стран (Англия, Дания и Ирландия присоединились к Европейскому союзу (ЕС) лишь в 1973 г.), оказалась чрезвычайно успешным предприятием и фактически главным двигателем интеграции в рамках Западной Европы, несмотря на то что процесс объединения шел с многочисленными перебоями и тормозился дополнительными условиями и особыми пожеланиями, выдвигавшимися отдельными государствами. Проблемы эффективного регулирования аграрного рынка, а также демократической легитимации наднациональных решений, принятых европейским парламентом в Брюсселе, оставались нерешенными на протяжении всей истории Европейского союза.

Крушение коммунистической системы в Европе дало новый импульс процессу объединения европейских государств. Во-первых, многие страны Восточной Европы стремились стать членами ЕС. Во-вторых, 11 декабря 1991 г. главы правительств стран—участниц ЕС подписали Маастрихтский договор, ставший решающим шагом в продвижении политического объединения Европы. Важнейшими этапами этого процесса были: введение единой европейской валюты (самое позднее в 1999 г.), единого европейского гражданства, общая внешняя политика, а также политика в сфере обороны и обеспечения безопасности, которая должна была проводиться Западноевропейским Союзом, общая политика в области миграции и приема беженцев, а также расширение полномочий Европейского парламента в Страсбурге.

Для политической и экономической интеграции ГДР в восточный блок не было необходимости в формальном закреплении этого процесса в многосторонних согла-

шениях, до тех пор пока Сталин при помощи террора мог добиться реализации любого решения. Созданный в 1949 г. в ответ на план Маршалла Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) фактически никогда не был эффективным инструментом координации экономики восточного блока, поскольку слишком зависел от воли Советского Союза, игравшего в нем главную роль. В отличие от него, заключенный в 1955 г. Варшавский договор означал для стран Восточной Европы и ГДР по крайней мере de jure многосторонний военный союз. Он должен был стать военным и политическим противовесом НАТО, а внутри блока выполнял контрольно-дисциплинарную функцию, восстанавливая порядок посредством военного вмешательства (как это было в Праге в 1968 г.) или его угрозы (как это было в Польше в 1981 г.). Лишь с началом горбачевской перестройки, когда Советский Союз отказался от своих притязаний на господство над восточноевропейскими странами, их граждане сами смогли выбирать, при каком политическом режиме им жить. Расторжение Варшавского договора в 1991 г. было почти неизбежным следствием этих изменений. Существование и внутренняя стабильность ГДР, ввиду отсутствия демократической легитимации, зависели от поддержки со стороны Организации Варшавского договора. Эта зависимость проявилась уже в 1961 г., когда Восточная Германия прекратила всякие контакты с Западом.

До того как в 1961 г. руководство СЕПГ, с согласия Организации Варшавского договора, силовыми методами остановило поток перебежчиков в ФРГ, оно еще раз попыталось направить развитие ГДР в социалистическое русло, используя все доступные политические способы. Цель этого развития была сформулирована на пике сталинизма в 1952 г. (2-я партийная конференция СЕПГ): строительство социализма. Фактически даже после XX съезда КПСС (1956 г.) в ГДР не было подлинной «десталинизации». Более того, под этим предлогом

Ульбрихту удалось устранить своих противников, уничтожить зачатки оппозиции среди интеллигенции и создать специально для себя особую позицию во власти (председатель созданного в 1960 г. Государственного совета и Национального совета безопасности).

Улучшение экономического положения в ГДР дало повод СЕПГ на V съезде в 1958 г. замахнуться на более высокие экономические и общественные цели и начать мечтать о том, чтобы «догнать и перегнать» ФРГ. «Культурная революция» должна была стимулировать интерес рабочих к новым для них сферам деятельности. Начатая в 1952 г. коллективизация сельского хозяйства была ускоренными темпами доведена до конца к весне 1960 г. Система образования была также перестроена по советскому образцу. Этот ускоренный темп преобразований в ГДР заставил сотни тысяч граждан бежать в Западную Германию. Лишь после «обеспечения безопасности государственной границы» стала возможной некоторая модернизация системы, которая вначале дала определенные положительные результаты. Экономические реформы («Новая экономическая система планирования и управления») и значительные инвестиции в образование, но вместе с тем строжайший контроль за критически настроенной интеллигенцией (11-й пленум ЦК СЕПГ в декабре 1965 г.) и поддержание идеологической дисциплины внутри блока (участие в силовом подавлении «Пражской весны» 1968 г.) — вот основные моменты политического курса Ульбрихта в 1960-е гг.

Вопреки мрачным прогнозам гэдээровской пропаганды, Федеративная Республика Германия переживала в 1950-е гг. период подъема. Высокие показатели экономического роста позволили правительству Западной Германии финансировать и социальную политику. В результате сравнительно быстро были найдены решения тех колоссальных проблем, которые оставила после себя война. Благодаря строительству социального жилья (за

период с 1950 по 1955 г. было построено 1,8 млн квартир) была устранена острая нехватка жилой площади. Закон 1952 г. о компенсации ущерба, нанесенного войной, в котором также устанавливался размер разового налога на имущество для крупных собственников, существенно способствовал интеграции беженцев. Наконец, новая *динамическая система пенсионного обеспечения* (зависимость размера пенсии от изменений заработной платы), введенная в 1957 г., значительно улучшила положение пенсионеров.

«Экономическое чудо» и успешная социальная политика способствовали тому, что правительство Аденауэра получило абсолютное большинство голосов на выборах в бундестаг в 1957 г. Экономические и социальные успехи заслонили собой сильные оппозиционные движения против ремилитаризации (в первой половине 1950-х гг.) и против создания ядерного оружия в ФРГ (после 1958 г.).

Однако если внешняя политика Аденауэра и экономическая политика его министра экономики Людвига Эрхарда была довольно успешной, решение вопроса о воссоединении Германии не сдвинулось с мертвой точки. Кроме того, внутриполитический климат в конце правления Аденауэра, воспринимавшийся населением как гнетущий и реакционный, спровоцировал настойчивые требования реформ в 1960-е гг. После интермедии правительства Эрхарда (1963–1966 гг.) сформированная в декабре 1966 г. и просуществовавшая до 1969 г. «большая коалиция» во главе с канцлером Куртом Георгом Кизингером (ХДС) и вице-канцлером, министром иностранных дел Вилли Брандтом (СДПГ) все больше поддавалась этому давлению и в конце концов реализовала целый ряд реформаторских проектов. В частности, был принят Закон о стабилизации экономики, призванный повысить эффективность управления хозяйственной сферой, Закон о содействии трудоустройству и профессиональному образованию, проведена реформа уголовного

права; после ожесточенных дебатов были приняты также законы о чрезвычайном положении. В восточной и общегерманской политике правительство «большой коалиции» также искало новые пути. Необходимость этого определялась новой политической ситуацией, которая сложилась в связи со строительством Берлинской стены в 1961 г.

Строительство Берлинской стены в 1961 г. — главная веха в послевоенной истории Германии

В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. в Восточном Берлине на всей протяженности внутригородской демаркационной линии выстроились отряды Народной полиции и боевой народной дружины и загородили подход к границе колючей проволокой, которая вскоре была заменена стеной, а затем бетонными блоками. В дальнейшем охрана внутригерманской границы в Берлине была усилена пограничными патрулями, сторожевыми собаками и самострельными установками. Со строительством Берлинской стены граница Восточной Германии — от Балтийского моря до границы с Чехословакией — была заперта на замок. Последняя лазейка была закрыта.

Тот факт, что сначала было возведено только ограждение из колючей проволоки и лишь несколько дней спустя началось строительство пограничных стен, по-видимому, свидетельствует о том, что инициаторы этого процесса вполне осознавали, на какой риск они идут. Реакцию Запада на нарушение договоренности о статусе Берлина, который должен был находиться под управлением всех четырех оккупационных держав, невозможно было предсказать. Тем не менее она оказалась на удивление сдержанной. Прошло два дня, прежде чем начальники западного гарнизона, в ответ на отчаянные упреки со стороны тогдашнего бургомистра Западного Берлина Вилли Брандта и правительства ФРГ, выступили с

(довольно сдержанным) протестом против возведения стены. Чтобы успокоить возмущенное население и хотя бы символически продемонстрировать готовность к обороне, 17 сентября 1961 г. Берлин посетил генерал Клей – легендарный организатор «воздушного моста» над Берлином в 1948 г., а также вице-президент США Джонсон. Они заверили жителей Западного Берлина в поддержке со стороны Соединенных Штатов. Незначительное усиление американского гарнизона в Берлине должно было подчеркнуть этот жест, скорее, моральной поддержки.

Стена осталась стоять, граница между ГДР и ФРГ была укреплена, так что отныне Германия была окончательно разделена открытым и насильственным образом. Тот факт, что реакция американцев была сдержанной и ситуация в Берлине, по мнению американского правительства, не затрагивала жизненно важных внешнеполитических интересов США, подтверждается дипломатической предысторией берлинского кризиса. Лишь в ходе напряженных переговоров между четырьмя бывшими союзниками, поводом к которым стал предъявленный Хрущевым в 1958 г. ультиматум с требованием вывести войска из Западного Берлина, американский президент Кеннеди четко обозначил позицию США по этому вопросу. В своей речи 25 июля 1961 г. он сформулировал три «основные пункта» («Essentials»), нарушение которых должно было повлечь за собой военное вмешательство США. Этими тремя пунктами были свободный въезд в Берлин, военное присутствие западных держав в городе и его безопасность. Фактически под Берлином подразумевался Западный Берлин, хотя особо это нигде не оговаривалось. Таким образом, произошло взаимное признание сфер интересов и влияния супердержав. В этой связи очень откровенно выразился председатель Комитета Конгресса США по иностранным делам, сенатор Фулбрайт, в телевизионном интервью 30 июля 1961 г.: «Я не понимаю, почему службы ГДР не закроют

границу, так как, на мой взгляд, у них есть полное право это сделать».

Итак, восточный блок начал активно спекулировать на сдержанной реакции Запада, для которой были все основания ввиду предполагаемой угрозы войны. Ульбрихт дернул стоп-кран: чтобы предотвратить «обескровливание» экономики ГДР в связи с массовым бегством в ФРГ, продолжить и завершить свой социалистический эксперимент на немецкой земле, он возвел Берлинскую стену. Так что фактически «днем тайного основания» ГДР (Д. Стариц) был день 13 августа 1961 г.

В полной мере оценить значение этой даты для истории Германии стало возможным лишь теперь, после падения Берлинской стены. Тогда с ней можно было смириться, и чем реже жители Западной Германии в последующие десятилетия сталкивались с фактом ее существования, тем скорее они о ней забывали. «Нормализация» на базе двух немецких государств стала в целом легитимной политической опцией, в которой ставка делалась на содержательное улучшение отношений между Востоком и Западом в долгосрочной перспективе. Однако именно Берлин и разделявшая его стена были слабой стороной этого плана. Какими бы ни были представления о нормализации отношений, этот монстр не вписывался ни в одно из них, и любой, кто приезжал в Берлин из ФРГ или из западной части этого же города, видел это своими глазами. Тем не менее реалистичного решения проблемы не было ни с той, ни с другой стороны, а для того, чтобы представить себе падение Берлинской стены в обозримом будущем, пока не хватало никакого воображения. Рихард фон Вайцзэккер в 1985 г. сформулировал это следующим образом: германский вопрос будет оставаться открытым до тех пор, пока будут закрыты Бранденбургские ворота. Эта фраза очень точно отражала суть проблемы. Но как можно было мирным путем добиться открытия Бранденбургских ворот? Скептики

полагали, что стена будет стоять до тех пор, пока не будут устранены причины, приведшие к ее строительству, поскольку иначе под вопросом окажется само существование ГДР.

Главной причиной был огромный разрыв в уровне благосостояния, а кроме того, отсутствие политико-демократической легитимации восточногерманского режима. В 1980-е гг. разрыв, вопреки всем гэдээровским прогнозам, увеличился по сравнению с 1960-ми гг., а что касается демократической легитимации, то здесь СЕПГ не удалось достичь даже незначительного прогресса. В этой ситуации существование ГДР напрямую зависело от Берлинской стены, что, в свою очередь, было возможно лишь благодаря политической поддержке такого положения со стороны Советского Союза и Организации Варшавского договора. И только после того, как ГДР неожиданно лишилась этой поддержки извне, рухнула Берлинская стена.

Оглядываясь назад, можно отчетливо проследить долгосрочные последствия строительства Берлинской стены, которые, впрочем, нелегко привести к общему знаменателю, если мы не хотим поддаться детерминистскому заблуждению. Дело в том, что, с одной стороны, строительство стены, бесспорно, положило начало процессу стабилизации и определенной внутренней трансформации ГДР. В этой связи главной темой 1960-х гг. была модернизация. Этому соответствовало и восприятие Восточной Германии другими странами. В конце 1960-х гг. западные исследователи изменили свой подход к изучению Восточной Германии: ГДР теперь стала рассматриваться как еще один вариант немецкого индустриального общества со схожими — несмотря на все глубинные различия — проблемами. На политическом уровне эта перемена в восприятии нашла отражение в отказе от «политики силы» и в попытке добиться «изменения посредством сближения».

С другой стороны, сегодня сложно избавиться от ощущения, что возведение Берлинской стены было началом конца ГДР. Ведь именно эта изоляция создала условия для продолжения эксперимента, который не имел шансов на успех без кардинального реформирования и ориентированных на будущее структурных изменений. Лишь под защитой стены можно было так долго продолжать эту политику эксплуатации хозяйственных и экономических ресурсов и половинчатых реформ, игнорировать и заглушать сигналы тревоги, свидетельствовавшие о надвигавшемся кризисе уже с 1970-х гг., и, наконец, поддерживать политическое господство кучки утративших чувство реальности стариков вплоть до 1989 г.

Таким образом, последствия возведения Берлинской стены были двойственными. Пути к отступлению были перекрыты. Это позволило довольно быстро добиться экономической и социальной стабилизации. Квалифицированные работники были вынуждены остаться в стране. Появились новые возможности социального роста, что привело к усилению лояльности к системе и, соответственно, укреплению самой системы. В этой, в прямом смысле слова безвыходной ситуации возникли новые, более интенсивные, чем прежде, формы взаимодействия между режимом и населением. Они в равной мере определялись, с одной стороны, политическим давлением сверху, а с другой стороны, социальными поощрениями (привилегиями и гарантиями) и предоставлением большей свободы населению.

Тем не менее Берлинская стена, особенно на последнем этапе существования ГДР, стала причиной фатального процесса привыкания к неизбежному и все большего отхода в частную сферу. Партия безуспешно пыталась противопоставить этому все новые и новые мероприятия, направленные на мобилизацию общества. Уход в частную жизнь породил понятную, но имевшую крайне негативные политические последствия флегматичность;

общественная инициатива и креативность стали сходить на «нет». Конечно, такая ситуация оказывала угнетающее воздействие на тех, кто в ней находился, но она имела и свои удобные стороны. Именно с этим связано большинство проблем переориентации после объединения Германии. Именно здесь кроются причины сегодняшнего состояния общества. Начиная с социальной политики и заканчивая научными институтами — повсюду решающую роль играло «опекающее государство» (Рольф Хенрих). Оно указывало гражданам «правильный путь», оно предостерегало или прибегало к насилию, если кто-то хотел отклониться от тропы социалистической добродетели, но в то же время оно также заботилось о своих гражданах от рождения и до самой смерти.

Что касается внешней политики, то здесь возведение Берлинской стены также явилось важной вехой для двух Германий и, кроме того, для истории «холодной войны». Как бы парадоксально это ни звучало, строительство стены, равно как и мирное урегулирование Карибского кризиса годом позже, стало отправной точкой для изменения отношений между Западной и Восточной Германией и для окончания «холодной войны». Запад смирился с разделом Европы и Германии, и через десять лет факт раздела был официально признан и закреплен в «восточных договорах» и в Договоре об основах отношений между ГДР и ФРГ. Таким образом, строительство Берлинской стены, будучи апофеозом «холодной войны», было одновременно началом конца этой войны, но, впрочем, не конфликта между Востоком и Западом. Конечно, стремление СЕПГ представить ситуацию таким образом, как будто она выступает от лица более прогрессивной и успешной Германии, провалилось очевидным для всех, почти гротескным образом, однако и западногерманская «политика силы» и последовательного непризнания и изоляции ГДР потерпела полное фиаско. Председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Генрих Кроне с горечью

отмечал в своем дневнике в конце 1961 г.: «Германия попрежнему разделена. Так будет еще долго. Запад мирится с разделом Германии. Мы должны не допустить, чтобы в подписанных с ним договорах это выглядело иначе. Они не выйдут из договоров, но слова „воссоединение", „самоопределение" уже утратили силу. Теперь все ищут способы сосуществования при сохранении статус-кво».

«Изменения посредством сближения» — стабилизация посредством изоляции: политика Восточной и Западной Германии

1962 *17/18 августа:* демонстрации в Западном Берлине после того, как гражданин ГДР Петер Фехтер был застрелен при попытке бежать в Западную Германию.

1963 *15 октября:* бундесканцлер Конрад Аденауэр уходит в отставку.

17 декабря: первое соглашение о пропусках для жителей Западного Берлина на посещение восточной части города.

1964 *24 сентября:* Вили Штоф становится председателем Совета министров.

1965 *25 февраля:* в ГДР принят Закон о единой социалистической образовательной системе.

1966 *1 декабря:* Курт Георг Кизингер избран канцлером в правительстве «большой коалиции».

1967 *19 апреля:* умирает Конрад Аденауэр.

10 мая: бундестаг принимает Закон о стабилизации экономики.

1968 *10–17 апреля:* массовые демонстрации и столкновения с полицией после покушения на Руди Дучке.

21 августа: ввод войск Организации Варшавского договора в Чехословакию.

1969 *21 октября:* Вилли Брандт избран бундесканцлером.

1970 *19 марта / 21 мая:* встреча министра-президента ГДР Штофа и бундесканцлера ФРГ Брандта в Эрфурте.

26 марта: начало переговоров четырех держав о Берлине.

12 августа: подписание Московского договора между ФРГ и СССР.

7 декабря: подписание Варшавского договора между ФРГ и Польской Народной Республикой.

1971 *3 мая:* первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт уходит в отставку; его преемником назначен Эрих Хонеккер.

15–19 июня: VIII съезд СЕПГ при участии Брежнева.

23 августа: Великобритания, Франция, СССР и США приходят к согласию относительно проекта договора о положении Берлина («Соглашение четырех держав»); подписание соглашения 3 сентября.

1972 *27 апреля:* ЦК СЕПГ, правление Объединения свободных немецких профсоюзов и Совет министров ГДР принимают совместное решение о социально-политических мерах, которые вступают в силу 1 июля и 1 сентября.

17 мая: бундестаг ратифицирует «восточные договоры» (Московский и Варшавский).

26 мая: ФРГ и ГДР подписывают договор о транспортном сообщении, который вступает в силу 17 октября.

15 июня: в Восточном Берлине начинаются обсуждения Договора об основах отношений между двумя Германиями.

21 декабря: госсекретари Эгон Бар и Михаэль Коль подписывают Договор об основах отношений между ФРГ и ГДР.

1973 *5–22 января:* ГДР устанавливает дипломатические отношения еще с 13 государствами.

1 августа: умирает председатель Государственного совета Вальтер Ульбрихт; 3 октября Народная палата избирает председателем Госсовета В. Штофа, а председателем Совета министров — г. Зиндерманна.

18 сентября: ГДР и ФРГ становятся 133-м и 134-м членами ООН соответственно.

1974 *14 марта:* подписан протокол об учреждении «постоянных представительств» (вступил в силу 2 мая; открытие постоянных представительств ГДР в Бонне и ФРГ в Восточном Берлине).

6 мая: отставка Вилли Брандта в связи с разоблачением агента «Штази» Гюнтера Гюйома, занимавшего должность персонального помощника В. Брандта.

16 мая: новым бундесканцлером становится Гельмут Шмидт (сохранение социал-либеральной коалиции).

27 сентября: Народная палата принимает Закон о внесении дополнений и изменений в конституцию ГДР 7 октября 1974 г.; понятие «немецкая нация» отныне не упоминается в конституции.

1975 *30 июня–1 августа:* в Хельсинки подписан Заключительный акт КБСЕ; беседы между бундесканцлером г. Шмидтом и Э. Хонеккером.

7 октября: Хонеккер и Брежнев подписывают Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между ГДР и СССР.

На протяжении двух лет Берлин оставался полностью разделенным на две части, и между населением Восточного и Западного Берлина не было никакого общения и никакой возможности взаимного посещения, за исключением технических контактов в случае крайней необходимости. Телефонная связь после строительства стены также была разорвана, так что жители Берлина на собственной шкуре пережили неудобства, порожденные «холодной войной». В принципе дороги, по которым можно было добраться из ФРГ в Западный Берлин, были открыты, однако они контролировались пограничными службами ГДР и, следовательно, были подвержены их произволу.

Вначале, т. е. сразу после строительства «антифашистского защитного вала», как официально называлась Берлинская стена в пропаганде СЕПГ, добиться «изменений посредством сближения» казалось невозможным. Как можно было сблизиться с государством, которое заперло своих жителей, чтобы не дать им уйти? Тем не менее, в долгосрочной перспективе эта формула, предложенная в 1963 г. Эгоном Баром, в то время занимавшим пост советника правящего бургомистра Берлина Вилли Брандта, была допустимым и правильным ответом на вызов, каковым по сути являлось строительство стены. В основе этого плана лежала идея о том, что систему, которую невозможно расшатать путем упорной изоляции и угроз и за которой стоит политическая и военная мощь Советского Союза, можно изменить только изнутри. В сложившихся обстоятельствах только этот путь мог принести конкретные улучшения для жителей Германии. Конечно, политика сближения вряд ли могла разрешить в целом конфликт между Востоком и Западом, поскольку его причины крылись в принципиальном антагонизме двух общественных систем, однако таким образом можно было предотвратить угрозу обострения «холодной войны». С этой точки зрения политика ФРГ по отношению

к ГДР относится к тем тенденциям разрядки международной напряженности, которые также имели место в отношениях между двумя супердержавами в начале 1960-х гг. (Договор о прекращении ядерных испытаний, Договор о нераспространении ядерного оружия). Таким образом, формула «изменения посредством сближения» уже предвещала новую политику. Ее начало в конце 1960-х гг. было связано с установлением нового курса в отношениях с ГДР и восточноевропейскими странами, а вершиной стало заключение Договора об основах отношений между ФРГ и ГДР в 1972 г. и подписание Заключительного акта КБСЕ в Хельсинки в 1975 г.

Первые шаги в этом направлении были предприняты в Берлине: когда стало ясно, что стену уже не снести, ее попытались сделать по крайней мере проницаемой. После упорных переговоров к Рождеству 1963 г. жители Западного Берлина впервые получили возможность посетить своих родственников и друзей в другой части Берлина. До 1966 г. между сенатом Западного Берлина и правительством ГДР было заключено еще три соглашения о пропусках. Они были оспорены в Бонне, так как Западная Германия в своей политике по-прежнему придерживалась принципа непризнания ГДР и пыталась ограничиться техническими связями, в то время как представители ГДР, наоборот, пытались использовать любые контакты для повышения политического статуса Восточной Германии. Таким образом, сложные переговоры о берлинской пропускной системе были делом большой политической важности для обеих сторон. Наконец, компромисс был найден в так называемой «Сальваторской оговорке», позволявшей западным берлинцам посещать родственников и друзей в восточной части города на Рождество, Пасху и Троицу. В ней подчеркивались расхождения политической и юридической позиций двух Германий и констатировалось, что «согласия относительно названий мест, учреждений и должностей

достичь не удалось». Однако в 1966 г. ГДР отказалась признавать эту оговорку и потребовала соглашения на базе «нормальных межгосударственных отношений». Таким образом, попытка продлить действие пропускной системы не увенчалась успехом. С тех пор всякая связь между двумя частями города, за исключением чрезвычайных ситуаций, была прервана. Жители Восточного и Западного Берлина могли встретиться друг с другом только в Праге, на берегу Черного моря или на ежегодной ярмарке в Лейпциге. Кроме того, правительство ГДР в 1964 г. позволило пенсионерам (всем, кроме берлинцев) «совершать поездки в несоциалистические страны с целью посещения родственников».

В этом контексте гораздо большего — по сравнению с 1950-ми гг. — раскола между двумя немецкими государствами понятно то давление, которое испытывало на себе западногерманское правительство в связи с необходимостью изменить политический курс по отношению к ГДР. Многие надеялись, что политическое признание ГДР через какое-то время приведет к улучшению отношений. Казалось, что это был единственный способ сохранить нацию как общий контекст коммуникации. Именно на это делалась ставка в плане новой политики по отношению к странам Восточной Европы и ГДР, предложенном социально-либеральной коалицией в 1969 г. «Большая коалиция» с канцлером Куртом Георгом Кизингером во главе уже предприняла первые шаги в этом направлении, когда впервые были официально установлены политические контакты между Бонном и Восточным Берлином в форме переписки между бундесканцлером Кизингером и премьер-министром Вилли Штофом о будущем германо-германских отношений. До этого официальные письма правительства ГДР в Бонн нераспечатанными отсылались обратно в Восточный Берлин.

Целью новой восточной политики было создание комплексной системы договоров, отдельные составляющие

которой вписывались бы в единую политическую линию и в глобальную задачу разрядки напряженности между Востоком и Западом. После того как Советский Союз в 1968 г. ввел свои войска в Чехословакию, разрушив тем самым надежды «Пражской весны» и обеспечив идеологическую и политическую защиту своего восточноевропейского аванпоста, он тоже был заинтересован в некоторой стабилизации на базе территориального статус-кво. Появлению этой готовности не в последнюю очередь способствовал конфликт на советско-китайской границе.

Правительство Вилли Брандта было готово принять новый, послевоенный территориальный порядок, заключив договоры об отказе от применения силы и о границах с СССР и Польшей. Главной задачей новой договорной политики было оптимальное урегулирование берлинского вопроса и достижение договоренности с ГДР, с тем чтобы политическое признание ГДР принесло конкретные улучшения для жителей обеих Германий. Переговоры четырех держав о статусе Берлина, проходившие параллельно с советско-германскими и польско-германскими переговорами, создавали своеобразный внутренний политический контекст, вследствие чего возникало две альтернативы: либо обе стороны принимали весь пакет соглашений в целом, либо весь этот план рушился. Только в случае успешного и выгодного для Западной Германии урегулирования вопроса о статусе Берлина существовала вероятность того, что Московский и Варшавский договоры будут ратифицированы в бундестаге. С другой стороны, ждать уступок в отношении Берлина от Советского Союза можно было только в том случае, если будут одобрены эти договоры. Такая политическая взаимообусловленность, хотя по форме она, пожалуй, таковой не казалась, и накаляла атмосферу вокруг внутриполитических дебатов по поводу восточной политики в ФРГ.

Ожесточенные дебаты в бундестаге и среди общественности показали, с каким трудом немцам давалось

прощание со старыми иллюзиями и изменение политического курса. В результате смены фракций число депутатов, поддерживавших социально-либеральную коалицию, настолько сократилось, что правительство уже не могло рассчитывать на поддержку большинства. В конце концов, была предпринята попытка свергнуть действующего канцлера посредством конструктивного вотума недоверия. После того как эта попытка неожиданно провалилась, бундестаг был распущен. Новые выборы привели к формированию однозначного социал-либерального большинства, что можно было также трактовать как выражение народного одобрения новой внешней политики.

В резкой форме столкновение различных позиций произошло также в связи с Договором об основах отношений с ГДР, который был подписан в 1972 г. и годом позже ратифицирован, невзирая на активное сопротивление со стороны оппозиции в лице Христианско-демократического и Христианско-социального союзов. В этом договоре ГДР получала признание в государственном праве ФРГ, но не в международном праве. Подписанные на базе этого договора многочисленные уточняющие договоры и соглашения должны были заложить основы для новых отношений между Западной и Восточной Германией. Их цель — несмотря ни на что, продолжать восстановление национального единства мирным путем — правительство ФРГ сформулировало в качестве дополнения к договору, сообщив об этом в официальном письме правительству ГДР.

Путем сближения двух немецких государств на основе «урегулированного сосуществования» предполагалось остановить и повернуть вспять процесс ослабления национальной солидарности. Оглядываясь назад, можно констатировать, что этот замысел действительно в какой-то мере сработал, хотя большинство западногерманского населения и многие жители ГДР все больше укреплялись в мнении, что раскол одной нации на два государства

продлится еще очень долго. Тем не менее есть весомые основания полагать, что новая восточная политика и Договор об основах отношений создали важные предпосылки для разрядки напряженности в германо-германских отношениях, для возникновения оппозиционного движения в Восточной Европе и ГДР и, следовательно, для возможности свержения социалистического режима в ГДР и воссоединения Германии.

Концепция «изменений посредством сближения» как ядро всей восточной политики ФРГ принесла свои плоды прежде всего на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившей в Хельсинки в 1975 г. Эта конференция стала величайшим достижением всех стран, стремившихся к ослаблению международной напряженности, за весь период, предшествовавший революции в Восточной Европе и Советском Союзе. Представители всех стран Европы (за исключением Албании) и Северной Америки встретились в Хельсинки и утвердили документ, «которому нет аналогов в послевоенной истории» (П. Бендер). Демократические и коммунистические государства пришли к согласию относительно принципов и границ, практического сотрудничества, обмена информацией и прав человека. Конечно, далеко не все прекраснодушные мечты и надежды на быстрые и коренные изменения исполнились, поскольку восточные государства пошли на такие уступки, которые представляли угрозу для их правителей. Однако именно поэтому данный путь был правильным по своей сути. Тем не менее политика Западной Германии по отношению к ГДР и Восточной Европе критиковалась в связи с тем, что она полностью сосредоточилась на взаимодействии с государственным и партийным руководством и не оказывала поддержки зарождавшимся оппозиционным движениям.

Отмежевание от ФРГ и нарочитое противопоставление себя ей было жизненным принципом ГДР с момента основания. Однако формы и степень непримиримости

этой политики отмежевания значительно варьировались на протяжении 40 лет восточногерманской истории. Официальная легитимация строилась на различии общественных систем, которые непосредственно сталкивались друг с другом на территории Германии. Эта пропагандистская уловка должна была скрыть отсутствие демократической легитимации ГДР. Положение усугублялось еще и тем, что по уровню экономического развития ГДР, начиная с 1950 гг., сильно отставала от ФРГ и, несмотря на все усилия, не имела никаких шансов догнать своего соперника. Таким образом, до строительства Берлинской стены именно политическая несвобода и низкий уровень жизни были причинами массового бегства жителей ГДР на Запад, тогда как партия и правительство применяли все более жесткие меры для того, чтобы остановить этот поток.

Первым серьезным шагом в этой политике отмежевания было укрепление границы в 1952 г. Жители пограничной области были выселены в другие районы. Между границей и населенными пунктами теперь пролегала запретная зона шириной пять километров. Новая государственная граница включала в себя 10-метровую контрольно-следовую полосу и 500-метровую защитную полосу. Сообщение между соседними населенными пунктами на Западе и Востоке, равно как и выдача пропусков для выезда в другую зону, должны были быть предельно ограничены. Тот факт, что «укрепление границы» по времени совпало с подписанием договора между ФРГ, Великобританией, США и Францией, а также с вступлением ФРГ в Европейское оборонительное сообщество, свидетельствует о тесной взаимосвязи между внешне- и внутриполитическим развитием обеих Германий. Интеграция ФРГ в Западную Европу оправдывала в глазах руководства ГДР ужесточение политики отмежевания. После восстания рабочих 17 июня 1953 г. СЕПГ смягчила свою политику в рамках «нового курса», вследствие

чего сообщение между двумя Германиями снова улучшилось. Когда в конце 1950-х гг., в связи с поспешной насильственной коллективизацией сельского хозяйства и «берлинским ультиматумом» Хрущева, хлынула новая мощная волна перебежчиков, СЕПГ сумела найти *только один способ спасти свой режим от губительных* последствий массовой эмиграции, и этим способом стало строительство стены.

Политика жестких границ должна была раз и навсегда создать основу для внутренней консолидации ГДР. В 1960-е гг. благодаря прежде всего экономическому подъему социалистическое государство под руководством СЕПГ действительно на удивление успешно стабилизировалось, однако население по-прежнему отказывало этому государству в лояльности, и международное признание в обозримом будущем тоже не предвиделось. Это *стало следующей целью в области внешней политики*, на достижение которой политическое руководство страны бросило все свои силы. При этом средством реализации этой цели стало как раз отмежевание от ФРГ и углубление раскола.

В официальных заявлениях до середины 1960-х гг. СЕПГ выступала за восстановление единства Германии. После того как в 1955 г. оба немецких государства были интегрированы в антагонистические блоки, ГДР выдвинула предложение по созданию конфедерации. Формально оно имело своей целью сближение двух государств, а *фактически должно было ускорить признание* ГДР, к чему ФРГ пока не была готова. Бонн же, наоборот, в рамках общей тенденции разрядки международной напряженности, попытался за счет интенсивных контактов с восточноевропейскими государствами изолировать ГДР не только от Запада, но и внутри восточного блока («теория двустороннего охвата»). Чтобы избежать этой опасности, Ульбрихт избрал новую, наступательную политическую стратегию. Западногерманской «доктрине

Хальштейна», в соответствии с которой Бонн разрывал дипломатические отношения с государствами, признавшими ГДР, он противопоставил свою собственную доктрину («доктрину Ульбрихта»). В Организации Варшавского договора ему удалось добиться того, что ни одно восточноевропейское государство не имело права устанавливать дипломатические отношения с Западной Германией до тех пор, пока та не признает ГДР.

Мучительное топтание на месте в отношениях между Западной и Восточной Германиями в 1960-е гг. завершилось только после того, как обе стороны сделали шаг навстречу друг другу, и предпринятый Ульбрихтом маневр торможения перестал действовать. Такая ситуация сложилась в 1969 г.

В связи с новой восточной политикой ФРГ для руководства СЕПГ возникла новая ситуация, определявшая его политику по отношению к ФРГ вплоть до того момента, когда ГДР перестала существовать. Западная Германия по своей инициативе выполнила часть требований Ульбрихта, но вместе с тем создала угрозу для удобной политики отмежевания и изоляции, поскольку «изменения посредством сближения» подрывали основанные на этом самом отмежевании притязания СЕПГ на господство. Признав ГДР в государственном — но не в международном — праве, ФРГ не выполнила один важный пункт в перечне требований Ульбрихта: Бонн не признавал отдельного гэдээровского гражданства. Смягчение кризисной ситуации вокруг Берлина благодаря новому четырехстороннему урегулированию, а также сформулированная руководством ФРГ цель требовать «конкретных послаблений для жителей [обеих Германий]» в обмен на государственное признание ГДР превратились в постоянную внутриполитическую угрозу для СЕПГ. Поэтому вполне понятно, почему Ульбрихт называл западногерманскую политику по разрядке напряженности «агрессией в войлочных тапочках».

Однако, вопреки бытовавшему долгое время мнению, Ульбрихт не был принципиальным противником политики диалога, коль скоро она сулила признание и стабилизацию ГДР. При этом, как свидетельствуют недавно найденные документы, он хотел взаимодействовать с Западом по собственному разумению, без детального согласования с Политбюро и Советским Союзом. Его самоуправство и пренебрежение мнением политбюро привели к настоящему заговору в этом руководящем органе, инициатором которого выступил Эрих Хонеккер. Заручившись поддержкой советского партийного лидера Брежнева, он в конечном итоге добился отставки Ульбрихта.

Установление «нормальных добрососедских отношений», провозглашенное общей целью в статье 1 Договора об основах отношений, было и оставалось — несмотря на все пропагандистские высказывания противоположного содержания — острой проблемой для СЕПГ. Во внешнеполитических отношениях этот курс принес безусловно положительные результаты. ГДР получила международное признание в качестве второго немецкого государства и фактора стабильности в Европе. Резкие тона, характерные для восточногерманской пропаганды в прошлом, теперь стали тише и звучали все реже. Государство, заботящееся о своей недавно приобретенной международной репутации, должно было вести себя подобающим образом, чтобы не повредить этой самой репутации. В этой связи важным жестом было подписание Хельсинкского Заключительного акта.

Однако внешнеполитическая «открытость» имела последствия и для внутренней политики, и их необходимо было нейтрализовать с помощью новых форм отмежевания. Заседавшее в Восточном Берлине правительство не могло себе позволить проводить «наступательную политику разрядки», которая стала ключевой идеей социал-либеральной западногерманской политики по отношению

к ГДР, так как в этом случае на карту была бы поставлена внутриполитическая основа всего гэдээровского режима. Эта дилемма пронизывает всю эпоху Хонеккера, и она же стала причиной краха ГДР.

СЕПГ сделала три политических вывода из этой дилеммы. Во-первых, она содействовала нормализации отношений путем заключения уточняющих договоров и соглашений, предусмотренных в Договоре об основах. Это привело к возникновению разветвленной системы взаимных обязательств и должно было конкретным образом облегчить жизнь немцев, оказавшихся теперь по разные стороны внутригерманской границы. Во-вторых, Хонеккер, выдвинув на VIII съезде СЕПГ в 1971 г. лозунг о «единстве экономической и социальной политики» и ослабив контроль за культурной жизнью, попытался таким образом добиться большей лояльности от населения и тем самым стабилизировать ситуацию внутри ГДР. Этой же цели служил и третий шаг — отмежевание от Западной Германии главным образом на идеологическом уровне. Принцип «мирного сосуществования» не распространялся на идеологию. С точки зрения СЕПГ строительство «общества развитого социализма» в условиях интенсивных связей с ФРГ могло осуществляться только при одновременном укреплении социалистических устоев во всех сферах общества и особенно в системе образования. Решить такую неразрешимую задачу СЕПГ вряд ли могла, поскольку экономическая ситуация в мире ухудшалась, партийное руководство было неспособно к планомерному и последовательному реформированию, а кроме того, не справлялось с реализацией программы в области социальной политики, так как она требовала слишком больших финансовых затрат. Впрочем, в 1970-е гг. все эти тенденции были отнюдь не очевидны.

Общественное развитие в двух немецких государствах

Когда в 1949 г. были основаны два немецких государства, они воспринимали друг друга как временное явление. Каждое из них претендовало на то, чтобы быть «новой Германией», и одно оспаривало легитимность другого. В своем развитии эти два государства все больше отдалялись друг от друга, хотя каждое в отдельности провозглашало первоочередной политической задачей восстановление национального единства. Но какими были эти два общества, две части расколотой нации, проживавшие в таких разных политических условиях? Как менялись социальные структуры, состав и численность классов, социальных слоев и групп? Насколько сильным, по сравнению с новыми веяниями и несмотря на обусловленные войной глубокие изменения, оставалось влияние старых традиций? Какие возможности и альтернативы культурного развития существовали в двух немецких государствах, и в какой мере предвидение или иллюзия единства нации определяли повседневную жизнь по ту сторону большой политики?

Изменения социальной структуры

Официально ГДР называла себя первым «государством рабочих и крестьян» на немецкой земле. Согласно марксистско-ленинской идеологии, пролетариат в союзе с крестьянством и интеллигенцией должен был быть «правящим классом» в период строительства социалистического общества. Этого идеологического тезиса руководство СЕПГ упорно придерживалось до самого конца, хотя в действительности общественное развитие, как и во всех прогрессивных промышленных странах, имело другую направленность. В качестве долгосрочного тренда этого развития в XX в. можно выделить быстрое уменьшение

числа работников, занятых в первичном секторе экономики (сельское и лесное хозяйство), расширение, а затем постепенное сокращение вторичного сектора (промышленность и кустарное производство) и непрерывный рост сферы услуг, т. е. третичного сектора экономики. Особенно отчетливо эти глобальные тенденции общественного развития проявились после 1945 г. — хотя и с *временной задержкой — в обеих Германиях.*

Доля трех секторов экономики по количеству занятых в них работников с 1950 г. (в %) в ФРГ и ГДР

	1950		1960		1970		1980	
	ФРГ	ГДР	ФРГ	ГДР	ФРГ	ГДР	ФРГ	ГДР
Первичный сектор Сельское и лесное хозяйство, животноводство, рыболовство	25	28	14	17	9	13	6	11
Вторичный сектор Промышленное производство	43	45	48	45	49	49	45	48
Третичный сектор Транспорт и торговля, сфера услуг	33	28	39	36	43	38	49	41

Источник: Rytlewski R., Opp de Hipt M. Die Bundesrepublik Deutschland in Zahlen 1945/49 1980; Die DDR in Zahlen 1945/1949–1980. München 1987.

В Западной Германии в сфере наемного труда доля чиновников и служащих постоянно возрастала, тогда как доля рабочих, наоборот, уменьшалась. Такая же тенденция имела место и в ГДР. Несмотря на это, руководство продолжало придерживаться тезиса о «гегемонии рабочего класса», однако теперь это было возможно только благодаря статистической уловке: начиная с 1963 г. рабочие и служащие (категория «чиновничество» была отменена еще в 1945 г.) учитывались в статистике не по от-

дельности, а как одна группа. Ее численность постоянно возрастала и в 1980-е гг. составила около 89%, хотя доля собственно рабочих в этой группе сокращалась. Впрочем, для причисления трудящихся к рабочему классу или к интеллигенции в официальной восточногерманской статистике тоже не было четких критериев, так что для анализа социальной структуры ГДР у нас имеются лишь приблизительные исходные данные.

«Диктатура пролетариата», о которой писал Маркс и которая, по его мнению, должна была стать переходной фазой на пути к коммунистическому обществу, на деле превратилась в диктатуру партии, выполнявшей согласно ленинским идеям — функцию авангарда рабочего класса и представлявшей его интересы. Будучи кадровой партией ленинского типа, СЕПГ представляла собой строго централизованную, иерархическую организацию. Она контролировала все сферы общества и не допускала автономного представительства интересов рабочего класса. Таким образом, фактически в ГДР господствовала партия, а не класс.

Крестьян начиная с 1950-х гг. партийное руководство призывало переходить от частных форм ведения хозяйства к коллективным. Сначала это делалось с осторожностью, а в 1959–1960 гг. крестьян в массовом принудительном порядке заставили вступить в так называемые сельскохозяйственные производственные кооперативы. Конечно, это была более рациональная форма ведения хозяйства, которая, кроме всего прочего, давала многочисленные социальные преимущества, такие как нормированный рабочий день, отпуск и пенсия по возрасту. Однако те методы, с помощью которых крестьян принуждали вступать в эти кооперативы, привели к новой волне эмиграции и к серьезным трудностям с продовольственным снабжением, так что фактически «весна в деревне» (таково было пропагандистское название коллективизации) стала одной из главных причин строительства

Берлинской стены. Впрочем, число людей, занятых в сельском хозяйстве, начало неуклонно снижаться еще задолго до коллективизации, хотя, по сравнению с ФРГ, в ГДР в аграрном производстве все еще сохранялся переизбыток рабочей силы.

Средний класс (мелкие предприниматели, ремесленники, мелкие торговцы) должен был, согласно марксистско-ленинской идеологии, со временем исчезнуть. Политическое вмешательство в частное предпринимательство (высокие налоги, участие государства в малых предприятиях) усложняло жизнь представителей среднего класса. Оставшиеся небольшие промышленные предприятия в начале 1970-х гг. были окончательно переданы в государственное управление. Ремесла и промыслы, напротив, по-прежнему оставались в ведении частных предпринимателей (59% в 1981 г.), поскольку партия опасалась применять слишком жесткие меры в сфере услуг и еще больше усугублять ситуацию дефицита.

К интеллигенции, имевшей в официальной идеологии статус «прослойки», относились те, кто профессионально занимался умственным трудом и, как правило, имел высокий уровень образования. К интеллигенции причислялись работники как экономической, так и образовательной и культурной сферы (научные работники, врачи, инженерно-технические работники, учителя, деятели искусства, писатели). Впрочем, критерии, по которым определялась принадлежность к интеллигенции, были очень размытыми, так что ее доля среди населения сильно варьировалась. По официальной версии, интеллигенция состояла в тесном союзе с рабочим классом, однако в действительности она имела свои собственные, ярко выраженные интересы и пользовалась — особенно в первые годы государственного строительства — значительными привилегиями. На общем фоне выделялась прежде всего техническая интеллигенция. Уровень жизни среди ее представителей был выше среднего по ГДР.

Социальные изменения в ФРГ после коренных переломов военного и послевоенного времени носили эволюционный характер и протекали довольно медленно, хотя по своим результатам они были, пожалуй, даже более глубокими, нежели революционные преобразования в ГДР. Обозначение, толкование и анализ этих изменений социологами, историками и общественностью также периодически подвергались пересмотру. В 1950-е гг. в центре общественного внимания оказалась теория социолога Гельмута Шельски о «нивелированном обществе среднего класса». Созданный на основе эмпирических данных о трансформации немецкой семьи (1953 г.) и позднее видоизмененный самим автором, этот ярлык отражал скорее политические пожелания или возможности, нежели социальную реальность, так как в западногерманском обществе по-прежнему существовали колоссальные различия в уровне доходов и жизненных возможностях. С другой стороны, этот диагноз, когда он только был сформулирован, по всей видимости, передавал возможную тенденцию развития, потому что рабочий класс в целом был охвачен восходящей социальной мобильностью, а деклассированные буржуазные слои уже не могли рассчитывать на восстановление их прежнего социального статуса.

Новые пропагандисты марксистских идей и радикальные критики общества — в первую очередь участники студенческого движения — обращали внимание общественности на «реставрацию капиталистического классового общества» после 1945–1948 гг. и на концентрацию крупного капитала в руках абсолютного меньшинства, что ставило под сомнение такие демократические постулаты, как свобода и равенство. С большей временной дистанции в западногерманском обществе можно различить как тенденции социального нивелирования, так и сохранение четких границ, разделявших разные классы и слои этого общества. Что касается распределения

имущества и доходов, то здесь тенденции к более равномерному распределению не наблюдалось ни на каком этапе. Тем не менее, рост благосостояния масс — как следствие начавшегося в 1950-е гг. «экономического чуда» — ослабил социальную напряженность, так что основанная на гармонии концепция общества в большей мере соответствовала личным ощущениям даже представителей низших слоев, чем теория классовой борьбы. Это отнюдь не означало «обуржуазивания» рабочего класса, как некоторые наблюдатели интерпретировали образ жизни и улучшение социального положения рабочих. Просто это уже не был прежний пролетариат, который в эпоху Веймарской республики в большинстве своем поддерживал Коммунистическую и Социалистическую партии Германии. Но, несмотря на это, рабочие оставались рабочими и, как и раньше, безусловно, отличались от чиновников и служащих с точки зрения характера труда, образовательного уровня, рисков и доходов.

Многие социальные проблемы действительно отошли на второй план. В результате широкомасштабного привлечения иностранных «гастарбайтеров» в 1960-е гг. и стремительного технологического развития в 1970–1980-е гг. в социальной структуре возникли новые границы. Меткое понятие «общество двух третей» указывает на существование жертв модернизации и на огромные сложности, с которыми была связана борьба с таким распространенным после экономического спада 1975–1976 гг. явлением, как длительная безработица с ее материальными и ментальными последствиями.

Заявление о том, что ГДР — это «государство рабочих и крестьян», было не просто идеологической этикеткой, а имело непосредственное влияние в первую очередь на систему образования. Под лозунгом «Сломим буржуазную монополию на образование!» СЕПГ хотела добиться равенства возможностей посредством позитивной дискриминации. Дети рабочих и крестьян имели явные

преимущества при поступлении в учреждения среднего и высшего образования, тогда как дети из буржуазной или интеллигентской среды часто оставались не у дел. Прием в средние школы и в вузы зависел не столько от успеваемости, сколько от социального происхождения и (зачастую чисто формального) участия в строительстве социалистического общества. Помимо этого в ГДР существовала разветвленная система повышения квалификации и дополнительного образования, которая позволяла трудящимся повысить шансы карьерного роста. Очень многие сумели воспользоваться возможностями повышения квалификации и социальной мобильности. Это был один из главных факторов, способствовавших сохранению гэдээровского режима и лояльности населения по отношению к по-прежнему нелюбимому государству. Связанная с этим идеологическая индоктринация с разной интенсивностью осуществлялась на протяжении всего времени существования ГДР — начиная с 1946 г. (введение общей восьмилетней школы), включая различные реформы среднего и высшего образования и далее вплоть до падения ГДР. Цель учрежденной в 1960 г. общеобразовательной десятилетней политехнической школы, по словам министра народного образования (с 1963 г.) Маргот Хонеккер, заключалась в том, чтобы подготовить «превосходно образованных специалистов и умных социалистов с качествами революционных борцов». Впрочем, именно такого сочетания достичь так никогда и не удалось.

Система образования в ФРГ в 1950-е гг. резко контрастировала с реформаторскими устремлениями, реализуемыми в то же время в Восточной Германии. Трехуровневая структура, жесткий социальный отбор, низкая проницаемость между разными уровнями школьной системы — все это подверглось кардинальным изменениям лишь в ходе реформ 1960–1970-х гг., проведенных после бурных публичных дебатов по поводу «катастрофы

немецкого образования» (Г. Пихт, 1964 г.). Резкое увеличение числа школьников и студентов в эти годы в конечном итоге привело к тому, что доля учащихся вузов в каждой возрастной когорте в ФРГ была неизмеримо больше, чем в ГДР, где доступ к высшему образованию был строго ограничен. Конечно, традиционная для ФРГ дискриминация детей из низших социальных слоев никуда не исчезла, но социальные границы теперь было проще преодолеть.

К целенаправленным преобразованиям в социалистическом обществе относилось также изменение представлений о роли женщины и о семье. В марксизме эмансипация женщины всегда была «попутным вопросом» наряду с основным — социальным. Преодоление классового общества, как полагали Маркс, а вслед за ним Роза Люксембург и Ленин, должно было привести к равноправию женщины. СЕПГ подхватила эту идеологическую линию. Отправной точкой для социальной эмансипации женщин в восточногерманском обществе считалась прежде всего их профессиональная деятельность. Растущая с 1950-х гг. потребность в рабочей силе привела к тому, что руководство страны всеми силами старалось привлечь женщин к работе в промышленности и администрации, используя для этого агитацию и предлагая программы поддержки. Важным условием этой политики стало форсированное строительство яслей и детских садов в 1960-х и 1970-х гг. Кроме того, с 1972 г. женщины имели возможность взять годичный отпуск за свой счет после рождения второго ребенка без потери рабочего места. Оплачиваемый декретный отпуск был продлен до 26 недель.

Результатом этой политики, изначально обусловленной экономическими причинами, стала невероятно высокая, по сравнению с тем же показателем для ФРГ, доля работающих женщин. От общего числа трудящихся (около восьми миллионов в 1976 г., без учета практикантов) половину составляли женщины; показатель занятости

среди женщин трудоспособного возраста увеличился от 66,5% (1964 г.) до 82,6% (1976 г.). Впрочем, это отнюдь не решило проблему равноправия полов. Старые стереотипы и клише в отношении распределения работы по дому, профессиональных позиций и представительства женщин в политических и общественных учреждениях (начиная с массовых организаций и муниципальных парламентов и заканчивая политбюро СЕПГ) нельзя было сломить или устранить за такой короткий срок. Так что, несмотря на все перемены, в целом ситуация в ГДР не сильно отличалась от ситуации в ФРГ. «Женский вопрос» не удалось решить путем революционных преобразований собственнических и производственных отношений, как надеялись «классики» марксизма-ленинизма.

В Западной Германии равноправие мужчин и женщин в обществе стало темой публичных дискуссий много позже. В идеях общественной эмансипации, отстаиваемых участниками студенческого движения 60-х гг., женщины играли второстепенную роль. Лишь сформировавшееся позднее женское движение сумело добиться того, что эта тема в качестве центральной проблемы демократического общества была поставлена политиками на повестку дня и с тех пор имела важные последствия, в частности, в том, что касается участия женщин в большой политике.

В ФРГ доля работающих женщин также непрерывно росла. В 1988 г. из 29,7 млн трудящихся 11,8 млн (39,7%) были женщины. Показатель занятости среди женщин трудоспособного возраста в 1950 г. составил 44,4%, а к 1980 г. он увеличился до 52,9%. Этой картине, однако, противоречили официальные представления 1950-х гг. о том, какой должна быть семья. Показательными с точки зрения общественных норм, которые пропагандировались в то время, но не соблюдались по экономическим причинам, являются многочисленные книги по этикету и хорошему поведению. Эти нормы предписывали женщине хранить домашний очаг, воспитывать детей и заботиться о своем

работающем муже. И лишь студенческое движение сделало главной целью своей критики традиционную буржуазную семью и утвердило новые, альтернативные модели сожительства, такие как совместное проживание людей, не являющихся родственниками или свойственниками, или «брак без регистрации». Впоследствии эти формы получили широкое распространение в обществе.

Несмотря на различные политические и экономические обстоятельства, доминирующая традиционная форма семейной жизни с неравноправным распределением ролей сохранилась как в Западной, так и в Восточной Германии. Развитая система социального продвижения и государственной поддержки женщин в ГДР привела к тому, что женщины гораздо сильнее пострадали от краха гэдээровской экономики, нежели мужчины. В результате отмеченная в 1986 г. применительно к Западной Германии парадоксальная ситуация, когда неравенство полов на рынке труда росло, а в то же время политики все чаще говорили о равенстве (У. Фреверт), приобрела новый, драматичный акцент в объединенной Германии.

Союзы, церкви и общественные движения

В ГДР не существовало никаких независимых объединений, кроме церкви. Всеми «массовыми организациями», равно как и «партиями блока», руководила СЕПГ, так что все общество самым непосредственным образом находилось под ее политическим контролем.

В ФРГ, напротив, союзы были неотъемлемой частью политической системы. В них фокусировались различные общественные интересы, а их участники пытались таким образом добиться влияния на политические решения. Такая ситуация «власти союзов» (Т. Эшенбург) неоднократно подвергалась критике со стороны общественности. С другой стороны, нельзя не отметить, что союзы являются легитимной составляющей плюралистической

демократии — в том случае, если есть гарантии, что их влияние не разрастается до огромных, неконтролируемых масштабов, а возможность лоббирования решений в парламенте эффективно блокируется. Эта проблема контроля пока не решена и вряд ли в принципе поддается решению, являясь своеобразной перманентной задачей в процессе принятия решений в политической и общественной жизни.

Из общего ландшафта союзов по своему значению выделяются союзы предпринимателей и наемных работников, которым Конституцией гарантирована тарифная автономия. Их решения в области тарифных ставок имели несравнимо большее влияние на экономику и общество в целом, нежели решения других групп. Однако союзы, основанные на общности более специфических интересов, такие как Союз немецких крестьян, Союз изгнанных или немецкий автоклуб ADAC (самое многочисленное объединение в Германии), добиваясь удовлетворения своих требований, при определенных условиях также оказывали большое влияние на жизнь всего населения. В хронологическом разрезе можно проследить серьезные изменения роли и форм деятельности союзов.

Западногерманские профсоюзы заявили о себе в комплексной программе демократизации капиталистического общества. Участие в принятии решений, согласно их требованиям, не должно было ограничиваться исключительно производственной сферой, где профсоюзы могли повлиять на кадровые решения, а должно было распространяться на все экономическое устройство страны. Впрочем, эти демократическо-социалистические цели, сформулированные в первые годы после войны, под нажимом стабилизировавшейся социально ориентированной рыночной экономики постепенно отходили на второй план. Поначалу предприниматели подвергли яростным нападкам эту программу «экономической демократии», напоминавшую еще о временах Веймарской республики.

Реализация псевдосоциалистической системы хозяйствования в ГДР стала подходящим политическим аргументом против любых социалистических или кооперационных экспериментов в ФРГ. И хотя критически настроенные наблюдатели в 1960-е гг. отмечали, что, вопреки популярной характеристике западногерманского общества как «нивелированного общества среднего класса», классовая борьба еще далеко не закончилась (Р. Хохшу), взаимоотношения капитала и труда, предпринимателей и профсоюзов стали более мирными, при том что существенных структурных изменений в распределении власти так и не произошло.

Исключение составляли более продвинутые формы паритетного участия в принятии решений, оговоренные в соглашениях 1951 г. в сфере горнодобывающей и металлургической промышленности. В Законе об уставе предприятий от 1972 г. и в Законе об участии работников в управлении предприятием от 1976 г. капитал сохранил за собой право решающего голоса. Тем не менее нельзя отрицать, что профсоюзы именно в то время добились значительного влияния в не зависящей от государства сфере тарифных ставок и в организации трудовых отношений на предприятии. Достижение баланса, более или менее удовлетворяющего обе стороны, было и остается сложным, часто конфликтным процессом. Однако, в отличие от ситуации во времена Веймарской республики, этот процесс получил одобрение обеих сторон, участвовавших в определении тарифов. Профсоюзы, выступающие в качестве «противостоящей силы» и контролирующие соблюдение социального баланса, стали признанным «фактором общественного порядка» в капиталистической экономике.

В ГДР никогда не было независимых профсоюзов. Созданное в 1945 г. Объединение свободных немецких профсоюзов (FDGB) — самая многочисленная массовая организация в ГДР — было не столько независимым

представителем интересов наемных работников, сколько приводным механизмом для правящей партии. Впрочем, за сорок лет его функция изменилась, и если сначала Объединение служило инструментом политической пропаганды для проведения в жизнь производственных планов, то со временем оно превратилось в самую могущественную и многочисленную организацию (6,4 млн членов в 1964 г.). Многим тысячам восточнонемецких рабочих она предоставила возможность карьерного роста и занятости в других сферах, будь то на предприятии или в управлении, в области социального страхования, в парламентах, в организации летнего отдыха трудящихся или в клубах. Все это повышало авторитет Объединения профсоюзов, несмотря на его политическую зависимость, и способствовало появлению некоторой лояльности к системе среди населения.

То же самое можно сказать и о других массовых организациях, таких как Союз свободной немецкой молодежи (FDJ), Демократический союз женщин Германии (DFD), Союз спорта и техники (GST), Культурбунд, и об организациях «партий блока» — ХДС, партии либерал-демократов, крестьянской и национал-демократической партии.

Только церкви смогли избежать прямого государственного контроля. В связи с этим им принадлежит очень важная роль в общественном развитии ГДР. На всех этапах существования Восточной Германии их влияние распространялось далеко за рамки собственно церковного пространства, поэтому отношения между различными конфессиями и государством в ГДР, как правило, были напряженными.

В 1950-е гг., т. е. в последние годы эпохи сталинизма, между государством, заявлявшем о себе как об атеистическом, и церквами разных конфессий возник конфликт в связи с введением в школе «праздника вступления в ряды молодежи», составившего своеобразную «конку-

ренцию» церковной конфирмации, а также в связи с существованием «Молодых общин», являвшихся независимыми церковными молодежными организациями. К этому добавилась также острая политическая проблема — связь евангелических церквей с ФРГ и существование единой головной организации «Евангелическая церковь Германии» (EKD).

Поскольку после строительства стены поддерживать контакт между церквами на территории всей Германии стало невозможно, в 1969 г. церкви восточногерманских земель объединились в «Союз евангелических церквей в ГДР» (BEK) и прекратили организационные контакты с EKD. Благодаря умеренной политической лояльности церквей к социалистическому государству их взаимоотношения постепенно улучшались. В 1970-е и 1980-е гг. это выражалось в формуле «церковь при социализме». На политическом уровне такое положение было подкреплено программной беседой между генеральным секретарем СЕПГ Эрихом Хонеккером и председателями Государственного совета ГДР, с одной стороны, и представителями церкви и церковного союза (под руководством епископа Альбрехта Шёнгерра), с другой.

Таким образом, евангелическая церковь оказалась в такой ситуации, когда она все время как бы шла по краю пропасти. С одной стороны, она стала официально признанным фактором стабильности, обеспечив какую-то долю признания нелегитимной власти со стороны населения. С другой стороны, она постоянно конфликтовала с режимом, который попирал основные права человека и практиковал репрессии, при этом пропагандируя защиту мира. Подобная ситуация в 1980-е гг. привела к тому, что евангелическая церковь стала организационной опорой и защитой множества небольших групп диссидентов, а представители церкви сыграли важную роль в формировании новой политической элиты после революции.

В Западной Германии общественная и политическая позиция церкви была сильнее и слабее одновременно. Благодаря институциональной мощи, католическая и евангелическая церкви обладали значительным политическим весом, что проявилось уже при обсуждении Основного закона и конституций федеральных земель, а особенно в образовательной политике. С другой стороны, секуляризация общества стремительно шла вперед. Непосредственное влияние церкви на политиков и политические партии ослабевало. В конце концов рекомендации епископа, произносимые с церковной кафедры накануне выборов, стали скорее раздражать избирателей, нежели действительно определять их выбор.

Тем не менее, хотя и не в собственно политических, но все же в политически значимых этических вопросах, в частности в ожесточенной дискуссии вокруг параграфа 218 Конституции ФРГ, мнение духовенства по-прежнему имело вес. Кроме того, церкви сохранили за собой важные социальные функции, в частности, оказывая помощь жертвам войны и тяжелых послевоенных лет, тем, кто остался за бортом общества всеобщего благоденствия и не был обласкан экономическим чудом, а также обращая внимание общественности на положение иностранцев в ФРГ и ситуацию в странах третьего мира. Без социальной помощи со стороны церковных институтов и активно участвовавших в жизни церкви граждан социальное обеспечение семей, детей и подростков, забота о больных, инвалидах и особенно о пожилых, которых с каждым годом становилось все больше, находились бы на гораздо более низком уровне, а общение с иностранными гастарбайтерами, беженцами и переселенцами было бы связано с еще большими трудностями.

Таким образом, несмотря на сокращение общины и растущую конкуренцию со стороны сект и псевдорелигиозных культов, две основные церкви — католическая и евангелическая — хотя и разными путями, но сохранили

свое политическое и общественное влияние в обоих немецких государствах. Сегодня социальные и духовные проблемы, связанные с объединением Германии, раскрывают перед церковью широкий диапазон участия в жизни общества.

Кроме традиционной структуры политических партий и прочих объединений, в 1970-е гг. на базе «внепарламентской оппозиции» и студенческого движения возникли новые общественные движения, которые кардинально изменили и обогатили внутриполитический ландшафт Западной Германии. В ГДР также уже в конце 1970-х гг. стали появляться первые ростки будущих гражданских инициатив — диссидентского движения и общественных сил, приблизивших революцию и свержение социалистического режима. «Новые общественные движения» можно рассматривать как ответ на недостатки политической системы и как своеобразную систему раннего обнаружения новых социальных проблем. Не прекращавшаяся гонка вооружений (новый виток начался с установки советских ракет СС-20 в Восточной Европе и в ГДР и «двойного решения» НАТО в 1979 г.) породила широкомасштабное, чрезвычайно разнородное движение в защиту мира, которое своими показательными акциями стремилось обратить внимание на то, что обеспечение мира в век ядерного оружия уже невозможно в форме традиционного противостояния.

Движение против строительства атомных электростанций внесло свой вклад в осознание трудно предсказуемого риска мирного использования атома и в поиск альтернативных источников энергии. К экологической угрозе и неоднозначным последствиям технического прогресса пытались привлечь внимание экологические группы, возникавшие во всех областях Западной Германии в 1970-е гг. На основе этих движений возникла политическая партия «зеленых». Начиная с 1979 г. ее представители входили в парламенты нескольких федеральных земель, а в

1983 г. «зеленые» впервые прошли в бундестаг. Помимо всего вышеперечисленного, гражданские инициативы (которых в 1972/1973 гг. насчитывалось от 3000 до 4000 с 60 000 — 120 000 активных участников) выносили на публичное обсуждение проблемы окружающей среды, территориального планирования, дорожного движения, социального обеспечения, воспитания и организации детского и подросткового досуга, интеграции иностранцев и многие другие общественно значимые проблемы.

И какими бы недолговечными ни оказались многие из этих движений, в целом они очень сильно изменили политический ландшафт ФРГ. Официальный политический аппарат и администрация были вынуждены учиться взаимодействовать с этими формами общественного участия и протеста, и благодаря этому, по крайней мере, на какое-то время процесс демократизации стал более интенсивным. Оглядываясь назад, политолог Кристиан Граф Кроков писал о «немцах и их веке»: «Если уровень развития демократии можно измерить по тому, что люди настойчиво вмешиваются в политические дела и никакая верховная власть не может заставить их застыть в благоговейном оцепенении, то западногерманские немцы с их молодежными движениями все решительнее становились настоящими демократами, и число их непрерывно росло».

Культура

Основанное на общей культуре национальное единство немцев неоднократно становилось темой дискуссии на всех этапах послевоенной истории в связи с разделом Германии. Могли ли общая история и культура двух разделенных и враждующих государств создать прочную основу для внутреннего единства нации и для поддержания сознания этого единства, даже когда общаться двум половинам этой нации становилось все сложнее? Не была ли Австрия отрицательным примером, дока-

зывавшим, что одной культуры не достаточно для того, чтобы сплотить нацию? Мы затронем лишь два аспекта этой сложной темы и поговорим об особой роли писателей и других деятелей искусства в ГДР и о том, как западногерманские литераторы подходили к проблеме раздела Германии.

В первые послевоенные годы, когда в советской зоне оккупации еще существовала вполне свободная, не регламентированная политикой культурная жизнь, отсылки к «гуманистическому» или «буржуазному наследию» были неотъемлемой частью этой жизни. Но и когда в рамках общей «сталинизации» СЕПГ объявила обязательной программой «социалистический реализм» (принятое в марте 1951 г. постановление ЦК о «борьбе против формализма в искусстве и литературе, за прогрессивную немецкую литературу»), это наследие оставалось непреложным каноном для литературы, школ и театров. Произведения в стиле соцреализма, как правило, не приносящие эстетического удовольствия, превозносились официальной пропагандой, но так никогда и не заняли достойного места в искусстве, оставаясь скорее неприятной обязанностью для писателей и художников. А так как одновременно с этим «железный занавес» препятствовал восприятию современного западного искусства и литературы, культурная жизнь в ГДР, наряду с некритичным почитанием социалистических героев, сохранила в неизменном виде крайне традиционалистские черты. Идеологические кампании вроде «Биттерфельдского пути» в 1959 г. (под лозунгом «Товарищ, берись за перо! Немецкая социалистическая литература нуждается в тебе!»), имевшие своей целью создание новой социалистической культуры силами писателей из рабочей среды, провалились.

После строительства Берлинской стены и особенно после относительной либерализации культурной жизни в первые годы правления Хонеккера роль писателей и

прочих деятелей искусства в ГДР резко возросла. Ввиду полного контроля правящей партии над средствами массовой информации, они как бы заменили собой общественность. Не решенные социальные проблемы восточногерманского общества и конфликты между индивидом и государством, как правило, озвучивались — часто в завуалированной форме — именно писателями. Прозаики, например Криста Вольф («Размышления о Кристе Т.»), и поэты, например Фолькер Браун, строили свои произведения вокруг субъективных переживаний и подчеркивали автономию индивидуального Я перед лицом коллектива. Критикующие общество фильмы середины 1960-х гг. указывали на реально существующие социальные и политические конфликты в восточногерманском государстве, которое в официальной версии изображалось как абсолютно гармоничное. Такая квазиполитическая роль деятелей искусства и литераторов время от времени приводила к жестким столкновениям, какое имело место, в частности, на 11-м пленуме ЦК в 1965 г., когда руководство СЕПГ выступило против Вольфа Бирмана, Штефана Гейма и многих других, вменив им в вину «скептицизм и нигилизм» и запретив выступать и публиковаться.

После отставки Ульбрихта в 1971 г. наступило временное ослабление политического контроля над культурой. Так, например, в 1972 г. Ульриху Пленцдорфу удалось опубликовать «Новые страдания юного В.» — произведение, высмеивавшее клише социалистического общества. Фильм «Легенда о Пауле и Пауле», также рассказывавший о людях, далеких от политики и идеологии, стал лидером кинопроката в 1973 году. Однако великодушие режима реального социализма имело свои пределы. Лишение гражданства непокорного поэта-песенника Вольфа Бирмана в 1976 г. должно было стать предупреждением всем, кто в своем творчестве заходил слишком далеко. Впрочем, этот акт оказался роковой ошибкой, имевшей

серьезные последствия для внутриполитической ситуации в ГДР.

В Восточной Германии, конечно, никогда не существовало широкого фронта оппозиционных деятелей искусства и интеллектуалов, однако ту пробоину, которая образовалась в отношениях между партией и писателями после лишения Бирмана гражданства и проявления солидарности с ним со стороны многих литераторов, так и не удалось залатать. Вслед за этим последовали партийные взыскания, запреты на публикации, исключения из союзов и партии. Чересчур неудобных диссидентов принудительно или с постоянной визой высылали в ФРГ. «В результате культурный ландшафт между Одером и Эльбой стал беднее, но отнюдь не спокойнее» (М. Егер). Многие из тех, кто оставался в ГДР (Кристоф Хайн, Криста Вольф, Гюнтер де Бройн), осторожно затрагивали больные проблемы, вызывая соответствующий резонанс среди населения и не давая уснуть критическому сознанию. Таким образом, для гэдээровских литераторов была характерна щекотливая двойственность ситуации. Если их поведение было более или менее конформным, они пользовались многочисленными привилегиями, их произведения выходили большими тиражами, а сами они были хорошо обеспечены. С другой стороны, политическая ситуация провоцировала на критические вопросы и конфликты, так как только явные оппортунисты могли бесконечно долго терпеть постоянный бюрократический контроль.

В Западной Германии литературная и художественная среда развивалась совершенно по-другому. Никто не был по-настоящему ущемлен цензурой, однако ввиду отсутствия риска политических преследований и огромной конкуренции со стороны других жанров критическая литература, как правило, не встречала широкого отклика в обществе. На смену политически ангажированной, но зачастую второсортной с эстетической точки

зрения литературе и публицистике первых послевоенных лет в 1950-е гг. пришли новые тенденции: с одной стороны, уход в «чистое искусство», а с другой стороны, восприятие западных веяний. Вынужденная изоляция эпохи нацизма, лишившая Германию различных стилистических и художественных направлений современности, была сломлена, и началось наверстывание упущенного. Лирика Готфрида Бенна выражала мысли и чаяния целого поколения интеллектуалов 1950-х гг. Появились переводы важнейших прозаических произведений западноевропейских и американских авторов; современное искусство, заклейменное как вырожденческое главарями «Тысячелетнего рейха», во второй раз торжественно вступало в Германию.

К политическим темам, таким как развязанная национал-социалистами война и раздел Германии, писатели (Генрих Бёлль, Гюнтер Грасс, Уве Йонсон), как ни странно, обратились довольно поздно. Интерес к политическим — в том числе партийно-политическим — вопросам вошел в моду в годы студенческого движения и снова угас в 1970-е гг., когда пошла на спад всеобщая эйфория. Тема раздела Германии занимала западногерманских писателей лишь между прочим. На германо-германских литературных конференциях и форумах писатели из ФРГ пытались обсудить запретные темы, выразить солидарность с деятелями искусства, подвергшимися преследованиям в ГДР, и — в какой бы то ни было форме — затронуть политические проблемы в обоих немецких государствах. Лишь в конце 1980-х гг., на волне возрождения общественных дебатов о национальной идентичности и воссоединении, писатели (в первую очередь Мартин Вальзер) снова обратились к этой теме.

Знаменательной вехой в культурной (в широком смысле) жизни ФРГ стало студенческое движение второй половины 1960-х гг. Поскольку многие из его радикальных целей не были достигнуты, можно считать, что оно

потерпело поражение. Значение его до сих пор остается спорным. Тем не менее с точки зрения изменения культуры как жизнеощущения и стиля студенческое движение сыграло огромную роль. Политическая культура как система ценностей и субъективных установок по отношению к политике также подверглась коренным изменениям.

В ГДР подобного явления не было, и это имело серьезные последствия для развития политического сознания. Традиции авторитарного государства сохранились гораздо дольше в условиях диктаторского режима. Первые ростки «гражданского общества» стали появляться позднее благодаря личной смелости участников небольших молодежных групп: молодое поколение уже не хотело мириться с «реально существующим социализмом», и в это же время начала меняться внешнеполитическая ситуация в Восточной Европе.

Крах реально существующего социализма и революция в ГДР

1976 *18–22 мая:* IX съезд СЕПГ; Хонеккер становится генеральным секретарем ЦК СЕПГ.

18 августа: принятие антитеррористического закона в ФРГ; отныне «создание террористических объединений» преследуется по закону.

29 октября: Народная палата избирает Хонеккера председателем Государственного совета; Штоф повторно назначается председателем *Совета министров, а Зиндерман — президентом Народной палаты.*

16 ноября: барду Вольфу Бирману, уехавшему на гастроли в ФРГ, не разрешают вернуться обратно в ГДР.

26 ноября: Роберт Хаверманн заключен под домашний арест (ужесточение санкции 23 августа 1978 г., отмена — 9 мая 1979 г.).

15 декабря: Гельмут Шмидт повторно избран канцлером во главе социально-либеральной коалиции.

1977 *17 февраля:* Хонеккер официально подтверждает, что около 10 000 граждан ГДР подали прошение о выезде из страны.

23 августа: арест Рудольфа Баро (в 1978 г. осужден на 8 лет заключения под стражей) в связи с изданием в ФРГ его книги «Альтернатива», в которой содержалась критика социалистического режима (лишение гражданства и выезд в ФРГ в 1979 г.).

1978 *6 марта:* беседа между Хонеккером и с епископом Альбрехтом Шёнхерром, возглавлявшим делегацию от Евангелического союза ГДР.

1979 *17/18 марта:* основание политического объединения «зеленых» во Франкфурте-на-Майне.

28 июня: Народная палата принимает 3-й закон об изменении Уголовного кодекса (сильное ужесточение уголовно-правовых санкций за политические преступления).

12 декабря: «Двойное решение» НАТО о размещении ядерных ракет средней дальности в странах Западной Европы и в том числе в ФРГ.

1980 *13 января:* «зеленые» становятся федеральной партией.

13 октября: выступление Хонеккера «Об актуальных вопросах внутренней и внешней политики ГДР» перед партийными функционерами в Гере («герские требования» по урегулированию отношений между Западной и Восточной Германией).

1981 *11–16 апреля:* X съезд СЕПГ.

10 октября: 300 000 человек приняли участие в массовой демонстрации в защиту мира против «двойного решения» НАТО в Бонне.

11–13 декабря: переговоры между бундесканцлером Шмидтом и председателем Государственного совета Хонеккером в ГДР; в это самое время в Польше введено военное положение.

1982 *14 февраля:* форум 5000 участников независимого движения за мир в церкви Кройцкирхе в Дрездене.

17 сентября: четыре министра от Свободно-демократической партии выходят из кабинета бундесканцлера Шмидта, который формирует правительство меньшинства из членов СДПГ.

1 октября: депутаты от ХДС/ХСС и Свободно-демократической партии (СвДП) конструктивным вотумом недоверия отстраняют бундесканцлера Гельмута Шмидта (СДПГ) от власти и выбирают на должность бундесканцлера Гельмута Коля.

10 ноября: умирает Брежнев.

1983 *6 марта:* по результатам досрочных выборов в бундестаг сохраняется коалиция ХДС/ХСС–СвДП; «зеленые» впервые проходят в бундестаг.

29 июня: западногерманский парламент одобряет выдачу кредита ГДР в размере 1 миллиарда немецких марок.

24 июля: начало многодневного визита премьер-министра Баварии Штрауса (ХСС) в ГДР; встреча с Хонеккером.

1984 *13 февраля:* беседа между Хонеккером и Колем в Москве (на торжествах по случаю вступления Ю. Андропова в должность генерального секретаря).

25 июля: ФРГ выделяет ГДР кредит в размере 950 млн марок.

4 сентября: отмена запланированного государственного визита Хонеккера в ФРГ.

1985 *10/12 марта:* умирает Черненко; новым секретарем КПСС становится *Михаил Горбачев; беседа Хонеккера с Колем на траурных мероприятиях* в Москве.

4 мая: визит Хонеккера в СССР, встреча с Горбачевым.

8 мая: знаменитая речь президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера по случаю 40-й годовщины капитуляции Германии.

1986 *19 февраля:* прибытие президента Народной палаты Хорста Зиндерманна в Бонн (первый визит восточногерманского политика такого уровня в ФРГ).

6 мая: после 12-летних переговоров наконец подписано соглашение между двумя немецкими государствами по вопросам культурного сотрудничества.

1987 *7–11 сентября:* Эрих Хонеккер становится первым главой ГДР, посетившим с официальным визитом Западную Германию.

8–10 декабря: Михаил Горбачев и Рональд Рейган подписывают в Вашингтоне договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (INF Treaty).

1988 *17 января:* на подходе к демонстрации в память Р. Люксембург и К. Либкнехта в Восточном Берлине агенты службы безопасности ГДР задерживают около 120 человек, собиравшихся участвовать в демонстрации под лозунгом «Свобода — это всегда свобода инакомыслия!».

29 мая: Хонеккер в беседе с Хайнцем Галинским (председателем Центрального совета евреев в Германии) впервые говорит о готовности ГДР выплачивать компенсацию за преступления, совершенные немцами по отношению к еврейскому народу.

25 июня: представители Европейского Сообщества (ЕС) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) высказывают взаимную готовность к началу официальных отношений.

15 августа: установление дипломатических отношений между ГДР и ЕС.

9/10 ноября: Вольфганг Шойбле, возглавлявший администрацию бундесканцлера, прибывает в Восточный Берлин для переговоров с Хонеккером.

1989 *7 мая:* после муниципальных выборов в ГДР (98,85% за единый список Национального фронта) правозащитники и представители церкви говорят о фальсификации результатов выборов.

10–11 сентября: Венгрия открывает свои границы для восточногерманских беженцев; тысячи граждан ГДР устремляются в Баварию. В Восточном Берлине формируется движение «Новый форум»; их ходатайство об официальном разрешении деятельности отклонено министерством внутренних дел ГДР 21 сентября.

2 октября: на тот момент самая массовая демонстрация в поддержку демократии в ГДР (около 20 000 участников) разогнана лейпцигской полицией.

7 октября: визит Михаила Горбачева в Восточный Берлин для участия в торжествах по случаю 40 летия образования ГДР.
Основание «Социал-демократической партии в ГДР» (СДП).

16 октября: в Лейпциге 120 000 человек выходят на демонстрацию с требованием демократии и реформ.

18/24 октября: Эгон Кренц сменяет Эриха Хонеккера на посту главы государства и партии.

4 ноября: в Восточном Берлине 500 000 человек выходят на демонстрацию, требуя проведения демократических реформ.

9 ноября: Совет министров ГДР объявляет об открытии границ с ФРГ и Западным Берлином.

13 ноября: новым премьер-министром ГДР становится Ганс Модров.

1 декабря: Народная палата ГДР исключает из конституции страны положение о руководящей роли СЕПГ.

1990 *15 января:* 150 000 человек участвуют в демонстрации за объединение Германии в Лейпциге; премьер-министр Модров привлекает участников Круглого стола к работе в правительстве; 5 февраля в правительство включены представители оппозиции.

10 февраля: бундесканцлер Коль в Москве получает заверение Горбачева в том, что СССР не будет препятствовать воссоединению Германии.

18 марта: на первых свободных выборах в Народную палату ГДР консервативный «Альянс за единую Германию» получает 48,15% голосов, СДПГ — 21,84%.

12 апреля: новым премьер-министром ГДР во главе «большой коалиции» становится Лотар де Мезьер (ХДС).

18 мая: подписание германо-германского «Государственного договора о создании Валютного, Экономического и Социального союза» (вступает в действие 1 июля).

22/23 августа: Народная палата принимает решение о присоединении ГДР к ФРГ согласно статье 23 конституции.

3 октября: восточногерманские земли входят в состав ФРГ.

История ГДР в последние годы эры Хонеккера определялась двумя основными проблемами, для которых СЕПГ уже не могла найти решение. Это, во-первых, политические трудности в связи с нереалистичной и чрезмерно затратной социально-политической программой и, во-вторых, внешнее давление, обусловленное событиями в СССР (приход к власти Горбачева) и реформаторским

движением в Польше и Венгрии. Все это в совокупности дестабилизировало ортодоксальный социализм ГДР и заставило правительство встать на путь реформ.

В 1971 г. на VIII съезде партии было объявлено о сворачивании начатого в 1963 г. реформаторского эксперимента в экономической сфере — Новой экономической системы планирования и управления (NÖSPL), которая делала ставку на бóльшую хозяйственную свободу предприятий по отношению к плановым инстанциям и учет критериев рентабельности. Прямое планирование экономического процесса сверху было снова усилено, крупные заводы одной отрасли были объединены в огромные комбинаты, представлявшие собой социалистический аналог западных концернов. Первые шаги в этом направлении казались весьма успешными: появились источники финансирования честолюбивых планов партии, предполагавших последовательную ориентацию экономики на расширенные социально-политические задачи («единство экономической и социальной политики»). Однако разразившиеся на Западе нефтяные кризисы 1973–1974 и 1978–1979 гг. имели серьезные последствия и для социалистических государств, и в том числе для ГДР. Экономический фундамент Восточной Германии пошатнулся, так как руководство страны решило компенсировать увеличение производственных затрат государственными дотациями, чтобы не допустить снижения уровня жизни. Получаемые от Запада кредиты, ограничение импорта продукции западного производства с целью сокращения внешнего долга и продолжение масштабной программы строительства жилья, дотирования продовольственного снабжения (около 7 млрд марок в 1976 г.), квартирного фонда и общественного транспорта в сочетании с организацией собственной компьютерной промышленности, требовавшей больших капиталовложений, — все это привело к истощению экономических ресурсов, существованию за счет кредитов и прошлых накоплений. В какой

упадок пришли здания, пути сообщения и заводское оборудование и какой вред окружающей среде принесла подобная экономическая политика, в полной мере стало ясно лишь после революции, когда данные экономической статистики больше не фальсифицировались, а экологические показатели не скрывались под предлогом государственной тайны.

Вряд ли эта экономическая и социальная система могла быть изменена реформационным путем. В тех политических условиях, которые существовали в 1980-е гг., эта система находилась на грани коллапса, и только помощь в виде кредитов от Западной Германии позволяла скрыть эту ситуацию. Смертельный удар режиму ГДР был нанесен «осенней революцией», в которую вылилось бегство нескольких тысяч восточногерманских немцев на Запад летом 1989 г. и массовые демонстрации с требованием радикальных перемен.

Проводимые Горбачевым преобразования под лозунгами «нового мышления», «перестройки» и «гласности» с 1989 г. приобрели популярность во всем мире и пришли на смену «брежневской доктрине» (ограниченный суверенитет стран Центральной и Восточной Европы в зоне советского влияния). Отныне реформаторы в Польше и Венгрии могли сами разобраться со своими внутриполитическими противниками и коммунистическими правительствами, не опасаясь вторжения советских войск. Это не могло не повлиять на ситуацию в ГДР. Заглушить требования преобразований политической системы и смещения ее престарелого, все чаще грешащего самоуправством руководства с партийным лидером Эрихом Хонеккером во главе было уже невозможно. Правда, полиция госбезопасности («Штази») пыталась за счет расширения штата (в 1989 г. в «Штази» работали 91 000 штатных сотрудников и, кроме того, 174 200 осведомителей — так называемых неофициальных сотрудников, или сокращенно IM) и абсолютно гротескной по своим масштабам

практики надзора и подавления задушить в зародыше любую политическую оппозицию или диссидентское движение, но с течением времени ей это удавалось все хуже и хуже. Несмотря на меры по контролю и информированию, число «враждебно-негативных групп, объединенных межличностными связями» (как это называлось на жаргоне спецслужб) неуклонно росло. Тем не менее партийная верхушка не видела необходимости в изменении политического курса. И тогда случилось то, о чем предупреждал Горбачев в своей ставшей крылатой фразе, произнесенной во время празднования 40-й годовщины основания ГДР: «Кто опаздывает, того наказывает жизнь!»

Анализ краха ГДР, с одной стороны, предполагает выявление структурных недостатков, которые в долгосрочной перспективе неизбежно вели к падению режима. Однако это не объясняет ни того, почему перелом произошел именно тогда, когда он произошел, ни того, почему он принял именно такую форму. Поэтому необходимо также рассмотреть саму мирную революцию, которая привела к свержению СЕПГ.

Для расстановки сил осенью 1989 г. были характерны два момента, которые можно выразить двумя взаимосвязанными лозунгами того времени: «Мы хотим уйти!» и «Мы остаемся здесь!». Снятие заграждений из колючей проволоки на австро-венгерской границе в мае и окончательное открытие этой границы 10 сентября 1989 г., а также массовое бегство граждан ГДР в посольства Западной Германии в Праге и Варшаве привели к хаотичному и практически неуправляемому развитию событий. Остановить поток жителей Восточной Германии, решивших бежать на Запад, можно было только решительным запретом посещения Венгрии и Чехословакии, но режим не отважился на этот шаг.

Другой тенденцией, помимо стремительно возросшего потока перебежчиков, было требование демократи-

ческих реформ. Вначале они высказывались в лозунгах «Мы остаемся здесь!» и «Мы — народ!» на «понедельничных демонстрациях» в Лейпциге. Когда 9 декабря массовая демонстрация в Лейпциге закончилась мирно, несмотря на то что власти стянули к месту ее проведения огромное количество полицейских и отрядов народной дружины, это было равносильно прорыву плотины. Многие города ГДР в течение последующих недель были охвачены волной демонстраций, и число их участников постоянно росло. За несколько дней режим СЕПГ, еще недавно казавшийся таким устойчивым, рухнул, а политбюро сместило Хонеккера с поста главы государства. На какое-то время его заменил Эгон Кренц, а в декабре 1989 г. его место занял секретарь Дрезденского окружного комитета СЕПГ Ганс Модров, считавшийся сторонником реформаторского курса. Открытие границ с ФРГ и падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. вызвало всеобщее воодушевление, которое за короткое время приобрело собственную динамику развития. Все требования коренных преобразований ГДР были заглушены лозунгами «Мы один народ!» и «Германия, единое отечество!». Крах ГДР в качестве независимого государства был уже не за горами, даже если вначале все немцы и в восточной, и в западной части Германии исходили из того, что для воссоединения потребуется много времени и промежуточным этапом станет конфедерация. Политическая революция превратилась в национальную.

Объяснить это превращение и высокий темп объединения, постоянно возраставший в первую половину 1990-х гг., не так просто. Тезис о том, что это ускорение происходило под давлением ничем не ограничиваемого потока переселенцев из ГДР в ФРГ, кажется нам слишком поверхностным объяснением. Пожалуй, более важным фактором является то, что падение стены и последующие поездки миллионов граждан ГДР, до сих пор проживавших в изоляции, в Западную Германию породили

не только гнев и горькую обиду на режим СЕПГ и на то, каким плачевным вдруг оказалось экономическое и экологическое состояние ГДР, но также упадническое настроение. Из бедственного положения, как казалось тогда, можно было выйти только в случае незамедлительной помощи с Запада. В этой связи объединение было *единственной реалистичной перспективой*.

Разумеется, «немецкий вопрос» — раздел нации как политически вынужденная мера — имел гораздо большее значение для жителей ГДР, чем для граждан ФРГ. Тем не менее, чтобы быть до конца честным, необходимо признать бесспорный факт: подавляющее большинство людей в обеих частях Германии уже давно смирилось с фактом существования двух государств. Жители ГДР не хотели мириться с огромным разрывом в уровне благосостояния и с косным режимом, не способным ни к технологическим инновациям, ни к политическим реформам, режимом, который отчаянно пытался отстоять свои ортодоксальные позиции посреди радикальных преобразований в Восточной Европе.

Старая и новая Федеративная Республика Германия

Конечно, внешнее и внутреннее развитие ФРГ, созданной в 1949 г. как временное государственное образование, уже во многом объяснялось сделанным в самый момент ее возникновения выбором в пользу Запада. Тем не менее раздел Германии и непосредственное противостояние с коммунистическим режимом в ГДР в значительной мере способствовали тому, что после объединения граждане ФРГ еще раз подтвердили свою приверженность парламентской демократии.

Западногерманское общество, в конечном итоге смирившееся с разделом и по-хозяйски обустроившее жизнь в своей части государства, после революции в ГДР осенью

1989 г. еще не было готово к тем трудностям, с которыми было связано стремление подавляющего большинства граждан Восточной Германии к национальному единству. Тем не менее невероятно стремительный процесс объединения по форме отнюдь не был ярким или сенсационным, как можно было бы ожидать, учитывая историческую значимость этого события. Не националистический порыв определял ход объединительного процесса, а — наряду с неподдельной радостью и чувством облегчения — трезвый расчет, нередко также скептицизм и равнодушие.

У нас нет возможности подробно описывать процесс восстановления государственного и национального единства Германии, поэтому мы назовем лишь два наиболее важных фактора:

1. Согласие бывших союзников и оккупационных держав с объединением Германии, высказанное на так называемых переговорах «два плюс четыре». На этих переговорах были определены международные условия объединения Германии. Одним из важных условий было, в частности, то, что бундестаг и Народная палата 21 июня 1990 г. в двух абсолютно идентичных декларациях окончательно признали немецко-польскую границу по линии Одер—Нейсе.

2. Валютный союз ФРГ и ГДР, начавший действовать 1 июля 1990 г. Единый валютный регион требовал скорейшего политического оформления. Со вступлением земель ГДР в ФРГ 3 октября 1990 г. (в соответствии со статьей 23 Конституции) восстановление государственного единства Германии было официально завершено.

Впрочем, этот формальный акт не решил никаких фактических проблем. Каким сложным будет процесс слияния двух частей одной нации, которая на протяжении 40 лет оставалась разделенной, стало ясно лишь после того, как схлынула волна всеобщей эйфории в связи с вновь завоеванным единством.

Тот факт, что раздел Германии, в постоянстве которого мало кто сомневался до 1989 г., неожиданно прекратился и половинчатое государство ФРГ стало новой Федеративной республикой — национальным государством Германия, не должен влиять на наше восприятие западногерманской истории после 1945 г. Мы не можем с уверенностью сказать, что вся эта история — в соответствии с преамбулой конституции ФРГ — неизбежно вела к восстановлению единства. Наверняка в будущем наше представление о послевоенном развитии Германии снова будет в большей мере ориентировано на сопоставление двух немецких государств и рассмотрение их в едином контексте. Думается, что именно в этом направлении будет меняться наше понимание истории неудавшегося тоталитарно-социалистического и в целом удачного демократического эксперимента — двух несхожих ответов на гибель Веймарской республики и крах национал-социализма.

Литература

Bender P. Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau bis zur Vereinigung. 3., Überarb, und erw. Neuausg. München 1995.

Bender P. Episode oder Epoche? Zur Geschichte des geteilten Deutschland. München 1996.

Benz W. Deutschland seit 1945. Entwicklungen in der Bundesrepublik und in der DDR. Chronik — Dokumente — Bilder. München 1990.

Broszat M., Weber H. (Hrsg.) SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945–1949. München 1990.

Fischer A. (Hrsg.) Ploetz. Die Deutsche Demokratische Republik. Daten — Fakten — Analysen. Freiburg i. Br. / Würzburg 1988.

Glaeßner G.-J. (Hrsg.) Die DDR in der Ära Honecker. Politik — Kultur — Gesellschaft. Opladen 1988.

Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München 1999.

Herde H.-H., Jarausch K. H., Kleßmann Ch. (Hrsg.) Mauerbau und Mauerfall. Ursachen – Verlauf – Auswirkungen. Berlin 2002.

Herde H.-H., Wolle S. Damals in der DDR. Alltag im Arbeiter- und Bauernstaat. München 2004.

Hoffmann D., Schmidt K.-H., Skyba P. (Hrsg.) Die DDR vor dem Mauerbau. Dokumente zur Geschichte des anderen deutschen Staates, 1949–1961. München 1993.

Jarausch K. H.Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945 bis 1995. München 2004.

Judt M. (Hrsg.) DDR-Geschichte in Dokumenten. Beschlüsse, Berichte, interne Materialien und Alltagszeugnisse. Berlin 1997.

Kaelble H., Kocka J., Zwahr H. (Hrsg.) Sozialgeschichte der DDR. Stuttgart 1994.

Kielmansegg P. G. Nach der Katastrophe. Eine Geschichte des geteilten Deutschland. Berlin 2000.

Kleßmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. 2., Überarb, und erw. Ausg. Bonn 1997.

Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. 5., Überarb, und erw. Ausg. Bonn 1991.

Kleßmann Ch., Wagner G. Das gespaltene Land. Leben in Deutschland 1945–1990. Texte und Dokumente. München 1993.

Körte K.-R. Deutschlandpolitik in Helmut Kohls Kanzlerschaft. Regierungsstil und Entscheidungen 1982–1989. Stuttgart 1998.

Kowalczuk I.-S. 17.6.1953 – Volksaufstand in der DDR. Ursachen – Abläufe – Folgen. Bremen 2003.

Mählert U. Kleine Geschichte der DDR. 4., Überarb. Ausg. München 2004.

Mitter A., Wolle S. Untergang auf Raten. Unbekannte Kapitel aus der DDR-Geschichte. Gütersloh 1993.

Schöllgen G. Geschichte der Weltpolitik von Hitler bis Gorbatschow 1941–1991. München 1996.

Schwarz H.-P. Anmerkungen zu Adenauer. Stuttgart 2004.
Sontheimer K. Die Adenauer-Ära. Gründung der Bundesrepublik. München 1991.
Sontheimer K., Bleek W. Grundzüge des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschlands. Neuausg. München 1998.
Staritz D. Geschichte der DDR 1945–1985. Frankfurt a. M. ²1987.
Steiner A. Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR. Stuttgart 2004.
Steininger R. Deutsche Geschichte 1945–1961. Darstellung und Dokumentation in zwei Bänden. Frankfurt a. M. 1983.
Timmermann H. (Hrsg.) Deutschland nach dem 2. Weltkrieg. Entwicklungen, Verflechtungen, Konflikte. Saarbrücken 1990.
Weber H. (Hrsg.) DDR. Dokumente zur Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik 1945–1985. München 1986, 1987.
Weber H. DDR. Grundriß der Geschichte 1945–1990. Vollst. Überarb, und erw. Neuaufl. Hannover 1991.
Weidenfeld W., Zimmermann H. (Hrsg.) Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz 1949–1989. Bonn 1989.
Wolle S. Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971–1989. Berlin 1998.

Конрад Х. Яраусш

ПЕРВЫЕ ГОДЫ БЕРЛИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1990–2005 гг.)

Общая характеристика эпохи

Крах коммунистических систем в Европе кардинальным образом изменил контекст развития Германии в XXI в. Окончание «холодной войны» положило конец гонке вооружений между супердержавами и развеяло страх перед ядерным Армагеддоном. Кроме того, распад советской империи неожиданно подарил вассальным государствам в Восточной Европе возможность независимого развития и упростил процесс их возвращения в Европу. Еще одним последствием коллапса СССР стало возникновение однополярного мира с единственной оставшейся супердержавой — Соединенными Штатами Америки. Однако эти изменения создали и новые проблемы: мусульманские фундаменталисты, затаившие злобу и обиду на Запад, посеяли по всему миру семена терроризма. Одновременно с этим расширение зоны свободной торговли в рамках ГАТТ привело к усилению экономической конкуренции, что создало дополнительную угрозу стабильности социальных систем в развитых индустриальных странах. Таким образом, история не остановилась — она просто приняла новую, неожиданную форму.

С одной стороны, новая расстановка сил предоставила немецкой политике хорошую возможность выйти за пределы старого курса, сводившегося к преодолению

последствий Второй мировой войны. Так, с уходом частей Красной Армии в 1994 г. объединенная Германия восстановила военный суверенитет на своей территории. Уничтожив стену, долгие годы разделявшую Германию, немцы восстановили и национальное государство — пусть в более узких, но зато всеми признанных границах. В результате восточные немцы, несмотря на все те трудности, которые появились после объединения, наконец-то получили возможность приобщиться к материальному благополучию и политической свободе своих западногерманских родственников. Как и надеялись диссиденты в странах Центрально-Восточной Европы, объединение Германии устранило препятствия на пути к реинтеграции их государств в европейское сообщество. Германия вышла из своего сложного маргинального положения и вернула себе ключевые позиции в Европе, которые в то же время были сопряжены с большей ответственностью.

С другой стороны, этот резкий поворот истории привел к возникновению новых трудностей. Со многими из них ФРГ продолжает бороться по сей день. Поскольку раны от раскола Германии оказались глубже, чем предполагалось, на их исцеление ушло больше ресурсов, чем прогнозировалось. Неожиданное единство поставило перед западногерманскими интеллектуалами, мыслившими уже в постнациональных категориях, сложную задачу, к которой они не были готовы и которая заключалась в том, чтобы заново создать национальное государство. В результате резкого увеличения потенциала Германии и в ней самой, и за рубежом появились ожидания, что она возьмет на себя роль лидера в Европе. Новая ситуация вызвала оживленные дебаты о предстоящих переменах в международной политике ФРГ. Ввиду распада Югославии и распространения исламистского терроризма другие страны выразили желание, чтобы Германия внесла свой вклад в совместные военные акции. Таким образом,

традиция внешнеполитической воздержанности Германии была нарушена. Наконец, характерное для эпохи глобализации давление международной конкуренции поставило под вопрос выживание «немецкой экономической модели», хотя прежде ее часто приводили в качестве примера.

Связанные со всеми этими изменениями надежды и страхи сосредоточились в метком выражении «Берлинская республика», обозначающем новый этап немецкой истории. Это понятие, введенное в оборот журналистом Йоханнесом Гроссом, по всей видимости, должно было указывать на несхожесть новой республики с добровольным аскетизмом «старой» Западной Германии, ассоциировавшейся с провинциальным Бонном, и подчеркивать более урбанистичный, открытый миру политический стиль. В прессе переезд правительства ФРГ в прежнюю столицу, одобренный незначительным большинством голосов в бундестаге в июне 1991 г., вызвал различные ассоциации. С одной стороны, можно было заклеймить Берлин как символ прусского милитаризма, вильгельмовской заносчивости и учиненного национал-социалистами геноцида, но, с другой стороны, Берлин был оплотом Веймарской демократии, культурных инноваций и борьбы за свободу в условиях коммунистического режима. В этих дебатах речь шла не столько о правильной трактовке истории, сколько об альтернативных проектах будущего развития единой Германии.

Через пятнадцать лет после «мирной революции» еще сложно дать взвешенную оценку этой эпохи «самой Новейшей истории» (Х.-П. Шварц). Временная дистанция еще слишком мала, чтобы отличить краткосрочные последствия от долгосрочных итогов. Кроме того, нет доступа ко всем необходимым источникам, так как западногерманские архивы, равно как архивы объединенной Германии, пока закрыты в соответствии с правилом о снятии грифа секретности через тридцать лет. Но так как

в современном медийном обществе практически ничто не остается тайным, ведущие органы печати отражают, по крайней мере, общие контуры развития. Социальные науки также уже закладывают первые основы для интерпретаций. Опираясь на эту временную основу, можно сформулировать три ключевых вопроса касательно периода с 1990 по 2005 г.: Как ФРГ, неожиданно увеличившаяся на пять новых федеральных земель, справилась с последствиями этого объединения? Какое новое самопонимание возникло на основе изменившихся возможностей и требований? И, наконец, какими способами Германия пыталась приспособить свою социально ориентированную рыночную экономику к условиям глобальной конкуренции?

Из Бонна в Берлин

1990 *3 октября:* вхождение земель бывшей ГДР в ФРГ.

2 декабря: выборы в бундестаг, убедительная победа коалиции ХДС/СвДП (397 из 662 мест в бундестаге). Гельмут Коль остается на посту бундесканцлера.

1991 *17 января:* первая война в Ираке без непосредственного военного участия Германии.

8 марта: принята программа восстановления восточных земель («Aufbau Ost»).

21 декабря: роспуск Советского Союза, создание Содружества Независимых Государств (СНГ).

1992 *7 февраля:* подписание Маастрихтского договора.

30 июня: принято решение о создании системы страхования на случай необходимости медицинского ухода (по болезни, старости и т. д.).

1993 *13 марта:* достигнута договоренность о создании «пакта солидарности» с целью финансирования объединения Германии.

26 мая: достигнут компромисс по поводу закона об ограничении права на предоставление убежища.

29 мая: поджог дома, в котором проживали иммигранты из Турции, в городе Золингене.

1994 *12 июля:* Конституционный суд ФРГ вынес решение, согласно которому вооруженные силы Германии могут принимать участие в миротворческих операциях в других странах.

17 июня: Заключительный отчет анкетной комиссии по истории и последствиям диктатуры СЕПГ.

16 октября: выборы в бундестаг, победа коалиции ХДС/СвДП с небольшим преимуществом (341 из 672 мест). Гельмут Коль остается на посту бундесканцлера.

1995 *1 января:* Австрия, Швеция и Финляндия вступают в Евросоюз.

26 марта: вступление в силу Шенгенского соглашения.

30 августа: Вооруженные силы Германии участвуют в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине.

1996 *1 января:* приватизация федеральной почты.

1997 *26 апреля:* призыв президента Романа Херцога к реформам («Прорыв в XXI век»).

1998 *1 января:* Центральный Европейский банк начинает свою работу во Франкфурте-на-Майне.

26 марта: бундестаг голосует за расширение НАТО на Восток.

27 сентября: выборы в бундестаг, победа коалиции СДПГ/«Зеленые» (345 мест из 669). Герхард Шрёдер становится бундесканцлером, Йошка Фишер — министром иностранных дел.

1999 *24 марта:* бундесвер участвует в войне НАТО против Сербии и решении конфликта вокруг Косово.

19 апреля: открытие здания рейхстага, переезд правительства в Берлин.

2000 *18 января:* отставка Гельмута Коля с поста почетного председателя ХДС после скандала вокруг тайных пожертвований партии.

6 июля: создание фонда с капиталом в 10 млрд евро для компенсации тем, кого нацисты принудительно использовали в качестве рабочей силы.

13 декабря: спорная победа Джорджа Буша на выборах в США.

2001 *11 сентября:* Нападение «Аль-Каиды» на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

16 ноября: бундестаг голосует за присутствие немецкого контингента в Афганистане.

4 декабря: безрадостные результаты международного тестирования школьников PISA — Германия на одном из последних мест.

2002 *1 января:* введение новой европейской валюты — евро — в 12 странах.

5 августа: канцлер Шрёдер принимает решение о неучастии немецких Вооруженных сил в нападении США на Ирак.

22 сентября: выборы в бундестаг; неожиданная победа «красно-зеленой» коалиции (306 мест из 603). Герхард Шрёдер остается на посту бундесканцлера.

2003 *14 марта:* Шрёдер докладывает о «Повестке дня 2010» в бундестаге.

20 марта: начало второй войны в Ираке.

14 декабря: достигнут компромисс при обсуждении проекта реформирования рынка труда и налоговой системы «Хартц IV» в согласительной комиссии.

2004 *26 апреля:* провозглашение компромиссного решения по закону об иммигрантах.

6 февраля: уход Герхарда Шрёдера с поста председателя СДПГ.

1 мая: вступление еще десяти, преимущественно восточноевропейских стран в Евросоюз.

2005 *2 февраля:* новый рекордный показатель безработицы в Германии — 5,22 млн человек.

30 мая: однозначная победа ХДС на выборах в ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия.

18 сентября: досрочные выборы в бундестаг, с небольшим перевесом побеждает ХДС (226 мест), однако в патовой ситуации, когда ни одна из сторон не смогла получить абсолютное большинство в бундестаге, формируется «большая коалиция» с СДПГ (222 места). Бундесканцлером Германии становится Ангела Меркель.

Неоднозначные последствия объединения

Перемены, произошедшие во внешнем облике Восточной Германии за пятнадцать лет после 1990 г., свидетельствуют о неравнозначном влиянии объединительного процесса в бывшей ГДР и ФРГ. В западных землях, по крайней мере, внешне мало что изменилось, если не считать некоторых путей сообщения, которые были снова открыты, и приграничных областей, которые вдруг оказались внутри страны. На Востоке перемены были более заметными: яркая окраска стен сигнализировала о реконструкции зданий, привлекательные товары в витри-

нах магазинов наглядно демонстрировали улучшение потребительской ситуации, а шикарные автомобили говорили об успешной карьере новых граждан ФРГ. В то же время брошенные Красной Армией или ННА* казармы приходили в упадок. В запустении пребывали также бывшие здания «Штази». Многие дома культуры и детские сады были закрыты. Гигантские корпуса остановленных заводов контрастировали с немногочисленными новыми фабриками. Основной формой предпринимательства стали торговые центры и строительные супермаркеты. И хотя инфраструктура в бывшей ГДР нередко была даже более современной, чем на Западе, многие районы так и не стали теми «цветущими ландшафтами», о которых говорил в своих предвыборных обещаниях канцлер Коль.

В политической сфере объединение положительно повлияло на возможности участия граждан в политической жизни, хотя и здесь некоторым надеждам не суждено было исполниться. Распространение западногерманской конституции на новые федеральные земли гарантировало их жителям те гражданские права, которых требовали участники массовых демонстраций осенью 1989 г. Однако при этом остался без внимания инновационный проект конституции, разработанный участниками Круглого стола весной 1990 г. и была упущена возможность дальнейших преобразований уже после объединения, так как консервативные юристы блокировали любые попытки расширить конституционные цели и формы политического участия. Перенос западногерманского судебного управления на почву бывшей ГДР, а также проверка системы правосудия в восточной части Германии на предмет ее прошлого сотрудничества со «Штази», бесспорно, способствовали восстановлению законности, однако обращение в суд теперь требовало знаний новых правил

* Национальная Народная армия ГДР. – *Примеч. перев.*

и определенных денежных средств. Бербель Болей саркастически так прокомментировала эту ситуацию: гражданское движение искало справедливости, а вместо этого получило правовое государство.

Возрождение парламентской демократии и восстановление восточногерманских земель ускорили процесс объединения, однако не исполнили надежд на бóльшую свободу самоопределения. Заимствуя представительную демократию с Запада, бывшая ГДР получала проверенную временем институциональную структуру, однако при этом не оставалось свободного места, куда можно было бы включить собственный опыт непосредственного гражданского участия в борьбе за демократию. Восстановление существовавшей до 1952 г. структуры федеральных земель вернуло растерянным гражданам их малую родину в объединенной Германии, однако эти административные единицы оказались слишком мелкими, чтобы иметь необходимое влияние в системе конкурентного федерализма. Дальнейшие попытки формирования более крупных земель, например, путем слияния Берлина и Бранденбурга, провалились из-за недоверия вовлеченных в этот процесс граждан. В результате проверок персонала на предмет их связи со спецслужбами («Штази») были дискредитированы многие политические деятели бывшей ГДР, в частности Лотар де Мезьер, так что помимо Манфреда Штольпе — восточногерманского политика с сомнительной репутацией, — бóльшинство успешных «отцов земель» (например, Курт Биденкопф или Бернхард Фогель) были выходцами из Западной Германии.

Принятие членов союзов и объединений бывшей ГДР в общегерманские организации также имело противоречивые последствия для формирующегося гражданского общества в новых федеральных землях. С одной стороны, расширение народных партий предоставляло гражданам возможность выражать свои интересы через более

могущественные политические объединения. С другой стороны, восточные немцы все же находились в ситуации структурного меньшинства, что осложняло процесс донесения до общественности и правительства их особых пожеланий. Поэтому посткоммунистическая Партия демократического социализма так расширила свой электорат именно в Восточной Германии: это была единственная партия, которая отстаивала интересы земель бывшей ГДР и благодаря этому, подобно ХСС в Баварии, могла апеллировать к чувству региональной идентичности. Профсоюзы и другие организации охотно принимали в свои ряды восточных немцев, однако руководителям из этого региона очень редко удавалось получить должность федерального уровня. Так что не удивительно, что партии имели слабую институциональную закрепленность именно в Восточной Германии, а гражданские инициативы не получили там такого распространения, как ожидалось.

В области экономики последствия объединения были скорее отрицательными, так как в ходе беспрецедентной реструктуризации с целью превращения плановой экономики в рыночную по причине неправильной оценки ситуации в ГДР были допущены грубейшие ошибки. Великодушный шаг, каким было создание Экономического, Валютного и Социального союза в 1990 г., должен был — за счет введения в землях бывшей ГДР немецкой марки с высокой покупательной силой — остановить массовую эмиграцию жителей Восточной Германии на Запад. Однако обменный курс, на который Гельмут Коль согласился в преддверии выборов (1:1 для зарплат и 1:2 для более крупных накоплений), был завышенным, поскольку реальная производительность восточногерманской экономики составляла приблизительно треть от производительности экономики Западной Германии. Требование профсоюзов установить одинаковые тарифы заработной платы на Востоке и на Западе тоже привело к негативным

последствиям, а именно к повышению себестоимости товаров восточногерманского производства. Наконец, легко объяснимый высокий спрос на западные товары имел губительные последствия для многих восточных фирм, которые не могли реализовать свою продукцию. И если на Западе объединение поначалу вызвало экономический подъем, то на Востоке многие области народного хозяйства пришли в упадок.

Конечно, других альтернатив, кроме приватизации госсобственности в бывшей ГДР, не было, однако ведомство по управлению этой собственностью своими поспешными действиями только усугубило существующие трудности. Выторгованный юристами принцип возврата вместо компенсации оказался серьезным препятствием для привлечения инвестиций в города, поскольку бесконечно долгие судебные разбирательства не позволяли использовать имеющиеся в наличии земельные участки. Столь же неэффективным оказалось восстановление частных крестьянских хозяйств, на котором настаивали западногерманские сельскохозяйственные союзы. Организованные на бóльших площадях сельскохозяйственные производственные кооперативы (LGPs) могли работать более эффективно. Однако самая главная проблема была связана с поспешной продажей развалившихся на отдельные фирмы комбинатов западногерманским или иностранным инвесторам, потому что в основе этого процесса лежали недальновидные планы получения скорейшей прибыли, а покупатели из Восточной Германии к нему, как правило, не допускались. Если покупателей найти не удавалось, то даже такие известные заводы, как, например, Пентакон, просто закрывались, хотя при помощи долгосрочного кредитования и консультаций по управлению их вполне можно было снова сделать конкурентоспособными. Результатом этих действий, за некоторым исключением, была по сути деиндустриализация восточногерманской экономики.

Неудивительно, что политика, нацеленная на быстрые преобразования, создала серьезные социальные проблемы, затруднявшие адаптацию восточногерманских граждан к западной системе. Вне всякого сомнения, признание образовательных дипломов и включение новых граждан ФРГ в систему социального страхования были позитивными мерами и свидетельствовали об уважении к тому, чего жители бывшей ГДР достигли еще при социалистическом режиме. Впрочем, тех, кто однозначно выиграл от объединения — пенсионеров, малых предпринимателей, чиновников или политиков, — едва ли было больше тех, кто проиграл от смены режима — бывших партийных функционеров, сотрудников «Штази» и военнослужащих ННА. В очень многих неуверенность вселила прежде всего быстро растущая безработица: за несколько лет Восточная Германия лишилась 2,5 млн рабочих мест, что составляло примерно треть от общего числа трудящихся в бывшей ГДР. Сокращения затронули в первую очередь женщин и пожилых людей. Переквалификация и договоры о помощи в трудоустройстве могли только смягчить шок, но не создать новые рабочие места.

Сформированное из представителей ХДС и СвДП правительство, в силу своей неолиберальной ориентации, с задержкой отреагировало на кризис в Восточной Германии. Поскольку канцлер плохо разбирался в экономике, он не обратил внимание на предостережения о возможности второго «мецциоджорно»*, т. е. возникновения стабильно слабого региона, и сделал ставку на «стратегию Большого взрыва» в построении рыночной экономики. Поэтому и принятая в марте 1991 г. программа развития восточных земель, финансируемая Фондом германского единства, вскоре оказалась абсолютно недостаточной.

---

* Мецциоджорно (Mezzogiorno) — юг Италии. «Проблема мецциоджорно» означает раскол Италии на развитый промышленный Север и аграрный Юг. — *Примеч. перев.*

А так как в это же время восточногерманская экономика лишилась рынков сбыта в Восточной Европе, доходов от налоговых сборов в новых немецких землях не хватало на реконструкцию инфраструктуры и финансирование растущих затрат на социальные нужды. 13 марта 1993 г., опираясь на положение конституции о «единообразии уровня жизни на территории ФРГ», правительство ввело дополнительный «налог солидарности» в размере 7,5% от общего дохода для финансирования немецкого единства. Огромные ежегодные отчисления — в среднем 150 млрд евро без вычета налогов, после которой оставалось около половины — поглощали почти 4% валового национального продукта объединенной Германии.

Денежные трансферты из Западной в Восточную Германию в 1991–2003 гг.

Характер трансфертов	млрд евро
Расходы на развитие инфраструктуры (шоссейные и железные дороги, водные пути, жилищное и городское строительство)	160
Расходы на поддержку экономики (содействие развитию регионов, сельское хозяйство, дополнительные капиталовложения)	90
Расходы на социальную политику (пенсии, рынок труда, пособия на детей, образовательные кредиты)	630
Нецелевые дотации (Фонд германского единства, часть налоговых сборов с оборота, балансирование бюджетов федеральных земель, дополнительные федеральные отчисления)	295
Прочие расходы (администрация и оборона)	105
Трансферты (брутто)	1280
Отчисления, сделанные уже в Восточной Германии (налоги и отчисления на социальное страхование)	300
Трансферты (нетто)	980

Источник: Годовой отчет Экспертного совета по оценке развития объединенной Германии за 2004/2005 гг., Таб. 100.

Несмотря на эти коллективные усилия, результаты разочаровывали: возникло лишь несколько региональных центров экономического роста, но добиться подъема всей восточногерманской экономики так и не удалось. До 1996 г. валовой национальный продукт на Востоке рос быстрее, чем на Западе, из-за многочисленных строек, однако потом началась стагнация экономики, и безработица, согласно официальной статистике, доходила до 20% от общего числа трудоспособного населения. Только в некоторых целенаправленно поддерживаемых регионах, таких как «химический треугольник» Лейпциг—Дрезден—Йена или район вокруг Берлина, сформировались новые промышленные центры — в основном вокруг филиалов западных фирм, занимающихся, к примеру, автомобилестроением или производством микросхем. Однако для поддержания этих новых маяков развития нужна была лишь ничтожно малая часть прежней рабочей силы, а их «света» хватало только на представителей среднего класса в непосредственной близи от них. Поэтому возглавляемая Клаусом фон Донаньи правительственная комиссия отмечала в июне 2004 г., что бóльшая часть денежных трансфертов пошла на финансирование общественного бюджета и социального обеспечения, а не на перспективные инвестиции. И хотя производительность и доход населения Восточной Германии возросли вдвое, увеличился и контраст между общим запустением и отдельными процветающими районами.

Из-за трудностей объединительного процесса изначальная эйфория по поводу освобождения постепенно сменилась общим разочарованием, в свете которого проблемы казались больше достигнутых успехов. Вообще-то никого не должно было удивлять, что лишь с падением стены стали видны различия, накапливавшиеся на протяжении долгих лет отчуждения. Озабоченные этим обстоятельством энтузиасты-индивидуалы и частные объединения пытались навести мосты между «братьями и

сестрами», ставшими друг другу чужими. Западные немцы обвиняли восточных в неблагодарности, восточные немцы чувствовали, что Запад их подавляет, а интеллектуалы комментировали развитие «внутреннего единства» с почти маниакальным интересом. Однако фиксируемый демоскопами основной тон германо-германских взаимоотношений оставался противоречивым. С одной стороны, летом 2005 г. 84% опрошенных безоговорочно поддержали объединение Германии; с другой стороны, все еще оставались существенные расхождения в оценке индивидуальной свободы, коллективной солидарности, позиции по отношению к США и в вере в демократию.

По иронии судьбы в Восточной Германии возникла своеобразная ностальгия по прежним порядкам. Когда ГДР уже не стало, как бы задним числом сформировалась особая гэдээровская идентичность, усиленная предвыборной кампанией ПДС и объединившая даже бывших коммунистов и диссидентов. Причиной такого поворота была, с одной стороны, утрата привычных товаров, знакомой системы учреждений и патерналистской диктатуры СЕПГ. В результате индивид оказался полностью беззащитным перед наплывом новых западных требований. При этом многие восточные немцы стерли из памяти ненавистную опеку и убогую реальность реального социализма и идеализировали ГДР как эпоху семейного уюта и гарантированного трудоустройства. С этим было связано своего рода упрямство, нежелание соглашаться с обесцениванием собственной жизни под нападками со стороны Запада, когда нужно было отстоять правильность своего прошлого в неправильной системе, чтобы сохранить чувство собственного достоинства. Наконец, эта тенденция усиливалась под воздействием намеренной коммерциализации, возрождения восточногерманских торговых марок вроде шампанского «Красная шапочка» и даже вылилась в некоторую самоиронию в искусстве, например, в фильме Вольфганга Беккера «Гуд-бай, Ленин!».

Лишь спустя какое-то время жители старых и новых земель стали понимать, что объединение — это политический, экономический и духовный процесс, и он может длиться почти так же долго, как период раздельного существования двух немецких государств. Сначала такие стереотипы, как «Jammerossi» («причитающие „осси"») и «Besserwessi» («всезнайки „весси"»), подчеркивали разный характер фрустрации — жалобы со стороны восточных и опекунское высокомерие со стороны западных немцев. При этом по сути оценка зависела от тех критериев, по которым определялась степень внутреннего единства. Если речь шла об одобрении парламентской системы и рыночной экономики в принципе, то тогда можно было сказать, что единство Германии уже достигнуто. Если же в поле зрения оказывалось психологическое состояние или умственный кругозор, то тогда до полного единства было еще далеко. При этом казалось вполне вероятным, что только поколение, рожденное после 1990 г., сможет считать единство Германии естественным и исходить из него как из данности. И хотя вердикты вроде того, что единая Германия «оказалась химерой», являются явным преувеличением, региональные различия «Запад-Восток», аналогичные глобальному делению на Север и Юг, по всей видимости, будут существовать еще довольно долго.

В поисках «нормальной» идентичности

После неожиданной реставрации национального государства немцы вдруг оказались перед вопросом, кем они сами себя считают, какой политики они придерживаются и какую роль они должны играть в мире. Центральной темой стала культура памяти, поскольку именно в ней сталкивались различные импульсы признания невиновности, с одной стороны, и обвинений в преступлениях нацистского режима, с другой стороны. Недовольные раздробленностью самосознания немцев интеллектуалы

неоконсервативного толка, такие как Бруно Штраус, выступали за решительное возрождение нации, которое должно вернуть немцам естественную гордость за свой народ и внутреннюю сплоченность, а также привести к более жесткой манере поведения на международной арене. Критики левого толка, в частности Юрген Хабермас, опасаясь возврата к радикальному национализму, напротив, предостерегали от возрождения старых идеологий. Умеренные комментаторы, например Рихард Шрёдер, предлагали компромиссное решение, подчеркивая необходимость «демократического патриотизма» как идеального цементирующего элемента для «непростого отечества».

Не менее острыми были и дебаты вокруг наследия ГДР. Жертвы второй германской диктатуры по вполне понятным причинам настаивали на судебном расследовании преступлений коммунистического режима. Многие политики также были заинтересованы в публичной делегитимации правления СЕПГ — для этого анкетная комиссия бундестага проводила слушания сторон. Наконец, некоторые журналисты видели свою задачу в том, чтобы раздуть скандал из историй сотрудничества видных восточногерманских деятелей со «Штази». В ходе этих ожесточенных дебатов выкристаллизовались три основные точки зрения. Противники коммунистического государства заклеймили ГДР как государство произвола и беззакония, которое только с помощью репрессий могло держать под контролем восточногерманское население. Защитники режима настаивали на том, что это был неудавшийся, но по сути благородный эксперимент. И только спустя какое-то время смогла утвердиться более дифференцированная точка зрения, сторонники которой подчеркивали репрессивный характер ГДР, однако указывали на возможность «как бы нормальной» жизни ее граждан. Именно на этой относительной обыденности и держалась диктатура СЕПГ.

Тем не менее опасения зарубежных наблюдателей, связанные с тем, что расследование злодеяний коммунистического государства может отодвинуть на задний план преступления нацистов, оказались напрасными. Конечно, были попытки (например, в речи Мартина Вальзера по случаю вручения ему Премии мира немецкой книготорговли) стереть из памяти вину и ошибки прошлого, однако они не встретили широкой поддержки общественности. Релативизации истории противостояли трагические годовщины — еврейского погрома в так называемую «хрустальную ночь», начала Второй мировой войны, освобождения Освенцима. Эти даты заставляли снова и снова обращаться к теме национал-социализма. Создание главного в Европе мемориала жертвам Холокоста в старой/новой столице — Берлине — также не позволяло забыть о трагическом прошлом. Спровоцированные политиками правого толка дебаты вокруг выставки, посвященной вермахту, имели, скорее, обратный эффект, окончательно предав гласности соучастие армии в преступлениях нацистского режима. Все это позволило социологу Бернхарду Гизену, не впадая в противоречие, констатировать прочно закрепившуюся в интеллектуальной среде «холокостную идентичность».

Другой сферой столкновения разных точек зрения на то, что должно считаться новой нормой после объединения, была внутренняя политика. При этом прогноз последнего премьер-министра Восточной Германии Лотара де Мезьера относительно того, что объединенная Германия будет более восточной, более протестантской и более социалистической, не сбылся, так как отработанные модели старой ФРГ оказались на удивление стабильными. Утаив размеры ожидаемых затрат, Гельмут Коль в предвыборной борьбе в декабре 1990 г. сумел разыграть процесс объединения в свою пользу и добиться убедительной победы «черно-желтой» коалиции. Министром иностранных дел стал Ханс-Дитрих Геншер (СвДП).

Популярное еще год назад гражданское движение раскололось, отчасти растворившись в западных партиях, а отчасти объединившись в «Союз 90», который по мере сил пытался сотрудничать с «зелеными». Таким образом, de facto представительство восточногерманских интересов взяла на себя посткоммунистическая Партия демократического социализма. Коалиция ХДС/СвДП восприняла свою безоговорочную победу на выборах как подтверждение успешного переноса западных институтов на Восток и не воспользовалась возможностью совместного построения нового общества.

Дата выборов	02.12 1990	16.10 1994	27.09 1998	22.09 2002	18.09 2005
Явка избирателей	77,8	79,0	82,2	79,1	77,7
Общее количество мест в бундестаге	662	672	669	603	614
ХДС/ХСС (%) Количество мест	43,8 319	41,5 294	35,1 245	38,5 248	35,2 226
СДПГ (%) Количество мест	33,5 239	36,4 252	40,9 298	38,5 251	34,2 222
СвДП (%) Количество мест	11,0 79	6,9 49	6,2 43	7,4 37	9,8 61
Партия «зеленых» (%) Количество мест	0,38 -	7,3 49	6,3 47	8,6 55	8,1 51
ПДС/Левая партия (%) Количество мест	0,24 17	0,44 30	5,1 36	0,40 2	8,7 54

Источник: Интернет-портал URL: http://wispor.de (15.10.2005).

Это решение придало дальнейшей политике правительства скорее реставрационный характер, так как ставка делалась не столько на поиск новых решений, сколько на поддержание прежних моделей. Сначала бундесканцлеру Колю удалось укрепить свою власть за счет системы

личной зависимости, которая безжалостно отстраняла от дел потенциальных соперников в рядах партии, как это произошло, в частности, с генеральным секретарем Хайнером Гайсслером, придерживавшимся либеральных взглядов. Выступавшая как бы в роли противника объединения оппозиционная СДПГ после отставки Оскара Лафонтена была слишком слабой и не представляла угрозы для канцлеровской демократии аденауэрского толка. В экономике Коль, с одной стороны, отдал дань неолиберальным веяниям того времени: провел умеренную налоговую реформу и приватизацию отдельных госпредприятий, в частности почты Германии. С другой стороны, он пошел на уступки представителям социального направления в политике, в частности Норберту Блюму, и ввел пособие для людей, нуждающихся в социально-медицинском уходе, что легло дополнительной нагрузкой на социальный бюджет страны. Благодаря незначительному улучшению конъюнктуры в 1994 г. Колю еще раз удалось отстоять свои позиции во власти.

Однако через четыре года по итогам вотума избирателей правительство было смещено, на его место пришла окрепшая оппозиция, и шестнадцатилетнее правление Коля наконец закончилось. В последние годы консерватизм и инертность канцлера, поставившего рекорд по продолжительности правления, усугублялись еще и утратой чувства реальности. Его полные оптимизма речи не могли скрыть ни медленных темпов восстановления восточных земель, ни растущие показатели безработицы, ни стагнацию экономической конъюнктуры. Благодаря предвыборной кампании, блестяще организованной по американскому образцу, СДПГ удалось привлечь значительное число избирателей на сторону «нового центра», который ставил своей целью форсированную модернизацию страны. Динамичный дуэт Герхарда Шрёдера и Йошки Фишера обещал интересный, урбанистический стиль политики, контрастирующий с мелкобуржуазным

стилем Коля. Так что результатом выборов 1998 г. стала однозначная победа «красно-зеленого» союза, и долго остававшееся у власти поколение тех, кто в молодости еще застал гитлеровский режим*, уступило место поколению 1968 г. (см. таблицу с результатами выборов в бундестаг).

Вначале те, кто возлагал большие надежды на коалицию СДПГ и «зеленых» и их план проведения давно назревшей либерализации немецкого общества, были разочарованы. Пребывая долгое время в оппозиции, новые партии власти не были подготовлены к самостоятельному правлению, так что вскоре в их действия вкрались технические ошибки, что создавало впечатление хаоса. В экономической политике «красно-зеленое» правительство умудрилось отказаться даже от тех незначительных отчислений на социальную сферу, которые ввел в свое время Коль. Как стало ясно в скором времени, это было ошибкой. Многие проекты реформ, особенно те, за которые выступали «зеленые», отпугнули недавно появившихся сторонников, заставив их снова обратиться к политическому центру. Постепенное повышение цен на бензин из-за экологического налога пришлось не по душе многим владельцам автомашин; запланированный отказ от использования атомной энергии вызвал обеспокоенность малообеспеченного населения в связи с возможным подорожанием энергии, а разрешение однополым партнерам вступать в брак шокировало представителей традиционной рабочей среды. Расплачиваться за все эти законопроекты пришлось поражениями на выборах в ландтаги, что в конечном итоге привело к утрате большинства мест в бундесрате. Обаяние «медийного канцлера», легко находившего контакт с журналистами, и

* Flakhelfer-Generation (дословно): поколение тех, кто, будучи несовершеннолетним, служил во вспомогательных силах ПВО рейхсвера. — *Примеч. перев.*

популярность министра иностранных дел не могли скрыть нестабильность их политического курса.

Тем не менее новый закон о гражданстве и изменение положений об иммиграции доказали, что «красно-зеленое» правительство в состоянии провести в жизнь важные преобразования. В этом вопросе столкнулись широко распространенные страхи перед засильем иностранцев в стране и сильное стремление к мультикультурной открытости. Министр внутренних дел Шили (СДПГ) придерживался более ограничительного курса, тогда как «зеленые» настаивали на изменениях. Проект закона о разрешении двойного гражданства провалился в результате популистской кампании по сбору подписей несогласных, проведенной Роландом Кохом (ХДС) в ходе предвыборной борьбы в Гессене. Поэтому компромиссная модель, выработанная после долгих переговоров с оппозицией, предусматривала временные ограничения. Она упрощала процедуру натурализации и давала возможность иностранцам, рожденным в Германии и не достигшим 23-летнего возраста, получить немецкое гражданство. Не менее сложной оказалась разработка нового закона об иммиграции, который должен был регулировать приток иностранцев и упрощать процесс их интеграции в немецкое общество. Несмотря на ограничения в сфере действия, оба эти закона были необходимы для дальнейшей модернизации Германии.

Другой важной темой политических дебатов была направленность внешней политики Германии после восстановления полного суверенитета. Критики, ставившие во главу угла национальные интересы, проявляли недовольство стремлением Германии забыть о собственном могуществе («Machtvergessenheit») и требовали «реалистичного» отстаивания немецких интересов, тогда как интернационалисты защищали концепцию «гражданской власти» и многостороннего взаимодействия. В политике по отношению к Европе возобладала традиционная для

Германии направленность на поддержку интеграционного процесса. В этой связи следует упомянуть в первую очередь ратификацию Маастрихтского договора в 1993 г., который стал решающим шагом в направлении политической и экономической интеграции Европы. В этом договоре речь шла о создании валютного и экономического союза, о введении единого европейского гражданства, расширении компетенции общеевропейской внешней политики и политики в сфере обеспечения безопасности, а также о демократизации процесса принятия решений. Следующим этапом европейской политики Германии стало введение единой европейской валюты, ради которой пришлось пожертвовать даже символом экономического чуда — немецкой маркой, компенсировав эту утрату размещением Европейского центрального банка во Франкфурте-на-Майне. Однако негативный результат референдумов по европейской конституции весной 2005 г. не оправдал надежд на скорейшее растворение вновь обретенного национального государства в европейской супердержаве.

Тем не менее за рубежом с опаской наблюдали за тем, как, несмотря на формальное сохранение многостороннего сотрудничества, Германия завоевывала господствующее положение в Европейском регионе. Отчасти это объяснялось крупными, явно превосходящими финансовое участие других западных стран инвестициями немецкой экономики в соседние восточноевропейские государства. Однако, с другой стороны, это также было связано с расширением НАТО на восток, когда периметр безопасности отодвинулся к восточной границе Польши, и традиционно центральное положение Германии в Европе было восстановлено. Этот эффект усилился также за счет большей открытости ЕС по отношению к своим соседям в Центрально-Восточной Европе. Эта политика добрососедства активно поддерживалась Германией, и хотя в краткосрочной перспективе она стала причиной

некоторых затруднений в работе зарплатоемких предприятий, на будущее она обеспечила обширный «хинтерланд» для немецкого рынка и производства. Распространение западных структур на территорию бывшей советской империи требовало определенных гарантий, обеспечить которые можно было за счет более интенсивных связей с Россией. И хотя в бывших советских республиках налаживание контактов с Германией порой вызывало тяжелые воспоминания о военном времени, в целом этот процесс проходил на удивление спокойно.

Гораздо больше противоречий и конфликтов вызвало участие сил бундесвера в операциях за пределами ФРГ, так как это означало прекращение политики воздержания, проводимой Германией после Второй мировой войны. Явная антивоенная направленность конституции, подчеркнутая в ограничительном толковании во время войны во Вьетнаме, стала высоким барьером, который был преодолен Федеральным конституционным судом лишь в июле 1994 г. Именно тогда было принято решение, устанавливавшее новый принцип применения конституции и открывавшее путь для новой военной политики при контроле со стороны парламента. Осенью 1995 г. правительство Коля впервые разместило немецкие миротворческие части под мандатом ООН в Боснии и Герцеговине. Весной 1999 г. «красно-зеленое» правительство, после тяжелых внутренних дискуссий, наконец преодолело сомнения и отправило немецкие части в Косово, чтобы остановить геноцид албанцев. После событий 11 сентября 2001 г. Берлин послал отряды специального назначения для участия в операции против талибов в Афганистане. Однако, в отличие от политики великодержавного милитаризма, все эти акции были частью активной миролюбивой политики, направленной на гуманитарную помощь и предотвращение войн.

Самым сложным и спорным моментом было выражение своих собственных интересов, так как на карту

были поставлены долгосрочные отношения с другими странами и прежде всего с США. Вашингтон уже был разочарован отказом немцев участвовать в первой войне в Ираке, хотя Бонн и пытался загладить это упущение финансовой поддержкой. Тем более болезненно Джордж Буш-младший воспринял отрицательную реакцию Шрёдера на вторую иракскую войну. Она проявилась не только в апеллировании к антиамериканским чувствам в ходе предвыборной кампании в Германии, но и в критике лживых оправданий превентивной войны, которую вела «коалиция послушных». Изоляции, которую предрекали Германии беспрекословно преданные друзья Америки, удалось избежать благодаря сотрудничеству с Францией, Россией и даже Китаем. Однако первая серьезная попытка Берлина самостоятельно решать вопросы, связанные с важнейшими интересами Германии, вызвала глубокое недовольство поджигателей войны в среде вашингтонских неоконсерваторов. Они со своей стороны выразили несогласие с тем, чтобы предоставить Германии постоянное место в Совете Безопасности ООН. Таким образом, во внешней политике возврат к нормальному статусу тоже был затруднен, так как любой шаг к самостоятельности в стиле или содержании немецкой политики наталкивался на ограничения.

В ловушке глобализации

Наконец, еще одним измерением, определившим развитие Германии после объединения, было преодоление экономических и социальных трудностей, связанных с глобализацией. По иронии судьбы сравнительная успешность «немецкой модели» привела к тому, что рейнский капитализм мог довольно долго откладывать необходимые реформы и даже не пытаться решить назревавшую проблему на протяжении двадцати лет. При этом резкий скачок цен на нефть и коллапс международной валютной

системы в 1973 г. были серьезным предупреждением о том, что экономический рост уже не будет происходить сам по себе. Тогда бундесканцлеру Гельмуту Шмидту удалось справиться с первым кризисом благодаря жесткой экономии, целенаправленным мероприятиям по оживлению конъюнктуры и ограничению колебаний курса европейских валют. Однако после второго нефтяного шока в 1979 г. показатель остаточной безработицы перевалил за отметку 2 миллиона, и только в 1980-е гг. Гельмут Коль сумел своими неолиберальными реформами еще раз оживить конъюнктуру. В конце концов объединение Германии и связанные с ним дополнительные нагрузки окончательно обнажили структурные недостатки немецкой экономики.

Работая с отдельными последствиями этой экономической неустойчивости, немецкие политики часто не замечали того, что стремительное усиление товарообмена, коммуникации и финансовых трансфертов является частью более общего процесса глобализации. Прорыв в высоких технологиях и прежде всего в микроэлектронике привел к возникновению инновационных отраслей промышленности, которые — через рационализацию управления производственными процессами — оказали большое влияние и на другие отрасли. Изобретение и развитие технических приборов, таких как телевизор, персональный компьютер и мобильный телефон, существенно расширили горизонты коммуникации. Популярная культура способствовала тому, что мир стал восприниматься как «глобальная деревня». Устранение таможенных барьеров сначала внутри Европы, затем между Европой и Америкой и, наконец, во всем мире, а также снижение расходов на транспортировку товаров массового потребления, что стало возможным благодаря использованию контейнерных судов, привели к невероятному росту товарообмена за последние десятилетия. Зависимость от местонахождения производства исчезла. Наконец, все

большая внутренняя и международная дерегуляция финансовых потоков упростила глобальное планирование *инвестиционных решений и трансфертов прибыли*. Охватившие весь мир новые связи коренным образом изменили контекст развития национальных экономик.

Объединенная Германия была готова к этим изменениям лишь отчасти. Сравнительно высокое число патентов свидетельствовало о том, что здешние инженеры еще вполне плодовиты — однако внедрение их изобретений в производство было затруднено из-за закосневших структур в промышленности. Поскольку в новых технологиях IT-сферы немцы не сумели занять лидирующую позицию, им пришлось ограничиться уровнем medium high *technology (технологиями среднего уровня)*, применяемых, в частности, в машиностроении. Так как деловая коммуникация велась преимущественно на английском языке, немецкие фирмы могли выжить на международном рынке только в том случае, если решительно переходили на английский язык. Открытие международных рынков было выгодно для немецких экспортеров, однако продать свою, как правило, дорогую продукцию они могли только благодаря преимуществам в качестве или дизайне. Снижение транспортных расходов поначалу позволяло сохранить местное производство, однако в конце концов *неизбежно вело к перенесению производственных мощностей за пределы страны*. Наконец, ориентированный на промышленность банковский сектор оказался слишком консервативным и не способным к извлечению прибыли от глобальных спекуляций.

Резкое увеличение конкуренции открыло новые возможности перед наиболее предприимчивыми бизнесменами, но в то же время привело к банкротству многих прежде успешных в своей отрасли фирм. Благодаря своей лидирующей позиции в Евросоюзе, некоторые крупные концерны стали мировыми лидерами в своей отрасли, как, например, Сименс или Даймлер-Крайслер. Для них

характерно создание рабочих мест за границей и производство значительной части прибыли за пределами Германии. В отличие от них, такие отрасли, как бытовая радиоэлектроника или производство фото- и видеокамер, последовали примеру горно-металлургической и текстильной промышленности и почти полностью исчезли из Германии, поскольку производственный процесс в пороговых странах был намного дешевле, а качество не хуже. Одновременно с этим новая философия менеджмента — ориентация на повышение акционерной стоимости компании (Shareholder Value Management) привела к кратковременной максимизации прибыли за счет рационализации, т. е. дальнейшего сокращения работников. Для фирм перемещение производства в страны с более низким уровнем заработной платы приносило дополнительную прибыль, но для самой Германии это означало сокращение рабочих мест. Не удивительно, что те работники, кого непосредственно затронули сокращения, воспринимали глобализацию как угрозу.

Общественная дискуссия, вызванная этими изменениями, вращалась главным образом вокруг причин «утраты конкурентоспособности». Некоторые факторы, которые поначалу способствовали успешному экономическому развитию, например, тесное сотрудничество работодателей с наемными работниками, теперь, как оказалось, препятствовали дальнейшему развитию. Система образования, нуждавшаяся в большем финансировании и кардинальном оздоровлении, не могла обеспечить инновационный прорыв в немецкой экономике. Сокращение рабочей недели в среднем до 35 часов, продолжительные отпуска и многочисленные праздничные дни в совокупности привели к тому, что немецкие рабочие работали намного меньше своих конкурентов. Обременение трудовых доходов налогами, идущими на финансирование многочисленных функций немецкого социального государства, также оказалось контрпродуктивным, так как,

наряду с сокращенным рабочим временем, это сильно увеличивало себестоимость продукции в трудоемких отраслях экономики. Наконец, удерживать лидерство по показателям производительности и качества было крайне сложно, так как общее изменение системы ценностей привело к разрушению традиционной трудовой морали. Таким образом, во многих областях экономики Германия, по всей видимости, уже не выдерживала международной конкуренции.

Результатом обострения конкуренции и перемещения производственных мощностей за пределы страны стала прогрессирующая деиндустриализация, парализовавшая не только отдельные предприятия, но и целые отрасли. Так, в западногерманском городе Крефельде — когда-то крупнейшем производителе шелка — коллапс текстильной промышленности привел к тому, что в городе не осталось ни одной фирмы, которая бы занималась производством тканей непосредственно в Крефельде. В Рурском регионе, считавшемся когда-то промышленным сердцем Европы, большинство надшахтных копров стоят без дела, и лишь редкие сталевары еще льют сталь, разбрасывая искры в вечернее небо. В среднегерманском «химическом треугольнике» покрываются ржавчиной многокилометровые трубопроводы, а между цехами растет трава. С одной стороны, остановка этих промышленных предприятий уменьшила нагрузку на окружающую среду, однако сокращение рабочих мест вызвало раскручивание спирали негативных последствий и привела к запустению целых районов. Из-за низкой покупательной способности закрылись магазины, из-за снижения государственных доходов от налогов в упадок пришли общественные учреждения. Из-за отсутствия работы люди уезжали, и сотни квартир оставались пустыми.

Из-за сокращения рабочих мест возросла остаточная безработица, которая не уменьшалась и при кратковременных конъюнктурных улучшениях. В Западной Германии

доля безработных за десять лет после объединения возросла до 9%, в Восточной Германии почти пятая часть трудоспособного населения не имела работы (см. таблицу на с. 508)! Традиционные методы социального государства были бессильны против этих структурных трансформаций, поскольку изначально они ориентировались на временное увольнение и государственное посредничество в поиске нового места работы. Предложенные с благими намерениями программы переквалификации или временного трудоустройства помогли некоторым людям начать новую трудовую жизнь, однако с их помощью нельзя было решить проблему в целом — до тех пор пока число рабочих мест продолжало сокращаться вследствие рационализации производства или перемещения производственного процесса за пределы Германии. Помимо всего прочего, высокие социальные отчисления и закон о защите от немотивированного увольнения препятствовали формированию низкооплачиваемого сектора на рынке труда. Фирмы не хотели нанимать новых сотрудников, опасаясь постоянных выплат и расходов, связанных с фондом заработной платы, и люди в поисках работы были вынуждены устраиваться нелегально. Проведенное под давлением профсоюзов повышение заработной платы и заинтересованность предпринимателей в снижении издержек привели к тому, что все большее число людей оказывалось за пределами рынка труда.

Нет ничего удивительного в том, что в конечном итоге затраты на преодоление последствий глобализации оказались не по плечу социальному государству. Дотации на объединение и социальные выплаты по безработице, резко увеличившейся вследствие глобализации, создали дефицит в тщательно выверенной социальной кассе. Этот дефицит пришлось компенсировать из общебюджетных средств. Однако по причине замедленного — с начала 1990 г. — экономического роста налоговые поступления не поспевали за необходимыми социальными выплатами,

что вынуждало Германию все чаще брать кредиты. Попытки консолидировать бюджет за счет сокращения социальных выплат, как правило, приводили к неистовым протестам со стороны тех, кто лишался прежних дотаций, так что ни одна из партий не решалась на радикальные меры. Увеличение расходов в виде процентов по долговым обязательствам снижало инвестиционную активность государства, т. е. препятствовало улучшению конъюнктуры с помощью государственных программ. Одновременно с этим новая крупная задолженность повлекла за собой предупреждение со стороны Брюсселя относительно несоблюдения критериев стабильности.

Уровень безработицы в 1991–2004 гг.

	Бывшая ФРГ	Бывшая ГДР	Германия в целом
1991	6,3	10,3	7,3
1992	6,6	14,8	8,5
1993	8,2	15,8	9,8
1994	9,2	16,0	10,6
1995	9,3	14,9	10,4
1996	10,1	16,7	11,5
1997	11,0	19,5	12,7
1998	10,5	19,0	12,3
1999	9,9	19,5	11,7
2000	8,7	18,8	10,7
2001	8,3	18,9	10,3
2002	8,7	19,5	10,8
2003	9,3	20,1	11,6
2004	9,4	20,1	11,7

Источник: Федеральная служба труда.

Реакцией политиков на множащиеся проблемы был своеобразный паралич: необходимость реформ была очевидна, однако никто не хотел отпугивать решительными мерами электорат. Еще в 1982 г. министр финансов Манфред Ланштайн (СДПГ) пришел к такому выводу: «Попытки установить высокий уровень благосостояния и услуг социального государства независимо от успехов экономики обречены на провал». Тогда же и лидер СвДП Ламбсдорф требовал принять решительные меры по преодолению «низких темпов роста экономики и по борьбе с безработицей», однако в этом направлении были сделаны только самые первые шаги. Не было недостатка и в предупреждении об ошибочных способах хозяйствования, в частности, о том, что необходимо урезать множащиеся выплаты и услуги социального государства и освободить скованного бесчисленными бюрократическими правилами гиганта, чтобы иметь хоть какие-то шансы выстоять в международной конкуренции. Постепенно и общественность приходила к пониманию того, что для восстановления конкурентоспособности немецкой экономики необходимы кардинальные либеральные реформы.

Однако политическая реализация этих реформ застопорилась почти на двадцать лет. Еще до объединения правительство Гельмута Коля предприняло первую попытку сократить расходы на социальные выплаты, консолидировать бюджет и устранить некоторые препятствия для здоровой конкуренции, однако с ускорением темпов экономического роста оно снова отказалось от этой идеи. Десятилетие спустя «черно-желтая» коалиция сделала второй заход, разрешив приватизацию государственных предприятий, в частности «Телекома» и почты. Однако любая попытка урезать государственные дотации, сократить налоговые льготы или уменьшить число бюрократических правил и инструкций наталкивалась на решительное сопротивление со стороны СДПГ

и профсоюзов, которые отстаивали привилегии своей клиентуры. Так, например, давно назревшая отмена установленного государством времени закрытия магазинов превратилась в настоящую трагикомедию, над которой смеется международная общественность и которая лишь ненамного приблизилась к завершению после постепенного введения учреждений розничной торговли. На абстрактном уровне жители Германии убеждены в необходимости коренных и потому болезненных изменений, однако когда дело касается лично их, они упорно не соглашаются на какие-либо преобразования.

И лишь в предложенной Шредером в 2003 г. «Повестке дня 2010», в которой он попытался объединить конкуренцию и солидарность, правительство Германии действительно вплотную подошло к комплексному реформированию экономики. После того как стало ясно, что отдельные, половинчатые меры не приводят к конъюнктурному взлету, канцлер был вынужден начать действовать, так как, вступая в эту должность, он пообещал сократить уровень безработицы в два раза. С одной стороны, он сосредоточил свои усилия на оживлении бюрократического аппарата служб занятости. В результате реструктуризации они были превращены в более эффективные посреднические агентства. С другой стороны, следуя рекомендациям комиссии под руководством директора по персоналу концерна «Volkswagen» Петера Хартца, он попытался создать новые стимулы для устройства на работу, ограничив по времени срок выплаты сравнительно высокого пособия по безработице и уменьшив его размер до уровня социальной помощи. Однако эти усилия не принесли желаемых результатов. Число безработных снова возросло и превысило 5,2 миллиона, так как теперь на учет службы занятости встали целые коммуны получателей социальной помощи. Массовые протесты против плана «Хартц IV» привели к расколу в лагере социал-демократов и отделению левого крыла.

Расплачиваться за этот неверный ход «красно-зеленой» коалиции пришлось серией поражений на выборах в ландтаги и поражением на досрочных выборах в бундестаг в сентябре 2005 г. В ходе предвыборной кампании только СвДП выразила безоговорочную готовность к радикальным изменениям в экономике, однако за ней закрепилась репутация «партии состоятельных людей». ХДС под председательством Ангелы Меркель также смело требовал продолжения реформ, но он допустил серьезную тактическую ошибку, заявив о необходимости повышения налога на добавочную стоимость и включив в свою команду активного сторонника единого налога, профессора Киррхофа. Недовольство наемных работников подобными планами ХДС отбросило его на несколько позиций назад. СДПГ и «Зеленые» объявили об ошибочности своих собственных прежних попыток реформирования и вступили в полемику с «социальным безразличием» будущего «черно-желтого» правительства. В наибольшем выигрыше оказалась новая Левая партия, основанная в 2005 г. и объединившая в себе Партию демократического социализма и разочаровавшихся западногерманских левых. На волне всеобщего недовольства она стала третьей партией в немецком парламенте. В возникшей после выборов патовой ситуации стало очевидным расхождение между пониманием того, что реформы необходимы, и недостаточной волей к их осуществлению.

Перспективы Берлинской республики

Противоречивость периода, начавшегося крахом коммунистической системы и продолжавшегося около пятнадцати лет, указывает на то, что, по всей вероятности, речь здесь идет о переходном этапе, когда еще слышны отголоски старых проблем, но уже прослеживаются и новые тенденции. Резкий переход от разделенности к единству

страны принес людям свободу, но в то же время вселил в них неуверенность в завтрашнем дне: диктатуре СЕПГ пришел конец, однако и старая ФРГ канула в Лету. Переезд правительства из Бонна, этого университетского города на берегу Рейна, в старую прусско-германскую метрополию Берлин сигнализировал о конце эпохи мирного провинциализма, но в то же время воссоединение Германии символизировало увеличение ее ответственности в Европе и в мире. Окончание рекордного по продолжительности правления канцлера Гельмута Коля привело к давно назревшей смене поколений в политике, но в то же время заставило идеологов «красно-зеленой» коалиции искать реалистичные способы решения правительственных задач. Введение немецкой марки в землях бывшей ГДР вызвало лишь кратковременный подъем, а затем давление со стороны международной конкуренции привело к стабильно низким темпам экономического роста.

Если сейчас оглянуться назад и попытаться дать предварительную оценку этому периоду, то мы окажемся перед своеобразным переплетением удач и просчетов, окончательная оценка которых будет зависеть от дальнейшего развития. С одной стороны, удивляет стабильность общественно-гражданских достижений Западной Германии после присоединения к ней бывшей ГДР. Негативный опыт «демократического централизма» с СЕПГ во главе подтвердил преимущество парламентской демократии западного типа. После укрупнения Германии «культура сдержанности» продолжала определять ее внешнюю политику. Квазисемейная, домашняя теплота, якобы присущая коммунистической «патерналистской диктатуре», не могла стать реальной альтернативой социально ориентированной конкурентно-рыночной экономике. Не оправдались и опасения зарубежной общественности, связанные с тем, что за «переработкой» коммунистического гнета трагедия Холокоста может отойти на второй план. И хотя на ключевые позиции выдвигались также поли-

тики, чьи общественно-политические взгляды формировались еще в ГДР, как, например, Матиас Платцек, унаследованное от ФРГ самовосприятие Германии оказалось на удивление жизнестойким.

С другой стороны, страна по-прежнему находится в состоянии застоя и ужасающей психологической неготовности к реформам, обусловленной консервативным мышлением в категориях социальной стабильности. Ввиду низких показателей рождаемости — 1,3 ребенка на одну женщину — и прогрессирующего старения населения финансировать пенсионный фонд на прежнем уровне становится все сложнее. Клиентелизм основных народных партий приводит к формированию чисто потребительского менталитета у широких масс населения, когда люди спешат воспользоваться максимальным количеством льгот от социального государства, не думая о последствиях. Практика неокорпоративизма, ориентированная на консенсус и пытающаяся учесть интересы всех общественных сил, без необходимости усложняет процесс принятия решений по переустройству социально ориентированной рыночной экономики. В то же время к издержкам федерализма относится превращение бундесрата в инстанцию с правом вето, а расхождения между большинством двух палат парламента затрудняет законодательный процесс. И хотя постепенно политики и общество приходят к пониманию того, что коренные изменения необходимы, ни одна социальная группа пока, по-видимому, не готова отказаться от своих привилегий. Для преодоления различных факторов, блокирующих реформаторские начинания, необходимо приложить огромные усилия.

Несмотря на это, находящаяся в процессе становления Берлинская республика постепенно, в процессе решения актуальных задач укрепляет свое самосознание, что проявляется в том числе в монументальной архитектуре правительственного района. Поскольку настоящую

дружбу нельзя купить путем полного самоотречения, давно назрела необходимость более решительно отстаивать свои интересы на международной арене — в первую очередь, конечно, в Брюсселе, но также и в Вашингтоне. В то же время от Германии по-прежнему требуется военное участие в многосторонних миротворческих акциях, направленных на защиту — при необходимости и с оружием в руках — прав человека в кризисных регионах. Несмотря на завистнические настроения некоторых конкурентов, успехи немецких фирм-экспортеров вполне оправданны, так как они хоть как-то обеспечивают занятость в самой Германии и создают новые рабочие места за границей. Наконец, новая волна популярности немецкого языка и культуры также является безусловно положительной тенденцией, если только при этом транслируется не искусственно приукрашенный образ Германии, а ее реалистичный портрет со всеми светлыми и темными сторонами.

Формирование «большой коалиции» осенью 2005 г. дало Германии еще один шанс путем активного реформирования создать более устойчивую базу для того, чтобы отвечать растущим требованиям современности. То, что пост канцлера теперь занимает восточногерманский политик Ангела Меркель, можно считать символичным для «внутреннего единства» страны, потому что она лучше других понимает сложности перехода от плановой к рыночной экономике. Ожидание успешных мер от коалиции главных народных партий может подтолкнуть их к тому, чтобы подняться над мелочным партийным расчетом и искать радикальные решения фундаментальных вопросов, например, распределения функций между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Чтобы наконец-то выйти из состояния стагнации, новое правительство должно решить непростую задачу, а именно найти способ совмещения более высокой конкурентоспособности и социальной ответственности.

Германия, если она хочет выстоять в конкурентной борьбе XXI в., снова должна стать моложе, самостоятельнее и решительнее. И только будущее покажет, смогла ли она использовать те возможности, которые ей дали объединение и европейская интеграция.

Литература

Baring A. Scheitert Deutschland? Abschied von unseren Wunschwelten. Stuttgart 1997.

Czada R., Wollmann H. (Hrsg.) Von der Bonner zur Berliner Republik. 10 Jahre deutsche Einheit. Wiesbaden 2000.

Denke D. (Hrsg.) The Spirit of the Berlin Republic. New York 2003.

Fischer J. Die Rückkehr der Geschichte. Die Welt nach dem 11. September und die Erneuerung des Westens. Köln 2005.

Geyer M., Kurbjuweit D., Schnibben C. Operation Rot-Grün. Geschichte eines politischen Abenteuers. München 2005.

Gross J. Begründung der Berliner Republik. Deutschland am Ende des 20. Jahrhunderts. Stuttgart 1995.

Hennecke H. J. Die dritte Republik. Aufbruch und Ernüchterung. München 2003.

Hoffmann G. Abschiede, Anfänge. Die Bundesrepublik — Eine Anatomie. München 2002.

Jarausch K. H. Die unverhoffte Einheit 1989–1990. Frankfurt a. M. 1995.

Jarausch K. H. Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945–1995. München 2004.

Kitschelt H., Streeck W. (Hrsg.) Germany Beyond the Stable State. London 2004.

Kocka J. Die Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart. Göttingen 1995.

Kohl H. «Ich wollte Deutschlands Einheit». Dargest. von Kai Dieckmann und Ralf Georg Reuth. Berlin 1996.

Nolte P. Generation Reform. Jenseits der blockierten Republik. München 2004.

Süß W. (Hrsg.) Deutschland in den neunziger Jahren. Politik und Gesellschaft zwischen Wiedervereinigung und Globalisierung. Opladen 2002.

Weidenfeld W., Körte K.-R. (Hrsg.) Handbuch zur deutschen Einheit: 1949–1989–1999. Aktual. und erw. Neuausg. Frankfurt a. M. 1999. (Schriftenreihe der Bundeszentrale für Politische Bildung. 363.)

Именной указатель

Август II (Сильный, род. в 1670), король Польши (1697–1733), курфюрст Саксонии (Фридрих-Август I, 1694–1733) *206*
Август Саксонский (род. в 1526), курфюрст (1553–1586) *159*
Агнесса († 1143), дочь Генриха IV *54*
Агнесса Пуату (ок. 1025–1077), супруга императора Генриха III, императрица (1046–1062) *48*
Адальберт I, граф Гозекский (род. ок. 1000), архиепископ Гамбурга и Бремена (1043–1072) *48*
Адельгейда Бургундская (ок. 931–999), супруга Лотаря Итальянского и императора Оттона I, императрица (962–995) *32, 42*
Аденауэр Конрад (1876–1967), политик, член партии ХДС, обербургомистр Кёльна, бундесканцлер ФРГ (1949–1963) *10, 409, 410, 415, 416, 417, 418, 425, 432*
Адольф, граф Нассау (род. ок. 1250), король (1292–1298) *83, 87, 88*
Адриан IV (род. ок. 1110/1120), папа Римский (1154–1159) *62*
Александр III (Роландо Бандинелли, † 1181), папа Римский (1159–1181) *52*
Альбрехт I Габсбург (род. ок. 1255), король (1298–1308) *83, 84, 87, 88, 89*
Альбрехт II (Альбрехт V Австрийский, род. ок. 1397), король (1438–1439) *92, 98, 99, 101, 119*
Альбрехт III Ахилл Гогенцоллерн (род. в 1414), маркграф Бранденбургский (1470–1486) *92, 99, 133, 134*
Альбрехт VI (род. в 1418), эрцгерцог Австрийский (1446–1463) *92, 101*
Альбрехт Бранденбургский (род. в 1490), курфюрст и архиепископ Майнцский (1514–1545) *133, 134*
Альбрехт Фридрих (1553–1618), герцог Пруссии *236*

аль-Камиль (1177/80–1238), айюбидский султан (1218) *70*
Альфонс Кастильский (1221–1284), король Кастилии и Леона (1252–1284), король (1257–1275) *83, 85, 86*
Андропов Юрий Владимирович (1914–1984), глава СССР *467*
Анна Прусская (1576–1625), дочь последнего герцога Пруссии, супруга бранденбургского курфюрста Иоганна-Зигмунда *236*
Анна, принцесса Польская, Чешская и Венгерская (1502–1547), дочь короля из династии Ягеллонов Владислава V, супруга императора Фердинанда I *138*
Анно II (род. ок. 1010), архиепископ Кёльнский (1056–1075) *48*
Арндт Эрнст Мориц (1769–1860), писатель *8, 10, 254*
Арнульф Каринтийский (род. до 850), король восточных франков (887–889), император (896–899) *35*

Бар Эгон (род. в 1922), политик, член СДПГ *433, 434*
Баро Рудольф (1935–1997), журналист *466*
Бебель Август (1840–1913), один из основателей и председатель социал-демократической рабочей партии (1869–1913) *292, 299, 320, 321*
Беккер Рудольф-Захар (1752–1822), народный просветитель, журналист и книготорговец *212, 223*
Бёлль Генрих (1917–1985), писатель, лауреат Нобелевской премии *465*
Бенедикт XII (род. ок. 1285), папа Римский (1334–1342) *84*
Бенн Готфрид (1886–1956), писатель 465
Бернар Клервоский (род. ок. 1190), аббат (1115–1153) *52, 56*
Бернгард Ангальтский (1140–1212), герцог Саксонии (с 1180) *58*
Бертольд IV (род. ок. 1125), герцог Церингенский, наместник короля в Бургундии (1152–1186) *57*
Бертольд Геннебергский (род. в 1441/1442), архиепископ Майнцский (1484–1504) *104, 123*
Биденкопф Курт (род. в 1930), политик, член ХДС, премьер-министр Саксонии (1990–2002) *486*
Бирман (Карл-)Вольф (род. в 1936), поэт и автор-исполнитель 463, 464, 466
Бисмарк Отто фон, князь (1815–1898), министр-президент Пруссии (1861–1890), рейхсканцлер (1871–1890) *7, 282, 285, 290, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 309, 310–318*
Бломберг Вернер (1878–1946), военный министр (1933–1938) *358, 366*
Блюм Норберт (род. в 1935), политик, член ХДС, министр по труду и социальной политике (1982–1998) *497*

Боден Жан (1529–1596), французский правовед, выдающийся политический мыслитель XVI века *195*
Боденштейн Андреас (по прозвищу Карлштадт, ок. 1480–1541), теолог *145*
Бокельсон Ян (по прозвищу Ян Лейденский, 1509–1536), портной, бродячий проповедник, один из руководителей анабаптистской коммуны в Мюнстере *154*
Болей Бербель (род. в 1945), правозащитница *486*
Болеслав I Храбрый (род. в 965/967), герцог Польский (992–1025) *32, 43*
Бонифаций VIII (род. ок. 1235), папа Римский (1294–1303) *84, 86, 88, 89*
Борзиг Август (1804–1854), промышленник *277*
Брандт Вилли (1913–1992), политик, член СДПГ, правящий бургомистр Берлина, министр иностранных дел (1966–1969), бундесканцлер (1969–1974) *10, 417, 425, 426, 432, 433, 434, 437*
Браун Фолькер (род. в 1939), писатель *463*
Брежнев Леонид Ильич (1906–1982), генсек ЦК КПСС и глава Советского Союза (1974–1982) *433, 443, 467*
Бриссо Жак-Пьер (1754–1793), французский политический деятель *250*
Бройн Гюнтер де (род. в 1926), писатель *464*
Бруно (род. ок. 925), архиепископ Кёльнский и герцог Лотарингии (953–965), брат Оттона I *39*
Брюнинг Генрих (1885–1970), политик, член партии Центра, рейхсканцлер (1930–1932) *343, 356*
Буш Джордж У. (род. в 1946), президент США (с 2000) *483, 502*

Вайцзеккер Рихард (род. в 1920), политик, член ХДС, президент ФРГ (1984–1994) *428, 468*
Валленштейн Альбрехт, герцог Фридландский (1583–1634), имперский генералиссимус *165, 172*
Вальдек Франц фон (1491–1553), епископ *154*
Вальзер Мартин (род. в 1927), писатель *465, 495*
Вейсгаупт Адам (1748–1830), основатель Ордена иллюминатов *222*
Вельф VI (ок. 1115–1191), герцог Сполето (1152) *57*
Венер Герберт (1906–1990), заместитель председателя СДПГ (1949–1966), министр по общегерманским вопросам ФРГ (1966–1969) *410, 417*
Венцеслав (1361–1419), король Чехии (1363), король (1378–1400) *91, 95, 96, 97*
Видукинд Корвейский (ок. 925 – после 973), историк *38*

Вильгельм I (род. в 1797), король Пруссии (1861–1888), император (1871–1888) *285, 296, 299, 301, 302, 313*
Вильгельм II (1859–1941), король Пруссии и император (1888–1918) *299, 300, 318, 319, 335, 336, 338, 341*
Вильгельм Оккам (ок. 1285–1347/49), философ и теолог *93*
Вильгельм, граф Голландский (род. в 1227), король (1247/48–1256) *53, 83, 85*
Вильсон Томас Вудро (1856–1924), президент США (1913–1921) *335, 338, 341, 350*
Винекен Густав (1875–1964), педагог *324*
Владислав V (род. в 1471), король Чехии и Венгрии (1490–1516) *112*
Вольф Криста (род. в 1929), писательница *463, 464*
Вольф Кристиан (1679–1754), философ, профессор математики в Галле *218, 220*
Вольфганг Вильгельм фон Нейбург (род. в 1578), пфальцграф (1614–1653) *237*

Гайсслер Хайнер (род. в 1930), политик, член ХДС, министр молодежной и семейной политики и здравоохранения (1982–1985), генеральный секретарь ХДС (1977–1989) *497*
Галилей Галилео (1564–1642), итальянский математик и философ *215*
Галински Хайнц (1912–1992), председатель Центрального совета евреев в Германии *468*
Гарденберг Карл Август фон, барон (1750–1822), прусский министр и реформатор *235, 254, 263, 274*
Гаттинара Меркурио де (1464–1530), канцлер императора Карла V *140*
Гаугвиц Фридрих Вильгельм, граф (1702–1765), австрийский государственный деятель *245*
Геббельс Йозеф (1897–1945), нацистский политический деятель, министр пропаганды (1933–1945) *365, 372, 376, 381*
Гейдрих Райнхард (1904–1942), нацистский политический деятель, начальник тайной полиции и службы безопасности (1936–1942), заместитель протектора в Богемии и Моравии (1941–1942) *380, 382*
Гейне Генрих (1797–1856) *281*
Генрих (VII) (1211–1242), король (1220–1253), король Сицилии (с 1212) *53, 68*
Генрих (Лев, ок. 1129–1195), герцог Саксонский (1142–1181) и Баварский (1154/1156–1181) *52, 55, 57, 58, 64, 66, 67*

Генрих I (род. ок. 875), король (919–936) *32, 37, 38*
Генрих II (род. в 1519), король Франции (1547–1559) *130*
Генрих II (род. в 973), король (1002–1024), император (1014–1024) *32, 43, 44*
Генрих II (Язомирготт, 1114–1177), маркграф Австрийский (1141–1156), герцог Баварский (1143–1156), герцог Австрийский (1156–1177) *57*
Генрих III (род. в 1017), назначен преемником в 1026, король (1039–1056), император (1046–1056) *45, 46, 47*
Генрих IV (род. в 1050), назначен преемником в 1053, король (1056–1106), император (1084–1106) *45, 48, 49, 50, 54*
Генрих IV (род. в 1553), король Франции (1589–1610) *167*
Генрих V (род. в 1081/1086), назначен преемником в 1098, король (1106–1125), император (1111–1125) *45, 50, 51, 54, 67*
Генрих VI (род. в 1165), король (1190–1197), император (1191–1197), король Сицилии (1194–1197) *52, 53, 63, 64, 65*
Генрих VII (род. в 1274/1275), король (1308–1313), император (1312–1313) *84, 89, 90*
Генрих X (Гордый, род. до 1108–1139), герцог Баварский (1126) и Саксонский (1137) *55*
Геншер Ханс-Дитрих (род. в 1927), политик, член СвДП, министр иностранных дел (1974–1992) *11, 495*
Георг Вильгельм (род. в 1595), курфюрст Бранденбургский (1619–1640) *236*
Герберт из Орильяка (впоследствии папа Римский Сильвестр II, род. ок. 950), архиепископ Реймский, папа Римский (999–1003) *42*
Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), теолог, философ и писатель, придворный проповедник и генеральный суперинтендант в Веймаре (1776) *248*
Геринг Герман (1893–1946), нацистский политический деятель, главнокомандующий люфтваффе (1935–1945) *357, 358, 366, 379*
Гесс Рудольф (1894–1987), нацистский политический деятель, вице-председатель НСДАП (1933–1941) *352*
Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832), поэт, государственный деятель в княжестве Саксен-Веймар *6, 248*
Гюйом Гюнтер (1927–1995), помощник бундесканцлера Вилли Брандта (1973–1974), оказавшийся гэдээровским шпионом (разоблачен) *433*
Гильдебранд (впоследствии папа Григорий VII, род. ок. 1020/1025), папа Римский (1073–1085) *45, 47, 49, 50*

Гиммлер Генрих (1900–1945), нацистский политический деятель, рейхсфюрер СС (1929–1945) *366, 375, 380*
Гинденбург Пауль (1847–1934), начальник генерального штаба вооруженных сил Германии (1916–1918), президент (1925–1934) *334, 337, 338, 343, 356, 357, 366*
Гитлер Адольф (1889–1945), «фюрер» и рейхсканцлер (1933–1945) *7, 343, 351, 352, 356, 357, 358, 359, 361, 362, 364, 366, 368, 369, 373, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 386, 388, 396, 397, 416*
Гнайзенау Август Вильгельм Антон (впоследствии граф Нейдгардт фон Гнайзенау, 1760–1831), прусский полководец *254*
Горбачев Михаил Сергеевич (род. в 1931), генсек ЦК КПСС и глава Советского Союза (1985–1991) *11, 468, 469, 471, 472*
Готфрид II (Бородатый, † 1069), герцог Верхней и Нижней Лотарингии (1065) *46*
Гофман Мельхиор (1495–1543), *скорняк, бродячий проповедник* *154*
Гофман фон Фаллерслебен, Генрих (1798–1874), поэт *8*
Грасс Гюнтер (род. в 1927), писатель *465*
Гренер Вильгельм (1867–1939), генерал, министр рейхсвера (1928–1932) *346*
Григорий IX (род. ок. 1170), папа Римский (1227–1241) *53, 70*
Григорий VII см. Гильдебранд
Григорий X (род. ок. 1210), папа Римский (1271–1276) *86*
Гримоальд (род. ок. 615), майордом Австразии (642/643–662) *22*
Грунер Юстус (1777–1820), прусский чиновник *264*
Гумберт из Муайенмутье (впоследствии де Сильва-Кандида, † 1061), архиепископ Сицилийский (1050) *47*
Гус Ян (Иоанн, ок. 1370–1415), чешский реформатор *91, 96, 98*
Густав II Адольф (род. в 1594), король Швеции (1611–1632) *165, 173*
Гуттен Ульрих (1488–1523), *имперский рыцарь, гуманист* *141*

Дениц Карл (1891–1980), гросс-адмирал, командующий военно-морским флотом (1943–1945) *376*
Джонсон Линдон Б. (1908–1973), президент США (1963–1969) *425*
Донаньи Клаус (род. в 1928), политик, член СДПГ, министр *образования и науки* (1972–1974), *первый бургомистр* Гамбурга (1981–1988) *491*
Дучке Рудольф (Руди, 1940–1979), лидер студенческого движения *432*

Дьердь II Ракоци (род. в 1621), князь Трансильвании (1648–1660) *210*

Евгений III († 1153), папа Римский (1145–1153) *52*
Евгений, принц Савойский (1663–1736), австрийский полководец, генералиссимус и государственный деятель *227*
Екатерина II (Великая, урожд. София Августа Фредерика, принцесса Анхальт-Цербстская, род. в 1729), русская императрица (1762–1796) *242*
Елизавета (ок. 1409–1442), королева (с 1438) *98*
Елизавета Петровна (род. в 1709), русская императрица (1741–1762) *242*
Елизавета Чешская (1292–1350), королева Чехии, супруга короля Иоанна (Яна) Чешского *84, 89*
Елизавета-Шарлотта (Лизелотта Пфальцская, 1652–1722), герцогиня Орлеанская, дочь курфюрста Пфальцского Карла-Людвига, супруга герцога Орлеанского Филиппа I *205*

Занд Карл Людвиг (1795–1820), член студенческой корпорации, убийца Августа Коцебу (1819) *263, 273*
Захарий († 752), папа Римский (741–752) *23*
Зеккендорф Вейт Людвиг (1626–1692), государственный деятель, ученый, канцлер герцога Саксен-Готы (1663) и Саксен-Цейца (1664), канцлер университета в Галле (1692) *197*
Зибель Генрих (1817–1895), историк *302*
Зикинген Франц (1481–1523), имперский рыцарь *141*
Зиндерман Хорст (1915–1990), премьер-министр ГДР (1973–1976), председатель Народной палаты (1976–1989) *433, 466, 468*
Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936), российский революционер *337*

Иво (род. ок. 1040), епископ Шартрский (1090–1115/16) *51*
Изабелла I Кастильская (род. в 1451), королева Испании (1479–1504), супруга Фердинанда II Арагонского *139*
Иннокентий III (род. в 1160/1161), папа Римский (1198–1216) *53, 66, 67, 70*
Иннокентий IV (род. ок. 1195), папа Римский (1243–1254) *70*
Иоанн (Parricida, 1290/91–1313) *84, 89*
Иоанн (XXIII, † 1419), папа Римский (1410–1415) *97*
Иоанн III (польск.: Ян Собеский, род. в 1629), король Польши (1674–1696) *211*

Иоанн XXII (род. в 1245), папа Римский (1316–1334) *84*
Иоганн Вильгельм (род. в 1562), герцог Клевский и Клеве-Юлих-Бергский (1592–1609) *236*
Иоганн Георг Бранденбургский, евангелический епископ Страсбурга (1592) *159*
Иоганн Сигизмунд (род. в 1572), курфюрст Бранденбургский (1608–1619) *236*
Иоганн Фридрих (1503–1554), курфюрст Саксонский (1532–1547) *130*
Иосиф I (род. в 1678), король (1690–1711), император (1705–1711) *201, 208, 212*
Иосиф II (род. в 1741), король (1764–1790), император (1765–1790) *235, 244, 246, 247*
Иосиф Фердинанд (1692–1699), курпринц Баварии, сын курфюрста Баварского Максимилиана II Эммануила *203, 207*

Йержи из Подебрад (род. в 1420), король Чехии (1458–1471) *92, 101*
Йонсон Уве (1934–1984), писатель *465*
Йорк фон Вартенбург, Людвиг, граф (1759–1830), прусский фельдмаршал *254*
Йошт Моравский (род. в 1354), король (1410–1411) *91, 97*

Кайзер Якоб (1888–1961), политик, член ХДС, министр по общегерманским вопросам ФРГ (1949–1957) *416*
Каликст II (граф Гвидо, † 1124), папа Римский (1119–1124) *45*
Кальвин Жан (Жан Ковен, 1509–1564), реформатор *152*
Кампе Иоахим-Генрих (1746–1818), педагог, лингвист *223*
Кант Иммануил (1724–1804), философ *212, 217, 219*
Капп Вольфганг (1858–1922), генеральный директор земельного управления Пруссии (1906–1920) *346*
Карл I (Великий, род. в 747), король франков (768–814), император (800–814) *6, 16, 24, 33, 138*
Карл I Анжуйский (род. в 1226), король Сицилии (1266–1285) *70*
Карл II (Лысый, род. в 823), король восточных франков (838–877), император (875–877) *16, 31*
Карл III (Толстый, 839–888), король восточных франков (876–887), император (881–887) *31, 34, 35*
Карл II (род. в 1661), король Испании (1665–1700) *203, 207, 208*
Карл (Смелый, род. в 1433), герцог Бургундский (1467–1477) *92, 101, 102*

Карл III (Простоватый, 879–929), король восточных франков (893/898–923) *32, 36, 37, 38*
Карл IV (род. в 1316), король (1346–1378), король Чехии (1346–1378), император (1355–1378) *91, 93, 94, 95, 98*
Карл V (1500–1558), король Испании (1516–1556), король и император (1519–1556) *111, 130, 131, 132, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 148, 149, 150, 155, 160, 174, 208*
Карл VI (род. в 1685), король Испании (под именем Карла III, 1703–1740), император (1711–1740) *201, 208, 238*
Карл VII Альбрехт (род. в 1697), император (1742–1745), курфюрст Баварский (1726–1745) *235, 240*
Карл VIII (род. в 1470), король Франции (1483–1498) *92, 102, 103, 104*
Карл XII (род. в 1682), король Швеции (1697–1718) *206, 207*
Карл Август (род. в 1757), герцог Саксен-Веймарский (1758–1815), правитель Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах (1815–1828) *248*
Карл Альбрехт Баварский, см. Карл VII
Карл Валуа (1270–1325), граф де Валуа, сын Филиппа III *89*
Карл Людовик фон Пфальц-Зиммерн (род. в 1617), курфюрст Пфальцский (1648–1680) *205*
Карл Мартелл (род. ок. 688/689), майордом Франкского королевства (714–741) *16, 23*
Карл Фридрих (1728–1811), маркграф (1738–1803), курфюрст (1803–1806), великий герцог Баденский (1806–1817) *244, 248*
Карломан (предположительно род. в 751), король франков (768–771) *24*
Кассини Джованни Доменико (1625–1712), французский астроном, профессор университета в Болонье *216*
Кауниц Венцель Антон, граф (впоследствии князь Кауниц-Ритберг, 1711–1794), австрийский государственный деятель *241*
Кеннеди Джон Ф. (1917–1963), президент США (1961–1963) *427*
Кеплер Иоганн (1571–1630), астроном *215*
Керенский Александр Федорович (1881–1970), глава Временного правительства (1917) *337*
Кизингер Курт Георг (1904–1988), политик, член ХДС, бундесканцлер (1966–1969) *425, 432, 436*
Кирххоф Пауль (род. в 1943), юрист *511*
Климент III (Виберт Равеннский, род. в 1025), антипапа (1080–1100) *45*
Климент V († 1314), папа Римский (1305–1314) *84, 90*
Климент VII (род. в 1342), папа Римский (1378–1394) *95*

Клей Люциус Д. (1897–1978), американский генерал, военный губернатор американской зоны оккупации в Германии (1947 1949) *427*

Коль Гельмут (род. в 1930), лидер ХДС, бундесканцлер (1982 1998) *11, 467, 468, 469, 482, 483, 485, 487, 495, 496, 497, 498, 501, 503, 509, 512*

Коль Михаэль (1929–1981), дипломат и госсекретарь ГДР *433*

Конрад (III) (1074–1101), король (1087–1098) *50*

Конрад I († 918), король восточных франков (911–918) *32, 36, 37*

Конрад II (род. ок. 990), король (1024–1039), император (1027–1039), король Бургундии (1033–1039) *44, 45*

Конрад III (род. в 1093/1094), антикороль (1127–1135), король (1138–1152) *52, 54, 55, 56, 59*

Конрад IV (род. в 1228), король (1237–1254) *69, 83, 85*

Конрадин (род. в 1252), герцог Швабский (1254–1268) *70, 83*

Констанца Сицилийская (1154–1198), супруга император Генриха VI, императрица (с 1191) *52, 64*

Коцебу Август (1761–1819), драматург и публицист *263, 273*

Кренц Эгон (род. в 1937), генеральный секретарь СЕПГ и председатель Государственного совета (октябрь-декабрь 1989) *469, 473*

Кристиан IV (род. в 1577), король Дании (1596–1648) *165, 172*

Кроне Генрих (1895–1989), политик, член ХДС *431*

Ладислав Постум (род. в 1440), король Венгрии (1440–1457) и Чехии (1453–1457) *92, 100*

Ландсберг 352

Ланштайн Манфред (род. в 1937), политик, член СДПГ, министр финансов и экономики (1982) *509*

Лассаль Фердинанд (1825–1864), публицист, социалист, политический деятель 285, 292, 299, 314

Лафонтен Оскар (род. в 1943), политик, бывший председатель СДПГ, *премьер-министр земли Саар* (1985–1998), министр финансов ФРГ (1998/1999), инициатор создания Левой партии, отделившейся в 2005 г. от ПДС и партии «Альтернативы труда и социальной справедливости» *497*

Лев IX (род. в 1002), папа Римский (1049–1054) *45, 47*

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), ученый и политический философ *221*

Ленин (наст. имя: Ульянов Владимир Ильич, 1870–1924), теоретик коммунизма, русский революционер, председатель Совета Народных Комиссаров (1917–1924) *335, 337, 452, 492*

Леопольд I (род. в 1640), император (1658–1705) *185, 201, 211, 218*
Леопольд II (род. в 1747), великий герцог Тосканы (1765–1792), император (1790–1792) *247, 250*
Леопольд, наследный принц Гогенцоллернов-Зигмарингенов (1835–1905), претендент на испанский престол (1870) *300*
Либкнехт Вильгельм (1826–1900), один из основателей социал-демократической рабочей партии *292, 299*
Либкнехт Карл (1871–1919), политический деятель, социал-демократ, коммунист *342, 351, 468*
Лизола Франц Пауль, барон (1613–1674), австрийский дипломат, в 1638 г. поступил на службу к Фердинанду III *204*
Лотарь I (род. в 795), король франков (814–855), император (817–855) *16, 34*
Лотарь III Суплинбургский (предположительно родился в 1075), король (1125–1137), император (1133–1137) *52, 54*
Людовик II (род. в 1845), король Баварии (1864–1886) *301*
Людендорф Эрих (1865–1937), генерал-квартирмейстер (заместитель начальника генерального штаба, 1916–1918) *334, 338*
Людовик I (Благочестивый, род. в 778), король франков, император (813/814–840) *16, 24, 31*
Людовик II (Немецкий, род. ок. 804), король франков (843–876) *16, 31, 34, 35*
Людовик IV (Баварский, род. в 1283/1287), король (1314–1347) *84, 90, 93*
Людовик IV (Дитя, род. в 893), король восточных франков (900–911) *32, 35, 36*
Людовик XI (род. в 1423), король Франции (1461–1486) *103*
Людовик XIV (род. в 1638), король Франции (1643–1715) *187, 198, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 210, 211, 212, 227*
Людовик XVI (1754–1793), король Франции (1774–1792) *250*
Людольф (930–957), герцог Швабский (949–953) *38*
Люксембург Роза (1870–1919), политик, социал-демократ, теоретик коммунизма *342, 351, 452, 468*
Лютвиц Вальтер, барон (1859–1942), генерал *346*
Лютер Мартин (1483–1546), реформатор *117, 127, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 150, 151, 152, 153, 163*

Мазарини Джулио (род. в 1602), герцог Неверский (1659–1661), французский государственный деятель, кардинал *202*
Макс III Иосиф (род. в 1727), курфюрст Баварский (1745–1777) *240*

Макс, принц Баденский (1867–1929), рейхсканцлер (1918) *335, 341*
Максимилиан I (род. в 1459), король (1486–1519), император (1493–1519) *92, 101, 102, 103, 104, 111, 112, 119, 123, 124, 135, 136, 137, 138, 139, 161*
Максимилиан I (род. в 1573), герцог Баварский (1597–1651), курфюрст (1623–1651) *166, 168, 176*
Максимилиан II (род. в 1527), император (1564–1576) *157, 160, 168*
Мансфельд Эрнст II, граф (1580–1626), полководец *165*
Манфред (род. в 1232), король Сицилии (1258–1266) *70, 83*
Маргарита Бургундская (1480–1530), дочь Максимилиана I, супруга дона Хуана и Филиберта Савойского *112*
Мария Бургундская (1457–1482), наследница бургундских Нидерландов, супруга императора Максимилиана I *92, 101, 102, 123, 138*
Мария Терезия (род. в 1717), королева Венгрии и Чехии, эрцгерцогиня Австрии (1740–1780), дочь и наследница императора Карла VI, супруга императора Франца I *227, 235, 238, 239, 240, 243, 245, 246*
Мария Терезия Австрийская (1638–1683), королева Франции, супруга Людовика XIV *203*
Маркс Карл (1818–1883), философ, теоретик коммунизма, публицист *264, 275, 285, 290, 314, 447, 452*
Марсилий Падуанский (1275/80–до 1342/43), политический философ *93*
Мартин V (род. в 1367), папа Римский (1417–1431) *91, 97*
Мартиниц Ярослав, граф (1582–1649), наместник императора в Праге *169*
Маршалл Джордж Кэтлетт (1880–1959), министр иностранных дел США (1947–1949) *413, 414, 415, 423*
Матвей (род. в 1557), император (1612–1619) *157, 164, 166, 167, 168, 169*
Матвей I Корвин (род. в 1443), король Венгрии (1458–1490) и Чехии (1469–1490) *92, 101, 103*
Маттис Ян (род. в 1534), пекарь, анабаптист, один из лидеров анабаптистской коммуны в Мюнстере *154*
Мезьер Лотарь де (род. в 1939), политик, член ХДС, премьер-министр ГДР (апрель–октябрь 1990) *469, 486, 495*
Мелак Иезекиль, граф († 1709), французский генерал *205*
Меланхтон Филипп (1497–1560), реформатор *130, 141, 152*
Мёллер ванн ден Брук, Артур (1876–1925), консерватор, публицист *323*

Меркель Ангела (род. в 1954), председатель ХДС, бундесканцлер (с 2005) *484, 511, 514*
Меттерних Клеменс Венцель, князь (1773–1859), госканцлер Австрии (1809–1848) *263, 266, 270, 271, 273*
Мехмед IV (1641–1692), турецкий султан (1648–1687) *210*
Модров Ганс (род. в 1928), председатель Совета министров ГДР (ноябрь 1989 – март 1990) *469, 473*
Мольтке Гельмут, граф (1800–1891), начальник генерального штаба (1858–1888) *297, 301*
Муссолини Бенито (1883–1945), дуче, лидер итальянского фашизма (1922–1943) *342, 358, 378*
Мюллер Герман (1876–1931), политик, председатель СДПГ, рейхсканцлер (1920, 1928–1930) *343*
Мюнцер Томас (1490–1524), теолог *145*

Наполеон I (Наполеон Бонапарт, 1769–1821), император Франции (1804–1814/15) *182, 248, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 265, 266, 267, 272, 324*
Наполеон III (1808–1873), император Франции (1852–1870) *285, 300, 301*
Науман Фридрих (1860–1919), политический деятель, либерал, социальный реформатор *347*
Николай II (1868–1918), русский император (1894–1917) *337*

Оттон фон Виттельсбах (род. ок. 1120), герцог Баварский (1180–1183) *58*
Оттокар II Пржемысл (род. ок. 1230), король Чехии (1253–1278) *83, 86, 87*
Оттон I (Великий, род. в 912), король (936–973), император (962–973) *16, 32, 38, 39*
Оттон II (род. в 955), король (961–973), император (973–983) *32, 42*
Оттон III (род. в 980), король (983–1002), император (996–1002) *32, 42, 43*
Оттон IV (род. ок. 1175/1180), король (1198–1218), император (1209–1218) *53, 66, 67*

Папен Франц фон (1879–1969), политик, председатель партии Центра, рейхсканцлер (1932) *343, 356, 357*
Пасхалий II, папа Римский (1099–1118) *45, 50*
Пейтингер Конрад (1465–1547), гуманист *117*
Пертес Фридрих (1772–1843), книготорговец, издатель *262, 264*

Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827), педагог, социальный реформатор *223*
Петен Филипп (1856–1951), французский маршал, военный министр, председатель правительства в Виши (1940–1944) *375*
Петр III (герцог Гольштейн-Готторпский Карл Петер Ульрих, 1728–1762), русский император (1762) *242*
Пий II (Энеа Силвио Пикколомини, род. в 1405), папа Римский (1458–1464) *100*
Пипин (Короткий, род. в 714/715), король франков (751–768) *16, 23, 24*
Пипин (Средний, род. ок. 635), майордом (679–714) *16, 22, 23*
Пиркгеймер Виллибальд (1470–1530), гуманист *117*
Питт Уильям (Младший, 1759–1806), английский государственный деятель, премьер-министр (1783–1800) *242*
Платцек Матиас (род. в 1953), политик, член СДПГ, премьер-министр Бранденбурга (с 2002) *513*
Пленцдорф Ульрих (род. в 1934), писатель *463*
Прейс Гуго (1860–1926), теоретик государственного права, министр внутренних дел (1919) *347*
Пуфендорф Самуил, барон (1632–1694), правовед, историк *112, 191, 193*

Райнальд фон Дассель (род. ок. 1120), рейхсканцлер (1156–1167), архиепископ Кёльнский (1159–1167) *52, 62*
Рат Эрнст (1909–1938), секретарь германского посольства в Париже *372*
Ратенау Вальтер (1867–1922), промышленник, министр иностранных дел (1922) *351*
Рейган Рональд У. (1911–2004), президент США (1981–1989) *468*
Рейхлин Иоганн (1455–1522), гуманист *118*
Рём Эрнст (1887–1934), офицер, начальник штаба SA *357, 362*
Ричард I (Львиное Сердце, род. в 1157), король Англии (1189–1199) *53, 64, 65*
Ричард, граф Корнуэлльский (род. в 1209), король (1257–1272) *83, 85, 86*
Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585–1642), французский кардинал, государственный деятель *167, 174, 176*
Рохов Фридрих Эберхард фон (1734–1805), педагог *223*
Рудольф I Габсбург (род. в 1218), король (1273–1291) *83, 86, 87*
Рудольф II (род. в 1552), император (1576–1612) *157, 160, 164, 166, 167, 168*

Рудольф III (род. ок. 970), король Верхней Бургундии (993–1032) *44, 45*
Рупрехт (род. в 1352), король (1400–1410) *91, 96, 97*
Рузвельт Франклин Д. (1882–1945), президент США (1933–1945) *376, 397*

Сварец Карл Готлиб (1746–1798) *245*
Свидгер (впоследствии папа Климент II, † 1047), епископ Бамбергский (1040), папа Римский (1046–1047) *45, 46*
Сигизмунд (1410–1437), император (1433–1437) *91, 97, 98, 99*
Слават Вильгельм, граф (1572–1652), наместник императора в Праге *169*
Сталин (наст. имя – Иосиф Виссарионович Джугашвили, 1879–1953), российский революционер, генеральный секретарь ЦК КПСС (1922–1953) *337, 369, 376, 378, 397, 419, 420, 421, 423*
Стефан II († 757), папа Римский (752–757) *16, 23*
Сулейман II (Великолепный или Законодатель, Кануни, род. в 1494), турецкий султан (1520–1566) *139, 209*

Танкмар, граф († 938), сводный брат Оттона I *32, 38*
Танкред, граф Лечче (род. в 1130/1134), король Сицилии (1190–1194) *64*
Текей Имре (Эмерих), граф (1656–1705), борец за свободу Венгрии *210*
Тетцель Иоганн (1465–1519), доминиканец, проповедник индульгенций *135*
Тилли Иоганн, граф (1559–1632), полководец *172, 173*
Тодт Фриц (1891–1942), нацистский политический деятель, министр вооружения и боеприпасов (1940–1942) *385*
Томазий Христиан (1655–1728), правовед, философ в университете Галле *220*
Троцкий (наст. имя: Лев Давидович Бронштейн, 1879–1940), теоретик коммунизма, публицист, российский революционер, организатор советской армии *337*
Трумэн Гарри С. (1884–1972), президент США (1945–1953) *409, 413*
Трухзес фон Вальдбург, Гебхардт (1547–1601), архиепископ и курфюрст Кёльнский *157*
Тугут Франц де Паула, барон (1736–1818), австрийский государственный деятель, интернунций при Оттоманской Порте (1771) *251*

Ульбрихт Вальтер (1893–1973), генеральный / Первый секретарь СЕПГ (1950–1971), председатель Государственного совета (1960–1973) *424, 428, 433, 441, 442, 443, 463*
Урбан II (род. ок. 1035), папа Римский (1089–1099) *45, 50*
Урбан VI (род. ок. 1318), папа Римский *95*

Феофано (ок. 955–991), императрица (с 972) *32, 42*
Фердинанд I (род. в 1503), король (1531–1564), император (1556–1564) *130, 138, 143, 155, 157, 160, 174*
Фердинанд II (род. в 1578), император (1619–1637) *164, 165, 166, 168, 169, 170, 173, 174, 176*
Фердинанд II Арагонский (род. в 1452), король Испании (1479–1516) *139*
Фердинанд III (род. в 1608), король (1636–1657), император (1637–1657) *165*
Фехтер Петер (1944–1962), строитель, убит при попытке бежать в ФРГ, перепрыгнув Берлинскую стену при помощи шеста *432*
Филипп II (род. в 1527), король Испании (1556–1598) *160*
Филипп II Август (род. в 1165), король Франции (1180–1223) *53, 67*
Филипп IV (Красивый, род. в 1268), король Франции (1285–1314) *83, 88, 89*
Филипп IV (род. в 1605), король Испании (1621–1665) *203*
Филипп V (род. в 1683), король Испании (1701–1746), герцог Анжуйский, сын французского дофина Людовика *208*
Филипп Бургундский (Красивый, 1478–1506), эрцгерцог Австрийский, супруг Хуаны Безумной *112, 139*
Филипп Швабский (предположительно род. в 1176/1177), король (1198–1208) *53, 66*
Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814), философ *255*
Фишер Йозеф (Йошка) Мартин (род. в 1948), политик, лидер партии «Зеленых», вице-премьер и министр экологии и энергетики в Гессене (1991–1994), министр иностранных дел и вице-канцлер Германии (1998–2005) *483, 497*
Фогель Бернхард (род. в 1932), политик, член ХДС, премьер-министр Рейнланд-Пфальца (1976–1988) и Тюрингии (1992–2003) *486*
Фош Фердинанд (1851–1929), французский маршал, верховный главнокомандующий Антанты (1918–1920) *338*
Франк Людвиг (1874–1914), социал-демократ, лидер молодежной политики *324*

Франке Август Герман (1663–1727), евангелический теолог, основатель учебно-воспитательных заведений в Галле *212, 223, 228*

Франц I (герцог Лотарингии и великий герцог Тосканы - Франц-Стефан, 1708–1765), император (1745-1765) *235, 240*

Франц II (1768–1835), император (1792–1806), император Австрии (под именем Франца I, 1804–1835) *6, 235, 252*

Франциск I (род. в 1494), король Франции (1515-1547) *129, 130, 137, 139, 143, 149, 176*

Франц-Фердинанд (1863–1914), эрцгерцог, наследник австро-венгерского престола *300, 336*

Фрейслер Роланд (1893–1945), председатель Народного суда (1942–1945) *383*

Фрейтаг Густав (1788–1861), писатель, историк искусства *306*

Фридрих (III) (Красивый, род. в 1298), герцог Австрийский, король (1314–1330) *84, 90*

Фридрих I (род. в 1657), курфюрст Бранденбургский (Фридрих III, 1688–1701), король Пруссии (1701–1713) *201*

Фридрих I Барбаросса (род. ок. 1122), король (1152–1190), император (1155–1190) *52, 53, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 66*

Фридрих I Гогенштауфен (род ок. 1050), герцог Швабский (1079–1105) *52, 54*

Фридрих II (Великий, род. в 1712), король Пруссии (1740–1786) *219, 235, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245*

Фридрих II (род. в 1194), король (1212–1250), император (1220–1250), король Сицилии (с 1198), король Иерусалима (с 1225) *53, 55, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 95*

Фридрих II Гогенштауфен (род. в 1090), герцог Швабский (1105–1147) *52, 54*

Фридрих III (1618–1698), граф фон Вид *225*

Фридрих III (Мудрый, род. в 1463), курфюрст Саксонии (1486–1525) *135, 136, 139, 142*

Фридрих III (род. в 1415), король (1440–1493), император (1452–1493) *92, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 123*

Фридрих III (род. в 1831), король Пруссии и император Германии (1888) *299*

Фридрих V Пфальцский (т. н. «зимний король», род. в 1596), курфюрст (1610–1623), король Чехии (1610/1620) *165, 170, 171, 172*

Фридрих Вильгельм (Великий курфюрст, род. в 1620), курфюрст Бранденбургский (1640–1688) *185*

Фридрих Вильгельм I (род. в 1688), король Пруссии (1713–1740) *198, 201, 220, 228, 237, 243*
Фридрих Вильгельм II (род. в 1744), король Пруссии (1786–1797) *250*
Фридрих Вильгельм III (род. в 1770), король Пруссии (1797–1840) *252, 263, 267*
Фридрих Вильгельм IV (род. в 1795), король Пруссии (1840–1861) *263, 277, 280, 285*
Фрик Вильгельм (1877–1946), нацистский политический деятель, министр внутренних дел (1933–1943) *357*
Фрич Вернер, барон (1880–1939), главнокомандующий сухопутными силами Германии (1935–1938) *358, 366*
Фуггер Якоб II (Богач, 1459–1525), аугсбургский банкир *138*
Фулбрайт Джеймс Уильям (1905–1995), американский сенатор *427*

Хабермас Юрген (род. в 1929), философ *494*
Хавеманн Роберт (1910–1982), химик *466*
Хайн Кристоф (род. в 1944), писатель *464*
Хальштейн Вальтер (1901–1982), госсекретарь по иностранным делам (1950–1958), председатель комиссии ЕЭС (1958–1967) *441*
Гаркорт Фридрих (1793–1880), промышленник и социальный реформатор *272*
Хартц Петер (род. в 1941), до 2005 возглавлял отдел персонала в концерне VW, руководитель комиссии по реформированию рынка труда, которая впоследствии была названа по его имени *510*
Хейм Штефан (род. в 1913), писатель *463*
Херцог Роман (род. в 1934), политик, член партии ХДС, президент Германии (1994–1999) *483*
Хлодвиг I (466/467), король франков (482–511) *16, 22*
Хлотарь I (род. ок. 498/508), король франков (558–561) *16, 22*
Хойс Теодор (1884–1963), политик, член СвДП, президент ФРГ (1949–1959) *8*
Хонеккер Маргот (род. в 1927), министр народного образования в ГДР (1963–1989) *451*
Хонеккер Эрих (1912–1994), Первый секретарь СЕПГ (1971–1989), генеральный секретарь и председатель Государственного совета (1976–1989) *433, 443, 444, 458, 462, 466, 467, 468, 469, 471, 473*
Хоссбах Фридрих (1894–1980), адъютант Гитлера (1934–1938) *358*

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), генсек ЦК КПСС (1953–1964), глава Советского Союза (1958–1964) *410, 427, 441*

Хуан Испанский (Арагонский), дон (1478–1496), испанский инфант *112*

Хуана (Безумная, род. в 1479), королева Арагона и Кастилии (1504–1555), супруга Филиппа I (Красивого) *112, 139*

Цвингли Ульрих (1484–1531), швейцарский реформатор *129, 144*

Целларий Христофор (1638–1707), профессор элоквенции и истории в Галле (1693) *14, 214*

Цельтис Конрад (наст. имя: Пиккель, 1459–1508), гуманист и поэт, писавший на латинском языке *117*

Цеткин Клара (1857–1933), политик, социал-демократ, коммунист, борец за права женщин *321*

Чемберлен Артур Невиль (1869–1940), премьер-министр Великобритании (1937–1940) *368*

Черненко Константин Устинович (1911–1985), глава Советского Союза *468*

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955) *376, 379, 397*

Шарнгорст Герхард Иоганн Давид (1755–1813), прусский генерал *254*

Шеель Вальтер (род. в 1919), политик, член СвДП, министр иностранных дел ФРГ (1969–1974), президент ФРГ (1974–1979) *417*

Шейдеманн Филипп (1865–1939), политик, член СДПГ, премьер-министр (1919) *335, 342, 345*

Шёнгерр Альбрехт (род. в 1911), евангелический епископ в ГДР *458, 467*

Шили Отто (род. в 1932), один из основателей партии «зеленых», с 1989 г. член СДПГ, министр внутренних дел (1998–2005) *499*

Шиллер Фридрих (1759–1805), поэт *6*

Шлейхер Курт (1882–1934), генерал, рейхсканцлер (1932/1933) *356, 362*

Шлиффен Альфред, граф (1833–1913), начальник генерального штаба (1891–1905) *334, 336*

Шмидт Гельмут (род. в 1918), политик, член СДПГ, бундесканцлер (1974–1982) *433, 466, 467, 503*

Шмит Карл (1888–1985), консерватор, теоретик государственного права, публицист *363*
Шойбле Вольфганг (род. в 1942), политик, член ХДС, министр внутренних дел (1989–1991, с 2005) *468*
Шпеер Альберт (1905–1981), архитектор, нацистский политический деятель, министр вооружений и боеприпасов (1942–1945) *385*
Шпенер Филипп Якоб (1635–1705), евангелический теолог *212, 227*
Шпрангер Эдуард (1882–1963), философ, педагог *355*
Шредер Герхард (род. в 1944), политик, глава СДПГ, премьер-министр Нижней Саксонии (1990–1998), бундесканцлер (1998–2005) *483, 484, 494, 497, 502, 510*
Штауффенберг Клаус Шенк, граф (1907–1944), офицер, участник антифашистского сопротивления *376, 388*
Штейн Карл, имперский барон (1757–1831), прусский министр и реформатор *235, 253, 254, 263, 274, 283*
Штольпе Манфред (род. в 1936), политик, член СДПГ, премьер-министр Бранденбурга (1990–2002), министр транспорта, строительства и жилищного хозяйства ФРГ (2002–2005) *486*
Штоф Вилли (1914–1993), председатель Совета министров ГДР (1976–1989) *432, 433, 436, 466*
Штрассер Грегор (1892–1934), нацистский политический деятель *355*
Штраус Франц Йозеф (1915–1988), политик, член ХСС, премьер-министр Баварии *467*
Штреземан Густав (1878–1929), политик, консерватор, рейхсканцлер, министр иностранных дел (1923–1929) *353*
Штрейхер Юлиус (1885–1946), нацистский политический деятель, гауляйтер Франконии *371, 372*
Шумахер Курт (1895–1952), председатель СДПГ (1946–1952) *418*

Эберт Фридрих (1871–1925), политик, член СДПГ, президент Германии (1919–1925) *335, 341, 342, 343, 345, 356*
Эдельман Иоганн Кристиан (1698–1767), религиозный писатель и философ *218*
Экк Иоганн (1486–1543), теолог, оппонент Лютера *135, 137*
Энгельс Фридрих (1820–1895), теоретик коммунизма, публицист *264, 275*
Эразм Роттердамский (ок. 1466–1536), гуманист *118*
Эрнст-Август (1771–1851), король Ганновера (1837–1851) *263*

Эрхард Людвиг (1897–1977), политик, член ХДС, министр экономики (1949–1963), бундесканцлер (1963–1966) *425*

Эрцбергер Матиас (1875–1921), политик, член партии Центра, **министр финансов** (1919/1920) *335, 338, 345, 348, 351*

Якоб Каэтано (1469–1534), теолог, папский легат на Аугсбургском **рейхстаге** *129, 136*

Янг Оуэн Д. (1874–1962), американский финансист *343*

Янсений (Jansen) **Корнелий** (1585–**1638**), **католический** теолог, **профессор** в Лувенском **университете** (1619), епископ Ипрский (1636) *226*

Указатель географических названий

Авиньон *84, 90, 95*
Амьен *335, 337, 338*
Аугсбург *29, 31, 77, 81, 114, 117, 124, 130, 151*
Аустерлиц *252*
Аушвиц (Освенцим) *375, 495*
Ауэрштедт *235, 252*
Ахен *34, 50, 62, 99, 142, 376*

Бад-Годесберг *417*
Баден *187, 201, 209, 248, 251, 252, 267*
Базель *82, 100, 250*
Безансон *52, 63*
Бамберг *66*
Беневент *70, 83*
Берлин *11, 187, 212, 263, 264, 277, 299, 300, 335, 342, 346, 353, 358, 368, 371, 376, 381, 399, 404, 409, 410, 412, 415, 416, 421, 426, 427, 428, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 442, 443, 468, 469, 481, 483, 486, 491, 495, 502, 512*
Болонья *156*
Бонн *409, 433, 435, 436, 441, 442, 467, 468, 481, 502, 512*
Бремен *111, 185, 190, 221*
Брест-Литовск *335, 337*
Брюгге *30, 77, 92, 102, 104*
Брюссель *11, 422, 508, 514*
Бувин *53, 67*
Бургундия *16, 17, 22, 35, 44, 45, 46, 56, 57, 59, 77, 103, 139*

Варшава *472*
Веймар *342*

Вена *53, 65, 82, 101, 103, 112, 117, 169, 170, 172, 174, 191, 198, 199, 201, 210, 211, 212, 240, 252, 256, 264, 266*
Венеция *52, 63, 114, 267*
Верден *190, 334, 337*
Версаль *198, 199, 211, 285, 342*
Вестфалия *58*
Виши *375*
Вормс *48, 87, 104, 124, 142, 143, 150, 205*
Восточная Пруссия *337, 346, 401*

Гагенау *62, 150*
Галле *212, 214, 220, 223, 228*
Галлия *22*
Гамбург *111, 114, 185, 222, 323, 402*
Гарцбург *67*
Гейдельберг *82, 205*
Гельгаузен *62*
Гёльгейм *83, 87*
Геттинген *212, 221*
Гота *262, 292, 299*
Градец-Кралове *285, 297*
Грансон *92, 102*
Губертусбург *242*

Дахау *383*
Дорестад *21*
Дюрнкрут *83, 87*

Егерндорф *238*

Иерусалим *53, 64, 70*
Йена *235, 252, 491*

Калаврита *385*
Каленберг *201, 211*
Каносса *49*
Каринтия *46*
Касабланка *376*
Квентовик *20, 21*
Кёльн *21, 28, 29, 77, 82, 85, 114, 124, 159, 204, 263, 276, 357, 404*
Киль *335, 341*

Кольмар *16*
Компьен *335*
Каносс *45*
Константинополь *162*
Констанц *36, 52, 62, 63, 67, 91, 97*
Крейзау *376, 388*

Левант *77*
Левице *210*
Лейпциг *82, 114, 136, 255, 266, 436, 469, 473, 491*
Ленинград *379*
Леньяно *52, 63*
Лепанто *209*
Лех, р. *39*
Лидице *385*
Локарно *353*
Лондон *221, 275*
Лотарингия *31, 32, 35, 36, 38, 39, 46, 204, 285, 302*
Любек *29, 69, 77, 114, 185*
Люнеберг *30*
Люневилль *251*
Лютцен *165*

Магдебург *159*
Майнц *21, 36, 53, 69, 82, 85, 249*
Мекленбург *57, 186, 399, 403*
Милан *49, 52, 63*
Моргартен *90*
Москва *10, 375, 379, 409, 410, 467, 468, 469*
Муртен *92, 102*
Мюльберг *130*
Мюльдорф на р. Инн *84, 90*
Мюнстер *130, 153, 154, 165, 175, 178, 190, 200, 204*
Мюнхен *90, 170, 199, 341, 342, 351*

Нагасаки *381*
Нанси *92, 102*
Неаполь *53, 64, 70, 119*
Нейстрия *17, 22*
Нимвеген *201, 204*
Нью-Йорк *483*
Нюрнберг *29, 31, 54, 81, 92, 94, 95, 99, 114, 117, 130, 150*

Ольденбург *57*
Орадур *385*
Оснабрюк *165, 175, 178, 190, 194, 200*
Остенде *337*
Оффенбург *211*

Палермо *53, 65*
Париж *31, 235, 252, 256, 266, 275, 299, 336, 372*
Пассау *130*
Перл-Харбор *375, 378*
Польша *10, 32, 43, 44, 94, 97, 116, 206, 237, 242, 266, 357, 358, 368, 369, 373, 375, 378, 398, 401, 413, 415, 423, 437, 467, 470, 471, 500*
Померания *178, 186, 190, 237, 401, 403*
Потсдам *357, 361*
Прага *82, 84, 89, 91, 94, 169, 171, 240, 368, 415, 436, 472*
Прованс *16*
Пуатье *16, 23*

Рапалло *353*
Раштатт *201, 209, 251*
Ратценбург *57*
Регенсбург *114, 130, 150, 185, 192, 250*
Реймс *376, 381*
Рейнская область *28, 88*
Рейхенгаль *30*
Речь Посполитая см. Польша
Риаде *32, 38*
Рисвик *206*
Рим *16, 32, 34, 39, 42, 43, 45, 47, 52, 62, 64, 67, 77, 84, 91, 92, 95, 100, 127, 128, 130, 135, 136, 139, 140, 143, 150, 155, 156, 292, 342, 358, 368*
Ронкали *52, 63*
Рурский район *285, 506*

Саар *365, 401*
Сан-Дени *23*
Сан-Джермано *53*
Санкт-Галлен *20*
Санкт-Петербург *335*
Сан-Франциско *397*
Сараево *300*

Седан *285, 301, 319*
Сент-Готард *210*
Ситваторог *210*
Сполето *49*
Сталинград *376, 377*
Страсбург *11, 31, 114, 152, 159, 201, 205, 422*
Стреза *358, 365*

Танненберг *334, 337*
Тегеран *376*
Токио *368*
Торгау *376, 381*
Тридент *155, 156*
Трир *21, 85, 92, 102*
Тюбинген *82*
Тюрингия *22, 59, 83, 87, 144, 145, 186, 346, 399*

Ульм *54*
Утрехт *201, 209*

Фленсбург *376*
Франкония *36, 39, 46, 56, 145, 186*
Франкфурт-на-Майне *7, 77, 227, 264, 467, 483, 500*

Хедебю *21*
Хелмно *380*
Хельсинки *398, 433, 435, 439*
Хиросима *381*

Швабия *28, 36, 37, 46*
Шпейер *54, 130, 137, 150, 185, 192, 193, 205*
Штирия *58, 87, 168*

Эгерланд *59*
Эйзенах *263*
Эль-Аламейн *380*
Эльзас *28, 35, 36, 165, 178, 186, 187, 190, 201, 205, 206, 285, 302*
Эрфурт *82, 432*

Ялта *399*

СОДЕРЖАНИЕ

Ульрих Херманн.
Введение. Что такое «история Германии»? 5

Ульф Дирльмайер. Раннее и Высокое Средневековье (VI–XIII вв.) 14

Ульф Дирльмайер. Позднее Средневековье (середина XIII—конец XV в.) 75

Эрнст Хинрихс. От Реформации до Вестфальского мира (конец XV в.–1648 г.) 109

Мартин Лютер. Карл V и империя 137

Андреас Гестрих. От Вестфальского мира до Венского конгресса (1648–1814 гг.) 182

Юрген Ройлеке. От Венского конгресса до начала Первой мировой войны (1814–1914 гг.) 260

Юрген Ройлеке. Эпоха мировых войн (1914–1945 гг.) ... 332

Кристоф Клесманн. Раздел и объединение Германии (1945–1990 гг.) 396

Конрад Х. Яраущ. Первые годы Берлинской республики (1990–2005 гг.) 479

Именной указатель 517

Указатель географических названий 538